

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

Oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

 一
 二
 三
 四
 五
 六
 七
 八
 九
 十
 十一
 十二
 十三
 十四
 十五
 十六
 十七
 十八
 十九
 二十

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2024. Т. 17. № 4

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦC77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн: *Д. В. Татнинов*

Компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*

Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the
RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar,
Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*

Translator: *S. Dzhaqrunov*

Design: *Dz. Tatminov*

Page layout: *A. Kogdanov*

Executive Secretary: *S. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Амбарцумян К. Р., Малхасян М. А., Балаян В. Р.</i> «Никакие дипломатические переговоры и настояния перед Османской Портой благоприятного результата иметь не будут...»: Кавказ в системе российско-турецких отношений в конце XIX – начале XX вв.	704
	<i>Птицын А. Н., Гранкин Ю. Ю., Ермаков В. П.</i> Венгерская экспедиция графа Е. Зичи на Кавказ и в Среднюю Азию в 1895 г.	720
	<i>Бодян Д. Г., Литвинова Т. Н.</i> Турецкий фактор в уйгурском вопросе Китая	734
Отечественная история	<i>Батмаев М. М.</i> Торговые связи калмыков в XVIII в.	750
	<i>Плеханова А. М., Ширанов А. А., Доржиев Н.-Ж. Б.</i> От предмета контрабанды к инструменту пропаганды: из истории обращения денежных знаков Российской империи на внутреннем рынке Монголии в XIX – начале XX вв.	759
	<i>Агеева В. А., Жбанникова М. И., Трапш Н. А.</i> Донские оstarбайтеры Третьего рейха с тюркской идентичностью: некоторые результаты эвристической реконструкции	770
Источниковедение	<i>Бабенко В. А., Колесникова М. Е.</i> Область Бишдаг по данным письменных и археологических источников	782
	<i>Атыгаев Н. А., Ильясова З. С.</i> Путешествие одного калмацкого купца через Казахстан в XVII в.	797
	<i>Манджигова Л. Б.</i> Документы Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (1848–1867) как исторический источник по изучению организации деятельности государственного управления Калмыкии во второй половине XIX в.	807
	<i>Баянова А. Т.</i> Курсовые работы студентов Казанской духовной академии как источник изучения буддизма (по материалам Государственного архива Республики Татарстан). Часть 2	822
Этнология и антропология	<i>Джагрунов С. В., Булуктаев А. А.</i> Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 1: дербеты	835
	<i>Ковалев В. В., Дятлов А. В.</i> Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления (на примере вузов юга России)	849
	<i>Биткеева А. Н., Исаков А. В.</i> Дискурсы конструирования исторической памяти о местнорусских в Монголии	870
Языкознание	<i>Муратова Р. Т., Вильданов И. Р.</i> Названия молочных продуктов у народов Урало-Поволжья (лингвогеографический Инференция и способы доступа к информации (на материале татарского языка) ..	883
	<i>Мазарчук А. В.</i> Монгольская лексика музыки и театра: наименования струнных музыкальных инструментов	902
Фольклористика	<i>Манджиева Б. Б.</i> Конструктивные элементы «тууль-улигера» в ойратском эпосе «Бум-Эрдени»	913

CONTENTS

General History	<i>Ambartsumyan K. R., Malkhasyan M. A., Balayan V. R.</i> ‘No Diplomatic Negotiations or Insistence before the Ottoman Porte to Have Any Favorable Result...’: The Caucasus in Russian-Turkish Relations, Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries	704
	<i>Ptitsyn A. N., Grankin Yu. Yu., Ermakov V. P.</i> The 1895 Hungarian Expedition of Count J. Zichy to the Caucasus and Central Asia	720
	<i>Bdoyan D. G., Litvinova T. N.</i> The Turkish Factor in China’s Uyghur Question	734
National History	<i>Batmaev M. M.</i> Eighteenth-Century Trade Ties of Kalmyks	750
	<i>Plekhanova A. M., Shirapov A. A., Dorzhiev N.-Zh. B.</i> From a Smuggling Item to a Propaganda Tool: Historical Insights into the Circulation of Russian Imperial Currency in Mongolia, Nineteenth to Early Twentieth Centuries	759
	<i>Ageeva V. A., Zhbannikova M. I., Trapsh N. A.</i> Don Ostarbeiters with Turkic Identity: Some Outcomes of Heuristic Reconstructions. . .	770
Sources Studies	<i>Babenko V. A., Kolesnikova M. Ye.</i> Bishdag Area according to Written and Archeological Sources	782
	<i>Atygayev N. A., Ilyassova Z. S.</i> The Journey of a Kalmyk/Qalmaq Merchant through Seventeenth-Century Kazakhstan	797
	<i>Mandzhikova L. B.</i> Investigating Kalmykia’s Governance Arrangements, Mid-to-Late Nineteenth Century: Documents of Horde [Affairs] Department at Astrakhan Chamber of State Property (1848–1867) as a Historical Source	807
	<i>Bayanova A. T.</i> Term Papers by Students of Kazan Theological Academy as a Buddhist Learning Source: Analyzing Materials from the State Archive of Tatarstan. Part 2	822
	<i>Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A.</i> Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing Origins of the Tsoros (With Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 1: The Dorbet	835
Ethnology & Anthropology	<i>Kovalev V. V., Dyatlov A. V.</i> Professional Culture of Lecturers in the Face of Managerialism: The Case of South Russian Universities	849
	<i>Bitkeeva A. N., Isakov A. V.</i> Russian Diaspora in Mongolia: Discourses of Historical Memory Construction	870
Linguistics	<i>Muratova R. T., Vildanov I. R.</i> Dairy Terms in Languages of the Ural-Volga Region: A Linguistic Geographical Aspect	883
	<i>Mazarchuk A. V.</i> Mongolian Music and Theatre Vocabulary: Terms for String Instruments	902
Folklore Studies	<i>Mandzhieva B. B.</i> The Oirat Epic of Bum-Erdeni: Structural Elements of a ‘ <i>Tuul-Uliger</i> ’	913

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 704–719, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470):(479)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-704-719

«Никакие дипломатические переговоры и настояния перед Оттоманскою Портой благоприятного результата иметь не будут...»: Кавказ системе российско-турецких отношений в конце XIX – начале XX в.

Каринэ Размиковна Амбарцумян¹, Микаэл Арменович Малхасян², Ваграм Размикович
 Балаян³

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355029 Ставрополь, Рос-
 сийская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент
 0000-0002-9397-6197. E-mail: [karina-best21\[at\]mail.ru](mailto:karina-best21[at]mail.ru)

² Ереванский государственный университет (1, ул. Алека Манукяна, 0025, Ереван, Республика
 Армения)

кандидат исторических наук, доцент
 0009-0008-1733-2526. E-mail: [mmalkhasyan\[at\]ysu.am](mailto:mmalkhasyan[at]ysu.am)

³ Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (24г, пр. маршала Ба-
 грамяна, 0019, Ереван, Республика Армения)

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник
 0009-0002-5696-9411. E-mail: [vahrambalayan\[at\]mail.ru](mailto:vahrambalayan[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Амбарцумян К. Р., Малхасян М. А., Балаян В. Р., 2024

Аннотация. *Введение.* Кавказ как повестка российско-турецких отношений в указанный пе-
 риод оказался под влиянием не только традиционной логики геополитического соперничества
 двух держав, но и тектонических сдвигов в системе международных отношений. Приближа-
 лась мировая война, что не могло не сказаться на региональной политике держав. Кавказ осо-
 бенно был чувствителен к геополитике. В конце XIX – начале XX в. произошла эволюция
 внешнеполитического измерения Кавказа, так как вместо более или менее очевидного проти-
 востояния возобладало сложное взаимодействие держав, не исключавшее соперничества, при
 этом предполагавшее и элементы конструктивного взаимодействия. *Материалы и методы.*
 Исследование построено на принципе междисциплинарности, который позволил органично
 соединить методы исторического исследования и подходы к изучению международных отно-
 шений. Источниковая база представлена документами Архива внешней политики Российской
 империи, Российского государственного военно-исторического архива и Государственного ар-
 хива Российской Федерации. *Результаты.* Одним из аспектов российско-турецкого взаимодей-
 ствия были миграции мусульман как Северного Кавказа, так и Закавказья. Общая религиозная
 общность, которая у ряда кавказских народов усиливалась еще и тюркской принадлежностью.

Исторические источники подтверждают активную работу эмиссаров из Турции среди местного населения, а также существование группы кавказцев, живших на две империи. Кавказский контекст трансформации армянского вопроса в российско-турецких отношениях. Кавказское пограничье стало пристанищем армянского населения, спасавшегося от систематического насилия в Османской империи. Компактное проживание армянского населения по обе стороны российско-турецкой границы делало для российских чиновников в Петербурге и особенно на Кавказе проблему реформирования армянских вилайетов в Турции актуальной. *Выводы.* По итогам сделан *вывод*, что накануне войны Кавказ, несмотря на то, что был частью российско-го государства, стал контактной зоной российско-турецких отношений, которые по-прежнему подразумевали скрытое геополитическое соперничество.

Ключевые слова: Кавказ, панисламизм, армянский вопрос, геополитическое соперничество, Российская империя, Османская империя

Для цитирования: Амбарцумян К. Р., Малхасян М. А., Балаян В. Р. «Никакие дипломатические переговоры и настояния перед Османской Портой благоприятного результата иметь не будут...»: Кавказ в системе российско-турецких отношений в конце XIX – начале XX в. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 704–719. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-704-719

‘No Diplomatic Negotiations or Insistence before the Ottoman Porte to Have Any Favorable Result...’: The Caucasus in Russian-Turkish Relations, Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries

Karine R. Ambartsumyan¹, Mikayel A. Malkhasyan², Vahram R. Balayan³

¹ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-9397-6197. E-mail: karina-best21[at]mail.ru

² Yerevan State University (1, Alex Manoogian St., 0025 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0009-0008-1733-2526. E-mail: mmalkhasyan[at]ysu.am

³ Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24g, Marshall Baghramian Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor, Senior Research Associate

 0009-0002-5696-9411. E-mail: vahrambalayan[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Ambartsumyan K. R., Malkhasyan M. A., Balayan V. R., 2024

Abstract. Introduction. Being a key point on the Russian-Turkish agenda during the period in question, the Caucasus was influenced not only by the traditional logic of geopolitical rivalry between the two powers but also by somewhat tectonic shifts in the system of international relations. The world was anticipating a global war, and this did affect regional policies of the powers too. Moreover, the Caucasus was (and still is) particularly sensitive to geopolitical issues in general. So, the late nineteenth and early twentieth centuries witnessed an evolution in the foreign policy dimension across the Caucasus, since the more or less obvious confrontation was then replaced by complicated interactions between the powers, the latter never to exclude rivalry but would involve elements of constructive relationship as well. *Materials and methods.* The study is essentially interdisciplinary, which makes it possible to organically combine methods of historical research and some approaches to the study of international relations. The key sources are documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Archive of Russian State Military History, and State Archive of the Russian Federation. *Results.* One of the aspects of Russian-Turkish interaction was the migration of Muslims from both the North Caucasus and Transcaucasia: for a number of indigenous peoples religious commonness was reinforced by their Turkic roots. Historical sources confirm Turkey's emissaries would launch active campaigns among local populations, while a group of Caucasians were actually residing in the two empires. So, the Caucasian borderland became a haven for ethnic Armenians seeking salvation from systematic violence in the Ottoman Empire. The compact Armenian-inhabited areas on both

sides of the Russia-Turkey border made the problem of reforming Turkey's Armenian wilayahs particularly urgent for Russian officials in St Petersburg and especially in the Caucasus. *Conclusions.* The work resumes on the eve of the war the Caucasus — despite being part of the Russian state — became a Russia-Turkey contact zone, which still implied hidden geopolitical rivalry.

Keywords: Caucasus, pan-Islamism, Armenian question, geopolitical rivalry, Russian Empire, Ottoman Empire

For citation: Ambartsumyan K. R. 'No Diplomatic Negotiations or Insistence before the Ottoman Porte to Have Any Favorable Result...': The Caucasus in Russian-Turkish Relations, Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 704–719. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-704-719

1. Введение

Конец XIX – начало XX в. стал периодом разрушения старых принципов международных отношений, что неизбежно вело к Первой мировой войне. Процесс сползания до уровня открытого военного противостояния не был линейным, и нельзя утверждать, что все участники событий ставили задачей решить накопившийся комплекс противоречий через войну. Россия и Османская империя, имея значительный опыт борьбы как в регионе Балкан, так и на Кавказе, оказались в противоположных военно-политических лагерях, хотя стремились к конфликту в наименьшей степени из всех крупных участников Первой мировой войны. Логика российско-турецкого геополитического соперничества предполагала периодическую эскалацию, но при стечении определенных обстоятельств. Кроме ряда болезненных в российско-турецких отношениях вопросов (проблема проливов, положение немусульманских народов в Турции, ситуация на Балканах), существовал чувствительный к геополитике регион — Кавказ — южная окраина Российской империи, граничившая с Турцией.

В современной исторической науке регион в период после завершения Кавказской войны рассматривается как часть российско-го имперского пространства (см. например: [Урушадзе 2015: 144–157; Гранкин 2018: 37–42; Коробейникова 2018: 98–103]). Даже после включения Кавказа в состав российской государственности, международное значение он не утратил, речь идет, скорее, о смещении фокуса внимания держав и изменения характера активности главных ин-

тересантов международных отношений в регионе в конце XIX – начале XX в. Кавказ в силу своего уникального местоположения был и продолжает оставаться перекрестком цивилизаций [Тимошенко-Оздемир 2009: 23]. В советской историографии международное измерение Кавказ исследовалось, однако в составе обширного «восточного вопроса». Следует отметить особый вклад историка Н. С. Киняпиной (см. например: [Восточный вопрос 1978: 434]). С этих же позиций был проанализирован «армянский вопрос», который связывал кавказскую политику России с ближневосточной. Вехой в развитии историографии «восточного вопроса» стала монография «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.» [Киняпина и др. 1984: 328]. Ученик Н. С. Киняпиной, В. В. Дегоев, обозначил кавказское направление как «своеобразную часть восточного вопроса» [Дегоев 1992: 311]. В данной статье предпринимается попытка привлечь новые архивные источники и на их основе целостно исследовать Большой Кавказ как единое геополитическое пространство Северной и Южной частей, а также под новым углом рассмотреть его в контексте российско-турецких отношений.

В. В. Дегоев возрастные геополитического значения Кавказа отмечает на рубеже XIX–XX вв., когда нефтяные ресурсы превратили его в зону экономического соперничества держав [Дегоев 2003: 336]. В 1880-е гг. отмечен повышенный интерес иностранного капитала, который устремился занимать пока свободную нишу и осваивать природные ресурсы. В записке

Главнoначальствующего гражданского чaстью на Кавкaзе А. М. Дондукова-Корсакова следующим образом охарактеризовано промышленное развитие подведомственного ему края: «При ближайшем ознакомлении с промышленной деятельностью на Кавказе обращает на себя особенное внимание то обстоятельство, что окраина эта посещается ежегодно массой иностранцев, принимающихся за то или другое предприятие. Не говоря о нефтяном деле, в котором живейшее участие принимают все европейские национальности, иностранцы прямо или косвенно заинтересованы во всех наиболее выдающихся отраслях кавказской промышленности, как например медеплавильное дело (немцы), серебро-свинцовое, серное (французы), производство лакрицы (греки и англичане), рисовое (англичане), поташное и кирпичное (шведы) и проч. Хотя большинство этих предпринимателей перерабатывает свои произведения на месте, но, за всем тем, нельзя не пожалеть, что русские капиталисты еще не вполне доверяют Кавказу и неохотно переносят свою деятельность» [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 459. Л. 151].

С точки зрения государственной безопасности «замиренный Кавказ» вызывал тревогу и недоверие в Петербурге, поэтому такая активная международная жизнь имперской окраины воспринималась властями с опаской. С одной стороны, иностранцы приводили деньги и технологии, необходимые для экономики, с другой — возникали опасения дестабилизации хрупкого мира. Даже в 1899 г. у российских министерства иностранных дел и военного министерства были сомнения относительно того, стоит ли допускать англичан к добыче нефти в Темир-Хан-Шуринском округе Дагестанской области [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 499. Л. 2]. Горское население Дагестана не смирилось полностью с установлением российской власти, и поэтому его особенно охраняли от иностранного влияния. Более того, когда в 1899 г. Великобритания сделала запрос о распространении полномочий английского консула в Батуме и на Дагестан, российский МИД настаивал, что иностранцев можно допускать, но

не повсеместно: «Последняя война России с Турцией казалось бы показала, как легко население Дагестана может поддаваться враждебному нам влиянию. В то время как население Закавказских губерний оставалось более или менее спокойным, горцы Дагестанской области не могли устоять против внушения неприятельскими эмиссарами, как только началась война, произошли серьезные беспорядки» [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 499. Л. 7–7об.].

Однако к началу XX в. нефтяные промыслы появляются вблизи Темир-Хан-Шуры, а в Дагестан устремились представители «Англо-петровского нефтяного общества», «Англо-русского нефтяного общества», «Челекено-дагестанской нефтяной компании» (которая до 1913 г. была сугубо российской), «Товарищество братьев Нобель» [Рамазанова 2021: 49].

Для опасений относительно стабильности Кавказа, как Южного, так и Северного, и сомнений в окончательности «замирения», были вполне реальные основания. Кавказ несколько веков был ареной международного соперничества, при этом российско-турецкое противостояние осложнялось фактором вмешательства европейской политики, главным образом, английской. Российская исследовательница В. В. Цибенко комплекс усилий Великобритании во второй половине XIX в. в регионе определяет как «попытки искусственной субъективизации Северного Кавказа», т. е. навязывания ему статуса акторности в международных отношениях. Великобритания стала инициатором конструирования черкесского национального проекта как части более обширного восточного вопроса. Османская империя, где аккумулировалось северокавказское население и формировалась диаспора, не имела последовательной позиции и не была заинтересована в обособлении Северного Кавказа. Однако подход Порты мог меняться в зависимости от характера российско-турецких на разных этапах [Цибенко 2022: 201].

В рамках данной статьи ставится целью выявить особенности кавказской политики как с российской стороны, так и с османской. Указанный в заголовке период связан с изменением международной обстановки,

формированием военно-политических блоков и внутривосточными кризисами в самих России и Турции. Кавказский регион, который по историческим меркам совсем недавно стал частью России и имел стратегическое приграничное положение в пределах империи, был фактически индикатором приближающегося конфликта. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. до 1914 г., когда началась Первая мировая война.

2. Материалы и методы

Главным подходом в исследовании стала междисциплинарность, с помощью которой удалось соединить методы исторического исследования и методы изучения международных отношений. С помощью историко-генетического метода была прослежена эволюция российско-турецких отношений в связи с различными аспектами кавказской повестки вплоть до начала Первой мировой войны. Отчасти историческая имагология стала основой для понимания Кавказа как пространства многообразия этносов и культур, которые находились и находятся по сей день в пределах одного геополитического пространства. Трактовка международных отношений с позиций реализма и неореализма дала возможность рассматривать Кавказ в связи с внешнеполитическими интересами двух империй — Российской и Османской. Системный подход, который активно используется в изучении современных международных отношений, предполагает представление об определенной группе элементов, связанных между собой сетью взаимодействий. Эта группа отграничена от внешнего окружения, но находится с ним в постоянном взаимодействии. Взгляд через оптику системного подхода на кавказский регион позволил его исследовать как объект приложения внешнеполитических усилий.

Источниковая база работы составлена из материалов трех архивов — Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Документы АВПРИ представлены дипломатической перепиской между

российскими консулами в Турции и российскими чиновниками разного уровня, в том числе кавказскими. Из фонда 1300 «Штаб Кавказского военного округа на театре военных действий» (РГВИА) были взяты донесения военной агентуры, в том числе П. И. Аверьянова, осуществлявшего военную разведку в Эрзеруме. Его же воспоминания, хранящиеся в личном фонде в ГАРФ, стали источником ценной информации о политике России в отношении Турции и о ситуации на Кавказе в начале XX в. Кроме того, использованы опубликованные официальные документы, в том числе те, которые были изданы в научно-историческом журнале «Красный архив».

3. Пересечение интересов России и Турции в пределах Северного Кавказа и Закавказья

3.1. Проблемы панисламизма и миграций кавказских мусульман

Одной из неурегулированных проблем в российско-турецких отношениях были миграции российских мусульман, в том числе и кавказских. После завершения Кавказской войны, в 1865 г., Россия и Турция достигли соглашения о переселении кавказцев в пределы Османской империи. С российской стороны шла большая волна переселенцев с Северного Кавказа, что зачастую поддерживалось и провоцировалось турецкими эmissарами. Позже, несмотря на поражение в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Османская империя не отказывалась от притязаний на, как минимум, влияние на кавказские дела. Турция была практически единственным самостоятельным мусульманским государством с тюркским населением. На Кавказе проживало и проживает заметное количество тюркских народов (азербайджанцы, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы), но делать ставку только на них через распространение идей пантюркизма было нецелесообразно, поэтому востребованной, как инструмент влияния, оказалась и идеология панисламизма. С этими идеями в народ шли специальные агенты, которые прибывали под видом купцов, возвращавшихся из Мекки паломников, учителей грамоты. На усиление агентуры на территории

России в 1907 г. были выделены деньги из государственной казны [Сотниченко 2011: 19]. Согласно сведениям Особого Отдела Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, действительно, в этот период стали прибывать турецкие представители, а также рассылаться письма с призывами к восстанию мусульман на защиту ислама. Мусульманская печать Кавказского края стала больше публиковать материалов панисламистского толка [О распространении 2006: 408]. В 1907 г. личный адъютант султана Абдул-Хаида (Абдул-Гаида) II — Исмаил Хаким-бей совершил тайную поездку на Кавказ и в Туркестан, в течение которой вел активную агитацию пантюрокского и панисламского содержания [Кулиев 2013: 133].

Важно то, что прочность отношений и степень налаженности связей с Турцией у разных кавказских мусульман были разными. Многие кавказцы знали о ней понаслышке, в то время как, например, Батумская область до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была частью турецкого государства. Кавказские власти воочию наблюдали и оценивали эту степень приверженности идеям панисламизма. В Батумской области внушать ничего не приходилось. Взволновавшие местное население в начале XX в. слухи о войне России и Турции провоцировали реакцию русско-подданных батумских мусульман, которые считали себя турками, «подождите Батум скоро будет наш» [Кулиев 2013: 411]. В Елисаветпольской губернии среди мусульман наблюдалось «стремление к общности и единству на почве Ислама», и по непроверенным сведениям шел сбор денег на нужды турецкой армии [О распространении 2006: 412]. Так же, как и в Батумской области, в Дагестане слухи о возможном конфликте с Турцией влияли на настроения населения. По сведениям местных чиновников, открыто высказывались симпатии, а многие даже начинали запасаться оружием. Порта пользовалась расположением местного населения и направляла эмиссаров в Дагестан в большом количестве [Кулиев 2013: 412–413]. После 1908 г. и прихода к власти младотурок усиливается напор и фиксируется ряд случаев,

известных властям, когда турецкоподданные под видом сбора милостыни, учителей, путешественников общались с населением на тему будущего Турции, успехов турецкой армии, удобства жизни в Турции и т. д. [Кулиев 2013: 414].

На фоне революционных событий и нестабильности кавказской окраины имперские власти в 1905 г. возродили ликвидированный в 1881 г. институт кавказского наместничества. На эту должность быть назначен генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков. Наместник обладал высшей гражданской властью в крае. Целесообразность этой должности и этого назначения стали очевидны уже в первые несколько лет. Исходя из записки директора департамента полиции 1908 г.¹, в которой фактически написан донос на кавказские власти, несмотря на критику действий наместника, можно сделать вывод, что И. И. Воронцов-Дашков проводил политику, ориентируясь на местные особенности, в том числе учитывая фактор турецкого соседства [Службная записка 1929: 146].

Сведения департамента полиции, аккумулируемые незадолго до Первой мировой войны, сообщают, что симпатии мусульман Северного Кавказа и Закавказья были на стороне Турции и Персии. Одним из представителей панисламизма, по сведениям агентуры, был Асельдер бек Казаналипов, который сделал блестящую карьеру на государственной службе. С 1909 г. он был советником по особым поручениям наместника на Кавказе, однако это обстоятельство не избавляло его от пристальной слежки [Сенюткина 2019: 49]. В августе 1913 г. заведующий агентурой Турции сообщал о том, что на Кавказ и Туркестан командированы эмиссары для разъяснения причин войны на Балканах и подготовки мусульманского протеста против действий великих держав [Сенюткина 2019: 49]. В соответствии с докладом, составленным департаментом полиции, население демонстрирует покорность, но в случае войны с Турцией реальной представлялась вероятность беспорядков в Дагестане и Терской области [Службная записка 1929: 149].

¹ Структура в МВД Российской империи.

Насколько искренний отклик идеи панисламизма находили у масс, именно у многочисленной аудитории, а не узкого круга интеллектуалов или местной элиты, однозначно ответить трудно. В своем докладе наместник на Кавказе М. И. Воронцов-Дашков за 1913 г. подчеркивал «хладнокровное отношение кавказских мусульман к последним событиям на Балканском полуострове» и отсутствие реакции на проповеди панисламизма и пантюркизма [Всеподданейший отчет 1913: 10]. Наместник полагал, что именно в культурных слоях мусульманства развивается идея национального самосознания и оставлять без присмотра их нельзя, и призывал больше внимания уделять созданию русских школ именно в мусульманской среде. Образование им рассматривалось как наиболее эффективный инструмент профилактики пантюркизма и панисламизма, исходящих от соседней Османской империи [Всеподданейший отчет 1913: 10]. На это как на упущение уже в период Первой мировой войны указывал новый наместник — великий князь Николай Николаевич. На его взгляд, положение усугублялось тем, что значительная часть мусульманского духовенства Кавказского края получала образование в Турции и в Персии, так как специальные мусульманские школы в Российской империи находились «в неудовлетворительном состоянии» и были «почти недоступны для правительственного надзора» [ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 997. Л. 9об.].

Вообще о том, как поставлено дело панисламизма на Кавказе, в официальной отчетной документации могла содержаться информация противоречивая. Проиллюстрируем это на примере доклада «О распространении идей панисламизма на Кавказе (по материалам Особого Отдела Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе)», где в одной части констатируется, что с конца XIX в. среди мусульман России были подъем и тяга к объединению с панисламистским движением, в том числе и среди закавказских мусульман, фиксируется наплыв турецких эмиссаров в Дагестане и говорится, что пропагандой панисламизма занят даже член Государствен-

ной Думы И.-Б. Гайдаров¹, который целое лето 1910 г. провел в Темир-Хан-Шуре [О распространении 2006: 424]. При этом в заключении резюмируется совершенно не вяжущаяся с содержанием документа мысль о том, что «до настоящего времени не обнаружено существование панисламистской пропаганды на Кавказе в значительных размерах» [О распространении 2006: 424]. Справедливости ради стоит отметить, что в самом документе признается сложность задачи отслеживать случаи пропаганды по причине ее секретности и нехватки штата российских агентов. На 700 000 жителей Дагестана имелся всего один жандармский офицер, в таком же положении были Бакинская и Елисаветпольская губерния [О распространении 2006: 425].

Российская исследовательница О. Ю. Бессмертная рассматривает дискурс о панисламизме в России накануне Первой мировой войны как один из институализированных способов конструирования образа «мусульманского Другого» и одновременно «внутреннего врага», что особенно было характерно для Особого отдела Департамента полиции МВД [Бессмертная 2018: 9]. Речь идет не об отсутствии панисламской пропаганды, а об определенном чиновничьем дискурсе, который сконструировался именно в предвоенный период. Это важно учитывать при работе с официальными источниками. В академических кругах ситуация была противоречивой. Выдающийся востоковед В. В. Бартольд считал панисламизм вымышленным явлением, а его коллега Н. П. Остроумов видел в нем реальную угрозу целостности Российской империи [Сенюткина, Гусева 2019: 26].

Накануне Первой мировой войны в Турции еще больше укоренилась и окрепла идея создания единого в религиозном смысле государства, особенно в свете неудачных балканских войн. На Северный Кавказ в качестве агентов присылались черкесы, дагестанцы и чеченцы, которые уехали после 1865 г. или 1878 г. Они курировались осман-

¹ Ибрагим-бек Иса-бек оглы Гайдаров (3 августа 1879, Дербент — 23 сентября 1949, Анкара) — инженер-путеец, депутат Государственной думы III созыва от Дагестанской области и Закатальского округа.

скими торговыми или консульскими представительствами в России, многие были богатыми и авторитетными в Турции людьми [Кулиев 2013: 133].

Американские историки В. Хамед-Троянский мусульманское население, которое путешествовало и жило в Российской и Османской империях, описывают, используя термин «трансимперские мусульмане». Такое определение основано на существовании определенной группы мусульман, интегрированных в два имперских пространства. Они лавировали между двумя имперскими бюрократиями и сохраняли семейные и деловые связи в двух государствах (см., например: [Hamed-Troyansky 2023: 313]). Согласно данным, которые использует В. Хамед-Троянский, между 1850-ми гг. и Первой мировой войной около миллиона северокавказцев переместилось в Османскую империю. При этом около сорока тысяч вернулось в этот же период [Hamed-Troyansky 2023: 312]. Следует понимать сложность подсчета по причине противоречивости имеющихся данных у российской и турецкой сторон, более того — миграционный процесс продолжался и в период Первой мировой войны и даже после ее завершения.

Турецкий исследователь У. Бозкурт приводит данные, согласно которым со всего Кавказа с 1914 г. по 1921 г. переселилось 270 тыс. человек, при этом 470 тыс. погибли [Бозкурт 2023: 78]. Связи между уехавшими и оставшимися поддерживались, вплоть до посещений и активной переписки, что настораживало как Порту, так и российские власти [Meyer 2007: 15].

Со стороны России попытки возвращения уехавших или отправка из Турции корреспонденции встречали сопротивление, так как среди репатриантов могли быть эмиссары, направленные с далеко не благими намерениями, в письмах встречались поощрения эмиграции. В этой связи северокавказская диаспора рассматривалась российскими имперскими властями как дестабилизирующий фактор. Однако религиозные мотивы не были единственными при сманивании с насиженных мест кавказцев. В 1911 г. российский консул в Дамаске сообщал о том, что среди вернувшихся палом-

ников прибыл черкес Паго Измайлович Женоков, проживавший в Нальчикском округе Терской области [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5026. Д. 2453. Л. 1]. При возвращении с хаджа, согласно сведениям российского ведомства, Паго Женоков вступил в переговоры с Дамасским вали Галиб-беем и договорился об организации прибытия из России от 1 000 до 2 000 черкесов, расселение которых планировалось вдоль «Геджазской железной дороги»¹. При этом сам П. Женоков перед возвращением в Россию пытался купить в Дамаске дом и собирался перевозить туда семью, но не внес своевременно платеж, и сделка не состоялась. Сам консул выяснил у прибывших черкесов, что они встречались с «агентом-агитатором Дамасских властей», который ведет пропаганду среди черкесов и призывает переселяться в Турцию, и, вероятнее всего, это был Паго Женоков. Судя по консульскому донесению, переселившиеся были разочарованы ожидавшими их условиями и решили вернуться в Россию [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5026. Д. 2453. Л. 1об.].

Перемещение в Османскую империю не означало окончательного разрыва с Кавказом. Многие из кавказских представителей стали известными общественными деятелями. К «пионерам пантюркизма» относят Ахмета Агаоглу и Али-бея Хусейнзаде, которые могут быть также охарактеризованы как «трансимперские мусульмане». А. Агаоглу публиковался в бакинской прессе даже после отъезда в Константинополь в 1909 г., а после Первой мировой войны вернулся в Азербайджан, но после советизации эмигрировал обратно [Meyer 2007: 27]. Али-бей Хусейнзаде также провел большую часть своей жизни, перемещаясь между двумя империями, в 1910 г. после семи лет на Кавказе переселился в Константинополь, в Баку вернулся летом 1918 г., но через несколько месяцев снова уехал в Турцию [Meyer 2007: 27]. Были и те, кто многие годы проживал в Османской империи и ездил в Россию на краткосрочной основе для решения личных

¹ Вероятнее всего в архивном документе речь идет о Хиджазской железной дороге, которая строилась в начале XX в. с целью соединить Дамаск и Медину.

и финансовых вопросов. Часто эти переселенцы могли иметь на Кавказе дома и имущество и сохранять личные отношения. Так, в 1898 г. уроженец Дагестана Касим бин Абдулла обратился в российское посольство в Константинополе с разрешением посетить Россию. Оказалось, что он убыл из страны тридцать лет назад, но формально от российского гражданства не отказался, за что ему пришлось бы заплатить штраф уже в случае въезда в пределы Российской империи. Случалось, что, приезжая погостить, эмигранты задерживались на родине на один год и более [Meyer 2007: 22].

Дать однозначное толкование причин миграции мусульман между российским Кавказом и Турцией сложно. Скорее всего, можно говорить о целом комплексе факторов как религиозно-политического толка, так и экономического характера. Например, в октябре 1903 г. жители ряда карачаевских селений (372 семьи) подали начальнику области прошение о разрешении переселиться в Турцию, объясняя свое решение «неблагоприятными жизненными условиями» и маленькими земельными наделами [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5076. Д. 2444. Л. 10об.]. Предварительно атаман Баталпашинского отдела, к которому принадлежали ходатайствующие семьи, пытался успокоить и отговорить их, но безуспешно. Турецкая сторона в вопросе переселенцев принятия такого рода просителей была крайне непоследовательна, о чем данный случай и свидетельствует: «...по распоряжению от Министерства Иностранных дел, последовавшему в конце 1897 г., а также вследствие заявления Турецкого Правительства, переселение русско-подданных мусульман приостановлено. Начальник Кубанской области приказал объявить просителям, что ходатайству их не может быть дано дальнейшего движения впредь до предоставления ими удостоверения турецкого правительства в том, что оно со своей стороны изъявляет согласие на принятие просителей со всеми их семьями в турецкое подданство. В ответ на это начальник области получил уведомление от Турецкого Консула в Севастополе о том, что упомянутым семействам карачаевцев разрешено переселиться в Турцию,

где для них отведена, в Сирии, земля под постоянное жительство» [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5076. Д. 2444. Л. 10об.]. В 1905 г. российский император разрешил переселение 226 семействам с условием исключением навсегда из российского подданства [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5076. Д. 2444. Л. 13]. Дискуссионность строгой корреляции между пропагандой панисламизма и миграциями подтверждается данным примером, так как мотивация экономическая и земельный вопрос на Кавказе не должны рассматриваться как второстепенные факторы.

Случались казусы с переселением, спровоцированные бюрократическими сложностями и отсутствием четко выработанной процедуры для осуществления переселенческой политики с обеих сторон. Так, почти 15 лет 31 семья Майкопского отдела находились в России, несмотря на наличие разрешения переехать в Турцию. Более того, их односельчане переехали в 1890 г., аулы были упразднены и образованы новые поселения с русскими жителями. Причины были разные — от судебного преследования в России до нежелания переехать, при этом члены этого 31 семейства считались турецко-подданными, хотя логично было считать русско-подданными. В 1905 г. султан вновь разрешил их переселение, но 17 семейств из 31 отказались ехать в Турцию, будучи юридически законными подданными Османской империи [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5026. Д. 2429. Л. 2–25].

В 1909 г. 29 семействам горцев из Кубанской области турецкое правительство разрешило поселиться в Эрзерумском вилайете [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5026. Д. 2450. Л. 8], который относился к шести армянонаселенным территориям. В более ранних российских документах фиксируется стремление и закавказских мусульман переехать в турецкие пределы. В данном случае важно и другое — побудительные мотивы к переселению и желаемые территории. Главнокомандующий гражданской частью Г. С. Голицын отмечал рост этих настроений с 1897 г. К 1899 г. число просителей из Кубинского и Бакинского уездов достигло 10 тыс. человек. Эти настроения были связа-

ны с тем, что бежавшее на Кавказ армянское население оставляло земли в Малой Азии. К этому агитировали как сами армянское беженцы, так и турецкие представители, что наводило кавказские власти на мысль о поддержке, исходящей от самой Порты, тем более турецкий посол ходатайствовал в Петербурге о разрешении такого рода переездов. Г. С. Голицын полагал, что, несмотря на очевидное желание турецкого правительства заполнить оставленные армянами земли кавказскими мусульманами, такого рода переселенческую политику проводить нельзя, пока не решится вопрос о положении самих армянских беженцев [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 502б. Д. 2479. Л. 54–56об.]. Он отстаивал позицию невозможности их размещения на постоянной основе на Кавказе среди русско-подданных армян: «оставление армянских выходцев в пределах Кавказского края... будет иметь своим последствием продолжение случаев перехода армян из Турции в наши пределы и в конечном результате в недалеком будущем почти все турецкие армяне окажутся переселившимися в империю. Никакие дипломатические переговоры и настояния перед Оттоманскою Портой благоприятного результата иметь не будут... Турецкое правительство несомненно преследует прочно установленную им задачу: постепенно освободить Малую Азию от христианского, преимущественно армянского населения, путем насильственного его выдворения с тем, чтобы предоставить остающиеся свободные земли в пользование курдов и других магометан, в том числе и привлекаемых ими из России» [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 502б. Д. 2393. Л. 71об.].

3.2. Кавказский контекст трансформации армянского вопроса в российско-турецких отношениях

Бегство армян из Малой Азии на Кавказ было процессом продолжительным, и по мере ужесточения турецкой политики в отношении нетурецкого населения, и армян в том числе, количество прибывавших на Кавказ беженцев только росло. Впервые необходимость реформирования армянских вилайетов с целью придания им автоном-

ного статуса в пределах Османской империи была обозначена в русско-турецком Сан-Стефанском мирном договоре 1878 г., что потом было продублировано в Берлинском трактате [Сборник 1952: 205]. В 1895 г. турецкий султан Абдул-Хамид под давлением России, Франции и Англии издал декрет о реформах, который остался на бумаге. Державы не смогли оказать должного давления на Порту. Шесть смежных с Кавказом вилайетов по-прежнему оставались предметом беспокойства как Петербурга, так и непосредственно кавказских властей. Для России важно было сохранять баланс между поддержкой армянского населения Турции и национальным вопросом внутри своих границ, в том числе на Кавказе. Проект «Великой Армении», который обсуждался армянскими национальными обществами, виделся имперскими властями по обе стороны границы как угроза.

В начале XX в. и Турция, и Россия переживали периоды политических кризисов, причем в определенной степени взаимосвязанных. В 1905 г. революция повлияла не только на российское политическое развитие, она произвела сильное впечатление на турецкое общество. В самой Османской империи о событиях в России пресса не писала из-за строжайшей цензуры, но информация, тем не менее, просачивалась, в том числе из публикаций, тайно привозимых из Европы. Опасения Абдул-Хамида II относительно собственных перспектив не были напрасными, как показало время, так как после младотурецкой революции 1908 г. в Турции начался период конституционного правления [Курат 2016: 173–174].

Тревоги относительно перспектив российско-турецких отношений в этот период были связаны с возможной войной, которую обе стороны старались избегать, будучи занятыми внутренними проблемами. Проблема армянской автономии актуализировалась на новом уровне после младотурецкой революции 1908 г. и русской революции 1905–1907 гг. Для Российской империи скорейшее проведение реформ в Турции означало и возможную стабилизацию послереволюционного Кавказа. Младотурки со своей стороны для укрепления позиций попытались

решить национальный вопрос, но надежды на демократизацию страны довольно быстро рухнули. Признаком этого стали новые погромы армянского населения в 1909 г. в Адане, в которых погибло около 20–30 тыс. человек [Ahsan 2017: 137].

Обратившись к донесениям российских военных агентов, можно убедиться в постоянном нарастании взаимной подозрительности по части военных приготовлений Турции в Малой Азии, а России — на Кавказе. Одним из таких агентов был П. И. Аверьянов, который официально занимал должность секретаря консульства в Эрзеруме. Из собранных им сведений и перехваченных донесений разных турецких чинов следует, что уже в 1902–1903 гг. в Турции пристально следили за состоянием дел на Кавказе и опасались, как бы Россия не решила начать войну. Русско-турецкая граница была дестабилизирована армянскими беженцами и революционной активностью армянских комитетов. С турецкой стороны пристально наблюдали за развитием русско-армянских отношений на Кавказе. Согласно донесению одного из турецких пограничных комиссаров, в марте 1903 г. в Тифлисе произошло вооруженное столкновение между русскими властями и армянами: «Тифлиские армяне произвели беспорядки, чтобы заставить русских скорее начать войну с Турцией; армянские комитеты очень недовольным тем, что русские хоть и готовят войну к войне, но медлят занимать Эрзерумский вилайет» [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 10. Д. 535. Л. 12об.]. Турецкому военному было известно и о сборе разных перевозочных средств в Тифлисе для отправки в Карс [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 10. Д. 535. Л. 12об.]. Младший пограничный комиссар из Караклиса докладывал о том, что располагает сведениями о подготовке перехода через русско-турецкую границу армянских революционеров из «русской деревни Ханзир» с попустительства российских властей. Он отмечал, что по обе стороны границы люди (имея в виду армянское население) ожидают войны [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 10. Д. 535. Л. 13об.]. Такой же комиссар из Кетека отмечал, что с российской стороны увеличилась численно пограничная стража, полагая, что: «На эти

действия русского правительства следует обратить внимание и нужно запретить русским мобилизоваться, если они хотят сохранить хорошие отношения с нашим правительством, нам всем на границе обидно, что русские хотят нас обмануть и делают все по секрету: мы не знаем — верить ли армянам, что русское правительство за армян, или верить русским офицерам, уверяющим нас в дружбе и ругающим армян, такое положение на границе хуже открытой войны» [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 10. Д. 535. Л. 13об.–14].

В то же время турецкий консул в Тифлисе писал о трудностях с армянскими беженцами из Турции, которых российские власти стремились вернуть обратно: «Русские власти не позволяют армянам скопляться в большие партии и стараются удалить их из пределов Закавказья, хотя армяне и заявляют русским властям, что переход в Турцию для них невозможен и на границе их ожидают турецкие посты. Армяне, рассеянные в одном пункте границы, собираются в другом, где для них заблаговременно заготовлено различное оружие по распоряжению армянских революционных комитетов. Уследить за передвижениями армянских партий вблизи границы всегда могут и русские власти. Всегда возможно ожидать перехода армянских бандитов в различных пунктах границы. Ввиду изложенного в вышеприведенной телеграмме положения дел и отношения русского правительства к армянским беглецам, предлагаю вам не отступать от раньше указанных мною распоряжений по охране русской границы от вторжения армянских банд, т. н. распоряжение и воспреещение возвращения в наши пределы армянских беженцев сохраняют силу и в настоящее время» [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 10. Д. 535. Л. 14].

Собирая и систематизируя подобного рода сведения, П. И. Аверьянов делал собственные выводы о турецких «приготовлениях к войне», на что, например, указывало размещение постоянного гарнизона в Муше, для которого волнения среди населения использовались как предлог [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 533. Л. 61].

В 1912 г. о военных приготовлениях турок докладывал вице-консул в Ване С. П. Олферьев. По его сведениям, в Ван доставлялись военные припасы, и турки активно направляли на Кавказ из Константинополя и Трапезунда воззвания к мусульманскому населению: «При теперешних намерениях турок, когда они заботятся о восстании мусульман на Кавказе и делают все возможное к подрыву престижа России в Персии, нам не следует играть с ними в прятки» [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4208. Л. 123]. Ванский вилайет граничил с Персией, в которой Турция тоже имела свои интересы. По мнению С. П. Олферьева, турецкие власти стремились подготовить и в Персии, и на Кавказе почву на случай войны с Россией [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4208. Л. 120].

Российский консул в Трапезунде Г. В. Брант в том же 1912 г. писал о прокламациях, отправляемых на Кавказ, в которых младотурки призывали население к революции [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4208. Л. 252об.]. Кроме того, к своему сообщению он приложил образец письма для аджарского населения, которое местный младотурецкий орган отпечатал тиражом в 15 тыс. [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4208. Л. 254]. Вице-консул в Ризе В. Ф. Маевский выражал, скорее, непопулярное мнение и опровергал возможность российско-турецкого конфликта, в том числе в пределах Кавказа: «Все они, от первого турецкого сановника до последнего сельчанина или солдата, прекрасно сознают, что области с христианским населением для Турции — зло, с которым приходится мириться; и увеличивать это зло приобретением новых областей, с теми же злополучными для турок христианами, значит ухудшать и без того тяжелое положение в Турции» [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4208. Л. 138].

В 1908 г. по инициативе наместника И. И. Воронцова-Дашкова П. И. Аверьянов стал командовать Мингрельским полком на Кавказе. Взаимная подозрительность России и Турции достигла такого накала, что султан обратился к российскому императору с предложением о приезде российских

военных и встрече с турецкими офицерами для выяснения всех обстоятельств. Для успокоения Османского правительства и демонстрации отсутствия намерений начинать войну с Турцией в июне 1908 г. из Тифлиса выехала целая делегация, которую как раз П. И. Аверьянов и возглавил [ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 1. Л. 179].

Уже к концу XIX в. была очевидна беспомощность турецкой власти по части реформ, национально-освободительное движение среди нетурецкого населения только росло. Младотурецким лидерам также пришлось столкнуться с подъемом арабского движения за автономию, в 1913 г. они пообещали арабским лидерам реформы, которых не провели. Армянский вопрос в русско-турецких отношениях накануне Первой мировой войны отличался особой остротой, мирного разрешения которого, как показали события 1915 г., так и не случилось. Младотурки не допускали реформ и разжигали вражду между курдами и армянами.

По мере роста насилия в отношении армянского населения в Турции, усиливался приток беженцев на российский Кавказ, с одной стороны, росла активность революционных партий, таких как «Дашнакцутюн», — с другой. Постоянное насилие и притеснение армянского населения в Османской империи порождали такие же радикальные методы борьбы со стороны дашнаков. Надо сказать, что они пытались и представлять интересы армян перед лицом турецкого правительства, но учитывая состояние дел в Османской империи накануне Первой мировой войны, достичь договоренности было сложно. По сведениям российского департамента полиции, в октябре 1912 г. в Эрзеруме прошло совещание Западного и Восточного бюро партии «Дашнакцутюн». Первое базировалось в Женеве, а вот второе располагалось в Тифлисе. На совещании было принято решение указать турецкому правительству на постоянные нападения курдов на армянское население и 61 ст. Берлинского трактата 1878 г., согласно которой армянские вилайеты должны были быть реформируемы [ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11. Л. 7]. По тем же сведениям, в самой партии наблюдался раскол. Одно течение

выступало за подчинение армян России, второе — считало российское вмешательство бесполезным. Бакинский, тифлисский и эриванский центральные комитеты опасались вмешательства российского правительства, как провоцирующего новую резню армян [ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11. Л. 8]. При этом, по тем же сведениям, датированным 23 января 1913 г., на Кавказ был направлен один из членов Константинопольского армянского национального собрания с целью обращения турецких армян к католикусу с просьбой ходатайствовать перед российским правительством об оккупации Турецкой Армении российскими войсками [ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11. Л. 7об.–8]. Поездка агента осуществлялась под предлогом решения вопросов экспорта кавказской нефти в Турцию, что в первую очередь должно было отвлечь не только турецкую сторону от реальных целей, но и большую часть дашнаков. С большой вероятностью к данной миссии мог иметь отношение константинопольский патриарх Магакя Ормания, который был противником «Дашнакцутюн» [ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11. Л. 7об.–8].

В самой Турции по наблюдениям агентов росло общественное возмущение и протест против вмешательства Европы во внутренние дела, и в особенности было нежелательно российское участие. В январе 1913 г. в Турции произошел государственный переворот, фактическую власть в своих руках сосредоточил триумвират Талаат-паши, Джемаль-паши и Энвер-паши. Даже урезанный проект реформ для армянских вилайетов отложили в сторону и объявили реформы во всей империи [Посол в Турции 1915: 25]. В ноябре 1913 г. в Константинополе в доме «бывшего министра-иттихадца» армянина Халаджана состоялась встреча иттихадцев (членов партии «Единение и прогресс») и членов партии «Дашнакцутюн». Присутствующий на встрече Талаат-паша предлагал армянам отказаться от европейского покровительства в обмен на уравнивание в правах с мусульманами, 22 депутатских места в парламент, реформы в Турецкой Армении и допущение армян к административным и судебным должностям. Российское участие в армянском вопросе рассматривалось тоже

как нежелательное. Интересно, что данное агентурное донесение передает описание личностей присутствующих, среди которых кавказские армяне, в разные периоды уехавшие из России [ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11. Л. 69–69об.].

В это время России удалось продать проект реформ управления армянскими территориями в Турции, который по большому счету стал российско-турецким соглашением, подписанным в феврале 1914 г. С российской стороны подписывал поверенный в делах К. Н. Гулькевич, с турецкой — визирь и министр иностранных дел [Van Derdussen 1986: 23]. Реформа была наспех организована и, конечно, была нежелательна не только для турецких властей, но и для Германии, которая фактически контролировала Турцию. Разгоревшаяся Первая мировая война дала Турции возможность просто свернуть едва начавшиеся преобразования.

4. Заключение

Еще до создания Кавказского фронта Первой мировой войны Кавказ был территорией сложного российско-турецкого взаимодействия. С одной стороны, мы наблюдаем попытки достижения баланса и избегания войны, с другой — скрытое соперничество. Для Российской империи сохранение стабильности и ограждение от иностранного вмешательства Кавказа было осложнено как его приграничным положением, так и этническим и религиозным многообразием. Здесь проживали тюркские народы, которые легко попадали под турецкое религиозное, культурное и политическое влияние. На Северном Кавказе и в Закавказье проживало многочисленное мусульманское население, которое становилось целевой аудиторией панисламизма. В рамках данной статьи удалось наметить следующие проблемные места российско-турецких отношений вокруг Кавказа в конце XIX — начале XX в.: панисламизм как инструмент турецкого влияния на кавказских мусульман, миграции мусульманского населения и армянский вопрос. Каждое из этих направлений превращало Кавказ в контактную зону российско-турецкого взаимодействия. События Первой мировой

войны, последовавшие за ней революция 1917 г. и период политической трансформации Кавказа, активные попытки Турции вернуть регион в зону своего влияния за-

ставили большевистскую власть вплотную заняться вопросом реальной интеграции местных народов в социокультурное пространство уже советского государства.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
 State Archive of the Russian Federation.
 Russian State Archive of Military History.

Литература

Бессмертная 2018 — Бессмертная О. Ю. «Алые розы Востока»: «панисламизм», ориентализм и шпиономания в последние мирные годы Российской империи. Разведывательная империя? // Шаги / Steps. 2018. Т. 4. № 1. С. 9–44.
 Бозкурт 2023 — Бозкурт У. Эмиграция мусульман Кавказа в Османскую империю и их роль в создании Турецкой Республики // Россия и мусульманский мир. 2023. № 1. С. 72–88.
 Восточный вопрос — Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / отв. ред. Н. С. Киняпина. М.: Научкнига, 1978. 435 с.
 Всеподданейший отчет 1913 — Всеподданейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-Адъютанта Графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. Типография, 1913. 86 с.
 Гранкин 2018 — Гранкин Ю. Ю. Российская империя в поисках оптимальной модели управления северокавказской окраиной (к вопросу об учреждении наместничества) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 37–47. DOI: 10.37494/2409-1030-2018-4-37-42
 Дегоев 1992 — Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 1992. 311 с.
 Дегоев 2003 — Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2003. 344 с.
 Киняпина и др. 1984 — Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М.: Изд-во Московского университета, 1984. 328 с.

References

Bessmertnaya O. Yu. “The scarlet roses of the Orient”: “Pan-Islamism”, Orientalism, and spy-mania in the last peaceful years of the Russian Empire. An empire of intelligence? *Shagi/Steps*. 2018. Vol. 4. No. 1. Pp. 9–44. (In Russ.) DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-1-9-44
 Bozkurt U. Emigration of Caucasian Moslems to the Ottoman Empire and their role in the creation of the Turkish Republic. *Russia and the Moslem World*. 2023. No. 1 (327). Pp. 72–88. DOI: 10.31249/rimm/2023.0L06
 Kinyapina N. S. (ed.) The Oriental Question in Russia’s External Policies, Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries. Moscow: Nauka, 1978. 435 p. (In Russ.)
 Vorontsov-Dashkov I. I. Most Faithful Report on the Eight Years in Charge of the Caucasus Viceroyalty by General Adjutant Graf Vorontsov-Dashkov. St. Petersburg: Imperial Printing House, 1913. 86 p. (In Russ.)
 Grankin Yu. Yu. The Russian Empire in search of optimal management model of the North-Caucasus borderlands (On the founding of viceroyalty). *Humanities and Law Research*. 2018. No. 4. Pp. 37–47. (In Russ.) DOI: 10.37494/2409-1030-2018-4-37-42
 Degoev V. V. The Caucasus Question in International Relations, 1830s – 1860s. Vladikavkaz: North Ossetian State University, 1992. 311 p. (In Russ.)
 Degoev V. V. The Great Game in the Caucasus: Past and Present. Moscow: Russkaya Panorama, 2003. 344 p. (In Russ.)
 Kinyapina N. S., Bliev M. M., Degoev V. V. The Caucasus and Central Asia in Russia’s External Policies, 1750s – 1880s. Moscow: Moscow State University, 1984. 328 p. (In Russ.)

- Коробейникова 2018 — Коробейникова Д. Ю. Колонизационно-переселенческая деформация северокавказского региона в процессе его адаптации к имперскому микросоциуму // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №3. С. 98–103. DOI: 10.37494/2409-1030-2018-3-98-103
- Кулиев 2013 — Кулиев Ф. Религиозный фактор в геополитике России и Турции на Северном Кавказе // Кавказ & Глобализация. 2013. Т. 7. Вып. 1–2. С. 127–136.
- Курат 2016 — Курат А. Н. Собрание сочинений. Книга 4: Турция и Россия: турецко-российские отношения с конца XVIII века до Войны за независимость Турции (1798–1919) / отв. ред. Л. И. Шахин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 852 с.
- О распространении 2006 — О распространении идей панисламизма на Кавказе (по материалам Особого Отдела Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе) // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.): сборник материалов / ред. Д. Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. С. 422–429.
- Посол в Турции 1915 — Посол в Турции Министру Иностранных Дел. Константинополь, 11 марта 1913 г. // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Пг.: Гос. тип., 1915. С. 25–26.
- Рамазанова 2021 — Рамазанова З. Б. Нефтяные промыслы в системе жизнеобеспечения народов России во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Республики Дагестан) // ACTA HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. 2021. Т. 4. № 1. С. 46–51.
- Сборник 1952 — Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917) / сост. И. В. Козьменко, ред. Е. Адамов. М.: Госполитиздат, 1952. 470 с.
- Сенюткина 2019 — Сенюткина О. Н. Мусульмане Дагестана и панисламизм (на материалах российских спецслужб рубежа XIX–XX вв.) // Ислам и исламоведение в современной России: сб. докл. Всероссийского исламоведческого форума. Махачкала: Алеф, 2019. С. 45–51.
- Сенюткина, Гусева 2019 — Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Панисламизм и пантюркизм в осмыслении российских чиновников (начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2019. № 2. С. 21–36.
- Служебная записка 1929 — Служебная записка директора деп. полиции от 15 августа 1908 г // Красный архив. 1929. № 4(35). С. 146.
- Korobeynikova D. Yu. Colonizing and resettlement deformation of the North Caucasus region in the process of its adaptation to the imperial micro-society. *Humanities and Law Research*. 2018. No.3. Pp. 98–103. (In Russ.) DOI: 10.37494/2409-1030-2018-3-98-103
- Kuliev F. Religious factor in geopolitics of Russia and Turkey in the North Caucasus. *The Caucasus & Globalization*. 2013. Vol. 7. No. 1–2. Pp. 127–136. (In Russ.)
- Kurat A. N. Collected Writings. Vol. 4: Turkey-Russia Relations, 1798–1919. L. Shakhin (ed.). Kazan: Märcani Institute of History (Tatarstan Academy of Science), 2016. 852 p. (In Russ.)
- About Pan-Islamism in the Caucasus: Analyzing materials submitted by Counterintelligence Department of the Caucasus Viceroy's Office. In: Arapov D. Yu. (comp., ed.) *Imperial Russia and Muslim World, Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries*. Collected materials. Moscow: Natalis, 2006. Pp. 422–429. (In Russ.)
- Russian Ambassador in Turkey — to the Foreign Affairs Minister. Constantinople, 11 March 1913. In: *Collected Diplomatic Documents. Reforms in Armenia, 26 November 1912 – 10 May 1914*. Petrograd: Imperial Printing House, 1915. Pp. 25–26. (In Russ.)
- Ramazanov Z. B. Oil fields in the life support system of the peoples of Russia in the 2nd half of the XIX – beginning of the XX centuries (On the materials of the Republic of Dagestan). *ACTA HISTORICA*. 2021. Vol. 4. No. 1. Pp. 46–51. (In Russ.) DOI: 10.24412/2658-3836-2021-41008
- Kozmenko I. V. (comp.) *Collected Treaties between Russia and Other Countries, 1856–1917*. E. Adamov (ed.). Moscow: Gospolitizdat, 1952. 470 p. (In Russ.)
- Senyutkina O. N. Muslims of Dagestan and Pan-Islamism at the turn of the twentieth century: Analyzing materials of Russian secret services. In: *Islam and Islamic Studies in Contemporary Russia. Forum proceedings* (Makhachkala, 27–28 September 2019). Makhachkala: Alef, 2019. Pp. 45–51. (In Russ.)
- Senyutkina O. N., Guseva Yu. N. Pan-Islamism and Pan-Turkism as understood by Russian officials (Early 20th century). *The New Historical Bulletin*. 2019. No. 2 (60). Pp. 21–36. (In Russ.) DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00010
- Internal note by Chief of Police Department dated 15 August 1908. *Krasnyi arkhiv*. 1929. No. 4 (35). P. 146. (In Russ.)

- Сотниченко 2011 — Сотниченко И. А. Северный Кавказ в сфере политического влияния Османской империи в XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 28 с.
- Тимошенко-Оздемир 2009 — Тимошенко-Оздемир Е. Н. Северный Кавказ в международной политике во второй половине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 13. 2009. Вып. 2. С. 23 – 34.
- Урушадзе 2015 — Урушадзе А. Т. Кавказ в конце XIX – начале XX в.: проблемы управления и модернизации на южной окраине Российской империи // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 144–157.
- Цибенко 2022 — Цибенко В. В. Фактор нациестроительства в системе международных отношений на примере деятельности черкесских организаций в Турции (XIX–XXI вв.): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2022. 565 с.
- Ahsan 2017 — Ahsan I. B. The Ottoman Empire's Escalation from Reforms to the Armenian Genocide, 1908–1915 // Secession and Security, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2017. Pp. 125–162. DOI: 10.7591/9781501713958-007
- Hamed-Troyansky 2023 — Hamed-Troyansky V. Letters from the Ottoman Empire: Migration from the Caucasus and Russia's Pan-Islamic Panic // Slavic Review. 2023. No. 82(2). Pp. 311–333. DOI:10.1017/slr.2023.164
- Meyer 2007 — Meyer J. H. Immigration, Return, and the Politics of Citizenship: Russian Muslims in the Ottoman Empire, 1860–1914 // International Journal of Middle East Studies. Vol. 39. No. 1 (Feb., 2007). Pp. 15–32.
- Van Derdussen 1986 — Van Derdussen W. J. The Question of Armenian Reforms in 1913–1914 // Armenian Review. Spring 1986. Vol. 39. No. 1. Pp. 11–28.
- Sotnichenko I. A. The North Caucasus in the Ottoman Political Orbit, Nineteenth – Early Twentieth Centuries. Cand. Sc. (history) thesis abstract. St. Petersburg, 2011. 28 p. (In Russ.)
- Timoshenko-Ozdemir E. N. Northern Caucasus on the international policy in the second half of the 19th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2009. No. 2. Pp. 23–34. (In Russ.)
- Urushadze A. T. The Caucasus in the late 19th – early 20th centuries: Problems of governance and modernization on the southern outskirts of the Russian Empire. *Quaestio Rossica*. 2015. No. 2. Pp. 144–157. (In Russ.) DOI: 10.15826/qr.2015.2.101
- Tsibenko V. V. A Nation-Building Factor in International Relations: The Case of Circassian Organizations in Turkey, Nineteenth – Twenty First Centuries. Dr. Sc. (history) thesis. Moscow, 2022. 565 p. (In Russ.)
- Butt A. I. The Ottoman Empire's escalation from reforms to the Armenian genocide, 1908–1915. In: Butt A. I. Secession and Security: Explaining State Strategy against Separatists. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2017. Pp. 125–162. (In Eng.) DOI: 10.7591/9781501713958-007
- Hamed-Troyansky V. Letters from the Ottoman Empire: Migration from the Caucasus and Russia's Pan-Islamic panic. *Slavic Review*. 2023. Vol. 82. No. 2. Pp. 311–333. (In Eng.) DOI:10.1017/slr.2023.164
- Meyer J. H. Immigration, return, and the politics of citizenship: Russian Muslims in the Ottoman Empire, 1860–1914. *International Journal of Middle East Studies*. 2007 (February). Vol. 39. No. 1. Pp. 15–32. (In Eng.)
- Van Derdussen W. J. The question of Armenian reforms in 1913–1914. *Armenian Review*. 1986 (Spring). Vol. 39. No. 1. Pp. 11–28. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 720–733, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-720-733

Венгерская экспедиция графа Е. Зичи на Кавказ и в Среднюю Азию в 1895 г.

Андрей Николаевич Птицын¹, Юрий Юрьевич Гранкин², Виктор Павлович Ермаков³

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0009-0007-3813-8549. E-mail: [ptiandr\[at\]gmail.com](mailto:ptiandr[at]gmail.com)

² Пятигорский государственный университет (д. 9, пр. Калинина, 357532 Пятигорск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-5520-9923. E-mail: [grankinj\[at\]pgu.ru](mailto:grankinj[at]pgu.ru)

³ Пятигорский государственный университет (д. 9, пр. Калинина, 357532 Пятигорск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, профессор

 0009-0001-7460-7871. E-mail: [ermakov\[at\]pgu.ru](mailto:ermakov[at]pgu.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Птицын А. Н., Гранкин Ю. Ю., Ермаков В. П., 2024

Аннотация. *Введение.* Во второй половине XIX в. в Венгрии активно развивались исследования по определению прародины венгерского народа, мест его прежнего обитания и путей древних миграций. Для этого был организован ряд научных экспедиций. Одной из самых масштабных среди них была экспедиция во главе с графом Е. Зичи, посетившая Кавказ и Среднюю Азию в 1895 г. *Целью* настоящей статьи является комплексное рассмотрение этого путешествия с особым вниманием к слабо изученным аспектам. Для этого предполагается решение следующих *задач*: выявить предпосылки и цели экспедиции, проследить процесс ее подготовки, изучить ход путешествия, охарактеризовать роль его руководителя и определить основные результаты. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на основе анализа разнообразных источников: опубликованного экспедиционного отчета, дневника одного из участников Л. Садецки-Кардоша, документов Государственного архива Ставропольского края, материалов тогдашней периодической печати. *Результаты.* Экспедиция, организованная Е. Зичи, преследовала две цели. Первая из них — поиск исторических, археологических и лингвистических материалов для подтверждения гипотезы ее руководителя о том, что прародиной венгров являлась территория Северного Кавказа. Вторая цель — сбор материалов для этнографического отдела венгерской юбилейной выставки 1896 г. С апреля по август 1895 г. участники экспедиции в составе 7 человек проехали по всему Северному Кавказу — от Кубани до Дагестана, посетили Грузию и Азербайджан, совершили вояж на территорию современных Туркменистана и Узбекистана. *Выводы.* Е. Зичи и его спутники собрали значительное количество интересовавших их материалов, составили археологическую и этнографическую коллекции. Но из-за быстрого

передвижения и запрета проводить археологические раскопки все они отличались фрагментарностью и неполнотой. Поэтому Е. Зичи в ближайшие годы организовал еще две экспедиции, маршруты которых частично совпадали с первой. В результате ему так и не удалось найти доказательств гипотезы о кавказской прародине венгров. Независимо от этого, собранные материалы и коллекции сами по себе являлись ценным вкладом в науку.

Ключевые слова: граф Е. Зичи, экспедиция, путешествие, венгры, прародина, Северный Кавказ, Южный Кавказ, Средняя Азия, археология, этнография, лингвистика

Для цитирования: Птицын А. Н. Венгерская экспедиция графа Е. Зичи на Кавказ и в Среднюю Азию в 1895 г. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 720–733. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-720-733

The 1895 Hungarian Expedition of Count J. Zichy to the Caucasus and Central Asia

*Andrei N. Ptitsyn*¹, *Yuriy Yu. Grankin*², *Viktor P. Ermakov*³

¹ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0009-0007-3813-8549. E-mail: ptianandr[at]gmail.com

² Pyatigorsk State University (9, Kalinin Ave., 357532 Pyatigorsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-5520-9923. E-mail: grankinj[at]pgu.ru

³ Pyatigorsk State University (9, Kalinin Ave., 357532 Pyatigorsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Professor

 0009-0001-7460-7871. E-mail: ermakov[at]pgu.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Ptitsyn A. N., Grankin Yu. Yu., Ermakov V. P., 2024

Abstract. Introduction. The mid-to-late nineteenth century witnessed increased endeavors aimed at identifying ancestral lands of Hungarians, their initial habitats and migration routes. To facilitate these, over a dozen research expeditions across Eurasia were undertaken. A most prominent of the latter was the one organized by Count J. Zichy to the Caucasus and Central Asia in 1895. **Goals.** The article attempts a detailed insight into the expedition to pay closer attention to its previously overlooked aspects. So, the study shall duly seek to recognize certain prerequisites and objectives of the campaign, examine the preparation process, trace the course of the journey proper, specify the role of its leader, and outline some key results. **Materials and methods.** The analysis involves multiple sources, such as the published expeditionary report, a diary by the expedition member L. Szádecky-Kardoss, documents from the State Archive of Stavropol Krai articulating the Russian Government's attitude to the travelers, and messages in the then periodicals. **Results.** The expedition organized by J. Zichy was to celebrate the millennial anniversary of the Hungarians' arrival in the Middle Danube (1896). So, there were two main objectives. The first one was to obtain historical, archeological and linguistic evidence to confirm J. Zichy's hypothesis Hungarians had come from the North Caucasus. The second one was to collect materials for an ethnographic section of the anniversary exhibition. The initiator, organizer, leader and sponsor of the journey was Count Jenő Zichy, a Hungarian landowner and politician. The expedition was attended by six more individuals, including linguist Gábor Bálint, archeologist Mór Wosinsky, and historian Lajos Szádecky-Kardoss. From April to August of 1895, they moved through the whole North Caucasus — from Kuban to Dagestan, crossed over Transcaucasia (Georgia and Azerbaijan), voyaged to Central Asia (Turkmenistan and Uzbekistan). The Hungarian researchers used comprehensive methods of research: they would collect and investigate historical messages, archaeological and ethnographic artifacts, linguistic and ethnographic data. On the way back they visited Moscow and St. Petersburg to explore libraries and archives, and J. Zichy was granted an audience with Emperor Nicholas II. **Conclusions.** J. Zichy and his companions did gather a large amount of interesting materials and compiled archaeological and ethnographic collections. However, the rapid movement and ban on any archaeological excavations made the latter fragmentary and incomplete enough. So, J. Zichy would organize two more expeditions in years to come, the

latter's routes to partially coincide with that of the first one. Still, he was never able to find evidence supporting his hypothesis about the Caucasian ancestral homeland of Hungarians. Despite this, the materials and collections gathered would by themselves pose a most valuable contribution to science.

Keywords: Count J. Zichy, expedition, journey, Hungarians, ancestral homeland, North Caucasus, South Caucasus, Central Asia, archeology, ethnography, linguistics

For citation: Ptitsyn A. N., Grankin Yu. Yu., Ermakov V. P. The 1895 Hungarian Expedition of Count J. Zichy to the Caucasus and Central Asia. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 720–733. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-720-733

1. Введение

В XVIII–XIX вв. научным изучением обширных азиатских окраин Российской империи активно занимались не только отечественные, но и зарубежные ученые. Свой вклад в эту деятельность внесли и представители Венгрии. При этом их интерес к предмету исследования не был чисто академическим, а диктовался стремлением отыскать исторические корни своего народа, некогда переселившегося на Дунайскую равнину из глубин Евразии.

В середине и второй половине XIX в. Венгрия, уже несколько столетий находившаяся в составе Габсбургской монархии, переживала период национального подъема. В 1867 г. венграм удалось добиться частичного восстановления национальной государственности в рамках дуалистической Австро-Венгрии. Были воссозданы самостоятельные политические, экономические, образовательные и культурные институты Венгерского Королевства. Все это сопровождалось ростом национального самосознания и значительным всплеском интереса к собственной истории [Контлер 2002: 360, 378].

Тогдашний уровень научных знаний не позволял нарисовать подробную картину этногенеза венгров и их ранней истории вплоть до переселения в Центральную Европу. Ключевой вопрос заключался в выяснении происхождения самобытного венгерского языка и отнесении его к той или иной группе языков — финно-угорской либо тюркской. Это был не только академический вопрос, он непосредственно касался проблемы венгерской идентичности. По этому поводу в Венгрии во второй половине XIX в. шел многолетний ожесточенный спор, получивший ироничное название «угро-тюркская война». Не менее важным был поиск венгерской прародины — места

формирования этноса и его выхода на историческую сцену. С ним была тесно связана проблема определения путей древних венгерских миграций и мест прежнего расселения этого народа [Марац 2023: 64–65].

Все это стимулировало венгерских ученых к исследованию стран и народов Азии, Восточной и Северной Европы. Они стали активно изучать языки, историю и этнографию тех народов, которые могли быть родственны венграм или же населяли регионы, связанные с древними венграми. Одним из способов этого стала отправка научных экспедиций на соответствующие территории. В течение XIX в. состоялось более десятка венгерских экспедиций, которые имели целью сбор лингвистических, этнографических и исторических материалов на территории Российской империи и соседних с ней стран. Самые известные из них — поездки Яноша Кароя Бешше (де Бесса) (в Крым и на Кавказ в 1820-е гг.), Антала Регули (в Поволжье, на Урал и в Сибирь в 1840-е гг.), Армина Вамбери (в Среднюю Азию в 1860-е гг.), Габора Балинта (в Поволжье и в Монголию в 1870-е гг.), Берната Мункачи и Кароя Папай (в Поволжье, на Урал и в Сибирь в 1880-е гг.) [Кережи, Березина 2022: 48–50; Марац 2023: 64–65; Шумкин 2010: 9].

Самыми масштабными из них стали три путешествия, организованные графом Енё Зичи в самом конце XIX в. В отличие от предшествовавших вояжей они включали не одного-двух участников, а целую группу ученых различных специальностей, т. е. имели комплексный характер. Первая экспедиция Е. Зичи в 1895 г. исследовала Кавказ и Центральную Азию, вторая, в 1896 г., продолжила изучение тех же регионов, третья — стартовала на Кавказе и затем продвигалась через Поволжье, Урал, Сибирь и

Монголию вплоть до Китая в 1897–1898 гг. [Polgárdy 2012: 8–9].

История экспедиций графа Е. Зичи получила освещение как в венгерской, так и в российской научной литературе, однако изучена она весьма неравномерно. Отечественные авторы изучали только деятельность венгерских ученых на Северном Кавказе. Венгерские же исследователи давали обзор всех трех путешествий, но при этом их основной интерес был сосредоточен на последнем из них.

Целью данной работы является комплексное рассмотрение деятельности венгерской научной экспедиции во главе с Е. Зичи в 1895 г. на Кавказе и в Средней Азии с акцентом на ее недостаточно изученных аспектах. Задачи исследования: определить предпосылки и цели экспедиции; изучить процесс ее подготовки и организации; рассмотреть ее ход; показать роль и вклад графа Е. Зичи как ее инициатора, организатора и руководителя; охарактеризовать итоги и результаты путешествия.

2. Материалы и методы

Для изучения поставленной проблемы использовались разнообразные источники. Во-первых, это двухтомное издание материалов первых двух экспедиций Е. Зичи, опубликованное в 1897 г. на двух языках — венгерском и французском. Первый том включает материалы по истории и этнографии, второй — по археологии. Издание содержит многочисленные фотографии и иллюстрации неплохого по тем временам качества [Zichy et al., I 1897; Zichy et. al., II 1897]. На русском языке до сих пор был опубликован лишь небольшой фрагмент первого тома, содержащий преимущественно информацию об осетинах [Зичи 1967]. Важнейшим источником, раскрывающим различные, в том числе малоизвестные, аспекты деятельности экспедиции «изнутри», служит сравнительно недавно опубликованный дневник одного из участников — историка Лайоша Садецки-Кардоша [Szádecky Kardoss 2000].

Интересные сведения о взаимодействии Е. Зичи с российскими официальными структурами во время его пребывания на Кавказе содержат делопроизводственные докумен-

ты, отложившиеся в фондах Государственного архива Ставропольского края [ГА СК]. Также при подготовке статьи использовались материалы периодической печати того времени [Разные известия 1895].

3. Руководитель и участники экспедиции

Граф Енё (Евгений) Зичи (венг. Zichy Jenő) (1837–1906) принадлежал к старинному, восходящему к XIII в., венгерскому дворянскому роду, чьи представители позднее получили графский титул за военные заслуги. Этот род дал стране множество политических, военных и культурных деятелей. Семья Зичи являлась одной из самых знатных и богатых в Венгрии, она владела поместьями и замками в разных районах страны [Polgárdy 2012: 7].

Примечательно, что среди родственников и друзей Е. Зичи были представлены путешественники, коллекционеры и меценаты. Его отец Эден (Эдмунд) Зичи был крупным коллекционером исторических редкостей и предметов искусства, основателем Восточного музея в Вене и одним из спонсоров австро-венгерской полярной экспедиции 1872–1874 гг. Эта экспедиция открыла арктический архипелаг Франца-Иосифа, при этом группа небольших островов в его составе получила название «Острова Зичи». Несколько путешествий в страны Востока совершили двоюродные братья нашего героя — Йозеф и Август Зичи, а также его близкий друг — граф Бела Сеченьи [Кузнецова-Фетисова 2021: 179].

Еще один родственник Е. Зичи — Михай Зичи — был известным художником, который почти всю свою жизнь прожил в Петербурге и много лет являлся придворным живописцем русского императорского двора. Он неоднократно посещал Кавказ и отразил кавказскую тему в своем творчестве. Придворный художник помог Е. Зичи установить контакты с представителями императорской семьи и организовать аудиенцию у Николая II [Марац 2023: 76].

Граф Е. Зичи стал путешественником уже на склоне лет, имея за плечами многолетнюю политическую карьеру. Получив юридическое образование в германских и

венгерских университетах, он был избран депутатом венгерского парламента в возрасте всего лишь 23 лет. Позднее аристократ избирался туда еще 9 раз, проведя на депутатской скамье три с половиной десятка лет. Одновременно он почти четверть века занимал пост президента Национальной ассоциации промышленности. Политик много сделал для развития венгерской промышленности, а также начального профессионального образования [Polgárdy 2012: 7–8].

По свидетельствам современников, Е. Зичи был человеком очень активным, энергичным, целеустремленным и увлекающимся. Его портреты и фотографии показывают рослого, физически развитого мужчину с рыжими, впоследствии седыми шевелюрой и бородой. Он обладал твердым характером и взрывным темпераментом, который зачастую приносил ему проблемы в общении с другими людьми, в том числе во время путешествий. Следует отметить отменное здоровье и физическую форму графа, который совершал свои путешествия уже в весьма зрелом возрасте — на момент начала первого из них ему исполнилось 58 лет [Polgárdy 2012: 8]. Корреспондент одной из российских газет охарактеризовал руководителя венгерской экспедиции как «бодрого и крепкого старика», который переносил многообразные трудности путешествия наравне с другими, более молодыми участниками [Разные известия 1895: 15–16].

Характерной чертой экспедиций под руководством графа Е. Зичи был их полностью частный характер. Если поездки венгерских ученых в Поволжье, на Урал и в Сибирь в 70–80-е гг. XIX в. финансировала Венгерская академия наук, то здесь инициатором, планировщиком, организатором, руководителем и спонсором в одном лице выступал богатый аристократ. Поскольку его представления о венгерском прошлом не разделяли ведущие ученые данной академии, то он не смог получить от нее никакого содействия, как и от других официальных венгерских учреждений. Е. Зичи полностью финансировал все экспедиции сам. На первую из них он потратил 60 тыс. форинтов, что по тем временам было весьма значительной

суммой [Szádecky Kardoss 2000: 272]. Взгляды, представления, характер и черты личности самого графа повлияли на все аспекты экспедиционной деятельности.

Достаточно часто спонсоры не принимали личного участия в путешествиях. Однако Е. Зичи не только лично прошел все маршруты, руководя учеными, но и сам непосредственно занимался сбором и изучением материала, хотя и не был профессиональным ученым.

Граф был горячим венгерским патриотом, что проявлялось не только в политической и общественной деятельности, но и оказывало влияние на его исторические взгляды. Они испытывали серьезное влияние идей национального романтизма. Как и многие его современники, Е. Зичи не признавал финно-угорскую теорию происхождения венгров и был сторонником так называемого туранизма, который сближал венгров с тюркским миром. Следует заметить, что авторами угро-финской концепции были ученые немецкого происхождения, в то время как венгерские патриоты в то время придерживались «туранской» теории. Для венгров в этом споре имелся и национально-политический контекст, поскольку гипотетическая принадлежность венгров к «туранским» народам служила знаменем венгерскому национальному движению в его противостоянии австро-немецкой правящей элите Габсбургской монархии [Марац 2023: 64–65].

Организатор путешествий сумел привлечь к участию в своих проектах известных венгерских ученых и в целом довольно успешно руководил этими людьми со сложными характерами. Твердо придерживаясь установленных целей путешествия, он в то же время позволял ученым проводить собственные исследования, если они вписывались в общую концепцию. Однако публикацию полученных научных результатов Е. Зичи старался контролировать лично, что не могло не вызвать недовольства ученых, вынужденных следовать его установкам [Polgárdy 2012: 8].

В первой экспедиции Е. Зичи, помимо руководителя, приняли участие еще 6 человек. Трое из них были известными учены-

ми: лингвист Габор Балинт (Балинт-Сентка-толнай) (1844–1913), историк Лайош Садецки-Кардош (1859–1935) и археолог Мор Вошински (1854–1907). Первые двое являлись профессорами Коложварского университета в Трансильвании, а последний был католическим священником. Их сопровождали переводчик Якоб Челингарьян (российский армянин, живший в Венгрии), художник Карой Вутке из Мюнхена и лесничий графа Карой Рошлапиль [Kránitz 2016: 70–71].

Большим подспорьем для экспедиции стало то, что выдающийся лингвист и полиглот Г. Балинт имел богатый опыт подобной работы, в том числе в России, и хорошо владел русским языком, а также успешно изучал тюркские, монгольские и кавказские языки. Еще в 1871–1872 гг. он работал в Поволжье, изучая татарский язык в Казани и калмыцкий язык — в Астрахани. Ученый также собрал богатую коллекцию калмыцкого фольклора¹, которая до сих пор востребована исследователями [Горяева 2017: 6–8].

4. Цели и подготовка путешествия

Непосредственным стимулом для организации путешествия стало одно из наиболее значимых событий общественно-политической жизни Венгрии в конце XIX в., получившее название «Венгерский Миллениум». Так современники называли состоявшееся в 1896 г. широкое и пышное празднование тысячелетнего юбилея «обретения родины» т. е. переселения венгерских племен на Среднедунайскую равнину. По словам современного венгерского историка Ласло Контлера, тогдашние «...мероприятия, открытие памятных сооружений, в основном в столице, грандиозная выставка, на которой демонстрировались достижения Венгрии за десять веков... должны были создать впечатление о венграх как стабильной, великой нации, цивилизовавшей среду древнего исторического обитания» [Контлер 2002: 377].

В связи с подготовкой к юбилею, которая началась задолго до памятной даты, в

¹ Результаты его работы были подготовлены в книге «Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century 2010» изданной в 2011 г. Венгерской Академией наук совместно с Калмыцким научным центром РАН [Kalmyk Folklore 2011].

венгерском обществе оживился интерес к собственной истории, особенно к эпохе венгерского переселения. Научными изысканиями занялись не только профессионалы, но и историки-дилетанты, одним из которых стал Е. Зичи. Всерьез заинтересовавшись древней венгерской историей, он стал активно собирать и изучать источники и литературу по данной теме. Приобретая немалую эрудицию в данной области, граф затем публично высказал свою точку зрения относительно прародины венгров.

Эта проблема до сих пор остается малоизученной и дискуссионной. В настоящее время в науке преобладает мнение о том, что местом формирования и первоначального обитания мадьярских племен (мадьяры — самоназвание венгров) являлась территория Приуралья, откуда они затем постепенно мигрировали на запад — через Поволжье, Приазовье и Северное Причерноморье вплоть до Среднего Дуная. Однако существуют и другие точки зрения [Контлер 2002: 40–46].

В XIX в. венгерскую прародину искали на широких просторах Евразии — от Кавказа до Южной Сибири и от Северного Урала до Персии. По этому поводу в Венгрии шли бурные дискуссии. Е. Зичи принял в них активное участие, отстаивая гипотезу о том, что искомая прародина находилась на территории Северного Кавказа. Впрочем, здесь он не был первооткрывателем.

Еще в начале XVIII в. венгерский офицер на русской службе С. Туркай высказал мнение о том, что название северокавказского города Маджары на реке Кума свидетельствует о проживании там в прошлом мадьярских племен. Через сто лет это попытался доказать венгерский ученый и путешественник Янош Карой Бешше (Беш или де Бесс по французской транскрипции) (1765–1841), который в 1829–1830 гг. совершил путешествие в Крым и на Кавказ. В результате он пришел к выводам, что венгры не только жили на Северном Кавказе в прошлом, но и являлись предками некоторых местных народов. При этом ученый использовал работы античных и средневековых авторов, данные топонимики, а также местный фольклор [Шумкин 2010: 9]. Од-

нако его концепция не получила признания и была возрождена шесть десятилетий спустя как раз благодаря энергичным усилиям Е. Зичи.

31 марта 1895 г. на заседании в престижном будапештском клубе «Национальное казино» Е. Зичи произнес речь, вызвавшую большой общественный резонанс и ставшую программой его последующих путешествий. Раскритиковав угро-финскую теорию, которая помещала венгерскую прародину на Северный Урал, он выдвинул в качестве таковой территорию севернее Кавказских гор, между Каспийским, Азовским и Черным морями. Мадыры, по мнению графа, являлись автохтонным населением этого региона и проживали там до своего позднейшего переселения на север и запад. Он доказывал это, ссылаясь на свидетельства древних и средневековых авторов, при этом отождествляя венгров с гуннами и тюрками [Szádecky Kardoss 2000: 16–21]. Следует заметить, что подобное отождествление как раз было свойственно сторонникам «туранизма».

Несколько позже, во вступительной статье к экспедиционному отчету, Е. Зичи следующим образом резюмировал свои взгляды на проблему венгерского этногенеза: «С незапамятных времен на Кавказе жила раса, которую не встречают нигде больше — кавказская раса... Это было автохтонное население, ядро, из которого вышли более поздние народы Кавказа. Среди них мы имеем прежде всего иранцев (их современными потомками являются осетины); затем тюрко-скифскую расу, изменившуюся под воздействием следующих друг за другом влияний, затем венгерские элементы (гунны, аварцы, мадыры) и, наконец, позднейшее наслоение тюрков...» [Зичи 1967: 283–284].

Чтобы подкрепить существующие теоретические аргументы фактическим материалом, граф в той же знаменитой речи в будапештском клубе объявил об организации им экспедиции на Кавказ. Таким образом, ее главной целью был поиск следов обитания венгров на Кавказе, а также выявление сходных черт у них и современных кавказских народов путем изучения местных языков и

культур. Помимо этого, планировалась поездка в Среднюю Азию — гипотетическую прародину так называемых туранских народов, к числу которых причисляли и венгров [Szádecky Kardoss 2000: 16–21].

Кроме уже названной, экспедиция 1895 г. имела и практическую цель, которая заключалась в сборе предметов материальной культуры для запланированной в рамках «Венгерского миллениума» этнографической выставки [Кузнецова-Фетисова 2021: 180].

Еще до объявления о начале первой экспедиции Е. Зичи стал устанавливать контакты с российскими властями, чтобы получить от них необходимые разрешения и содействие. После его обращения австро-венгерский посол в Петербурге князь Ф. Лихтенштейн направил в российское Министерство иностранных дел официальное письмо, в котором просил разрешить графу Е. Зичи и его спутникам посетить российские владения на Кавказе и в Средней Азии с целью их научного изучения и проведения археологических раскопок. Графу удалось также заручиться покровительством одного из членов семьи Романовых — великого князя Николая Михайловича, который жил на Кавказе и был известным историком и энтомологом [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2382. Л. 17].

Российские власти отнеслись к намерениям графа Е. Зичи в целом благосклонно, хотя в одном принципиальном моменте и создали для него препоны. В Министерстве иностранных дел просьбу австро-венгерского посла поддержали и переслали в соответствующие инстанции. 20 марта (1 апреля по новому стилю) 1895 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново распорядился выдать Е. Зичи открытый лист — так в то время назывался документ, дающий право на свободный проезд по России [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2382. Л. 19].

Однако с оформлением въездных документов одного из членов экспедиции возникли проблемы. М. Вошински был иностранным католическим священником, которым в то время въезд в Россию разрешался лишь в исключительных случаях, причем личным распоряжением министра внутренних дел

(это было связано с конфликтом между российским правительством и Ватиканом из-за польского вопроса). Впрочем, нужное разрешение И. Н. Дурново выдал без проволочек. Его канцелярия сразу же уведомила о готовящемся приезде венгерских ученых Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе (наместника) С. А. Шереметева [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2382. Л. 19–19об].

Что касается выдачи разрешения на проведение раскопок, то этот вопрос находился в компетенции Императорской археологической комиссии. Она рассмотрела обращение австро-венгерского посла разрешить Е. Зичи проводить таковые на российской территории, но в этой просьбе отказала, ссылаясь на существующие законодательные запреты [Кузнецова-Фетисова 2021: 185].

1 (13) апреля глава Кавказского наместничества С. А. Шереметев проинформировал губернаторов кавказских областей и губерний о готовящемся приезде венгерской экспедиции и распорядился «...об оказании гр. Зичи всевозможного содействия и покровительства со стороны местных властей» [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2382. Л. 18–18об]. При этом, однако, особо оговаривалось, что путешественники не имеют права проводить раскопки [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2382. Л. 18–18об]. Позднее аналогичные распоряжения были переданы губернскими и областными властями на более низкий этаж бюрократической машины — начальникам уездов и округов. Так, 12 (24) апреля подобный приказ получил от ставропольского губернатора исправник Новогригорьевского уезда, на территории которого находились развалины города Маджара, куда стремились путешественники [ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2382. Л. 20–21]. Очевидно, содействие со стороны российских властей оказало существенную помощь при проведении экспедиции.

5. Ход экспедиции

Первое путешествие Е. Зичи продлилось три с половиной месяца — с конца апреля до середины августа 1895 г. Использовались различные виды транспорта — как современные (поезда и пароходы), так и традиционные (конные повозки, верховая езда, езда

на верблюдах). Ночевали венгры в придорожных населенных пунктах либо в палатках. С собой везли обширный багаж: летнюю и теплую одежду, оружие и амуницию, запас продуктов, фотографическое оборудование, фонографы для звукозаписи, карты, книги и прочее [Szádecky Kardoss 2000: 74].

Во время экспедиции Л. Садецки-Кардош регулярно отсылал в ведущие венгерские газеты отчеты о пройденном пути, всего их было опубликовано более десятка. Они вызвали огромный интерес в венгерском обществе. В этой связи один из современников иронизировал, что даже пастухи в Венгрии читали эти отчеты и были в курсе поиска «земли обетованной» [Kránitz 2016: 31]. Следует заметить, что, по свидетельствам очевидцев, венгерская экспедиция и на Кавказе, и в Средней Азии встречала со стороны местных жителей благоприятный прием [Разные известия 1895: 15–16].

Маршрут экспедиции можно разделить на шесть больших отрезков: движение из Венгрии на Кавказ; путешествие по Северному Кавказу от Кубани до Осетии; турне в Среднюю Азию; посещение Дагестана и Чечни; поездка по Закавказью; путь с Кавказа в Москву и Петербург с последующим возвращением на родину.

Первую, вступительную, часть маршрута составил переезд из Венгрии на Северный Кавказ. 30 апреля путешественники на поезде выехали из Будапешта в Одессу через австрийский Лемберг (Львов). Первые дни мая они провели в Одессе, занимаясь поисками и покупками интересующих их экспонатов, работой в библиотеках и музеях, встречами с российскими учеными для получения консультаций. Тем же самым члены экспедиции занимались и в других крупных российских городах, которые посетили. Из Одессы в Новороссийск они плыли на пароходе и высадились там 9 мая [Кузнецова-Фетисова 2021: 184].

Сразу же по железной дороге они отправилась в Екатеринодар (Краснодар). Там у Е. Зичи и его спутников состоялась встреча со старшим помощником (заместителем) начальника Кубанской области генерал-майором В. А. Яцкевичем, который предупредил их о небезопасности поездки по горным

районам. Поэтому кубанские власти выделили для сопровождения и охраны венгерских ученых конвой вооруженных казаков. Эта мера служила и для присмотра за экспедицией, переданной на попечение местных властей, а также придавала ей официальную солидность в глазах местных жителей. Казачий эскорт сопровождал путешественников на всем северокавказском маршруте. Кроме того, кубанский атаман предоставил в их распоряжение переводчика, знатока горских наречий Канамата Агирова, абазина по национальности и офицера Кубанской горской милиции. Его помощь была весьма ценной в коммуникациях с местными жителями, и еще он служил информантом для Г. Балинга, собиравшего материал для словаря кабардинского языка [Szádecky Kardoss 2000: 46–47, 62].

Северокавказский маршрут экспедиции занял 3 недели (с 10 по 30 мая) и прошел от Екатеринодара через Майкоп, Армавир, Баталпашинск (современный Черкесск), Пятигорск и Владикавказ. Путешественники передвигались по дорогам в повозках, иногда верхом, лошадей меняли на почтовых станциях. За это время они посетили ряд селений, в которых жили черкесы, карачаевцы, абазины, кабардинцы, осетины и представители других горских народов, а также кубанские и терские казаки.

В горских селениях члены экспедиции собирали необходимые им сведения и приобретали интересовавшие предметы. Не имея возможности вести раскопки, они скупали у местного населения различные археологические артефакты. Предполагалось, что их последующее изучение сможет выявить параллели с древними венгерскими изделиями, однако в итоге этого достичь не удалось [Кузнецова-Фетисова 2021: 184].

Венгерскую научную делегацию интересовали предметы материальной культуры кавказских горцев — одежда, оружие, конская упряжь, мебель, изделия декоративно-прикладного искусства. В них искали сходство с однотипными венгерскими предметами, а также рассматривали в качестве будущих выставочных экспонатов. По мнению венгерских путешественников, некоторые предметы повседневной жизни у черке-

сов были сходными с теми, которые встречались у секеев (этнографической группы венгров, живущей в Трансильвании). В частности это низкие столики, бурка, ковры, орнаменты и определенная пища (хлеб из проса, каша из пшена, пшеничное пиво, шашлык) [Тутаришева 2017: 24–25].

Одним из ценных результатов экспедиции являлась коллекция фотографий, в основном снятых М. Вошински, которые запечатлели горцев в их традиционной одежде, предметы их материальной культуры и т. п. Она была выставлена на этнографической выставке 1896 г., затем передана в Венгерский этнографический музей, и в настоящее время в цифровом виде представлена в Венгерской национальной библиотеке имени Сеченьи [Kránitz 2016: 81].

В каждом горском селении Е. Зичи встречался с местными старейшинами и через переводчика старался выяснить, не сохранились ли в народной памяти какие-либо сведения о венграх, но успеха здесь не имел. Местные жители устраивали в честь гостей празднества. Ученые слушали горские песни, внимательно наблюдали за горскими танцами и обрядами, стараясь опять-таки найти параллели с венгерской народной культурой. При этом они пришли к выводу, что танец лезгинка являлся «двоюродной сестрой» венгерского чардаша. Исследователи старались фиксировать сходные народные обычаи. Например, был отмечен общий для карачаевцев и венгров обычай выставлять вокруг дома на шестах конские черепа для отпугивания злых духов [Szádecky Kardoss 2000: 75].

Отдельный пласт работы экспедиции составляли лингвистические исследования. Е. Зичи стремился отыскать топонимические и антропонимические параллели между Кавказом и Венгрией. Помимо города Маджар, он указывал на сходство этнонимов «даргинцы» и «карачаевцы» с названиями реки Дарго и графства Карачаис в Венгрии и т. п. [Zichy et. al., I 1897: VIII]. Изучая древних авторов, граф обратил внимание на то, что название одного из древних народов Северного Кавказа — зихов (лат. Zychi) — практически совпадало с его фамилией. Отсюда историк-дилетант делал далеко идущ-

щие выводы — как о кавказских корнях своего рода, так и о том, что зихи могли быть предками современных венгров [Zichy et al., I 1897: XXX]. Современная наука считает зихов предками адыгов и абхазов, и никаких общих черт с венграми у них не находит [Марац 2023: 68].

Еще один аргумент Е. Зичи в пользу венгеро-кавказских связей также носил ярко выраженный личный характер. Узнав о существовании известного грузинского княжеского рода Цициановых (Цицишвили), он на основе созвучия фамилий безоговорочно признал его имеющим общие корни с родом Зичи [Zichy et al., I 1897: XXXVII]. Все это можно считать яркими проявлениями дилетантизма и романтизма, которые были прищипаны графу.

По поручению руководителя экспедиции Л. Садечки-Кардош должен быть записывать имена и фамилии встреченных горцев, чтобы найти аналогии с венгерскими. Граф был склонен толковать любое замеченное сходство как доказательство своей гипотезы, но даже участники его собственной команды из числа ученых активно возражали ему, указывая на то, что в разных языках схожие слова могли иметь различное происхождение [Szádecky Kardoss 2000: 75].

Габор Балинт, в отличие от руководителя экспедиции, был профессиональным лингвистом. Он также был убежденным сторонником туранской теории и надеялся установить родство между венгерским и кавказскими языками, в частности кабардинским. Во время поездки Г. Балинт активно собирал материалы для кабардинско-венгерско-латинского словаря, который был издан в Венгрии в 1904 г. Примечательно, что в изложении материала автор словаря стремился найти как можно больше общего между венгерским и кабардинским языками, а также привести параллели из других языков. Но сама по себе эта работа высоко ценится учеными и сохраняет значение до сих пор [Тутарищева 2017: 27–28; Марац 2023: 80].

Отдельный сюжет составило посещение венгерской делегацией в мае 1895 г. села Бургун-Маджары Ставропольской губернии, расположенного близ бывшего города Маджара. Здесь ее, однако, ожидало разо-

чарование, поскольку к этому времени от развалин средневекового города ничего не осталось, а раскопки вести было запрещено. Впрочем, Е. Зичи, М. Вошински и Л. Садечки-Кардош втайне от казачьей охраны все-таки выкопали несколько ям на берегу Кумы, но ничего не нашли. В итоге дело кончилось осмотром местности, безуспешными расспросами местных жителей-армян и покупкой у них же старинной керамики, найденной на месте города [Szádecky Kardoss 2000: 91–95].

30 мая венгры по Военно-Грузинской дороге пересекли Главный Кавказский хребет и оказались на Южном Кавказе. На последующих этапах путешествия они, как правило, вели те же виды исследовательской работы, что и на Северном Кавказе, но с учетом местной специфики. Проведя около недели в главном городе Кавказского наместничества — Тифлисе (Тбилиси), они по железной дороге отправились в Баку, куда прибыли 9 июня [Кузнецова-Фетисова 2021: 184].

После этого началось двухнедельное турне по Средней Азии — территориям современных Туркменистана и Узбекистана. Каспийское море участники вояжа пересекли на пароходе и высадились в порту Красноводска (Туркменбаши), а далее передвигались по железной дороге и останавливались в городах, откуда совершали краткие вылазки на лошадях или верблюдах. 12 июня они прибыли в Ашхабад, через день — в Бухару, 18 июня — в Самарканд. Исследователи посещали места, названия которых могли быть связаны с венграми (Мазар близ Бухары, река Маджардарья, или Магиандарья неподалеку от Самарканда), но никаких связей не нашли. Делегацию принял эмир Бухары, наградивший графа Е. Зичи орденом. В Средней Азии была собрана богатая этнографическая коллекция для выставки (более 270 предметов), но артефактов явно венгерского происхождения среди них не было [Хайрулина 2023: 2]. Таким образом, следов пребывания венгров в прошлом на территории Средней Азии экспедиция Е. Зичи не обнаружила, после чего вернулась на Кавказ.

Высадившись в Баку, венгерский исследовательский отряд 25 июня отправился в Дагестан и Чечню, где провел следующие две недели. Там путешественники действовали по той же схеме, что и ранее на Северном Кавказе, объезжая на конных повозках селения аварцев, кумыков, даргинцев, лезгин, чеченцев и других местных народов. Особый интерес у них вызвало посещение селений, связанных с деятельностью Шамиля — Ведено и Гуниба [Szádecky Kardoss 2000: 170]. Из народов Северного Кавказа схожие с венграми черты граф Е. Зичи нашел у карачаевцев, кабардинцев и кумыков, он полагал, что в их этногенезе мадыарский элемент принимал участие наряду с тюркским [Зичи 1967: 284].

Последние две недели пребывания на Кавказе путешественники провели в Азербайджане, Грузии и Аджарии. 7 июля они из Дагестана вернулись в Баку, 10 июля на поезде прибыли в Тифлис, где задержались на несколько дней. Там члены делегации встретились с великим князем Николаем Михайловичем, оказывавшим им покровительство. Правда, во время торжественного обеда Е. Зичи вызвал его недовольство тем, что принялся критиковать политические порядки в России [Szádecky Kardoss 2000: 200]. Важным для графа Е. Зичи стало его личное знакомство в Гори с грузинским князем Цициановым, которого он считал представителем родственного ему аристократического рода [Zichy et al., I 1897: XXXVII]. Венгерские ученые побывали также в Боржоме, Кутаиси и окрестных селениях, стараясь по-прежнему найти признаки каких-либо связей с Венгрией. Наконец, 23 июля в Батуме они сели на корабль, направлявшийся в Новороссийск, откуда 26 июля на поезде выехали в Москву [Кузнецова-Фетисова 2021: 188].

Поездка венгерской делегации в Москву и Петербург преследовала несколько целей: знакомство с материалами столичных музеев и библиотек, консультации от ведущих российских ученых, закупка археологических и этнографических артефактов. В Москве она пробыла 4 дня, в Петербурге — 10. Благодаря своим аристократическим связям, 9 августа граф Е. Зичи получил аудиенцию у императора Николая II, который в течение

40 минут расспрашивал его об экспедиции [Szádecky Kardoss 2000: 268]. Затем венгерские путешественники на поезде отправились домой и 14 августа пересекли границу России [Кузнецова-Фетисова 2021: 188].

6. Результаты путешествия

За три с половиной месяца Е. Зичи и его спутники преодолели несколько тысяч километров. Скорость их передвижения была довольно высокой, что объяснялось стремлением собрать экспонаты к началу юбилейной выставки, использованием современного транспорта и отсутствием возможности проводить раскопки. Однако это имело негативные последствия, поскольку ученые просто не имели возможности вести планомерные и тщательные исследования. Полученные ими сведения зачастую носили случайный и отрывочный характер. Предметы материальной культуры также подбирались по случайному принципу, их коллекции отличались неполнотой и фрагментарностью. Е. Зичи пришлось покупать готовые археологические коллекции и случайно найденные артефакты, а на их основе было затруднительно делать серьезные выводы из-за сложности определения контекста находок и их географического происхождения. Недостаточность результатов понимал и сам граф, поэтому на следующий год предпринял второе путешествие по сходному маршруту с теми же целями.

Для классификации и каталогизации материалов своих первых путешествий Е. Зичи привлек двух известных ученых из Венгерского национального музея — заведующего отделом древностей Белу Пошта и заведующего отделом этнографии Яноша Янко, которые проделали масштабную и скрупулезную работу. Позднее они приняли участие в третьей экспедиции графа [Kránitz 2016: 97–98].

В 1896 г. привезенные Е. Зичи артефакты были представлены публике на экспозиции в «этнографической деревне», которая была отделом юбилейной выставки. При этом многие из них были выставлены в качестве «древних венгерских» предметов, несмотря на спорность подобного атрибутирования [Кузнецова-Фетисова 2021: 188]. Но, неза-

висимо от этого, сами по себе экспонаты представляли значительную ценность для науки. Впоследствии этнографические коллекции, собранные Е. Зичи, были переданы им в дар в Венгерский этнографический музей, а археологические — в Музей Восточной Азии в Будапеште, где находятся до сих пор [Марац 2023: 71].

В 1897 г. вышел из печати двухтомный отчет о работе первых двух экспедиций под названием «Путешествия по Кавказу и Центральной Азии. Миграция венгерской расы. Описание коллекций», его авторами являлись Е. Зичи, Б. Пошта и Я. Янко. Примечательно, что никто из ученых, принимавших участие в первой экспедиции, в состав авторского коллектива не вошел. Первый том отчета состоял из объемной статьи Е. Зичи «Миграция венгерской расы», в которой он излагал принципы и основное содержание своей исторической гипотезы, и этнографических очерков, написанных Я. Янко. Они были посвящены народам Кавказа и Средней Азии, экспедиционный материал в них был обильно дополнен сведениями из работ тогдашних ученых. Второй том, составленный Б. Поштой, содержал детальное описание почти 2,5 тыс. археологических артефактов, привезенных экспедицией [Zichy et al., I 1897; Zichy et al., II 1897]. Несмотря на определенные недостатки, материалы отчета, безусловно, послужили приращению научного знания. Они используются в работе археологов и этнографов, изучающих Кавказ, до сих пор [Кузнецова-Фетисова 2021: 186].

Деятельность Е. Зичи и его спутников способствовала формированию в Венгрии интереса к изучению Кавказа, а также активизировала исследование проблем древней венгерской истории. Однако своей главной цели экспедиция так и не достигла. Собранные ею доказательства гипотезы «кавказского прародиния» венгров выглядели слабыми и натянутыми, поэтому сразу же после публикации были оспорены научными оппонентами Е. Зичи. На страницах венгерских журналов развернулась острая дискуссия между графом и самым ярким критиком, венгерским ученым немецкого происхождения Отто Германом. В итоге граф, чтобы подкрепить свои слова новыми доказатель-

ствами, предпринял в 1896–1898 гг. еще две экспедиции для поиска следов древних венгров. В конечном итоге научная гипотеза Е. Зичи признания так и не получила, хотя до сих пор у нее в Венгрии есть последователи [Polgárdy 2012: 9].

Согласно наиболее распространенным в современное время научным представлениям, маршрут «великой венгерской миграции» пролегал от Приуралья через Приазовье и причерноморские степи. Большинство ученых размещают на Дону и в Приазовье известную по византийским источникам «страну Леведию», где венгерские племена проживали во времена Хазарского каганата. В то же время ряд исследователей, как венгерских, так и российских, расширяет возможный ареал венгерского обитания в это время на юг — до рек Кубань и Кума. За время, прошедшее после экспедиций Е. Зичи, археологи, этнографы, фольклористы нашли немало свидетельств венгерского пребывания на Северном Кавказе, и установили наличие активных контактов венгров с местными народами в период средневековья. Однако речь в данном случае идет скорее о присутствии в этом регионе отдельных групп венгров, вероятно, отделившихся от их основного массива во время «великой венгерской миграции» [Шумкин 2010: 12–13, 43–44]. Таким образом, граф Е. Зичи был прав относительно «венгерского присутствия» на Северном Кавказе, но заблуждался, считая этот район «венгерской прародиной».

7. Заключение

Экспедиция 1895 г. — первое из трех путешествий венгерских ученых, инициатором, организатором и руководителем которых выступал венгерский аристократ и политик Е. Зичи. Ее основной целью был поиск следов пребывания венгров на Кавказе в далеком прошлом, чтобы доказать гипотезу об их «кавказской прародине». Кроме того, велся сбор древних и современных предметов материальной культуры различных народов, чтобы представить их в этнографическом отделе венгерской юбилейной выставки 1896 г.

Первое путешествие графа Е. Зичи продлилось с апреля по август 1895 г., его

маршрут прошел через весь Северный Кавказ, отдельные части Южного Кавказа и Средней Азии. Члены экспедиции вели комплексные исследования, включавшие сбор исторических свидетельств и фольклора, запись и анализ лингвистических материалов, а также занимались покупкой археологических и этнографических артефактов.

Результатами экспедиции 1895 г. стали богатые коллекции археологических и этнографических материалов, позднее передан-

ные в венгерские музеи, а также изданный два года спустя двухтомный отчет. В то же время собрать убедительные доказательства гипотезы о «кавказской прародине» венгров Е. Зичи не удалось. Поэтому в последующие годы он организовал еще две экспедиции со сходными целями на территорию Российской империи. И хотя в конечном итоге эта гипотеза так и не была доказана, собранные экспедициями материалы и коллекции являются весомым вкладом в науку.

Источники

ГА СК — Государственный архив Ставропольского края.

Sources

State Archive of Stavropol Krai.

Литература

Разные известия 1895 — Разные известия // Неделя. 1895. 25 июня. С. 15–16.

Горяева 2017 — Горяева Б. Б. Калмыцкие сказки в записи Габора Балинта // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 4. С. 6–32. DOI: 10.22162/2587-6503-4-4-6-32

Зичи 1967 — Зичи Е. Путешествие по Кавказу и Центральной Азии // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.) / сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. С. 283–297.

Кережи, Березина 2022 — Кережи А., Березина А. В. Финно-угорская коллекция венгерского этнографического музея: история и перспективы научного сотрудничества с Россией // Цивилизационные перемены в России. Мат-лы науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 23 марта 2022 г.). Екатеринбург: Уральский государственный лесотехнический университет, 2022. С. 47–53.

Контлер 2002 — Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. 656 с.

Кузнецова-Фетисова 2021 — Кузнецова-Фетисова М. Е. Первые экспедиции графа Энэ Зичи по Российской империи (1895–1896): цели и результаты // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 4. С. 177–189.

Марац 2023 — Марац Л. Габор Балинт Сенткатолнаи (1844–1913) и исследования кабардинского языка // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Вып. 7 / ред. и сост. И. В. Кузнецов, Р. Ш. Кузнецова, В. И. Колесов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 57–83.

References

Miscellaneous. *Nedelya*. 1895, 25 June. Pp. 15–16. (In Russ.)

Goryaeva B. B. Kalmyk folktales recorded by Gábor Bálint. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 4. Pp. 6–32. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-4-4-6-32

Zichy J. Travels in the Caucasus and Central Asia. In: Kaloev B. A. (comp.) *Ossetians in the Eyes of Russian and Foreign Travelers, Thirteenth to Nineteenth Centuries*. Ordzhonikidze: North Ossetia Book Publ., 1967. Pp. 283–297. (In Russ.)

Kerezhi A., Berezina A. V. Finno-Ugrian collection of the Hungarian ethnographic museum: History and prospects of scientific cooperation with Russia. In: *Civilizational Changes in Russia. Conference proceedings (Yekaterinburg, 23 March 2022)*. Yekaterinburg: Ural State Forestry Engineering University, 2022. Pp. 47–53. Available at: https://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/11350/1/Civil-22_07.pdf (accessed: 27 June 2024). (In Russ.)

Kontler L. *A History of Hungary: Millennium in Central Europe*. Moscow: Ves Mir, 2002. 656 p. (In Russ.)

Kuznetsova-Fetisova M. E. Count Jenő Zichy's first two expeditions on the territory of Russian Empire (1895–1896): Their goals and outcomes. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. No. 4 (18). Pp. 177–189. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7302-2021-4-177-189

Marác L. Gábor Bálint Szentkatolnai (1844–1913) and his exploration of the Kabardian language. In: Kuznetsov I. V., Kuznetsova R. Sh., Kolesov V. I. (comps., eds.) *Archaeology and Ethnography of Pontic and Caucasian Area*. Vol. 7. Krasnodar: Kuban State University, 2023. Pp. 57–83. (In Russ.)

- Тутарищева 2017 — Тутарищева М. К. О «кабардино-венгерско-латинском словаре» Г. Балинта // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. А. Керашева. 2017. № 13. С. 23–29.
- Хайрулина 2023 — Хайрулина А. Венгерские экспедиции в Узбекистан в конце XIX – начале XX века: что искали ученые? [электронный ресурс] // Даракчи. 08.05.2023. URL: <https://darakchi.uz/ru/166011> (дата обращения: 27.06.2024).
- Шумкин 2010 — Шумкин А. В. Маджары в фольклоре народов Северного Кавказа и письменных источниках // История народов России в историях и документах. Вып. 4 / отв. ред. В. В. Тrepавлов. М.: Институт российской истории РАН, 2010. С. 5–53.
- Kalmyk Folklore 2011 — Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's (= Филологические исследования калмыцкого фольклора и народной культуры в XIX веке, основанные на западномонгольских (калмыцких) текстах Габора Балинта из Сенткатолны). Будапешт, 2011. 380 p.
- Kránitz 2016 — Kránitz P. P. Magyarok a Kaukázusban. A magyar őshaza kutatása Örményországban és a Kaukázusban (= Венгры на Кавказе. В поисках венгерской родины в Армении и на Кавказе). Budapest: Országos Széchényi Könyvtár, 2016. 135 p.
- Polgárdy 2012 — Polgárdy G. Emlékezés a százhetvenöt éve született gróf Zichy Jenőre (= Памяти графа Енő Зичи, родившегося сто семьдесят пять лет назад) // Honismeret. 2012. № 4. Pp. 7–10.
- Szádecky Kardoss 2000 — Szádecky Kardoss L. Zichy-expedíció Kaukázus, Közép-Ázsia 1895 (= Экспедиция Зичи на Кавказ и в Центральную Азию 1895). Budapest: Magyar Östörténeti Kutató és Kiadó, 2000. 251 p.
- Zichy et al., I 1897 — Zichy J., Jankó J., Pósta B. Kaukázusi és közép Ázsiai utazásai. A Magyar faj vándorlása. A gyűjtemények leírása (= Путешествия по Кавказу и Центральной Азии. Миграция венгерской расы. Описание коллекций). Budapest: Ranschburg Gustáv Kiadása, 1897. Vol. 1. 372 p.
- Zichy et al., II 1897 — Zichy J., Jankó J., Pósta B. Kaukázusi és közép Ázsiai utazásai. A Magyar faj vándorlása. A gyűjtemények leírása (= Путешествия по Кавказу и Центральной Азии. Миграция венгерской расы. Описание коллекций). Budapest: Ranschburg Gustáv Kiadása, 1897. Vol. 2. 292 p.
- Tutarishcheva M. K. More on G. Bálint's Kabardian-Hungarian-Latin dictionary. *Vestnik nauki Adygeyskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy imeni T. A. Kerasheva*. 2017. No. 13. Pp. 23–29. (In Russ.)
- Khairulina A. Hungarian expeditions to Uzbekistan in the late nineteenth and early twentieth centuries: What were the researchers seeking for? On: Darakchi. Posted on 8 May 2023. Available at: <https://darakchi.uz/ru/166011> (accessed: 27 June 2024). (In Russ.)
- Shumkin A. V. Magyars in North Caucasian folklores and written sources. In: Trepavlov V. V. (ed.) *History of Russia's Peoples: Eyewitness Accounts and Documents*. Vol. 4. Moscow: Institute of Russian History (RAS), 2010. Pp. 5–53. (In Russ.)
- Birtalan Á., Basangova (Bordzhanova) T. G., Goryaeva B. B. (eds.) *Kalmyk Folklore and Folk Culture in the Mid-19th Century: Philological Studies on the Basis of Gábor Bálint of Szentkatolna's Kalmyk Texts*. Budapest, 2011. 380 p. (In Eng. and Kalm.)
- Kránitz P. P. Hungarians in the Caucasus: Search for the Hungarian Homeland in Armenia and the Caucasus. Budapest: National Széchényi Library, 2016. 135 p. (In Hung.)
- Polgárdy G. Celebrating the 175th birthday of Graf Jenő Zichy. *Honismeret*. 2012. No. 4. Pp. 7–10. (In Hung.)
- Szádecky-Kardoss L. The 1895 Expedition of Graf Jenő Zichy to the Caucasus and Central Asia. Budapest: Studies and Publications on General Hungarian History, 2000. 251 p. (In Hung.)
- Zichy J., Jankó J., Pósta B. Travels in the Caucasus and Central Asia. The Hungarian Migration. Depictions of Collected Materials. Vol. 1. Budapest: G. Ranschburg, 1897. 372 p. (In Hung.)
- Zichy J., Jankó J., Pósta B. Travels in the Caucasus and Central Asia. The Hungarian Migration. Depictions of Collected Materials. Vol. 2. Budapest: G. Ranschburg, 1897. 292 p. (In Hung.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 734–749, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 327.58

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-734-749

Турецкий фактор в уйгурском вопросе Китая

Давид Гургенович Бдоян¹, Татьяна Николаевна Литвинова²

- ¹ Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 3, ул. Новоспортивная, 143005 Одинцово, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-2810-3808. E-mail: [d.g.bdoyan\[at\]gmail.com](mailto:d.g.bdoyan[at]gmail.com)

- ² Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 3, ул. Новоспортивная, 143005 Одинцово, Российская Федерация)

доктор политических наук, доцент, профессор

 0000-0002-5382-3751. E-mail: [tantin\[at\]mail.ru](mailto:tantin[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бдоян Д. Г., Литвинова Т. Н., 2024

Аннотация. Введение. В последнее время активизируется критика китайского руководства по вопросу ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Ряд исследований ООН, а также негосударственных организаций обвиняют КНР в нарушении прав уйгурского населения. Западные государства используют данную проблему как инструмент политического давления на КНР. В то же время реакция на данные события руководства Турции — государства, которое позиционирует себя как лидера «тюркского мира» — остается сдержанной. *Материалы и методы.* В рамках статьи, опираясь на методологию интернационализации (расширения) этнического конфликта и структурно-реалистический подход в теории международных отношений, авторы определяют главные факторы внешнеполитического курса Турции по проблеме уйгуров. В работе использованы методы исторического и ситуационного анализа, проведен анализ документов и заявлений лиц, принимающих решения, мониторинг СМИ для определения наиболее конфликтных моментов турецко-китайских отношений и их причин. *Результаты.* В данном исследовании посредством исторического и ситуационного анализа выявлено, что турецкое руководство ведет двойственную политику по вопросу нарушения прав мусульманского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района, являющуюся отражением противоречия между «неоосманским» видением роли Турции в современном мировом порядке и необходимостью проведения прагматичного внешнеполитического курса в духе политического реализма. Учитывая возвышающуюся роль КНР в современной системе международных отношений и ее закрепление в качестве одного из ключевых центров силы в формирующемся многополярном мире, Турция отказывается от активной критики в адрес китайского руководства. *Выводы.* В качестве основных факторов двойственности позиции Турции в отношении уйгурской проблемы в КНР выявлены: с одной стороны, «неоосманские» амбиции страны и поддержка уйгуров в общественном сознании, а с другой стороны, беспрецедентный валютно-финансовый кризис в Турции, необходимость поиска иностранных инвестиций в страну, участие в китайской инициативе «Один пояс — один путь» и военно-техническое сотрудниче-

ство между Турцией и Китаем. Результаты исследования показывают приверженность турецкого руководства традиционным принципам политического реализма, согласно которым главными национальными интересами государства являются обеспечение безопасности населения и стабильности экономического развития страны.

Ключевые слова: Синьцзян-Уйгурский автономный район, уйгуры, турецко-китайские отношения, «неоосманизм», «тюркский мир»

Для цитирования: Бдоян Д. Г., Литвинова Т. Н. Турецкий фактор в уйгурском вопросе Китая // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 734–749. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-734-749

The Turkish Factor in China's Uyghur Question

David G. Bdoyan¹, Tatiana N. Litvinova²

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Odintsovo Branch (3, Novosportivnaya St., 143005 Odintsovo, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

0000-0002-2810-3808. E-mail: d.g.bdoyan[at]gmail.com

² Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Odintsovo Branch (3, Novosportivnaya St., 143005 Odintsovo, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Associate Professor, Professor

0000-0002-5382-3751. E-mail: tantin[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bdoyan D. G., Litvinova T. N., 2024

Abstract. Introduction. The situation in China's Xinjiang Uyghur Autonomous Region is drawing increased international attention. A number of UN reports and ones by non-governmental organizations accuse the PRC of violating the rights of the Uyghur population. Western powers tend to use the issue as a tool of political pressure on China. However, the reaction of Turkey — a nation that positions itself as leader of the 'Turkic world' — remains somewhat restrained. **Materials and methods.** The paper addresses the methodology of internationalization (expansion) of ethnic conflict and the structural realist approach in the theory of international relations to identify key factors of Turkey's foreign policy on the Uyghur agenda. The employed methods include those of historical and situational analysis, while the attempted insights into documents and statements of decision-makers coupled with mass media monitoring efforts seek to identify most conflictive aspects of Turkey-China relations and determine their causes. **Results.** The conducted historical and situational analyses reveal Turkey is pursuing an ambivalent policy on the issue of Muslims' violated rights in Xinjiang Uyghur Autonomous Region, which manifests the contradiction between the 'neo-Ottoman' vision of Turkey's role in the contemporary world order — and the need of a pragmatic foreign policy course in the spirit of political realism. Given China's role in the present-day system of international relations is actually increasing to shape a crucial center of power in the emerging multipolar world, Turkey restrains from any essential criticism towards the Chinese Government. **Conclusions.** The work identifies main factors behind Turkey's dual position on the Uyghur question in the PRC: the country's 'neo-Ottoman' ambitions and support for the Uyghurs in public consciousness — and the unprecedented monetary/financial crisis in Turkey, a need to seek foreign investment, participation in the Belt and Road Initiative, and military/technical cooperation with China. The study attests to the Turkish Government retains its commitment to the traditional principles of political realism basically aimed at ensuring national security and stability of economic development.

Keywords: Xinjiang Uyghur Autonomous Region, Uyghurs, Turkey-China relations, 'neo-Ottomanism', 'Turkic world'

For citation: Bdoyan D. G., Litvinova T. N. The Turkish Factor in China's Uyghur Question. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 734–749. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-734-749

1. Введение

Сецессионные конфликты, сложные межэтнические отношения и религиозный экстремизм являются угрозами для многих полиэтнических государств. Китай, выступающий одним из центров современного трансформирующегося миропорядка, также очень чувствителен к национально-религиозным вопросам, особенно, когда помимо внутренней угрозы активизируются также внешние дестабилизирующие силы. К внешним угрозам относятся как возможное проникновение экстремистских групп из Центральной Азии, Ближнего Востока и Афганистана, так и позиция некоторых стран относительно внутривосточных национальных вопросов Китая. Речь, в частности, идет о Турции, которая в условиях нахождения у власти происламской Партии справедливости и развития (ПСР) и Президента Реджепа Тайипа Эрдогана с «неоосманскими», «пантюркистскими» взглядами приняла на себя роль покровителя как тюркоязычных народов, так и мусульман в целом.

Самым многочисленным тюркоязычным народом Китая являются уйгуры, компактно проживающие в крупнейшей по площади территориально-административной единице страны — Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). СУАР граничит с Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Монголией, Афганистаном и Индией, включая территории штатов Джамму и Кашмир, контролируемые Пакистаном. Границы этого района совпадают с историческим Восточным Туркестаном, который является также родиной уйгуров и многих других тюркоязычных народов: узбеков, киргизов, казахов, татар и саларов, а также монголов. Имея большую численность, уйгуры оказывают серьезное влияние на эти народы.

В условиях повышенного давления на КНР со стороны государств Запада по вопросу соблюдения прав человека на территории СУАР, а также активизации турецкой внешней политики в духе «неоосманизма»

и «пантюркизма» представляется важным рассмотреть политику Турции по отношению к уйгурскому населению КНР.

2. Материалы исследования

Интернационализация (расширение) внутрисосударственного этнического конфликта исследуется в рамках теории этнополитических конфликтов и тесно связана с концептом идентичности. Этническая идентификация, согласно Дж. Ротшильду, может определяться одним из шести критериев: расой, генетическим родством народов, религией, языком, традиционным образом жизни и региональной принадлежностью [Rothschild 1981: 11]. Находя у себя один или несколько признаков этнического родства с меньшинством, проживающим даже в относительном географическом удалении, нация-государство может встать на защиту этого меньшинства. Вовлечение иностранного государства во внутренний конфликт может быть объяснено инструменталистскими или аффективными мотивами [Carment et al. 2009: 69]. Инструментальные мотивы участия иностранных государств в этническом конфликте включают: политические и экономические соображения, внутреннюю политику и военные интересы. Однако инструментальный подход не всегда способен объяснить мотивы вмешательства. Иногда вмешательство элиты иностранного государства также пронизано мощным аффективным компонентом, который включает в себя: ощущение исторической несправедливости, общую идентичность, религиозную близость, общие идеологические принципы или расово-культурную близость с этническим меньшинством. Аффективные мотивы могут также включать гуманитарные соображения без привязки к этнической близости [Regan 2002: 48]. Даже когда вмешательство в конфликт аффективно мотивировано, если вариант дорогостоящий, иностранные элиты пытаются продемонстрировать солидарность с этническим меньшинством, используя недорогие варианты. Государства могут быть вовлечены в этнические конфликты

за рубежом, применяя политическое или дипломатическое давление, особенно когда они либо не желают, либо не способны предоставлять ресурсы [Carmentet et al. 2009: 70]. Например, относительно недорогими и вряд ли приводящими к существенным изменениям в расстановке сил являются следующие формы вовлечения: выражение озабоченности гуманитарной проблемой; призыв к урегулированию конфликта между центральным правительством и этническим меньшинством путем переговоров; четкое заявление, что сепаратисты имеют право на самоопределение; наконец, признание сепаратистского движения как государства [Heraclides 1991: 48]. В настоящее время этнический конфликт в Синьцзян-Уйгурском автономном районе находится на подъеме, а развитие его международного измерения не способствует разрешению конфликта. В рамках статьи, опираясь на методологию интернационализации (расширения) этнического конфликта и структурно-реалистический подход в теории международных отношений, мы определим главные факторы внешнеполитического курса Турции по проблеме уйгуров.

В качестве материалов для исследования привлекается широкий круг источников: во-первых, отчеты международных независимых экспертов ООН [Xinjiang report 2022] и доклад Верховного Комиссара ООН по правам человека относительно ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) [Доклад ООН 2022]; во-вторых, данные статистики, например о численности уйгуров в Китае [Xinjiang Population 2021]; в-третьих, результаты опросов общественного мнения турецкого населения по проблемам отношений с Китаем, проведенные исследовательским центром Пью «Pew Research Center» (США) в 2015 г. [Global Ratings 2015] и Istanbul Ekonomi Araştırma (Турция) в 2020 г. [China is Playing 2022]. Кроме того, в статье использовались материалы различных информационных агентств и СМИ, таких как: «Anadolu», «South China» «Morning Post», «China Daily», «New York Times», «Reuters», «Asia Times», «Al Jazeera». Наибольший вклад в изучение проблем уйгурского населения Китая внесли такие зару-

бежные исследователи, как: [Clarke 2011; Zang 2015; Zenz 2018; Chen 2021] и др. Проблемы взаимоотношений Турции и Китая по уйгурскому вопросу рассматривались в работах российских [Мехдиев 2016; Товсултанов и др. 2021; Третьяк 2022], а также турецких авторов [Çakırer-Özservet 2015; Bonnenfant 2020; Bonnenfant 2022; Köprülü 2021].

В работе использованы методы исторического и ситуационного анализа, осуществлен анализ документов и заявлений лиц, принимающих решения, мониторинг СМИ для определения наиболее конфликтных моментов турецко-китайских отношений и определения их причин.

3. История уйгурского населения СУАР

Территория современного СУАР вошла в состав Китая в середине XVIII в. Однако спустя столетие, воспользовавшись восстанием мусульман, местное тюркоязычное население смогло добиться фактической независимости. В результате были образованы разрозненные города, которые в 1860 г. предводитель уйгуров Магомед Якуб бек Бадаulet объединил в единое государство под названием Йеттишар (в переводе — «Семиградье»). Это государство просуществовало около 15 лет, и сразу после подавления мусульманского восстания снова было присоединено к Китаю и переименовано в Синьцзян (в переводе с китайского — «Новая граница»). Единственной территорией Синьцзяна, которую Китай не контролировал, был Илийский край, входивший с 1871 г. в состав Российской империи. Однако в 1881 г., согласно Петербургскому договору, он был передан Китаю, взамен на выплаты за управление территорией в течение 10 лет [Kamalov 2016: 183].

В начале XX в. стремление уйгуров к политической независимости получило дополнительный стимул, что было связано как с проникновением в регион пантюркистских идей из Турции, так и с революцией 1917 г. Так, позиции местных тюркоязычных народов серьезно усилились из-за переселения в данный район части мусульманского населения Центральной Азии и начала басма-

ческого движения, представители которого прятались в Синьцзяне и оттуда совершали свои набеги. Помимо этого, создание руководством Советского Союза среднеазиатских республик являлось важным прецедентом для уйгур, которые надеялись получить если не независимость, то хотя бы автономию в составе Китая.

В середине XX в. уйгуры дважды получили независимость и дважды ее потеряли. В 1933 г. была образована Тюркская Исламская Республика Восточного Туркестана или Республика Уйгуристан со столицей в Кашгаре. Не просуществовав и года, республика подверглась совместному нападению со стороны гоминьдановского Китая и СССР. Мотивацией И. В. Сталина в тот момент было не допустить распространения протестного потенциала тюркского народа на среднеазиатские республики СССР. Аналогичная ситуация произошла в 1944 г., когда после продолжительных протестов уйгурского народа была провозглашена новая Восточно-Туркестанская Республика. Изначально уйгуры достигли договоренности с гоминьдановским Китаем о создании коалиционного правительства, но на фоне продолжавшихся поражений Гоминьдана на всех фронтах Восточно-Туркестанская Республика вела все более независимую политику. В то же время существование независимого уйгурского государственного образования не было в интересах ни СССР (по вышеупомянутой причине), ни Китая [Hayit 1971: 308–340].

В 1949 г., после победы коммунистической партии Китая над гоминьдановцами, произошло вхождение Синьцзяна в состав КНР. В Конституции КНР 1954 г. есть пункт, в котором говорится, что «Китайская Народная Республика является единой многонациональной страной, и региональная автономия должна быть на практике в тех областях, где проживают меньшинства» [Rong 2006: 94]. 1 октября 1955 г. в составе Китайской Народной Республики был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Подавленное с первых дней существования КНР этническое самосознание уйгуров резко пробудилось с началом Культурной революции, целью которой было искоре-

нить все, что являлось «классовым противоречием». С 1966 г. по 1976 г. в Синьцзяне не предпринимались радикальные способы устранения старых обычаев и религиозных практик этнического меньшинства: преследовались священнослужители, закрывались мечети и уничтожались религиозные книги, что вызвало возрождение этнического самосознания уйгуров и негодование против ханьского большинства [Clarke 2011: 65–70].

После 1978 г. Пекин стремился решить уйгурский вопрос посредством более толерантной культурной и экономической политики. Уйгурам была предоставлена определенная степень свободы в плане религиозного и культурного самовыражения. Также применялась политика преференций в таких областях, как прием в школу, трудоустройство и продвижение по службе, а также региональная инфраструктурная поддержка [Zang 2015: 109–111]. Правительство надеялось, что экономический рост сгладит межэтнические противоречия и будет способствовать укреплению национального единства. Однако, несмотря на динамичное экономическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района, этническая напряженность сохранялась.

Автономные районы современного Китая определяются, главным образом, с учетом концентрации проживающих меньшинств, независимо от того, составляют ли они большинство или меньшинство в этих регионах. Например, в 2000 г. монголы составляли 15 % от общей численности населения Автономного района Внутренняя Монголия. Система была создана для того, чтобы группы меньшинств играли ведущую роль и управляли своими делами в автономных регионах. Закон об автономии национальных меньшинств в Китайской Народной Республике был принят Всекитайским собранием народных представителей в 1984 г. Он содержит подробные положения, касающиеся управления, юрисдикции, образования, вопросы религии и культуры в автономных районах.

Главные должностные лица правительственных подразделений на всех уровнях администрации должны назначаться или избираться из представителей основного

этнического меньшинства. На самом деле секретари Коммунистической партии всех уровней избирались в основном из ханьского большинства. По сути, в этом плане КПК следовала опыту СССР, где для поддержания баланса сил между административной системой и КПСС, а также единой власти через партийную систему первый секретарь в автономной республике был русским [Rong 2006: 97].

В 1980–1990-е гг. ситуация усугубилась в связи с массовым притоком ханьцев, занимавших рабочие места в горнодобывающей отрасли и, по сути, взявших под контроль экспорт нефти и газа из СУАР. Развитию гармоничных отношений между ханьским большинством и уйгурским меньшинством во многом препятствовали слабые межэтнические контакты, а также религиозная идентичность (большинство уйгуров идентифицирует себя как мусульмане-сунниты) и сепаратистские настроения последних. Нынешние «пантюркизм» и «панисламизм» появились в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в конце XX в., когда на политическую сцену вышли сепаратисты, пропагандирующие ислам и использование уйгурского языка с целью создания теократического государства «Восточный Туркестан». Пропаганда этого так называемого государства стала политическим инструментом и программой сепаратистов и антикитайских сил, пытающихся расколоть Китай. Ощущение эксплуатации уйгуров, подогреваемое давлением с целью языковой и культурной ассимиляции, привели к росту демонстраций и восстаний. Например, 5 июля 2009 г. вспыхнули массовые беспорядки в Урумчи, в которых приняли участие до 3 000 человек [Chen 2021: 234]. Крайними проявлениями этого конфликта также стали теракты в Куньмине (1 марта 2014 г.) и Урумчи (22 мая 2014 г.), которые оказали долговременное влияние на отношения между этническими группами [Huang et al. 2020: 128].

Национальное правительство начало предпринимать меры по «деэкстремизации» населения региона, запустив в 2013 г. соответствующую программу перевоспитания «проблемных людей». Например, в новостном репортаже в августе 2014 г. о работе по

«деэкстремизации» в округе Кагилик (Ечэн), регионе с уйгурским большинством в южной префектуре Кашгар Синьцзяна, описывалась программа по перевоспитанию, которой были подвергнуты 259 «проблемных людей», прошедших до 10 дней тренировок «закрытого типа». Мероприятия включали дискуссии, написание личных размышлений и просмотр обучающих видеороликов [Zenz 2018: 113]. Программа перевоспитания быстро превратилась в сеть баз, была создана трехуровневая система (город, округ, поселок / деревня) «трансформации через воспитание». «Проблемные люди», не достигшие «трансформации», передавались на базу более высокого уровня. Подлежащие перевоспитанию делились на группы от А до D в зависимости от идеологических отклонений: от 4 дней (D) для тех, кто подвергся легкому воздействию экстремистских идей, до 20 дней (A) для упорно протестующих. Согласно отчетам местных органов власти в 2015–2016 гг., успешность таких воспитательных мер варьировалась от 85 % до 91 %.

В 2016 г. новым секретарем партии в СУАР стал Чэнь Цюаньго, имевший репутацию руководителя, достигшего значительных успехов в секьюритизации Тибетского автономного района. 29 марта 2017 г. правительством СУАР была принята Директива № 14, согласно которой центры перевоспитания могли располагаться в существующих центрах для содержания под стражей преступников, в центрах подготовки полицейских или вновь построенных объектах. Точных данных по количеству интернированных уйгуров, подвергшихся системе перевоспитания, нет, но по различным косвенным данным и свидетельствам правозащитников Эндрю Зенц говорит о примерно 1 млн человек (до 11,5 % взрослого населения СУАР) [Zenz 2018: 116, 122].

В настоящее время население Синьцзян-Уйгурского автономного района составляет около 25 млн, примерно 12 млн из которых уйгуры [Xinjiang Population 2021]. Зарубежная диаспора уйгуров, согласно данным «Всемирного уйгурского конгресса», насчитывает около 500–600 тыс. человек, примерно 60 тыс. из которых проживают в Турции [Bonnenfant 2022].

4. Турция и проблемы уйгуров

Турок и уйгуров объединяют тесные этнические, языковые и культурные связи. Уйгуры считаются потомками древних тюркских племен, проживавших на территории Кавказа и Средней Азии [Qidi et al. 2017: 2572].

До начала 1990-х гг. Турция оставалась центром деятельности уйгурской диаспоры за рубежом. После захвата территории Восточного Туркестана коммунистическими силами Китая, большие потоки уйгуров переместились сначала в Пакистан и Индию, а затем в 1952 г. были приняты в Турцию в качестве оседлых иммигрантов [Çakirer-Özservet 2015: 68]. В те времена в Турции уйгуры получали достаточно масштабные льготы, поэтому именно там были заложены основы деятельности уйгурской диаспоры под руководством Мухаммада Эмина Богры и Исы Юсуфа Альптекина — главных лидеров первой волны иммиграции. В Турции, таким образом, процветала издательская деятельность уйгуров (выпускались журналы «Туркестан», «Голос Туркестана» и «Голос Восточного Туркестана»), а также происходила постепенная институционализация деятельности диаспоры (в 19600 г. была создана Ассоциация иммигрантов Восточного Туркестана, а в 1978 г. — Фонд Восточного Туркестана) [Bonnenfant 2020: 111–112].

В 1990-х гг. наступил новый этап отношений между Турцией и уйгурами, который характеризовался гораздо большей противоречивостью. Учитывая этническую и культурную близость турок и уйгур, последние стали частью новой стратегии «неоосманства», современной внешней политики Турции. Зарождение данной стратегии как поиска преемственности между Османской империей и современной Турцией произошло во время президентства Тургута Озала (1989–1993 гг.). Именно тогда Турция начала вести более активную внешнюю политику как в сопредельных регионах, так и в так называемом «тюркском мире». Президент Турции Т. Озал назвал XXI век «веком турок» и провозгласил, что «тюркский мир должен стать доминирующий фактором от Балкан до Великой Китайской стены» [Мехдиев 2016: 33]. Таким образом, еще в начале

1990-х гг. стали слышны первые заявления о стремлении к интеграции с уйгурами со стороны турецкого руководства.

Турецко-китайские отношения прошли через ряд кризисов, связанных с политикой китайского руководства по отношению к мусульманскому населению Синьцзян-Уйгурского автономного района. В 1994 г., будучи мэром Стамбула, Р. Т. Эрдоган назвал небольшой парк в центре города именем И. Ю. Альптекина — одного из лидеров уйгурского движения в изгнании, который бежал в Турцию после присоединения территории Синьцзяна к КНР [Duerkop 2020: 9]. Тогда же Р. Т. Эрдоган заявил следующее: «Восточный Туркестан — родина тюрков, колыбель тюркской истории, цивилизации и культуры. Забыв это, мы забудем наши корни, попадем в пучину невежества. Мученики Восточного Туркестана — наши мученики» [Shichor 2009: 2].

Следует отметить, что внешняя политика Турции всегда была зависима от позиции Вооруженных сил страны, особенно в период возвращения Турции к «неоосманской» политике [Dorronsoro, Gourisse 2015: 609]. Этим объясняется отказ турецкого руководства от поддержки уйгурского населения после визита командующего военно-воздушными силами (далее — ВВС) Турции Х. Бурхана в КНР, в ходе которого был подписан ряд двусторонних соглашений на общую сумму около 43 млн долл. США по совместному производству ракет и передаче со стороны Китая технологий для производства ракет малой дальности [Kaya 2013: 7]. В 1998 г. турецкое руководство выпустило секретный указ всем государственным ведомствам прекратить участие в любых мероприятиях по уйгурскому вопросу и прекратить практически все мероприятия в Турции по поддержке мусульманского населения Восточного Туркестана [Söylemez 2017: 4]. Годом позже были арестованы активисты «Организации освобождения Восточного Туркестана» — организации, которую КНР считает террористической.

Именно тогда происходит смещение центра уйгурской диаспоры из Турции в Европу. На протяжении 1990-х гг. с уходом лидеров первой волны уйгурской иммиграции обозначились их преемники — Энвер Альп-

текин (сын И. Ю. Альптекина), Энвер Джан, Асгар Джан и Омер Канат — они в 1999 г. создали Восточно-Туркестанский союз в Мюнхене (Германия). Уйгурские диаспоры стали развиваться в Германии, Нидерландах, Бельгии, Скандинавских странах [Emet 2009: 108–109]. В это же время происходит смещение акцентов в определении идентичности уйгур. Если раньше они делали акцент на этничность и ислам, то теперь на первый план выходят вопросы нарушения прав человека и критика КНР. Все данные факторы способствовали отдалению уйгуров от Турции в ответ на укрепляющиеся отношения между Турцией и КНР [Özcan 2020: 13].

14 февраля 2000 г. Турция и КНР подписали Соглашение о сотрудничестве по вопросу противодействия транснациональной преступности, что фактически означало отказ турецкой стороны от поддержки каких-либо уйгурских движений [Doyon 2011: 76]. Впоследствии страны объявили об установлении «привилегированного партнерства», в результате чего значительно повысились политические и экономические контакты. В 2002 г. заместитель премьер-министра Турции Девлет Бахчели, одновременно являющийся председателем Партии националистического движения, во время визита в Синьцзян-Уйгурский автономный район назвал уйгурский вопрос «мостом» между двумя странами, а не проблемой двусторонних отношений [Schichor 2009: 47].

Следующий виток напряженности в турецко-китайских отношениях по вопросу уйгуров наступил в 2009 г. во время массовых беспорядков в Урумчи, столице СУАР, которые были подавлены силами Народной вооруженной милиции Китая. В результате столкновений с правительственными силами погибло 197 человек и еще более 1,6 тыс. человек ранено [Hu, Lei 2009]. В связи с этим в Турции начались протесты против политики Китая, а премьер-министр Р. Т. Эрдоган сделал несколько неудачных попыток вынести данный вопрос на рассмотрение в Совете Безопасности ООН и прокомментировал эти события следующим образом: «Мы затрудняемся понять власти Китая, остающиеся

безучастными к событиям в Синьцзяне... Происходящие в Китае события — это геноцид» [Турецкий премьер 2009].

Решение данной проблемы было найдено по линии сотрудничества двух стран в военной сфере. В 2010 г. китайские ВВС приняли участие в военных учениях «Анатолийский орел», что послужило началом новому этапу сотрудничества между двумя странами — «стратегическому партнерству» [US Questions 2010]. Страны договорились об увеличении торгового оборота до 50 млрд долл. США к 2015 г., а китайская сторона предоставила инвестиции для строительства высокоскоростной железной дороги Анкара-Стамбул [Interesse 2022]. В 2012 г. Р. Т. Эрдоган в рамках своего визита в Китай посетил город Урумчи, тем самым став первым турецким премьер-министром, посетившим СУАР. В целом данный визит привел к нормализации турецко-китайских отношений после событий 2009 г.

Следующая вспышка напряженности произошла в 2015 г., когда в ответ на информацию о том, что китайские власти притесняют уйгуров в месяц Рамадан, турецкие националисты устроили погромы китайских заведений и начали избивать азиатских туристов [China says 2015]. Президент Турции Р. Т. Эрдоган успешно дистанцировался от протестов, в результате чего отношения с Китаем остались стабильными.

Сотрудничество между двумя странами перешло в экономическую и инфраструктурную сферу, в результате чего недопонимания по уйгурскому вопросу ушли на второй план. Следует отметить, что экономики КНР и Турции крайне не подходят друг другу: КНР нуждается в стабильных поставках углеводородов, а Турция практически их не экспортирует, в результате чего торговые отношения остаются достаточно асимметричными. Тем не менее Турция имеет высокий транзитный потенциал для реализации китайской инициативы «Один пояс — один путь». Еще в 2015 г. на саммите «Группы двадцати» в Анталии КНР и Турция договорились о развитии инфраструктуры «Срединного коридора», который включает в себя железную дорогу Баку – Тбилиси – Карс, а также высокоскоростную железную

дорогу, соединяющую Восток и Запад Турции [Yang 2015]. В настоящее время продолжается модернизация всех маршрутов для увеличения поставок из КНР в Европу через территорию Турции.

Таким образом, инфраструктурное сотрудничество с КНР становится одним из основных факторов периодического игнорирования проблемы уйгуров со стороны Турции. В 2017 г. между Турцией и КНР был подписан Договор об экстрадиции, который вызвал негативный отклик среди турецких уйгуров. В 2020 г. китайская сторона ратифицировала Договор, но турецкая сторона так и не сделала этого, в результате чего он так и не вступил в силу [Köprülü 2021: 86]. С момента подписания Договора было выпущено несколько исследований, проведенных ООН, о нарушениях прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

В 2018 г. панель экспертов ООН заявила о наличии достоверной информации о том, что более миллиона уйгуров содержались в так называемых «лагерях перевоспитания», где их заставляли отказываться от ислама [Cumming-Bruce 2018]. Годом позже, в феврале 2019 г., появились сообщения о смерти в результате пыток в одном из «лагерей перевоспитания» уйгурского поэта и музыканта Абдурехима Хейита, известного выступлениями на традиционном среднеазиатском инструменте — дутаре. После этого события Министерство иностранных дел Турции назвало политику КНР по отношению к уйгурам «позором для человечества» и «системной ассимиляцией», а также призвало китайское руководство «уважать фундаментальные права человека и закрыть концентрационные лагеря» [Shame for humanity 2019].

В сентябре 2022 г. Совет по правам человека ООН опубликовал экспертное заключение, в котором также описываются нарушения прав человека со стороны китайских властей в отношении уйгурского населения [Xinjiang report 2022]. В декабре 2022 г. министр иностранных дел Турции призвал КНР к сотрудничеству по вопросу мусульманского населения СУАР. Он указал на договоренности с председателем КНР Си Цзиньпином об обеспечении доступа посла

Турции в СУАР для оценки обстановки в регионе. Противоречие лежит в том, что КНР настаивает на том, чтобы визит турецкого посла следовал программе, которую составит для него китайское руководство, что совершенно не устраивает турецкую сторону, которая не желает становиться «инструментом китайской пропаганды» [Aydogan 2022].

5. Факторы двойственности политики Турции

Следует отметить, что спустя 30 лет после провозглашения «неоосманской» доктрины Турции руководство страны все еще не выработало последовательной линии по вопросу защиты мусульманского населения СУАР. Становление КНР как одного из важнейших центров силы в будущем многополярном мире, взаимовыгодное сотрудничество между странами и участие Турции в общекионтинентальной интеграции в рамках инициативы КНР «Один пояс — один путь» ставит страну в двойственное положение, где стремление к лидерству в «тюркском мире» входит в противоречие с традиционными постулатами политического реализма.

С одной стороны, Турция позиционирует себя как центр «тюркского мира». Еще в начале XXI в. будущий министр иностранных дел Ахмет Давутоглу разработал новый внешнеполитический курс страны в постбиполярной системе [Третьяк 2022: 109]. Считалось, что в начале прошлого века с приходом к власти Мустафы Кемаля Ататюрка Турция отказалась от своего османского прошлого и стала классическим государством-нацией. А. Давутоглу предлагал вернуть Турцию к своему историческому прошлому, что должно было открыть перед страной «новые горизонты и возможности». Спустя пару месяцев после вступления А. Давутоглу на должность министра иностранных дел в 2009 г. был создан Тюркский совет, в который вступили Азербайджан, Казахстан и Киргизия (позже присоединился Узбекистан). В 2021 г. совет был преобразован в Организацию тюркских государств.

Возвращение «османизма» наблюдается и во внутренней политике страны. Дж. Эрдем обозначил данное явление как «ottomentality», т. е. «османское мышление»

[Erdem 2017: 710]. Данный феномен выражается в росте влияния Стамбула как экономического и политического центра страны в противовес Анкаре, возвращении Айя-София (храму Святой Софии) статуса мечети, а не музея, а также в культурной политике Турции и ее «мягкой силе», которая транслируется через фильмы и сериалы, наиболее популярным из которых является «Великолепный век» [Товсултанов и др. 2021: 231].

Отход Турции от кемализма в ее внешней политике подразумевает более активную защиту народов, населяющих пространство «тюркского мира». В данной связи защита уйгуров рассматривается как неотъемлемая часть внешнеполитической стратегии страны в духе «неоосманизма».

К тому же опросы общественного мнения показывают широкое недовольство Китаем среди турецкого населения. Опрос, проведенный американским исследовательским центром Пью «Pew Research Center» в 2015 г., показывает, что только 18 % турок позитивно относятся к КНР (предпоследнее место среди 38 государств мира, список замыкает Япония) и около 59 % относятся негативно [Global Ratings 2015]. Опрос турецкого агентства Istanbul Ekonomi Araştırma, проведенный в 2020 г., подтвердил данные результаты: 61 % турок негативно относятся к КНР и только 11 % — позитивно [China is Playing 2022]. Проблема уйгуров имеет неоспоримое влияние на восприятие Китая турецкими гражданами. Общественное давление на власти не оставляет руководству страны другого выбора, кроме как защищать мусульманское население СУАР.

С другой стороны, Турция вступила в беспрецедентный по своим масштабам экономический кризис, по причине которого ее возможности на международной арене ограничены. В связи с падением курса турецкой лиры до исторического минимума и рекордными показателями инфляции, Турция крайне заинтересована в инвестициях в свою экономику. В июле 2023 г. министр иностранных дел КНР Ван И пообещал своему турецкому коллеге Х. Фидану обеспечить рост инвестиций китайских компаний в турецкую экономику в рамках инициативы «Один пояс — один путь» [Liang 2023].

Несмотря на валютно-финансовый кризис, экспорт турецкой продукции увеличился вдвое по сравнению с уровнем до пандемии COVID-19. Это объясняется ростом импорта из КНР оборудования, вторсырья и полуфабрикатов, и экспорта уже готовой продукции в Европу. Таким образом, турецкое производство превращается в транзитный пункт между Востоком и Западом, в результате чего экспорт Турции крайне зависит от импорта из КНР [Goldman 2022]. В данном контексте турецкому руководству трудно отстаивать независимую позицию по проблемам уйгуров.

Более того, для Турции крайне важно военно-техническое сотрудничество с КНР. Как было показано выше, армия играет крайне важную роль в процессе принятия решений в стране, и все «потепления» в турецко-китайских отношениях сопровождались подписанием ряда контрактов в военно-технической сфере. В июле 2023 г. в Стамбуле прошла Международная выставка оборонной промышленности, которую посетило рекордное число китайских инвесторов, вследствие чего следует ожидать укрепления связей между КНР и Турцией в оборонно-промышленном комплексе [Chan 2023]. Повышенное влияние вооруженных сил в процессе принятия решений в Турции затрудняет поддержку уйгурского населения.

Наконец, Турция — ключевое государство в рамках инициативы «Один пояс — один путь». На фоне того, как КНР становится важным центром силы в многополярном мире, турецкому руководству становится все труднее идти против его евразийских инициатив. Как было указано выше, КНР реализует ряд проектов на территории Турции, включая функционирование «Срединного коридора», который обеспечивает поставки товаров с Востока на Запад. Турецкой экономике крайне выгодны инвестиции китайских компаний в инфраструктурные проекты, такие как модернизация железнодорожного сообщения по маршруту с Востока на Запад страны [Ağirman 2022: 257]. К тому же Турция долгое время стремится вступить в Шанхайскую организацию сотрудничества, в результате чего ей необходимо минимизировать конфликтные точки с КНР и Россией [Turkey's

Erdogan 2022]. В данном контексте защита мусульманского населения СУАР сталкивается с рядом проблем, которые заключаются в важности построения конструктивного диалога с КНР с учетом ее повышающейся роли в мировой иерархии.

6. Заключение

В результате проведенного исследования выявлено, что позиция турецкого руководства по вопросу мусульманского населения СУАР имеет двойственный характер.

«Неоосманские» амбиции Турции в новой системе международных отношений подталкивают ее к защите уйгурского населения как одной из частей «тюркского мира». Отход от кемалистских идей способствует возвращению страны к «османскому мышлению» и подразумевает ответственность страны за настоящее и будущее всех тюркских народов по всему миру. Более того, общественное мнение страны крайне позитивно относится к уйгурам и критично оценивает политику КНР, в результате чего руководство страны сталкивается с серьезным общественным давлением. В данной связи турецко-китайские отношения периодически переживают конфликтные моменты, которые связаны с эскалациями ситуации на территории СУАР, как это было в 2009 г., в связи с подавлениями протестов в г. Урумчи, и в 2019 г., в связи со смертью поэта и музыканта Абдурехима Хейита. В настоящее время на повестке дня стоит визит турецкого посла в СУАР, детали которого обсуждаются уже на протяжении пяти лет.

В то же время стремление турецких властей защитить уйгурское население сталкивается с новой ролью КНР в современном мировом порядке. Стремительный рост

Китая как «великой державы» XXI в. способствует построению совершенно иных связей с ближайшими соседями и всеми государствами мира. Турецкое руководство в лице Р. Т. Эрдогана стремится занять прагматичную позицию по отношению к сотрудничеству с КНР для обретения необходимых для страны выгод, в особенности на фоне беспрецедентного валютно-финансового кризиса. Китайская инициатива «Один пояс — один путь» предоставляет Турции доступ к инвестициям со стороны китайских компаний, благодаря которым турецкая экономика получает огромный транзитный потенциал на пути с Востока на Запад. К тому же, учитывая роль военного лобби в стране, крупномасштабные контракты в сфере военно-технического сотрудничества между КНР и Турцией предотвращают возможность поддержки последней уйгурского населения на территории СУАР.

Таким образом, стремление Турции к лидерству в «тюркском мире» сталкивается с вызовами политического реализма в новой геополитической реальности. Учитывая экономические трудности, с которыми сталкивается страна, и огромную выгоду от подписания контрактов с китайскими инвесторами, турецкое руководство стремится к проведению прагматичного внешнеполитического курса, нацеленного на обеспечение стабильности развития государства и безопасности жизни граждан. В данной связи идеи «пантюркизма», «неоосманизма» и защиты «тюркского мира» оказываются второстепенными по сравнению с традиционными фундаментальными национальными интересами в духе политического реализма.

Литература и источники

Доклад ООН 2022 — Доклад ООН: КНР несет ответственность за «серьезные нарушения прав человека» в провинции Синьцзян [электронный ресурс] // UN News. 2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/08/1430722> (дата обращения: 15.03.2024).

Мехдиев 2016 — Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2. Т. 47. С. 32–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39

References and sources

UN Report: PRC responsible for 'notable human rights violation' in Xinjiang. On: UN News. 2022. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2022/08/1430722> (accessed: 15 March 2024). (In Russ.)

Mehdiyev E. T. "Neo-Ottomanism" in the regional policy of Turkey. *MGIMO Review of International Relations*. 2016. Vol. 47. No. 2. Pp. 32–39. (In Russ.) DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39

- Товсултанов и др. 2021 — *Товсултанов Р. А., Товсултанова М. Ш., Галимова Л. Н.* Турецкая политическая доктрина «неоосманизма»: между символическим и реальным содержанием // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 4. С. 230–234. DOI: 10.17816/snv2021104216
- Третьяк 2022 — *Третьяк С. С.* Концепция Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»: теория и практика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. № 2. С. 109–123.
- Турецкий премьер 2009 — Турецкий премьер сравнил беспорядки в Синьцзяне с геноцидом [электронный ресурс] // РИА Новости. 2009. 10 июля. URL: <https://ria.ru/20090710/176941567.html> (дата обращения: 15.10.2023).
- Ağırman 2022 — *Ağırman E.* The Belt Road Initiative: Prospects and Threats for Turkish Economy // *Social Sciences Studies Journal*. 2022. Vol. 8. Iss. 94. Pp. 256–265. DOI: 10.26449/sss.3792
- Aydoğan 2022 — *Aydoğan M.* China's 'unease' over Türkiye's support for Uyghur has hurt ties: Foreign Minister Cavusoglu [электронный ресурс] // Anadolu. 2022. 29 December. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkiye/chinas-unease-over-turkiyes-support-for-uyghur-has-hurt-ties-foreign-minister-cavusoglu/2775432> (дата обращения: 15.10.2023).
- Bonnenfant 2020 — Bonnenfant Isık Kescu. Türkiye ve Dünyada Uygur Diasporası // *Türkiye Günlüğü*. 2020. Sayı. 143. Yaz. Pp. 110–119.
- Bonnenfant 2022 — Bonnenfant Işık Kuşçu. Stateless Diasporas and China's Uyghur Crisis in the 21st Century // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 2022. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-751> (дата обращения: 15.10.2023). DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.751
- Çakırer-Özservet 2015 — *Çakırer-Özservet Y.* Zeytinburnu'nda Doğu Türkistan Türklerinin Ulusötesi Bellek Eklemlenmesi [электронный ресурс] // *Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi*. 2015. Cilt 3. Sayı 1. Pp. 59–80. DOI: 10.14782/SBD.2015112078
- Carment et al. 2009 — *Carment D., James P., Taydas Z.* The Internationalization of Ethnic Conflict: State, Society, and Synthesis // *International Studies Review*. 2009. Vol. 11. No. 1. Pp. 63–86. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.01825.x
- Tovsultanov R. A., Tavsultanova M. Sh., Galimova L. N. Turkish political doctrine of «neo-Ottomanism»: Between symbolic and real content. *Samara Journal of Science*. 2021. Vol. 10. No. 4. Pp. 230–234. (In Russ.) DOI: 10.17816/snv2021104216
- Tretyak S. S. Concept “strategic depth” by Ahtem Davutogly: Theory and practice. *Proceedings of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies*. 2022. No. 2. Pp. 109–123. (In Russ.)
- Turkish Prime Minister compares disturbances in Xinjiang to genocide. On: RIA Novosti. Posted on 10 July 2009. Available at: <https://ria.ru/20090710/176941567.html> (accessed: 15 October 2023). (In Russ.)
- Ağırman E. The Belt Road Initiative: Prospects and threats for Turkish economy. *Social Sciences Studies Journal*. 2022. Vol. 8. No. 94. Pp. 256–265. (In Eng.) DOI: 10.26449/sss.3792
- Aydoğan M. China's ‘unease’ over Türkiye's support for Uyghur has hurt ties: Foreign Minister Cavusoglu. On: Anadolu. Posted on 29 December 2022. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/turkiye/chinas-unease-over-turkiyes-support-for-uyghur-has-hurt-ties-foreign-minister-cavusoglu/2775432> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Bonnenfant I. K. Uyghur diaspora in Turkey and worldwide. *Türkiye Günlüğü*. 2020. No. 143 (Summer). Pp. 110–119.
- Bonnenfant I. K. Stateless diasporas and China's Uyghur crisis in the 21st century. On: *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 2022. Available at: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-751> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.) DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.751
- Çakırer-Özservet Y. Transnational memory articulation of the East Turkestan Turks in Zeytinburnu. *Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi*. 2015. Vol. 3. No. 1. Pp. 59–80. (In Turk.) DOI: 10.14782/SBD.2015112078
- Carment D., James P., Taydas Z. The internationalization of ethnic conflict: State, society, and synthesis. *International Studies Review*. 2009. Vol. 11. No. 1. Pp. 63–86. (In Eng.) DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.01825.x

- Chan 2023 — *Chan M.* China Cautiously Eyes Defence Production Opportunities With NATO Member Turkey [электронный ресурс] // South China Morning Post. 2023. 20 July. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3228264/china-cautiously-eyes-defence-production-opportunities-nato-member-turkey> (дата обращения: 15.10.2023)
- Chen 2021 — *Chen J. Y.-W.* Ethnic Conflict in Xinjiang and Its International Connections // *The Routledge Handbook of Race and Ethnicity* / ed. by M. Weiner. London: Taylor & Francis Group, 2021. Pp. 231–243. DOI: 10.4324/9781351246705
- China is Playing 2022 — China is Playing by Turkey's Media Rules [электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace. 2022. 9 November. URL: <https://carnegieendowment.org/2022/11/09/china-is-playing-by-turkey-s-media-rules-pub-88368> (дата обращения: 15.10.2023).
- China says 2015 — China says no 'Uighur problem' after Turkey protests [электронный ресурс] // Al Jazeera. 2015. 6 July. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/7/6/china-says-no-uighur-problem-after-turkey-protests> (дата обращения: 15.10.2023).
- Clarke 2011 — *Clarke M. E.* Xinjiang and China's Rise in Central Asia: A History. 2011. London: Routledge. 224 p.
- Cumming-Bruce 2018 — *Cumming-Bruce N. U. N.* Panel Confronts China Over Reports That It Holds a Million Uighurs in Camps [электронный ресурс] // New York Times. 2018. 10 August. URL: <https://www.nytimes.com/2018/08/10/world/asia/china-xinjiang-un-uighurs.html> (дата обращения: 15.10.2023)
- Dorransoro, Gourisse 2015 — *Dorransoro G., Gourisse B.* The Turkish Army in Politics // *Revue Française de Science Politique*. 2015. Vol. 65. No. 4. Pp. 609–631. DOI: 10.3917/rfsp.654.0609
- Doyon 2011 — *Doyon J.* Xinjiang and Sino-Turkish Ties // *China Perspectives*. 2011. No. 1. Pp. 75–76. DOI: 10.4000/chinaperspectives.5470
- Duerkop 2020 — *Duerkop C.* Turkey-China Relations: Closer Yet Apart [электронный ресурс] // EAI Background Brief. 2020. No. 1526. URL: <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2020/12/EAIBB-No.-1526-Contemporary-Turkey-China-relations-2.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).
- Emet 2009 — *Emet Erkin.* 5 Temmuz Urumçi Olayı ve Doğu Türkistan. Ankara: Grafiker Yayınları, 2009. 173 p.
- Chan M. China cautiously eyes defence production opportunities with NATO member Turkey. On: South China Morning Post. Posted on 20 July 2023. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3228264/china-cautiously-eyes-defence-production-opportunities-nato-member-turkey> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Chen J. Y.-W. Ethnic conflict in Xinjiang and its international connections. In: Weiner M. (ed.) *The Routledge Handbook of Race and Ethnicity*. London: Taylor & Francis Group, 2021. Pp. 231–243. (In Eng.) DOI: 10.4324/9781351246705
- China is playing by Turkey's media rules. On: Carnegie Endowment for International Peace. Posted on 9 November 2022. Available at: <https://carnegieendowment.org/2022/11/09/china-is-playing-by-turkey-s-media-rules-pub-88368> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- China says no 'Uighur problem' after Turkey protests. On: Al Jazeera. Posted on 6 July 2015. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2015/7/6/china-says-no-uighur-problem-after-turkey-protests> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Clarke M. E. Xinjiang and China's Rise in Central Asia: A History. London: Routledge, 2011. 224 p. (In Eng.)
- Cumming-Bruce N. U. N. Panel confronts China over reports that it holds a million Uighurs in camps. On: New York Times. Posted on 10 August 2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/08/10/world/asia/china-xinjiang-un-uighurs.html> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Dorransoro G., Gourisse B. The Turkish Army in politics. *Revue Française de Science Politique*. 2015. Vol. 65. No. 4. Pp. 609–631. (In Eng.) DOI: 10.3917/rfsp.654.0609
- Doyon J. Xinjiang and Sino-Turkish ties. *China Perspectives*. 2011. No.1. Pp.75–76. (In Eng.) DOI: 10.4000/chinaperspectives.5470
- Duerkop C. Turkey-China Relations: Closer Yet Apart (EAI Background Brief 1526). On: National University of Singapore, East Asian Institute. Posted on 24 April 2020. Available at: <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2020/12/EAIBB-No.-1526-Contemporary-Turkey-China-relations-2.pdf> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Emet E. The 5th July Incident in Ürümqi and Eastern Turkestan. Ankara: Grafiker Yayınları, 2009. 173 p. (In Turk.)

- Erdem 2017 — *Erdem C. Y.* Ottomentality: Neoliberal Governance of Culture and Neo-Ottoman Management of Diversity // *Turkish Studies*. 2017. Vol. 18. No. 4. Pp. 710–727. DOI: 10.1080/14683849.2017.1354702
- Global Ratings 2015 — Global Ratings for China [электронный ресурс] // Pew Research Center. 2015. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2015/06/23/global-publics-back-u-s-on-fighting-isis-but-are-critical-of-post-911-torture/bop-report-14/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Goldman 2022 — *Goldman D.* Crisis-Hit Turkey Survives as Extension of China // *Asia Times*. 2022. URL: <https://asiatimes.com/2022/02/crisis-hit-turkey-survives-as-an-extension-of-china/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Hayit 1971 — *Hayit B.* Türkistan Rusya ile Çin Arasında. Ankara: OTAĞ YAYINLARI, 1971. 458 p.
- Heraclides 1991 — *Heraclides A.* The Self-Determination of Minorities in International Politics. Portland, OR: Frank Cass, 1991. 291 p.
- Hu, Lei 2009 — *Hu Yinan, Lei Xiaoxun.* Urumqi Riot Handled ‘Decisively, Properly’ [электронный ресурс] // *China Daily*. 2009. 18 July. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2009-07/18/content_8444365.htm (дата обращения: 15.10.2023).
- Huang et al. 2020 — *Fei H., Kuankuan S., Mingjie Z., Stathi S., Vezzali L.* Can interethnic contact between majority (Han) and minority (Uyghur) people in China influence sense of Chinese national Community? The role of positive and negative direct, extended and vicarious intergroup contact // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 77. Pp. 125–139. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.05.008
- Interesse 2022 — *Interesse G.* China-Türkiye: Bilateral Trade and Future Outlook [электронный ресурс] // *China Briefing*. 2022. 23 August. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-turkey-bilateral-trade-and-investment-profile/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Kamalov 2016 — *Kamalov A.* Birth of Uyghur National History in Semirech’ye // *Oriente Moderno*. 2016. Vol. 96. No. 1. Pp. 181–196. DOI: 10.1163/22138617-12340099
- Kaya 2013 — *Kaya K.* Turkey and China: Unlikely Strategic Partners [электронный ресурс] // Foreign Military Studies Office. FMSO Monographs. 2013. 16 p. URL: <https://community.apan.org/wg/tradoc-g2/fmso/m/fmso-monographs/200396> (дата обращения: 15.10.2023).
- Köprülü 2021 — *Köprülü T.* Legal Assessment of the Extradition Treaty Between Turkey and the People’s Republic of China [электронный ресурс] // *Journal of Penal Law and Criminology*. Istanbul University Press. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 85–133.
- Erdem C. Y. Ottomentality: Neoliberal governance of culture and neo-Ottoman management of diversity. *Turkish Studies*. 2017. Vol. 18. No. 4. Pp. 710–727. (In Eng.) DOI: 10.1080/14683849.2017.1354702
- Global Ratings for China. On: Pew Research Center. 2015. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2015/06/23/global-publics-back-u-s-on-fighting-isis-but-are-critical-of-post-911-torture/bop-report-14/> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Goldman D. Crisis-hit Turkey survives as extension of China. On: *Asia Times*. 2022. Available at: <https://asiatimes.com/2022/02/crisis-hit-turkey-survives-as-an-extension-of-china/> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Hayit B. Turkestan: Between Russia and China. Ankara: Otağ Yayinlari, 1971. 458 p. (In Turk.)
- Heraclides A. The Self-Determination of Minorities in International Politics. Portland, OR: Frank Cass, 1991. 291 p. (In Eng.)
- Hu Y., Lei X. Urumqi riot handled ‘decisively, properly’. On: *China Daily*. Posted on 18 July 2009. Available at: https://www.chinadaily.com.cn/china/2009-07/18/content_8444365.htm (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Huang F., Shi K., Zhou M., Stathi S., Vezzali L. Can interethnic contact between majority (Han) and minority (Uyghur) people in China influence sense of Chinese national Community? The role of positive and negative direct, extended and vicarious intergroup contact. *International Journal of Intercultural Relations*. 2020 (July). Vol. 77. Pp. 125–139. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.05.008
- Interesse G. China-Türkiye: Bilateral trade and future outlook. On: *China Briefing*. Posted on 23 August 2022. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/china-turkey-bilateral-trade-and-investment-profile/> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Kamalov A. Birth of Uyghur national history in Semirech’ye. *Oriente Moderno*. 2016. Vol. 96. No. 1. Pp. 181–196. (In Eng.) DOI: 10.1163/22138617-12340099
- Kaya K. Turkey and China: Unlikely strategic partners. On: Foreign Military Studies Office. FMSO Monographs. Posted on 21 August 2013. Available at: <https://community.apan.org/wg/tradoc-g2/fmso/m/fmso-monographs/200396> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Köprülü T. Legal assessment of the Extradition Treaty between Turkey and the People’s Republic of China. *Journal of Penal Law and Criminology*. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 85–133. (In Eng.)

- Liang 2023 — *Liang Xinlu*. China Pledges to Boost Imports, Encourage Firms to Invest in Turkey [электронный ресурс] // South China Morning Post. 2023. 27 July. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3229098/china-pledges-boost-imports-encourage-firms-invest-turkey?campaign=3229098&module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (дата обращения: 15.10.2023).
- Özcan 2020 — *Özcan Yurter*. Doğu Türkistan & Uyğur Türkleri. Tarih, Kimlik ve Siyaset [электронный ресурс] // CHP ABD Temsilcisi. 2020. Ekim. Pp. 1–24. URL: https://cdn.odatv4.com/images2/2020_10/2020_10_09/chp_rapor.pdf (дата обращения: 15.01.2024)
- Feng et al. 2017 — *Feng Q., Lu Y., Ni X., Yuan K., Yang Y., Yang X., Liu C., Lou H., Ning Z., Wang Y., Lu D., Zhang C., Zhou Y., Shi M., Tian L., Wang X., Zhang X., Li J., Khan A., Guan Y., Tang K., Wang S., Xu S.* Genetic History of Xinjiang's Uyghurs Suggests Bronze Age Multiple-Way Contacts in Eurasia // *Molecular Biology and Evolution*. 2017. Vol. 34. No. 10. Pp. 2572–2582. DOI: 10.1093/molbev/msx177
- Regan 2002 — *Regan P.* Civil Wars and Foreign Powers: Interventions and Intrastate Conflict. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2002. 172 p. DOI: 10.3998/mpub.16706
- Rong 2006 — *Rong Ma*. Ethnic Relations in Contemporary China: Cultural Tradition and Ethnic Policies Since 1949 // *Policy and Society*. 2006. Vol. 25. No. 1. Pp. 85–108. DOI: 10.1016/S1449-4035(06)70128-X
- Rothschild 1981 — *Rothschild J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. 1981. New York: Columbia University Press, 290 p.
- Schichor 2009 — *Schichor Y.* Ethno-Diplomacy: The Uyghur Hitch in Sino-Turkish Relations. East-West Center. Policy Studies 53. 2009. 85 p.
- Shame for humanity 2019 — ‘Shame for humanity’: Turkey urges China to close Uighur camps [электронный ресурс] // Al Jazeera. 2019. 10 February. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/2/10/shame-for-humanity-turkey-urges-china-to-close-uighur-camps> (дата обращения: 15.10.2023).
- Söylemez 2017 — *Söylemez M.* Turkey and China: An Account of a Bilateral Relations Evolution [электронный ресурс] // Asia Centre. DGRIS. Note d’actualité n°22/24 de l’Observatoire de la Chine, cycle 2017–2018, Décembre 2017. URL: https://asiacentre.eu/wp-content/uploads/2021/11/22-Söylemez-ChineTurquie_Dec2017.pdf (дата обращения: 15.10.2023).
- Liang X. China pledges to boost imports, encourage firms to invest in Turkey. On: South China Morning Post. Posted on 27 July 2023. Available at: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3229098/china-pledges-boost-imports-encourage-firms-invest-turkey?campaign=3229098&module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Yurter Ö. Eastern Turkestan and Uyghur Turks: History, Identity, Politics. Report. Washington: CHP ABD, 2020. 24 p. Available at: https://cdn.odatv4.com/images2/2020_10/2020_10_09/chp_rapor.pdf (accessed: 15 January 2024). (In Turk.)
- Feng Q., Lu Y., Ni X., Yuan K., Yang Y., Yang X., Liu C., Lou H., Ning Z., Wang Y., Lu D., Zhang C., Zhou Y., Shi M., Tian L., Wang X., Zhang X., Li J., Khan A., Guan Y., Tang K., Wang S., Xu S. Genetic history of Xinjiang's Uyghurs suggests Bronze Age multiple-way contacts in Eurasia. *Molecular Biology and Evolution*. 2017. Vol. 34. No. 10. Pp. 2572–2582. (In Eng.) DOI: 10.1093/molbev/msx177
- Regan P. Civil Wars and Foreign Powers: Interventions and Intrastate Conflict. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2002. 172 p. (In Eng.) DOI: 10.3998/mpub.16706
- Ma R. Ethnic relations in contemporary China: Cultural tradition and ethnic policies since 1949. *Policy and Society*. 2006. Vol. 25. No. 1. Pp. 85–108. (In Eng.) DOI: 10.1016/S1449-4035(06)70128-X
- Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981. 290 p. (In Eng.)
- Schichor Y. Ethno-Diplomacy: The Uyghur Hitch in Sino-Turkish Relations (Policy Studies 53). Honolulu, HI: East-West Center, 2009. 85 p. (In Eng.)
- ‘Shame for humanity’: Turkey urges China to close Uighur camps. On: Al Jazeera. Posted on 10 February 2019. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2019/2/10/shame-for-humanity-turkey-urges-china-to-close-uighur-camps> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Söylemez M. Turkey and China: An account of a bilateral relations evolution. On: Asia Centre. DGRIS. December 2017. Available at: https://asiacentre.eu/wp-content/uploads/2021/11/22-Söylemez-ChineTurquie_Dec2017.pdf (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)

- Turkey's Erdogan 2022 — Turkey's Erdogan Targets Joining Shanghai Cooperation Organisation, Media Reports Say [электронный ресурс] // Reuters. 2022. 17 September. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-targets-joining-shanghai-cooperation-organisation-media-2022-09-17/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Xinjiang Population 2021 — Xinjiang Population Dynamics and Data — September 2021 [электронный ресурс] // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2021-12-16. URL: http://zw.china-embassy.gov.cn/eng/zgj/202112/t20211216_10470540.htm (дата обращения: 15.10.2023).
- Xinjiang report 2022 — Xinjiang report: China must address grave human rights violations and the world must not turn a blind eye, say UN experts [электронный ресурс] // United Nations Office of the High Commissioner. United Nations. 2022. 7 September. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/09/xinjiang-report-china-must-address-grave-human-rights-violations-and-world> (дата обращения: 15.10.2023).
- US Questions 2010 — US Questions Turkey's Military Exercise With China [электронный ресурс] // Atlantic Council. 2010. 1 October. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/us-questions-turkeys-military-exercise-with-china/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Yang 2015 — Yang Y. Turkey to Get Railroads from China [электронный ресурс] // BRICS Information Sharing & Exchanging Platform. 2015. URL: <http://www.brics-info.org/turkey-to-get-railroads-from-china/> (дата обращения: 16.01.2024).
- Zang 2015 — Zang X. Ethnicity in China: A Critical Introduction. 2015. New York: Polity, 200 p.
- Zenz 2018 — Zenz A. 'Thoroughly reforming them towards a healthy heart attitude': China's political re-education campaign in Xinjiang // *Central Asian Survey*. 2018. Vol. 38. No. 1. Pp. 102–128. DOI: 10.1080/02634937.2018.1507997
- Turkey's Erdogan targets joining Shanghai Cooperation Organisation, media reports say. On: Reuters. Posted on 17 September 2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-targets-joining-shanghai-cooperation-organisation-media-2022-09-17/> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Xinjiang Population Dynamics and Data. September 2021. On: The State Council Information Office of the People's Republic of China (website). Posted on 16 December 2021. Available at: http://zw.china-embassy.gov.cn/eng/zgj/202112/t20211216_10470540.htm (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Xinjiang report: China must address grave human rights violations and the world must not turn a blind eye, say UN experts. On: Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Posted on 7 September 2022. Available at: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/09/xinjiang-report-china-must-address-grave-human-rights-violations-and-world> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- US questions Turkey's military exercise with China. On: Atlantic Council. Posted on 1 October 2010. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/us-questions-turkeys-military-exercise-with-china/> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Yang Y. Turkey to get railroads from China. On: BRICS Information Sharing & Exchanging Platform. 2015. Available at: <http://www.brics-info.org/turkey-to-get-railroads-from-china/> (accessed: 16 January 2024). (In Eng.)
- Zang X. Ethnicity in China: A Critical Introduction. 2015. New York: Polity, 200 p. (In Eng.)
- Zenz A. 'Thoroughly reforming them towards a healthy heart attitude': China's political re-education campaign in Xinjiang. *Central Asian Survey*. 2018. Vol. 38. No. 1. Pp. 102–128. (In Eng.) DOI: 10.1080/02634937.2018.1507997

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 750–758, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94[47].084.9

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-750-758

Торговые связи калмыков в XVIII в.

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-2233-0647. E-mail: [batmaev44\[at\]mail.ru](mailto:batmaev44[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Батмаев М. М., 2024

Аннотация. *Введение.* О состоянии калмыцкой торговли и торговых связей в дореволюционное время, в том числе в XVIII в., специальные работы отсутствуют. Разрозненные краткие сведения о них можно найти в некоторых работах досоветских и советских историков. Постперестроечное время также отмечено отсутствием внимания исследователей к данной теме. Между тем без изучения и освещения состояния торговли вообще и внешнеторговых отношений в частности, нельзя создать полное знание об исторической жизни калмыков в тот или иной период их истории. *Целью* предлагаемой статьи является не только расширить конкретное знание о состоянии калмыцкой торговли в XVIII в., но и обратить внимание на актуальность дальнейшего расширенного изучения темы. *Материалы и методы.* Для решения поставленной задачи привлечен впервые вводимый в научный оборот архивный материал, взятый в основном из фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия. Для достижения в работе наиболее возможного правильного выбора материала и его анализа применялись историко-сравнительный и аналитический методы. *Результаты.* В калмыцком обществе XVIII в. развитие торговли и ее содержание определялись кочевой спецификой хозяйства и быта. Многие хозяйственно-бытовые принадлежности не могли производиться непосредственно в улусах, их приходилось покупать. Недостаточность денежных средств приводила к тому, что калмыки часто приобретали необходимое простым обменом на скот и на продукты скотоводства. Они не совсем хорошо разбирались в тонкостях и особенностях торговых отношений, поэтому часто в непосредственных торговых операциях инициативу захватывали торговцы оседлых народов. Особенностью калмыцкой торговли XVIII в. являлось то обстоятельство, что в ней большую роль играли армяне, выходящие из крымского ханства.

Ключевые слова: калмыки, торговля, армяне Крыма, пошлины

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Торговые связи калмыков в XVIII в. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 750–758. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-750-758

Eighteenth-Century Trade Ties of Kalmyks

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

0000-0002-2233-0647. E-mail: batmaev44[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Batmaev M. M., 2024

Abstract. *Introduction.* There are virtually no works dealing with Kalmyk trade and trade relations in the pre-revolutionary — including the eighteenth century — period. Only some scattered and brief messages can be found in works of pre-Soviet and Soviet historians. The post-perestroika era also lacks research attention to the topic. Meanwhile, it is impossible to attain a complete understanding of historical life throughout certain periods without insights into trade affairs at large — and foreign trade relations in particular. *Goals.* So, the paper seeks both to expand our knowledge of eighteenth-century Kalmyk trade and draw attention to the need of further extended research into the topic. *Materials and methods.* To facilitate these, the work analyzes and introduces archival material largely discovered in Collection И-36 ('Kalmyk Affairs Inspector under Astrakhan Governor') at the National Archive of Kalmykia. The historical comparative and analytical methods have been identified as most instrumental herein. *Results.* In eighteenth-century Kalmyk society, the development of trade and its essentials were determined by the specific nomadic economy and life. Many household utensils could not be produced directly in the steppe and were to be purchased from outside. Lack of cash implied that Kalmyks often acquired what they needed by simply exchanging it for cattle and livestock products. They were not that skilled in ins and outs of trade relations, so sedentary traders would often take the initiative in direct trade operations. Eighteenth-century Kalmyk trade was distinguished by that Armenians native to the Crimean Khanate would play a major role in the process.

Keywords: Kalmyks, trade, Armenians of the Crimea, duties

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Batmaev M. M. Eighteenth-Century Trade Ties of Kalmyks. *Oriental Studies*. 2024. 17 (4): 750–758. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-750-758

1. Введение

Восемнадцатый век был важным этапом в истории калмыцкого народа, разделяемым событиями 1771 г. на две части. Первая часть — это время, когда шел плавный естественный процесс аккультурации калмыками новых географических, политических и наводонаселенческих условий. Как нам представляется, процесс этот завершился именно в первой половине XVIII в. В процесс аккультурации составной частью входили и внешнеторговые отношения калмыков с ближним и дальним окружающим населением. Разумеется, в этом направлении решающая роль принадлежала русскому населению. Именно у него в первую очередь калмыки заимствовали новые для них хозяйственно-бытовые

предметы и приемы их освоения и применения. Вместе с тем на юге европейской части России проживали и другие народы или же крупные поселения их представителей. Постоянное соседство с калмыками не могло не иметь и их влияния, проявлявшегося в различной степени.

Сказанное закономерно приводит нас к выводу, что, занимаясь историей калмыцкого народа и пытаясь осветить ее наиболее полно, надо изучать и различные контакты их со всеми соседями, и с большими, и с малыми. Между тем историография указанной проблемы не является полной. Отдельные сведения по этой теме имеются в работах дореволюционных авторов, которые по большей части были представителями

царской администрации, по долгу службы занимавшимися калмыцкими делами. Как бы там ни было, мы должны отдать им должное, что они не ограничивались только чиновничьими обязанностями. Работы Н. А. Нефедьева [Нефедьев 1834], П. И. Небольсина [Небольсин 1852], К. И. Костенкова [Костенков 1870], И. А. Житецкого [Житецкий 1893], А. И. Карагодина [Карагодин 1981] до сих пор служат подспорьем при работе по различным тематикам. В советское время и вплоть до наших дней, насколько нам известно, специальные работы, анализирующие внешнеторговые связи калмыков именно в XVIII в., отсутствуют.

2. Материалы и методы

Для решения поставленной задачи привлечен впервые вводимый в научный оборот архивный материал фонда Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК) И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе». В работе также использовались документы, хранящиеся в фондах Архива внешней политики Российской Империи (далее — АВПРИ) «Калмыцкие дела». Для достижения в работе наиболее возможного правильного выбора материала и его анализа применялись историко-сравнительный и аналитический методы.

3. Торговые связи в XVIII в.

В письме Джалы, жены старшего сына хана Аюки Чакдорчаба, от 13 января 1713 г. астраханскому коменданту М. И. Чирикову сообщается, что она посылала своих людей в «Дербен и к шахову величеству», и посланца ее в Дербене и в Уме «ограбили... а к шахову величеству не пропустили» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. Действия властей городов Дербента и Ума, видимо, сильно задела Джалу, поскольку она заявляет в письме, что если персидские послы впредь будут в Астрахани, то она велит своим людям их разграбить («велю взять барантою») [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. Она предупреждает М. И. Чирикова: «Вам бы о том на меня гневу не держать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. В конце письма Джала оповещает о своем желании поехать

к Далай-ламе. Очевидно, она посылала своих людей за покупками именно для этого дела [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 3].

Итак, в XVIII в. калмыки, по крайней мере их знатный слой, имели отношения с Персией. Так, в конце 1714 г. к Аюке приезжал от шаха персидский посол [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 56об.] В марте 1716 г. сообщается, что в Персию отправляются посланцы от Аюки, Дармы-Балы, от их сына Церен-Дондука, от сестры Аюки Доржи-Раптан, Чагдорджаба и от его старшего сына Досанга, Доржи Назарова, Дондук-Омбо, дербетского Четеря и ряда младших владельцев. Все посольство насчитывало 103 человека [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 22]. В этом же году, в августе 31 числа, Аюка пишет коменданту Эваницкому: «...а шахова посыльщика изволь ко мне отпустить в лотке» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 120]. Хан Аюка также оказался опосредованно втянутым в торговые операции: 31 января 1715 г. он дал хивинцу Ишимачи бумагу за печатью, что он торгует от него, Аюки, и чтобы с него, т. е. хивинца, пошлин не брали. В другом случае он оповещал М. И. Чирикова, что в Москве продавал ханских лошадей некий бухарец. Выручил от продажи 60 рублей, и те деньги не передал ему. Аюка просил разыскать того человека и вернуть ему деньги [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 15, 118]. Руководитель калмыцких дел Д. Е. Ефремов, бывший у Аюки в июле 1720 г., доносил в Государственную коллегию иностранных дел: «С хивинским послом было немалое число купецких людей, и ныне от хана отправляются они в Хиву, и признаваю, что и калмыки и ханского владенья трухменцы и бухарцы пойдут для торгов в Бухары и в Хиву» [АВПРИ. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 119/1. 1720. № 7. Л. 18об.].

Интересный материал находится в указе канцлера Г. И. Головкина из Санкт-Петербурга генерал-майору А. И. Тараканову в Царицын, полученный там 13 августа 1733 г. В 1731 г. Церен-Дондук и Дарма-Бала отправили посланца Достак в Персию с поздравлением шаха Тахмасиба (Тахмаспа) с восшествием на престол и с просьбой «по древнему обычаю денежной дачи». Достак возвращался домой через Хиву, из Гурьева он был отправлен в том же 1731 г. в Москву

и там содержался. 8 июня 1733 г. Коллегия иностранных дел определила отправить его в улусы. А. И. Тараканову велено было объявить Церен-Дондуку, что та их посылка Достака к шаху «весьма противна», так как еще хан Аюка согласился в договоре, что как поданный России, без указа сверху с иностранными державами отношений иметь не будет. Ныне «оную их продерзость» оставляют без последствий, но впредь таких посланцев чтоб не было [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 64. Л. 5–8].

Между тем в первой половине 1730-х гг., в связи с самовольными действиями Дондук-Омбо, подчинение калмыцкой знати распоряжениям правительства ослабло. Особую тревогу вызывала возможность сговора мятежного нойона с турецко-крымской местной администрацией городков и крепостей. В апреле 1732 г. Дондук-Омбо кочевал между Доном и Кумою на реке Калаус. К нему был послан из Кабарды полковник Эльмурза Черкасский, который уговаривал мятежника вернуться к Волге. Дондук-Омбо дал присягу, что на Кубань не перейдет, а когда его с ханом Церен-Дондуком помирят, то он вернется на прежние свои кочевья «тужат, что от Волги отстали и весьма желают паки к Волге возвратится, только владельцы за опасностию российских войск оттуда не идут» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 523, 553]. Вскоре так оно и случилось. Вполне возможно, что здесь положительную роль сыграло то обстоятельство, что простые калмыки, ушедшие по воле Дондук-Омбо на Кубань [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 502]. Раздоры и междоусобицы нойонов устранились, и народ возвращался к мирной жизни, в которой немалую роль играла торговля, в том числе и внешняя. Однако правила внутренней и внешней торговли нормировались и становились более строгими. В июне 1748 г. управляющий калмыцкими делами полковник Н. Г. Спицын получил от астраханского губернатора И. А. Брылкина ордер. В нем предписывалось сообщить наместнику Дондук-Даши, чтобы направляемых от него для торговли и других нужд в Дербетевы улусы, в Донские станицы, в Яицкий городок и в Оренбург калмыков «самых, при письмах его, с прописанием

имен их, для принятия паспортов» присылать к губернатору [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 228. Л. 295].

22 февраля 1734 г. судья Ф. И. Черкесов доносил в Астраханскую губернскую канцелярию татарских и калмыцких дел: по имеющейся в астраханской конторе татарских и калмыцких дел инструкции пунктом 13 указывалось, чтобы ясырей не пропускать (пленных, превращенных в рабов) в другие государства и народы. По справке же той же конторы «ныне в покупке от калмык у астраханских юртовских татар ясырей калмыцкого народу многое число» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 69. Л. 293]. 27 апреля 1749 г. Н. Г. Спицын в Енотаевске получил от наместника ответ на запрос: о причинах продажи калмыками лошадей кумыкам. Наместник пояснил, что его подвластные зимой продавали лошадей кумыкам потому, «что в нынешнее де лето потребны деньги к отсылке, по их калмыцкому закону, к Далай-ламе» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 235. Л. 118]. К тому же наместник отмечал, что кумыки — российские подданные. Запрос Н. Г. Спицына был вызван тем обстоятельством, что калмыкам лошадей продавать за пределы Российской империи было запрещено [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 235. Л. 118]. Однако в архивных делах сохранилось и другое свидетельство: доношение Коллегии иностранных дел Правительствующему Сенату от 8 марта 1759 г. Здесь речь идет о том, что в Кизляре были задержаны товары калмыцкого хана, вырученные от продажи за границей 3 000 лошадей, так как с них таможня хотела взять пошлины. Коллегия, ссылаясь на указы от 1719 г., таможенный устав от 1 декабря 1755 г. и на другие прецеденты, высказала мнение, что с товаров на сумму до 3 000 рублей пошлины брать не следует, что и было подтверждено указом Сената от 5 апреля 1759 г. с тем уточнением, что сверх этой суммы надо брать [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 320. Л. 108об.].

Надо отметить, что почти на протяжении всего XVIII в. калмыкам запрещалось гонять в Кабарду и другие заграничные места лошадей, коров и верблюдов. На запрещение калмыкам ездить с торгом на Кубань Дондук-Даши отвечал И. А. Брылкину, что

ведь русские и из других стран купцы ездят с торгом в другие государства в мирное время [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 246. Л. 246].

Заботился наместник и о безопасности торговых путей, проходивших через территорию калмыцких улусов. Так, в 1750 г. он собрал всех владельцев (нойонов) и зайсангов для розыска калмыков, ограбивших русский караван, шедший из Оренбурга в Москву. Обнаруженных виновных побили плетью по 50 ударов и выкололи по одному глазу. Все были предупреждены, что впредь так будет со всеми виновными в грабежах. «Ежели кто ис калмык учинит российским людям воровство, а означенных воров (4 человек, ограбивших караван. — М. Б.) товарищи сысканы будут и бес такого ж штрафа... оставлены не будут. Оных же воров зайсанг от аймаку своего лишен, да и чином тем называться не велено» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 252. Л. 223–224]. Забота наместника, а позже хана Дондук-Даши распространялась на рабочих людей. Лицам, контролировавшим ход торговли в определенных местах, выдавались «паспорта». Вот выписка из одного такого документа: «Объявителя сего... калмыченина Улюмжу, которой определен от него, хана, для бытия против села Воскресенского на луговой стороне при калмыцком торгу для наблюдения происходимого между россиан и калмык воровства и несправедливостей бодокчеем» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 321. Л. 261]. Такой же торг и при нем бодокчей были во многих нижеволжских городах и некоторых крупных селах; например, на луговой стороне Волги против села Малыковки [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 321. Л. 263].

При знакомстве с архивными материалами о состоянии внутренней и внешней торговли у калмыков в XVIII в. неизменно отмечается крупная роль в ней, особенно во второй половине века, армян. Так, в мае 1743 г. армянин Макар Антонов просил отпустить его из Астрахани в калмыцкие улусы «для собрания с калмык долговых своих денег» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 173. Л. 176]. В 1744 г. «подданный ея императорского величества» астраханский житель армянин Петрос Варганов «желает ехать в калмыцкие улусы для сбора имею-

щихся на калмыках его долговых денег, а также для продажи разного мелочного товара» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 176. Л. 380]. 18 мая 1759 г. астраханский губернатор А. С. Жилин писал в то время уже хану Дондук-Даши: «Изволите требовать, дабы тифлискому армянину Ахпу дозволить на калмыцком базаре, состоящим на Митиной косе, вино и муку продавать». Губернатор был краток: «муку можно, а вино нельзя» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 320. Л. 86]. Итак, из сказанного вытекает, что к рассматриваемому времени армяне давно торговали и уже имели должников. Второе, очень важное, обстоятельство — армяне жили в разных местах: в Астрахани и в Тбилиси. Предположительно, что в названных городах, особенно в Астрахани, они были пришлыми людьми, а родом они были из другого места. Об этом будет сказано ниже.

Армяне брали в долг деньги и у калмыков. Так, в сентябре 1756 г. Дондук-Даши писал А. С. Жилину, что у назначенного руководителя базаром при наместнике Намки, подчиненный губернатора армянин Харбет прошлой осенью взял в долг тридцать три рубля и до сих пор не платит. По словам Дондук-Даши, ныне он поехал за деньгами, и так как Намки «здешней наш базар непрестанно надзирает и только для сего дела отправился», т. е. для получения с Харбета долга «буде же оное промедлится, то ему, здесь базар оставя, долго медлить невозможно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 294. Л. 510].

Среди армян, связанных с калмыками торговыми отношениями, высокое место занимали крымские армяне. Например, Аслан Иванисов был родом из Бахчисарая, откуда в 1727 г. по собственному желанию с двумя армянами приехал в калмыцкие улусы и сначала находился для услуг при Досанге, потом при его сыне Чидане, вместе с которым уходил на Кубань к Дондук-Омбо, когда последний находился там во время междоусобицы. Когда Чидан был убит Галдан-Норбо по приказу отца, т. е. Дондук-Омбо, то А. Иванисов присоединился к последнему. С ним он вернулся на Волгу, и с того времени и до дачи показаний (1767) находился в улусах, занимаясь торговлей.

Между тем, введя «в армянский закон» одну калмычку, женился на ней и имел от нее сына и двух дочерей. При Дондук-Даши, хотя он для занятия торговлей уезжал на 6 лет в Астрахань, но «к тамошним мещанам не приписался и числится калмыцким подвластным» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 68–69]. Или армянин Карапет Мануков был родом из крымского города Кафы: в 1743 г. приехал через Кубань в Кабарду, где дано было ему от кабардинского владельца Касая Атажукина проезжее письмо. С ним он прибыл в Кизляр и жил там два года. Оттуда с данным в канцелярии билетом был отпущен по его желанию в калмыцкие улусы для купечества и жил там несколько лет [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 342. Л. 253].

В конце 1757 г. руководитель калмыцких дел Н. Г. Спицын письменно обратился к астраханскому губернатору А. С. Жилину. Он напомнил, что указом из Коллегии иностранных дел от 23 декабря 1757 г. им обоим велено, принять необходимые меры для сбора пошлины с товаров, которые находились в калмыцких улусах и могли быть в ближайшее время увезенными турецкими и крымскими купцами. И впоследствии в подобных случаях поступать также, пока не решится вопрос об учреждении Енотаевской таможни. Н. Г. Спицын запросил таможенного служителя [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 312. Л. 68–69]. Одновременно руководитель калмыцких дел обратился к Дондук-Даши. Он рекомендовал наместнику: «Вам нужно мне давать знать о приезжающих отъезжающих купцах и о числе их товаров и для платежа пошлин ко мне присылать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 312. Л. 95, 486]. Для практической же работы по сбору пошлин с крымских и турецких посланцев и торговцев в улусы был отправлен служитель астраханской портовой таможни П. Протопопов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 312. Л. 95, 486–487].

Таможенное дело в это время успешно развивалось. Так, например, в челобитной жителя Полтавы И. А. Сущенкова, поданной 6 июня 1758 г. в Царицынскую комендантскую канцелярию, описывается, что он со своими спутниками торговался на ханском базаре, который, как обычно, находился при ставке хана. У ханского поверенного зай-

санга Санжи Бабы они купили 500 быков, 70 лошадей. Для сбора пошлины с продажи скотины определенный от зайсанга Санжи калмык Бегердиж и нанятый для пастьбы купленной скотины калмык Лозон [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 681].

3 мая 1758 г. от А. С. Жилина была подана записка Дондук-Даши во время встречи по поводу провозглашения последнего ханом. В ней говорилось, что «грузинский армянин» Папа Григорьев как за Волгой, так и в калмыцких улусах, пользуясь поддержкой новоиспеченного хана, единолично скупает дешево у калмыков «хлопчатую бумагу», а астраханским фабрикантам запрещает покупку. Затем он перепродает им же хлопчатку по дорогой цене по своему собственному усмотрению, которую они и вынуждены покупать, чтобы не останавливать работу. Указами же из Мануфактур-коллегии велено фабрикантам покупать самим бумагу, а перекупщикам запретить торговлю. Тем самым в записке обозначен запрос на свободный торг [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 879–880; История Калмыкии 2009: 335].

В XVIII в. в связи с расширением внешней торговли, появлением и увеличением иностранных торговцев и профессиональных купцов усложнялись правила торговли, которые постепенно распространялись и на собственно калмыцкий народ, в среде которых появлялись во все более растущих количествах постоянные торговцы и купцы. В связи с таким положением учащались случаи возникновения споров, недоразумений и т. п., доводившиеся до судебных разбирательств. Калмык Узюл согласился торговать совместно «с находящимися в Астрахани» греками Иваном и Юрием Ивановыми, покупая на калмыцком Митинском базаре сало и кожу. По привозу и продаже товара в Астрахани полученную прибыль договорились делить поровну. Одно лето Узюл летом на том базаре покупал сало и кожу вместе с Юрием Ивановым, а купленное они присылали в Астрахань, где для приема находился Иван. Узюл деньги у себя никогда не держал, а когда нужно было, брал у Ивана, у которого и находились деньги. Когда же пришло время делить прибыль, то Иван заявил, что Узюл и Юрий не отдали

ему 427 рублей и после того, когда они их отдадут, тогда Иван поделит прибыль. Греки меж собой не сговорились. Был третейский суд. С каждой стороны были свидетели по два человека. От грека Юрия — русский посадский человек С. Прохоров и грек С. Аналиев. От Узюла — армянин П. Матвеев и калмык Басанг Маштыков. Доказана была вина Юрия, но потом С. Прохоров отказался это подтвердить. Узюл подал прошение о пересмотре дела [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 350. Л. 228, 233].

В письме полковнику М. С. Лебедеву от 17 июня 1764 г. наместник Убаши отмечал, что торгующие калмыки жалуются на действия таможенных служителей, особенно на клеймения товаров [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 337]. Астраханская торговая таможня отвечала, что жалобы таковых торговцев не справедливы, так как на ввезенных в улусы для продажи товаров не ставится таможенная печать, а также калмыки не бывают на заставах. Как правило, на заставах печать ставили на товарах армян, астраханских татар и других. На вводимые в улусы товары даются билеты, чтобы те купцы, никуда не заезжая, являлись в Енотаевскую таможню для осмотра. При обратном отъезде на том билете той таможней писалось, все ли указанные товары были привезены [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 361–362].

Руководитель калмыцких дел И. А. Кишенской доносил Н. Г. Бекетову 2 октября 1768 г., что наместник Убаши выражает неудовольствие. Оно было вызвано тем, что спорные вопросы в отношениях между калмыками и русскими в Астрахани, а также с армянами, татарами и т. д. разбирались в магистрате, армянском радгаузе, азиатском татарском суде. Однако бодокчеев на них не приглашали, рассмотрение дел происходило в их отсутствие и о решении объявляли позже. Наместник просил, чтобы все такие разбирательства производились в присутствии бодокчеев. По этому доношению Н. Д. Бекетов указал производить рассмотрение дел в присутствии бодокчеев [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 403. Л. 543].

После очередной поездки «состоящий при калмыцких делах» Н. Г. Спицын доно-

сил в Коллегию иностранных дел от 25 октября 1759 г., что он, посещая хана, заметил, что приезжавшие в улусы из Крыма и Кабарды торговые люди — армяне, татары и черкесы — «товар по недостатку у калмык денег и от того за продолжительным тех торговых людей» в улусах вынужденным проживанием «продают им калмыком по большей части на промен их калмыцких лошадей» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 322. Л. 76].

В доношении поручика С. С. Везелева И. Кишенскому от 23 мая 1768 г. указывалось, что находившиеся при наместнике астраханские татары, армяне, русские купцы и приезжие для торговли из разных городов люди продавали свои товары калмыкам и брали с них расписки с печатями наместника и других владельцев, а некоторые — расписки с засвидетельствованием определенного при базаре дарги. Все расписки для объявления приносили поручику, чтобы перевести на русский язык и чтобы в указанных местах были объявлены [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 407. Л. 567]. Между тем положение народных масс ухудшалось, что было замечено русской администрацией. Обратили внимание на то, что наместник «имеет отяготительную подвластную народу торговлю, отдавая из корысти своей на откуп армянам и татарам» в разных местах скупать у калмыков «в одни руки скотское сало, кожи и тому подобное» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 489]. Это было сказано «состоящим при калмыцких делах» полковником А. Д. Бехтеевым в рапорте астраханскому губернатору Н. А. Бекетову.

В ответе А. Д. Бехтееву было сказано, что отдача на откуп сала и кож происходит «издревле» у калмыков от хана или наместника в двух местах: в состоящих при них базарах и в урочище Митинском на луговой стороне Волги, в прочих владельческих улусах никакого запрета такой практики не существует. Дальше отмечалось, что все главные правители ханства отдают сало и кожу не из какой-либо корысти или прибыли, «но только из одной своей милости больше бедным людям, кои имеют на себе немалые долги, для заплаты оных. Об указах же о коммерции, как наместник, так и бывшие

до него ханы, понятия не имеют, и те указы, да и все другие, которые до их народа собственно не относятся, к ним никогда не присылаются, а оставлены они, калмыки, во всем на своих правах и вольности» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 489].

И. А. Кишенской в рапорте Коллегии иностранных дел от 8 декабря 1766 г. совершенно обоснованно назвал две из причин обеднения рядового калмыцкого населения. Со времени вступления в калмыцкие дела, им замечено, что многие наместники и владельческие калмыки, а особенно зайсанги, от пьянства и разорительной картежной игры вошли в такие неоплатные долги, что вынуждены были выкупать их с немалым отягощением на аймаки [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386. Л. 202–203]. Притом с некоторого времени заведены были в калмыцком народе и разные откупы, которыми также пользовались астраханские армяне. И. А. Кишенский неоднократно настаивал на отмене откупов и, наконец, от Зарго прекратил подобные дела. Уничтожены были и откупы, «кроме горячего вина, с которого издревле у них откуп заведен, и получаемый от того доход на содержание наместникова дома положен, зачем ко оставлению онаго никаким образом склонить ево, наместника, не мог» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386. Л. 202–203]. Необходимо отметить, что в армянские долговые сети попадали и некоторые нойоны. На владельце Солтоне в январе 1748 г. висел долг в 1 500 рублей. Астраханский армянин В. С. Шерабашев выдавал ему суды. Крупно задолжал и известный в калмыцкой истории нойон Замьян. В июне 1771 г. он писал Н. А. Бекетову, что «имеет на себе долгу астраханскаго армянина Петроса до тысячи рублей, которой долг каким образом заплатить, способа не находя, предает на рассмотрение губернаторское» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 16. Л. 135]. В марте 1788 г. Астраханская управа благочиния подала губернатору Л. С. Алексееву

ведомость, что калмыки должны только по г. Астрахани разным людям (взятые под лов рыбы и т. п.) 110 816 рублей. Л. С. Алексеев дал предписание калмыцкой канцелярии «приложить во удовольствие заимодавцев попечение, сообразуясь к состоянию калмык» [НА РК. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 1].

В XVIII в. определенные связи существовали между Калмыкией и Кабардой. Так, в начале января 1759 г. к хану Дондук-Даши приехали кабардинской кашкатауской партии владельцы Джамбулат Кайтукин и Аджигирей Тембулатов с 40 людьми и 3 января были приняты ханом ранее, — в 1757 г., Дондук-Даши послал письмо к князьям Бамату Коргокину, Касаю Атажукину, чтобы они вернули захваченное у князей Кайтукиных, так как они его кунаки, если же не вернут, то грозился: «...а я на вас буду» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 55]. И. А. Кишенскому было поручено выяснить о торговых дорогах из Астрахани в Кабарду и Крым. И. А. Кишенской узнал без труда и подробно описал в рапорте Н. А. Бекетову торговые пути в Кабарду. Что же касается дороги в Крым, он не смог выяснить о дорогах и объяснял это тем, что калмыки не ездили давно в Крым и на Кубань [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 114]. Эти вопросы были обусловлены разворачиванием борьбы за Крым между Россией и Турцией.

4. Заключение

Рассмотренный материал показывает, что калмыки, будучи кочевым народом, не могли серьезно соперничать с оседлым населением в глубине, сложности и частоте торговых операций. По этой причине в XVIII в. доминирующую роль в торговле калмыков с соседним населением и с самими калмыками захватили крымские и кубанские армяне. В то же время постепенно складывался небольшой слой и калмыцких торговцев.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской Империи.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
National Archive of the Republic of Kalmykia

Литература

- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения. 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I. Элиста: ГУ ИД «Герел», 2009. 846 с.
- Карагодин 1981 — *Карагодин А. И.* Калмыцкий базар [из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.] // Исследование по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИЯЛИ, 1981. С. 31–48.
- Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: М-во гос. имуществ. 1870. 171 с.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным. СПб.: Тип. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.

References

- Zhitetsky I. A. Essays on Household Life of Astrakhan Kalmyks: Ethnographic Observations, 1884–1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 75 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 846 p. (In Russ.)
- Karagodin A. I. Kalmytsky Bazar, mid-eighteenth to mid-nineteenth centuries: Some insights into Kalmykia's trade relations. In: Naberukhin A. I. (ed.) Kalmyk ASSR: Studies in Historical Geography. Elista: Kalmykia Research Institute of Language, Literature and History, 1981. Pp. 31–48. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. 171 p. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khoshoutovsky Ulus: Essays on Household Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. A. Volga Kalmyks: Detailed Eyewitness Accounts. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 290 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 4, Pp. 759–769, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(517.3)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-759-769

От предмета контрабанды к инструменту пропаганды: из истории обращения денежных знаков Российской империи на внутреннем рынке Монголии в XIX – начале XX в.

Анна Максимовна Плеханова¹, Алдар Амаголонович Ширапов²,
Найдан-Жаргал Будажапович Доржиев³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)

 доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель директора
0000-0002-6573-4262. E-mail: [plehanova.am\[at\]mail.ru](mailto:plehanova.am[at]mail.ru)

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)

 кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
0000-0002-5910-3501. E-mail: [agmaren\[at\]mail.ru](mailto:agmaren[at]mail.ru)

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)

 аспирант
0009-0004-6393-4270. E-mail: [g1997gle\[at\]mail.ru](mailto:g1997gle[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Плеханова А. М., Ширапов А. А., Доржиев Н.-Ж. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется история обращения денежных знаков Российской империи в Монголии в XIX – начале XX в. *Целью* данной статьи является выявление и анализ роли российской валюты на внутреннем рынке Монголии в XIX – начале XX в. В рамках поставленной цели предполагается определить причины, лежащие в основе изменения статуса российского рубля, и выявить функции, которые выполняла российская валюта за рубежом на протяжении исследуемого периода. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составляют нормативно-правовые документы, регулирующие государственную политику Российской империи в области денежного оборота и развитие торговых отношений со странами Внутренней Азии; архивные материалы, представленные в фондах государственных архивов Республики Бурятия и Иркутской области. Методология исследования базируется на методе исторической реконструкции, хронологическом, статистическом, системно-историческом методах, что позволило реконструировать историю трансформации роли российских денежных знаков на внутреннем рынке Монголии в контексте масштабных политических и экономических процессов, происходивших в странах Внутренней Азии в исследуемый период. *Результаты.* В ходе развития торговых отношений Российской империи со странами Внутренней Азии статус российских денежных знаков на внутреннем рынке Монголии претерпел неоднократные изменения. Выполняя в течение первой половины XIX в. роль нелегального товара, к началу XX в. рубль смог стать одним из признанных инструментов взаимных расчетов. Получив солидный статус благодаря успешной финансовой реформе С. Ю. Витте, российский рубль занял прочное место на финансовом рынке Монголии, содействуя развитию российско-монгольского торгового сотрудничества.

Ключевые слова: Российская империя, Цинская империя, Монголия, кяхтинская таможня, российский рубль, золото, серебро, банкнота, экономика, банк, международная торговля, контрабанда.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания по проекту «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Плеханова А. М., Ширапов А. А., Доржиев Н.-Ж. Б. От предмета контрабанды к инструменту пропаганды: из истории обращения денежных знаков Российской империи на внутреннем рынке Монголии в XIX – начале XX вв. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 759–769. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-759-769

From a Smuggling Item to a Propaganda Tool: Historical Insights into the Circulation of Russian Imperial Currency in Mongolia, Nineteenth to Early Twentieth Centuries

Anna M. Plekhanova¹, Aldar A. Shirapov², Naidan-Zhargal B. Dorzhiev³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate, Deputy Director

 0000-0002-6573-4262. E-mail: plekhanova.am[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Junior Research Associate

 0000-0002-5910-3501. E-mail: agmaren[at]mail.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0009-0004-6393-4270. E-mail: g1997gle[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Plekhanova A. M., Shirapov A. A., Dorzhiev N.-Zh. B., 2024

Abstract. Introduction. The article examines the circulation of Imperial Russia's currency in Mongolia's domestic markets during the nineteenth and early twentieth centuries. *Goals.* The study seeks to determine and analyze the role of Russian currency in Mongolia during the identified period. To facilitate this, the work shall investigate reasons behind the change in the Russian ruble's status, determine the then functions performed by the latter abroad. *Materials and methods.* The study focuses on regulatory and legal documents aimed at administering state policy of the Russian Empire in the fields of money circulation and development of trade relations with Inner Asian countries, investigates related archival materials housed at the State Archive of Buryatia and that of Irkutsk Oblast. The key research methods employed include that of historical reconstruction, and chronological, statistical, systemic historical ones. These put together have made it possible to reconstruct how the status of Russian ruble in Mongolia's financial market would change in the context of large-scale political and economic processes witnessed by nations of Inner Asia during the period in question. *Results.* The development of trade relations between Imperial Russia and Inner Asian nations entailed multiple changes in the status of Russian currency within Mongolia's markets. Having been an illegal commodity in the early-to-mid nineteenth century, Russian ruble grew to become a recognized tool of mutual settlements at the turn of the twentieth century. The solid status that proceeded from S. Witte's successful financial reform made it possible for the Russian currency to hold a firm place in the financial market of Mongolia, which it turn had most favorable impacts on Russia-Mongolia trade cooperation.

Keywords: Russian Empire, Qing Empire, Mongolia, Kyakhta customs, Russian ruble, gold, silver, banknote, economy, bank, international trade, smuggling

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 'Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, Seventeenth to Twenty First Centuries'.

For citation: Plekhanova A. M., Shirapov A. A., Dorzhiev N.-Zh. B. From a Smuggling Item to a Propaganda Tool: Historical Insights into the Circulation of Russian Imperial Currency in Mongolia, Nineteenth to Early Twentieth Centuries. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 759–769. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-759-769

1. Введение

Деньги — один из важнейших и неотъемлемых атрибутов цивилизации. Согласно определению, данному в словаре финансово-экономических терминов, «деньги — всеобщая эквивалентная форма стоимости всех других товаров» [Словарь 2015: 131]. Помимо роли универсального измерителя стоимости услуг и товаров, деньги выполняют ряд других, не менее важных, функций. Денежные знаки служат расчетной единицей и средством сбережения капитала. Со времен ранних цивилизаций деньги выступают в качестве наглядной демонстрации суверенитета государства. Так, на первых в истории монетах, отчеканенных в XII в. до н. э. на территории Лидийского царства, изображалась голова льва — символ царской династии Мермнадов [Davies 2002: 62–63]. Деньги могут использоваться как в границах определенной страны, так и иметь статус свободно конвертируемой валюты. Зачастую валюта экономически могущественных государств обращается в качестве общепринятого средства ведения расчетных операций и сбережения капитала в других странах. К началу XX в. на внутреннем рынке Монголии такой валютой стал российский рубль.

Роль денежных знаков Российской империи в развитии российско-монгольских экономических отношений в XIX — начале XX в. являлась предметом интереса многих исследователей. Так, в работе С. В. Горьковой показано, что в конце XIX — начале XX в. на внутреннем рынке Монголии российский рубль являлся законным платежным средством, причем как в форме серебряных и золотых монет, так и в виде ассигнаций [Горькова 2008: 101]. Большой интерес представляет работа М. В. Оськиной, в которой исследуется деятельность организации «Монголэкс», занимавшейся во время Первой мировой войны закупкой мясной про-

дукции в Монголии для нужд действующей армии. Помимо ценных сведений об общих объемах монгольских поставок в Россию, представлены информация о способах их оплаты и иные финансовые данные. В частности сообщается о том, что летом 1917 г. из-за падения курса рубля российские банкноты на территории Монголии фактически утратили статус платежного средства [Оськин 2014: 41]. Не менее важным является исследование Л. В. Кураса, в котором анализируются методы борьбы Кяхтинской таможни с контрабандой в первой половине XIX в. Автор приводит данные о том, что в указанный период российские золотые и серебряные монеты, незаконно вывозимые в Монголию, имели статус ценного товара, а не платежного средства [Курас 2012: 181].

Несмотря на пристальное внимание к проблеме использования денежных знаков Российской империи на территории Монголии в XIX — начале XX в., ряд аспектов проблемы пока еще не получил должного освещения. Целью данной статьи является выявление и анализ роли российской валюты на внутреннем рынке Монголии в XIX — начале XX в. В рамках поставленной цели предполагается определить причины, лежащие в основе изменения статуса российского рубля, и выявить функции, которые выполняла российская валюта за рубежом на протяжении исследуемого периода.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена ранее неопубликованными документами государственных архивов Республики Бурятия и Иркутской области. В фонде № 92 «Канцелярия Кяхтинского градоначальника, 1816–1863» были изучены материалы, позволившие оценить объем контрабанды российских золотых и серебряных монет в Монголию в середине XIX в. Работа с документами, хранящимися в фонде № 222

«Кяхтинское отделение Народного Банка, 1912–1925», дала возможность по новому взглянуть на роль имперских финансово-кредитных учреждений в продвижении российского влияния на территории Монголии в начале XX в. В ходе исследования материалов фонда № 71 «Экспедиция по закупке скота в Монголии для нужд действующей армии Министерства продовольствия Временного сибирского (колчаковского) правительства, г. Иркутск Иркутской губернии 05.05.1917–01.07.1919» удалось получить ценные сведения по истории оборота российских банкнот на внутреннем рынке Монголии в годы Первой мировой войны. Анализ нормативно-правовой документации, содержащейся в Полном собрании законов Российской империи, позволил выявить изменения в отечественной финансовой политике, в частности при осуществлении операций с валютой и драгоценными металлами в странах Внутренней Азии. Статистические сведения, почерпнутые в сборнике «Обзор Забайкальской области» разных лет, дали возможность проследить динамику обращения российских банкнот в последней четверти XIX в. – начале 1910-х гг.

Методологическая база исследования опирается на принципы историзма и объективности, метод исторической реконструкции, хронологический, статистический, системно-исторический методы, позволившие в динамике проследить процесс изменения статуса денежных знаков Российской империи на территории Монголии в контексте политических и экономических трансформаций, происходивших в странах Внутренней Азии в XIX – начале XX в.

3. «На Китайской границе <...> ханское серебро сколько возможно покупать...»: особенности кяхтинской торговли в XVIII в.

Поскольку в XVIII в. – начале XX в. Монголия находилась в составе Цинской империи, юридическим основанием для развития российско-монгольских торговых отношений стал договор, заключенный Российской и Цинской империями 14 июня 1728 г. [О вечном 1830: 49–53]. Согласно его условиям, была проведена демаркация об-

щей границы и особо оговорено строительство «на Селенгинской Кяхте» торгового пункта, где «кто либо похощет идти на оное место купечества ради, да идет, токмо прямой дорогою...» [О вечном 1830: 51]. Так было положено начало Кяхтинской торговой слободе, ставшей практически до конца XIX столетия главными торговыми воротами России в Азию.

Кяхтинская торговля велась путем натурального обмена. Русские предприниматели продавали в Китай пушнину, вывозя обратно шелк, фарфор, драгоценные камни, лекарственные растения и т. д. Монгольским экспортным товаром в XVIII в. был скот, который русские купцы получали в обмен на сукно и выделанные кожи [Романова 2014: 108].

Запрет на использование денежных знаков в ходе ведения торговых операций, на наш взгляд, был обусловлен спецификой монетарной политики, проводимой Российской империей. Для развития отечественной торговли и промышленности необходимо было наличие сильной национальной валюты. Требовались большие запасы золотой и серебряной монеты. Однако Российская империя вплоть до середины XVIII в. не располагала значительными резервами драгоценных металлов [Ведерников 2023: 59]. Правительство на законодательном уровне запрещало вывоз из страны золота и серебра в любом виде [Именной 1830]. Главным источником драгоценных металлов были поставки из-за рубежа. К числу государств-импортеров относилась Цинская империя, являвшаяся на тот момент одним из главных игроков на мировом рынке серебра. С 1740 г. по 1785 г. Китай ежегодно импортировал более 50 т драгоценного металла [Von Glahn 2019: 570], часть которого впоследствии вывозилась в Россию. Так, в 1736 г. иркутский вице-губернатор А. Л. Плещеев в государственных интересах приобрел у китайских купцов 15 тыс. лян серебра [Силин 1947: 56]. Власти Российской империи были крайне заинтересованы в получении драгоценного металла из пределов Цинской империи. Летом 1744 г. имперским Сенатом был издан специальный указ, в котором предписывалось «а в Сибирскую губернию к Иркутскому Вице-Губернатору Лангу пи-

сать же, чтоб он на Китайской границе и в других тамошних местах по тому же старался Ханское серебро сколько возможно покупать, и на такие товары, которые там, в продажу выменивать...» [Сенатский 1830: 137].

Сложная ситуация на финансовом рынке сохранялась в Российской империи до конца XVIII в. Не исправило положение и введение в 1769 г. в обращение бумажных денег — ассигнаций. Постоянно растущие государственные расходы вкупе с отсутствием стабильного притока драгоценных металлов в казну привели к резкому увеличению бумажной рублевой массы. К концу столетия в обороте находилось около 200 млн практически необеспеченных золотом или серебром рублей, что в итоге привело к резкому падению курса [Муравьева 2001: 44]. Имеющие низкую покупательную способность бумажные ассигнации не представляли интереса для иностранных купцов и существенно ограничивали ведение дел русским предпринимателям.

4. «Вследствие задержания на Троицкой заставе двух человек с золотою монетою...»: специфика нелегального вывоза российских монет в первой половине XIX в.

Первая половина XIX в. стала для российского рубля временем активного продвижения на внутренний рынок Цинской империи. Более полувека российская валюта, имея статус нелегального товара, тайно доставлялась контрабандистами из России в Китай. Можно выделить как минимум две причины, которые этому способствовали.

Первая заключалась в возникшем кризисе ликвидности на внутреннем рынке Китая, вызванном острой нехваткой серебра. Ситуация, когда страна стабильно импортировала драгоценного металла больше, чем отправляла на экспорт, кардинально изменилась. Если с 1821 г. по 1825 г. Китай ввез более 26 млн серебряных мексиканских песо, а вывез всего 5 млн, то за время с 1826 г. по 1830 г. эти цифры составили уже 12 и 25 млн соответственно. В дальнейшем положение на валютном рынке державы продолжило резко ухудшаться — с 1831 г. по 1851 г. экономика Китая потеряла более 131 млн песо [Von Glahn

2019: 576]. Объяснения кризисной ситуации крылись в снижении поставок серебра ведущими импортерами в лице США и Мексики, в начавшемся с середины 1820-х гг. аграрном кризисе, массовом вывозе из страны ликвидной валюты иностранными торговцами опиумом. Положение еще более усугубилось после поражения Цинской империи в Первой опиумной войне (1839–1842 гг.) [Von Glahn 2019: 575–578].

Вторая причина была напрямую связана с первой. В начале XIX в. на мировом рынке активизировался спрос на китайские товары, в первую очередь на чай. Так, только в Англии чайный импорт за полвека — с 1800 г. по 1850 г. вырос вдвое — с 23 млн фунтов до 50 млн фунтов соответственно [Субботин 1892: 422]. Китайские торговцы в качестве оплаты за свои товары предпочитали получать золото и серебро, что повышало их ценность. В середине XIX в. на внутреннем рынке Цинской империи за одну российскую монету номиналом 5 руб. можно было выручить китайских товаров стоимостью 9 руб. [Стахеев 1869: 93].

В сложившихся условиях русские торговцы стали основными нелегальными поставщиками золотой и серебряной монеты в Цинскую империю. При этом еще в марте 1800 г. был принят закон, прямо запрещавший вывоз в Китай российской валюты [Высочайше утвержденные 1830]. Однако из-за высокой прибыльности незаконный вывоз золотых и серебряных рублей в первой половине XIX в. достиг значительных размеров. По свидетельству российских дипломатов, убыток российской таможни от контрабанды монет только через Синьцзян вырос с 50 тыс. руб. в 1851 г. до 360 тыс. руб. в 1854 г. [Хамзин 2020: 90].

Еще одним пунктом, через который шел активный вывоз российских монет из драгоценных металлов, была располагавшаяся в российско-монгольском приграничье Кяхта. Как отмечал Д. И. Стахеев, кяхтинские контрабандисты перевозили свои грузы в тайниках, сделанных в санях и повозках или в лошадиной упряжи [Стахеев 1869: 93]. Об объемах контрабанды можно судить по суммам, которые изымались у контрабандистов. Так, 18 декабря 1851 г. сотрудники Кяхтин-

ской таможни задержали «на Троицкой заставе двух человек с золотою монетою...» [ГА РБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 3]. Нарушители — казак Цырен Буянтуев и мещанин Андрей Свиныин — пытались незаконно вывезти 1 010 золотых монет [ГА РБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 1].

Для предотвращения незаконного вывоза российской валюты вводились законодательные ужесточения. 15 января 1851 г. имперское правительство постановило «воспретить ввоз в Кяхтинскую торговую слободу и обращение в оной...» [Высочайше утвержденное 1852: 44] драгоценных металлов, в том числе золотой и серебряной монеты. Жителям Кяхты предписывалось под угрозой уголовного наказания в пятнадцатидневный срок со дня извещения обменять в Кяхтинской таможне имеющееся у них золото и серебро на кредитные билеты по установленному курсу [Высочайше утвержденное 1852: 44]. Однако остановить нелегальный отток драгоценных металлов из страны не удалось.

5. Российский рубль в системе российско-китайско-монгольской торговли во второй половине XIX в.: от товара к платежному средству

Во второй половине 1850-х гг. имперские власти осознали сложность и безрезультатность борьбы с контрабандой драгоценных металлов в Китай. К тому же спрос и, соответственно, рост цен на золото и серебро в Цинской империи продолжали оставаться на высоком уровне. Стремясь выровнять торговый баланс с Китаем и получить средства за счет взимания пошлин, правительство в августе 1855 г. отменило запрет на вывоз драгоценных металлов как в виде монет, так и в форме изделий [Высочайше утвержденное 1856: 528]. В результате за первые пять лет — с 1855 г. по 1860 г. — в Китай было экспортировано драгоценных металлов на сумму свыше 12 млн руб. [Крит 1862: 48].

Помимо золотых и серебряных рублей, со второй половины XIX в. в расчетных операциях между русскими, китайскими и монгольскими купцами стали фигурировать российские банкноты. В «Обзоре Забайкальской области» за 1884 г. сообщалось

об использовании в торговле с монголами «кредитных билетов» [Обзор 1885: 26]. При этом как золотые и серебряные монеты, так и бумажные рубли выполняли функции конвертируемого платежного средства. Любопытен тот факт, что с 1 января 1864 г. бумажные деньги в Российской империи не подлежали обмену на золото и серебро [Дмитриев-Мамонов, Евзлин 1915: 195]. Однако китайские и монгольские предприниматели продолжали активно использовать российские банкноты. С 1886 г. по 1898 г. ими было экспортировано в Россию имперских кредитных билетов на сумму 1 млн 894 тыс. руб. Вывоз российских бумажных рублей за тот же период составил почти 955 тыс. руб. [Обзор 1887: 8; Обзор 1888: 7; Обзор 1889: 6]. Возникает вопрос: почему иностранные купцы охотно принимали необеспеченные бумажные купюры? На наш взгляд, это связано с ратификацией в 1862 г. Россией и Китаем соглашения о введении зоны взаимной беспошлинной торговли на всем протяжении общей границы «на расстоянии 100 Китайских ли, в ту и другую сторону...» [Сенатский 1865: 344]. Для Российской империи было важным поддержание торговых отношений с Китаем на своих дальневосточных рубежах. В свою очередь экономика Цинской империи после поражения во Второй опиумной войне (1856–1860 гг.) находилась в состоянии кризиса. Китай был вынужден выплатить победившему англо-французскому альянсу огромную контрибуцию — 8 млн таэлей серебром и открыть для европейских торговых компаний свой внутренний рынок [Treaties 1908: 48–53]. Так, если в 1856 г. Англия поставила около 113 млн ярдов текстильных изделий, то спустя четверть века эта цифра превысила 448 млн ярдов [Hanes, Sanello 2002: 293]. Массовые поставки дешевой зарубежной фабричной продукции негативно отражались на развитии китайской экономики. Цинская империя была крайне заинтересована в сохранении выгодных для нее торговых отношений с Россией, являвшейся одним из главных поставщиков драгоценных металлов. Включение в общий оборот в зоне функционирования беспошлинной торговли бумажных денег Российской им-

перии значительно облегчало ведение дел как китайским и монгольским, так и российским предпринимателям.

6. «Упрочить доверие к российским государственным кредитным знакам среди населения Монголии»: статус российского рубля в Монголии в 1900–1917 гг.

После успешного завершения денежной реформы 1895–1897 гг. под руководством С. Ю. Витте российский рубль стал одной из наиболее устойчивых валют в мире. Согласно указу императора Николая II от 29 августа 1897 г., весь тираж находящихся в обороте бумажных денежных знаков был обеспечен золотом [Именной 1900]. Современники отмечали: «Золотое покрытие выпущенных в обращение кредитных билетов до войны и после войны составляет свыше 100 %, т. е. представляется в высшей степени прочным, например, золотое покрытие в 1900 г. составляло 170 %, в 1911 г. — 117 %» [Дмитриев-Мамонов, Евзлин 1915: 204]. Устойчивость российской валюты обеспечил мощный подъем отечественной экономики практически во всех ее секторах. Если в 1894 г. в стране действовало 63 акционерных общества с совокупным капиталом 59 млн руб., то в 1900 г. их количество увеличилось до 202, а капитал возрос до 250 млн руб. [Яковлев 1955: 209].

Понимая потребность отечественных промышленности и торговли в новых рынках сбыта и источниках дешевого сырья, правительство России начало активное продвижение интересов державы в страны Внутренней Азии, в том числе Монголию. В качестве главного инструмента экономической экспансии самодержавие использовало частные компании, оказывая им финансовую поддержку. С 1900 г. в столице страны — Урге — функционировал филиал одного из крупнейших российских банков — Русско-Китайского. Учреждение, действуя под эгидой властей империи, оказывало помощь в сопровождении бизнеса русских купцов и промышленников, а также широко кредитовало представителей монгольской элиты. По ряду причин монгольский офис банка уже в начале 1910 г. был закрыт [Плеханова, Ширапов 2020: 122]. Несмотря на потерю

банковской поддержки, всего за десять лет удалось добиться хороших результатов. Так, если в 1900 г. из Монголии было импортировано товаров, без учета российских банкнот, на сумму 53 тыс. руб. [Обзор 1901: 14], то в 1911 г. эта цифра составляла 4 млн 982 тыс. руб. [Обзор 1915: 48]. В числе полученных товаров значились: скот, шерсть (овечья, верблюжья), кожи, сало, золото, пушнина и т. д. Монгольская продукция шла не только на рынки России, но и в страны Западной Европы. Например, наиболее ценные сорта мехов русские купцы поставляли в Германию [Обзор 1915: 48–49]. В ходе взаимных расчетов русские и монгольские предприниматели активно использовали российские рубли — как золотые и серебряные монеты, так и банкноты.

После событий Синьхайской революции и объявления Монголией независимости российские власти активизировали усилия по ее вовлечению в сферу своего политического и экономического влияния. 21 октября 1912 г. было подписано соглашение, по условиям которого Российская империя обязывалась оказывать поддержку Монголии в защите ее суверенитета. В документе оговаривались правила, предписывающие ведение взаимной торговли. Российские подданные получали на территории страны большие привилегии — свободно торговать, осуществлять добычу полезных ископаемых, открывать банки и т. д. [Высочайшее повеление 1915: 1492–1495].

Имперские власти прилагали немалые усилия для укрепления российского влияния среди широких кругов монгольского населения. Одной из задач открытого 24 марта 1914 г. в приграничной с Монголией Кяхте офиса Государственного банка [ГА РБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 23. Л. 96а] являлась не только финансовая поддержка монгольского правительства, но и укрепление статуса российских денежных знаков. В качестве примера интересен следующий факт. 3 мая 1914 г. директор Кяхтинского филиала К. И. Зевальд направил в адрес Сибирской конторы Государственного банка письмо, в котором сообщал о поступившем в офис учреждения обращении монгольского подданного Джарчи с просьбой обменять банк-

ноту номиналом в 10 рублей, выпущенную в 1892 г. и уже вышедшую из обращения. К. И. Зевальд особо отмечал, что «отделение считает долгом присовокупить, что возможная льготная оплата просроченных билетов, поступающих от бедных монголов, была бы весьма желательна в виду постоянных влияний, препятствующих упрочить доверие к российским государственным кредитным знакам среди населения Монголии» [ГА РБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 20. Л. 87]. На оборотном листе письма имеется надпись: «принять к исполнению» [ГА РБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 20. Л. 87об.].

Имеющие высокую покупательную способность, надежно обеспеченные золотом российские денежные знаки пользовались большой популярностью на внутреннем рынке Монголии, оставаясь общепринятым платежным средством вплоть до начала XX в. Из-за тяжелой экономической ситуации, вызванной Первой мировой войной, уже в 1916 г. позиции российского бумажного рубля на внутреннем рынке Монголии сильно пошатнулись. Как отмечал в своем докладе в июне 1916 г. полковник П. К. Козлов, руководивший закупками монгольского скота для нужд армии, «падение русского кредитного рубля становится особенно заметно в последнее время» [ГА ИО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 18]. С целью сохранения объема поставок монгольского мяса в Россию П. К. Козлов предлагал использовать в качестве средства оплаты серебро, количество которого должно было составлять «около 10 % от общего оборота кредитных билетов» [ГА ИО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 18об.].

Российские денежные знаки продолжали использоваться на внутреннем рынке

Монголии даже после распада империи — вплоть до начала 1920-х гг. [Погребецкий 1924: 281]. Однако прежний статус надежного и высоколиквидного расчетного средства был ими безвозвратно утрачен.

7. Заключение

Если в XVIII в. в связи с меновым характером торговли между Российской и Цинской империями и отсутствием наличного расчета, вызванного особенностями финансовой политики самодержавия, российские денежные знаки не получили распространения на внутреннем рынке Монголии, то на протяжении XIX – начала XX вв. их статус неоднократно менялся. Первая половина XIX столетия стала временем проникновения российских денежных знаков на финансовые рынки Внутренней Азии, но не в качестве официального инструмента расчета, а в виде нелегального товара. Причины заключались в резко возросшем спросе на драгоценные металлы в Цинской империи вкупе с политикой российского самодержавия, направленной на запрет экспорта золота и серебра за границу. Во второй половине XIX в. российский рубль обрел роль признанного инструмента взаимных расчетов, одновременно сохраняя статус товара. Завершающий этап в истории обращения денежных знаков Российской империи в Монголии пришелся на 1900–1917 гг., став наиболее знаковым и важным. Получив солидный статус благодаря успешной финансовой реформе 1895–1897 гг., российский рубль смог занять прочное место на финансовом рынке Монголии, при этом не только содействуя развитию российско-монгольских торговых связей, но и укрепляя авторитет страны среди местного населения.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.
ГА ИО — Государственный архив Иркутской области.

Литература

Ведерников 2023 — *Ведерников В. В.* Производство серебра на Алтае во второй половине XVII – XIX вв.: влияние глобальных трендов // *Terra Economicus*. 2023. Т. 21. № 2. С. 55–67.

Sources

State Archive of Irkutsk Oblast.
State Archive of the Republic of Buryatia.

References

Vedernikov V. V. Silver production in Altai in the second half of the 18th and 19th centuries: The influence of global trends. *Terra Economicus*. 2023. Vol. 21. No. 2. Pp. 55–67. (In Russ.) DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-2-55-67

- Высочайше утвержденное 1852 — Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дополнении и изменении существующих правил о Кяхтинской торговле» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Отдел. I. Т. XXVI. 1851 г. № 24830. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1852. С. 42–44.
- Высочайше утвержденное 1856 — Высочайше утвержденное положение Сибирского Комитета, опубликованное 25 августа «Об изменении правил Кяхтинского торгога» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Отдел. I. Т. XXX. 1855 г. № 29554. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1856. С. 528–529.
- Высочайше утвержденные 1830 — Высочайше утвержденные правила, по которым Кяхтинская Таможня и купечество, при производстве с Китацами торгога, поступать должны // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVI. 1800–1801 гг. № 19328. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. С. 75–79.
- Высочайшее повеление 1915 — Высочайшее Повеление, заявленное Министром Юстиции «О соглашениях России с Монгольским Правительством» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Отдел. I. Т. XXXII. 1912. № 38230. СПб.: Гос. тип., 1915. С. 1492–1495.
- Горькова 2008 — Горькова С. В. Кредитно-финансовая система Монголии (конец XIX — начало XX вв.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2008. № 1. С. 93–102.
- Дмитриев-Мамонов, Евзлин 1915 — Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П. Деньги. Петроград: Тип. М. Пивоварского и Ц. Типографа, 1915. 309 с.
- Именной 1830 — Именной указ «О запрещении ввозить в Россию медную монету и о невывозе за границу золотых и серебряных денег, слитков и посуды» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XII. 1744–1748 гг. № 8940. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. С. 105–112.
- Именной 1900 — Именной Высочайший указ, данный Министру Финансов «Об установлении согласованного с Именным Высочайшим 3 января 1897 года твердого основания выпуска государственных кредитных билетов в обращение» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XVII. 1897. № 14504. СПб.: Гос. тип., 1900. С. 575.
- Крит 1862 — Крит Н. К. Будущность кяхтинской торговли. СПб.: Тип. Артил. деп-та Воен. Мин-ва, 1862. 101 с.
- Imperially Approved Opinion of the State Council on Supplements and Amendments to the Existing Trade Regulations for Kyakhta. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Pt. 1. Vol. 26: 1851. No. 24830. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1852. Pp. 42–44. (In Russ.)
- Imperially Approved Decree of the Siberia Committee (Published on 25 August) on Amendments to Trade Regulations in Kyakhta. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Pt. 1. Vol. 30: 1855. No. 29554. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1856. Pp. 528–529. (In Russ.)
- Imperially Approved Regulations for the Customs and Trading Point of Kyakhta. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1. Vol. 26: 1800–1801. No. 19328. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1830. Pp. 75–79. (In Russ.)
- Imperial Decree Suggested by the Minister of Justice on [Drafting] a Treaty between Russia and the Mongolian Government. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3. Pt. 1. Vol. 32: 1912. No. 38230. St. Petersburg: State Publ. House, 1915. Pp. 1492–1495. (In Russ.)
- Gorkova S. V. Mongolia's banking and finance system, late nineteenth to early twentieth century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'Political Science and Religion Studies'*. 2008. Vol. 1. Pp. 93–102. (In Russ.)
- Dmitriev-Mamonov V. A., Evzlin Z. P. The Money. Petrograd: M. Pivovarsky & Ts. Tipograf, 1915. 309 p. (In Russ.)
- Imperial Edict on Prohibiting Inflows of Copper Coins and Outflows of Any Gold/Silver Coins, Bars or Wares. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1. Vol. 12: 1744–1748. No. 8940. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1830. Pp. 105–112. (In Russ.)
- Imperial Edict to the Minister of Finance on Sanctioning the Imperially Approved (of 3 January 1897) Release of Government Bank Notes into Circulation. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3. Vol. 17: 1897. No. 14504. St. Petersburg: State Publ. House, 1900. P. 575. (In Russ.)
- Krit N. K. Prospects of Kyakhta-Based Trade. St. Petersburg: Ministry of War (Artillery Dept.), 1862. 101 p. (In Russ.)

- Курас 2012 — *Курас Л. В.* Кяхтинская таможня в первой половине XIX в.: контрабанда и борьба с ней // *Власть*. 2012. № 10. С. 179–182.
- Муравьева 2001 — *Муравьева Л. А.* Финансово-кредитная и налоговая система России в XVIII веке // *Финансы и кредит*. 2001. № 8. С. 42–49.
- О вечном 1830 — О вечном между обеими Империями мире, об утверждении границ, о неуклонности перебежчиков; об оставлении Удинских границ по прежнему и о свободной торговле: Генеральный трактат между Россиею и Китаем // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VIII. 1728–1732 гг. № 5286. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. С. 49–53.
- Обзор 1885 — Обзор Забайкальской области за 1884 год. Чита: Изд. Забайкал. обл. стат. комитета, 1885. 64 [51] с.
- Обзор 1887 — Обзор Забайкальской области за 1886 год. Чита: Изд. Забайкал. обл. стат. комитета, 1887. 34 [17] с.
- Обзор 1888 — Обзор Забайкальской области за 1887 год. Чита: Изд. Забайкал. обл. стат. комитета, 1888. 27 [32] с.
- Обзор 1889 — Обзор Забайкальской области за 1888 год. Чита: Изд. Забайкал. обл. стат. комитета, 1889. 18 [22] с.
- Обзор 1901 — Обзор Забайкальской области за 1900 год. Чита: Тип. Забайкал. обл. правления, 1901. 57 [110] с.
- Обзор 1915 — Обзор Забайкальской области за 1911 год. Чита: Тип. Забайкал. обл. правления, 1915. 97 [70] с.
- Оськин 2014 — *Оськин М. В.* «Особая» экспедиция П. К. Козлова в Монголии в период Первой мировой войны (1915–1917) // *Mongolica*. 2014. Т. 14. С. 36–42.
- Плеханова, Ширапов 2020 — *Плеханова А. М., Ширапов А. А.* Ургинское отделение Русско-Китайского банка (1900–1910 гг.): нелинейная история // *Вопросы истории*. 2020. № 10 (2). С. 115–125.
- Погребецкий 1924 — *Погребецкий А. И.* Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924). Харбин: О-во изучения Маньчжурского края; Чита: Дальневосточно-Сибирского о-ва «Книжное Дело», 1924. 419 с.
- Романова 2014 — *Романова Г. Н.* Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.) // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2014. № 2. С. 101–112.
- Сенатский 1830 — Сенатский указ «О покупке на монетные дворы высокой пробы серебра» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XII. 1744–1748 гг. № 8961.
- Kuras L. V. Kyakhta customs point, early-to-mid nineteenth century: Anti-smuggling measures. *Vlast'*. 2012. No. 10. Pp. 179–182. (In Russ.)
- Muravyova L. A. Eighteenth-century Russia: Credit and taxation system. *Finance & Credit*. 2001. No. 8. Pp. 42–49. (In Russ.)
- General Treaty between Russia and China on Eternal Peace, Borders, Criminal Extradition, Confirmation of the Former Uda [River] Border Line, and Free Trade. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1. Vol. 8: 1728–1732. No. 5286. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1830. Pp. 49–53. (In Russ.)
- Transbaikal Oblast: The 1884 Review. Chita: Transbaikal Oblast Statistical Committee, 1885. 64 [51] p. (In Russ.)
- Transbaikal Oblast: The 1886 Review. Chita: Transbaikal Oblast Statistical Committee, 1887. 34 [17] p. (In Russ.)
- Transbaikal Oblast: The 1887 Review. Chita: Transbaikal Oblast Statistical Committee, 1888. 27 [32] p. (In Russ.)
- Transbaikal Oblast: The 1888 Review. Chita: Transbaikal Oblast Statistical Committee, 1889. 18 [22] p. (In Russ.)
- Transbaikal Oblast: The 1900 Review. Chita: Transbaikal Oblast Statistical Committee, 1901. 57 [110] p. (In Russ.)
- Transbaikal Oblast: The 1911 Review. Chita: Transbaikal Oblast Statistical Committee, 1915. 97 [70] p. (In Russ.)
- Oskin M. V. P. K. Kozlov's «special» expedition to Mongolia during World War I (1915–1917). *Mongolica*. 2014. Vol. 14. Pp. 36–42. (In Russ.)
- Plekhanova A. M., Shirapov A. A. The Urginsky branch of the Russo-Chinese bank (1900–1910): Short story. *Voprosy Istorii*. 2020. No. 10 (2). Pp. 115–125. (In Russ.) DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi30
- Pogrebetsky A. I. Russian Civil War and Revolution in the Far East, 1914–1924: Currencies and Their Circulation. Harbin: Society for the Study of Manchuria; Chita: Knizhnoe Delo, 1924. 419 p. (In Russ.)
- Romanova G. N. Shaping the Russia-Chinese trade relations (XVII – the first third of XVIII centuries). *Customs Policy of Russia in the Far East*. 2014. No. 2. Pp. 101–112. (In Russ.)
- Decree of the Governing Senate on Purchasing Fine Silver for [Russian] Mints. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1. Vol. 12: 1744–1748. No. 8961. St. Petersburg:

- СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. С. 136–137.
- Сенатский 1865 — Сенатский, по Высочайшему повелению указ «О правилах для сухопутной торговли с Китаем и тариф, заключенных в Пекине 20 февраля 1862 года» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Отд. II. Т. XXXVII. 1862 г. № 38932. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1865. С. 344–347.
- Силин 1947 — Силин Е. П. Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 204 с.
- Словарь 2015 — Словарь финансово-экономических терминов / А. В. Шаркова, А. А. Киячков, Е. В. Маркина и др.; под общ. ред. д. э. н., проф. М. А. Эскиндарова. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К^о», 2015. 1168 с.
- Стахеев 1869 — Стахеев Д. И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1869. 347 с.
- Субботин 1892 — Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. СПб.: Тип. Северного телеграф. агентства, 1892. 706 с.
- Хамзин 2020 — Хамзин И. Р. Контрабандная торговля русской золотой и серебряной монетой в Западном Китае в 50-е гг. XIX в. (по материалам российского консула К. А. Скачкова) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22. С. 88–97.
- Яковлев 1955 — Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955. 404 с.
- Davies 2002 — Davies G. A History of Money: From Ancient Times to the Present Day. Cardiff: University of Wales Press, 2002. 720 p.
- Hanes, Sanello 2002 — Hanes W. T., Sanello F. The Opium Wars. The Addiction of One Empire and the Corruption of Another. Naperville, Illinois: Sourcebooks, 2002. 334 p.
- Treaties 1908 — Treaties, &c., between Great Britain and China: and between China and foreign powers; and orders in council, rules, regulations, acts of Parliament, decrees, &c., affecting British interests in China. In force on the 1st January, 1908 / compiled E. Hertslet. London: Printed for H. M. Stationery off., by Harrison and sons, 1908. V. 1. 208 p.
- Von Glahn 2019 — Von Glahn R. The Changing Significance of Latin American Silver in the Chinese Economy, 16th-19th Centuries // Revista de Historia Económica, Journal of Iberian and Latin American Economic History. 2019. Pp. 553–585.
- H. I. M. Own Chancellery (Second Section), 1830. Pp. 136–137. (In Russ.)
- Decree [Imperially Approved] of the Governing Senate on [Appointing] Regulations for Trade with China and [Customs] Tariffs Confirmed in Beijing on 20 February 1862. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Pt. 2. Vol. 37: 1862. No. 38932. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancellery (Second Section), 1865. Pp. 344–347. (In Russ.)
- Silin E. P. Kyakhta in the Eighteenth Century: Historical Insights into Russia-China Trade. Irkutsk: Irkutsk Oblast Publ. House, 1947. 204 p. (In Russ.)
- Sharkova A. V., Kilyachkov A. A., Markina E. V. et al. A Dictionary of Economic and Financial Terms. M. Eskindarov (ed.). Moscow: Dashkov & Co., 2015. 1168 p. (In Russ.)
- Stakheev D. I. In Transbaikalia and on the Amur: Travel Notes. St. Petersburg: K. Wulf, 1869. 347 p. (In Russ.)
- Subbotin A. P. Tea and Tea Trade in Russia and Other Countries. Tea Production, Consumption and Distribution. St. Petersburg: Northern Telegraph Agency, 1892. 706 p. (In Russ.)
- Khamzin I. R. Illicit trade in Russian gold and silver coins in West China in 1850's (Based on the materials of the Russian Consul K. A. Skachkov). *The Bulletin of Kemerovo State University*. 2020. Vol. 22. No. 1. Pp. 88–97. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97
- Yakovlev A. F. Economic Crises in Russia. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 404 p. (In Russ.)
- Davies G. A History of Money: From Ancient Times to the Present Day. Cardiff: University of Wales Press, 2002. 720 p. (In Eng.)
- Hanes W. T., Sanello F. The Opium Wars: The Addiction of One Empire and the Corruption of Another. Naperville, IL: Sourcebooks, 2002. 334 p. (In Eng.)
- Hertslet E. (comp.) Treaties, &c., between Great Britain and China; and between China and Foreign Powers; and Orders in Council, Rules, Regulations, Acts of Parliament, Decrees, &c., Affecting British Interests in China. In force on the 1st January, 1908. London: Harrison and Sons, 1908. Vol. 1. 208 p. (In Eng.)
- Glahn R. von. The changing significance of Latin American silver in the Chinese economy, 16th–19th centuries. *Revista de Historia Económica / Journal of Iberian and Latin American Economic History*. 2020. Vol. 38. No. 3. Pp. 553–585. DOI: 10.1017/S0212610919000193

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 770–781, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8
 DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-770-781

Донские оstarбайтеры Третьего рейха с тюркской идентичностью: некоторые результаты эвристической реконструкции

Валентина Анатольевна Агеева¹, Марина Исмаиловна Жбанникова²,
 Николай Алексеевич Трапш³

¹ Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (д. 48, ул. Инициативная, 347936 Таганрог, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, доцент, декан факультета

 0000-0001-9921-4364. E-mail: [ageewa.75\[at\]mail.ru](mailto:ageewa.75[at]mail.ru)

² Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (д. 48, ул. Инициативная, 347936 Таганрог, Российская Федерация)
 научный сотрудник

 0000-0002-1712-1541. E-mail: [mzhbannikova\[at\]yandex.ru](mailto:mzhbannikova[at]yandex.ru)

³ Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (д. 48, ул. Инициативная, 347936 Таганрог, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-8886-9098. E-mail: [tirpizn\[at\]rambler.ru](mailto:tirpizn[at]rambler.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Агеева В. А., Жбанникова М. И., Трапш Н. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Представленная статья отражает оригинальный вариант исследовательской реконструкции, направленный на последовательное выявление отдельных представителей тюркских народов, проживавших на территории Ростовской области и угнанных на принудительные работы в Третий рейх. Подобный подход не является традиционным для отечественной историографической традиции, обращенной к системному анализу рассматриваемой проблемы в политическом, социальном и территориальном измерении. В авторском ракурсе оказались шесть советских граждан, персональные портреты которых удалось воссоздать в наибольшей степени на основе имеющихся исторических свидетельств. *Материалы и методы.* Эмпирические данные, отражающие объективные результаты эвристической работы, были реконструированы из дифференцированных документальных комплексов Государственного архива Ростовской области, включая Таганрогский филиал, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Центра хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области, городских архивов г. Люденшайд и г. Мюнстер (Федеративная Республика Германия). Методологическую основу исследовательской практики составили традиционные микроисторические подходы, направленные на детализированную реконструкцию локальных антропологических образов, объединенных общим социокультурным признаком. *Результаты и выводы.* Проведенное исследование позволило конкретизировать значимые аспекты преступной деятельности нацистских оккупационных властей в Ростовской области, связанные с насильствен-

ной депортацией местных жителей на принудительные работы в Германию. Авторское исследование подтвердило, что этническая конфессиональная или социальная идентичность потенциального оstarбайтера не имела принципиального значения для уполномоченных структур Третьего рейха, ориентированных исключительно на комплексную проверку индивидуальных способностей к тяжелому физическому труду. Комплексную характеристику получили антигуманные условия повседневной жизнедеятельности насильственно перемещенных советских граждан, игравших значительную роль в рамках трудовых ресурсов нацистского режима, но лишенных элементарных человеческих прав. Рассмотренным представителям тюркских народов удалось не только выжить в тяжелейших условиях, но и сохранить идентификационные маркеры этнической культуры.

Ключевые слова: архив, источник, база данных, Третий рейх, эвристика, принудительные работы, биржа труда, интервью, нацистский режим, оккупация, администрация

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Перемещение советских граждан на принудительные работы в нацистскую Германию (1941–1943 гг.): база данных и интерактивная карта (на материалах Ростовской области)» (№ 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>).

Для цитирования: Агеева В. А., Жбанникова М. И., Трапш Н. А. Донские оstarбайтеры Третьего рейха с тюркской идентичностью: некоторые результаты эвристической реконструкции // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 770–781. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-770-781

Don Ostarbeiters with Turkic Identity: Some Outcomes of Heuristic Reconstructions

Valentina A. Ageeva¹, Marina I. Zhbannikova², Nikolay A. Trapsh³

¹ Chekhov Taganrog Institute (Branch) of Rostov State University of Economics (48, Initsiativnaya St., 347936 Taganrog, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dean of Faculty

 0000-0001-9921-4364. E-mail: ageewa.75[at]mail.ru

² Chekhov Taganrog Institute (Branch) of Rostov State University of Economics (48, Initsiativnaya St., 347936 Taganrog, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0002-1712-1541. E-mail: mzhbannikova[at]yandex.ru

³ Chekhov Taganrog Institute (Branch) of Rostov State University of Economics (48, Initsiativnaya St., 347936 Taganrog, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-8886-9098. E-mail: tirpizn[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Ageeva V. A., Zhbannikova M. I., Trapsh N. A., 2024

Abstract. Introduction. The article introduces original research reconstructions consistently aimed at identifying individuals of Turkic origin who had resided in Rostov Oblast before they were relocated for forced labor to the Third Reich. The approach is not that traditional for Russia's historiographic tradition that primarily addresses systemic analyses of such issues in political, social and territorial perspectives. The study involves a total of six Soviet citizens whose personal portraits have been reconstructed to the greatest possible extent with the aid of available historical evidence. *Materials and methods.* Empirical data to shape some objective outcomes of heuristic endeavors have been collected from different documentary sections within the State Archive of Rostov Oblast (including its Taganrog Branch), Center for Contemporary Historical Documents (Rostov-on-Don), Center for Archival Documents (Shakhty), city archives of Lüdenscheid and Münster (Germany). The methodological basis is formed by traditional microhistorical approaches aimed at securing detailed reconstructions of local anthropological images united by a common sociocultural feature. *Results and conclusions.* The conducted study makes it possible to specify some significant aspects of criminal efforts undertaken by Nazi occupation authorities across Rostov Oblast — in the form of involuntary deportations for forced labor to Germany. The paper confirms ethnic, religious or social identities of a potential

Ostarbeiter were of no essential significance for authorized structures of the Third Reich, the latter having been exclusively focused on testing individual abilities for heavy physical work. There is also a comprehensive insight into the inhumane conditions of everyday life experienced by displaced Soviet citizens who formed an important part to the labor forces exploited by the Nazi regime — only to be deprived of basic human rights. The considered representatives of Turkic origin not only survived the severest conditions but also preserved certain identity markers of their ethnic cultures.

Keywords: archive, source, database, Third Reich, heuristics, forced labor, labor exchange, interview, Nazi regime, occupation, administration.

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-28-01114 ‘Forced Labor Relocations of Soviet Citizens to Nazi Germany, 1941–1943: Databases and Interactive Maps (Rostov Oblast)’. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-01114>.

For citation: Ageeva V. A., Zhbannikova M. I., Trapsh N. A. Don Ostarbeiters with Turkic Identity: Some Outcomes of Heuristic Reconstructions. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 770–781. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-770–781

1. Введение

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем, связанных с историческим исследованием Великой Отечественной войны, является последовательная реконструкция системного геноцида, осуществлявшегося нацистскими властями на оккупированных территориях СССР по отношению к гражданскому населению. Значимым элементом преступной деятельности управленческих структур Третьего рейха следует признать насильственное перемещение советских граждан на принудительные работы в Германию, в территориальных границах которой многочисленные оstarбайтеры не только привлекались к тяжелому и неоплачиваемому труду, но и подвергались физическому и моральному насилию, сопряженному с недоброкачественным питанием и практическим отсутствием необходимых санитарных условий индивидуальной и групповой жизнедеятельности. В предшествующей отечественной и зарубежной историографической традиции получили комплексную характеристику различные аспекты своеобразного «трудового геноцида», обращенного против перемещенных гражданских лиц. В частности в фундаментальных работах Е. Л. Данченко и Е. Клитцинг системную оценку получила практическая деятельность угнанных советских граждан, осуществлявшаяся в аграрном секторе нацистской экономики [Данченко 2012; Клитцинг 2017]. Принципиальные особенности насильственного перемещения и по-

следующей трудовой эксплуатации многочисленных оstarбайтеров, представлявших отдельные административно-территориальные субъекты СССР, получили комплексное освещение в специальных трудах В. А. Агеевой, Н. А. Трапша, Н. А. Гаража, В. А. Ливцова и А. Ю. Сарана [Агеева 2022; Агеева, Трапш 2023; Гаража 2012; Ливцов, Саран 2022]. Качественные особенности межличностного взаимодействия перемещенных лиц, представляющих дифференцированные социальные, этнические и конфессиональные группы советского населения, получили объективную характеристику в отдельных работах В. А. Агеевой, Н. А. Гаражи, М. И. Жбанниковой, Н. А. Трапша [Агеева и др. 2023; Гаража 2015а; Гаража 2015б]. Определенный интерес представляет масштабный труд Н. А. Гаражи и Г. Э. Ирицяна, посвященный психологическим стратегиям, формируемым оstarбайтерскими сообществами в целях практического выживания в жестком формате повседневной жизнедеятельности [Гаража, Ирицян 2018].

Широкий спектр научных исследований связан с методологическими особенностями комплексного изучения принудительного труда насильственно перемещенных лиц в нацистской Германии, получившего системную характеристику в дифференцированных источниковых комплексах. В частности в специальных статьях Н. А. Гаражи, С. И. Никоновой, Д. Таузендфройнд, Н. П. Тимофеевой, Т. В. Евдокимовой подробно рассмотрены эвристические и эмпи-

рические особенности исследовательской практики, предполагающей целенаправленную работу с разнообразными источниками личного происхождения (профильные интервью, эпистолярное наследие, биографические данные) [Гаража 2016; Гаража 2017; Никонова 2023; Таузендфройнд и др. 2019; Тимофеева 2007а; Тимофеева 2007б]. Методологические особенности, связанные с системной интеграцией выявленных исторических свидетельств, получили комплексную характеристику в известных трудах Н. А. Лебедевой, У. Б. Очирова и В. Н. Воробьевой [Лебедева 2019; Очиров, Воробьева 2023; Воробьева 2021; Воробьева 2022]. Определенное влияние на авторское восприятие исследуемых проблем оказала обобщающая статья Е. Ф. Кринко и Е. А. Захариной, оценивающая качественную эволюцию интегрированного образа «восточных рабочих» в массовом сознании советского и российского населения [Кринко, Захарина 2020]. Кроме того, системная идентификация личных имен рассматриваемых персонажей предполагала целенаправленное обращение к специализированным лингвистическим справочникам, созданным как в советский период, так и на современном этапе [Сводный словарь 2012; Справочник 1987].

Масштабный историографический фундамент отражает устойчивый интерес к рассматриваемой теме, но не исключает последовательного появления новых ракурсов эпистемологической деятельности. Как представляется, перспективными направлениями исследовательской практики являются как микроисторические сюжеты, связанные с целенаправленной реконструкцией личных судеб «восточных рабочих», так и системный анализ этнических, конфессиональных и социальных особенностей отдельных оstarбайтеров, зафиксированных в доступных исторических свидетельствах. В контексте указанного обстоятельства избранная проблема, связанная с микроисторической реконструкцией конкретных образцов выявленных тюркоязычных граждан СССР, насильственно депортированных в нацистскую Германию для принудительного трудоустройства, обладает значительной

научной актуальностью, охватывая оба выделенных познавательных ракурса.

2. Материалы и методы

Источниковую базу предлагаемого исследования составили дифференцированные документальные комплексы, выявленные в профильных фондах Р-3613 «Комиссия при исполнительном комитете Ростовского областного Совета депутатов трудящихся по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам города Ростова-на-Дону и Ростовской области» и Р-3979 «Ростовская на Дону городская проверочно-филтрационная комиссия при УНКВД по РО (1945–1946 гг.)» Государственного архива Ростовской области (далее — ГАРО), Р-513 «Таганрогское городское управление бургомистерства», 514 «Таганрогская городская Биржа труда при Бургомистерстве г. Таганрога» и Р-619 «Ортскомендатура г. Таганрог (документальные материалы периода временной оккупации)» Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области (далее — ТФ ГАРО), Р-1886 «Ростовская областная чрезвычайная комиссия по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова и Ростовской области» Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО), Р-795 «Полицейское управление г. Морозовска РО», Р-796 «Тарасовское районное управление РО (1942 г.)», Р-1044 «Материалы об ущербах и разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками г. Шахты Ростовской области» Центра хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области (далее — ЦХАД) [ГАРО. Ф. Р-3613; ГАРО. Ф. Р-3979; ТФ ГАРО. Ф. Р-513; ТФ ГАРО. Ф. Р-514; ТФ ГАРО. Ф. Р-619; ЦДНИРО. Ф. 1886; ЦХАД. Ф. Р-795; ЦХАД. Ф. Р-796; ЦХАД. Ф. Р-1044]. Кроме того, значимым объектом эпистемологической обработки стали звуковые и письменные данные, находящиеся в специальных коллекциях городских архивов гг. Люденшайд и Мюнстер (Федеративная Республика Германия) и изу-

ченные в 2019 г. В. А. Агеевой в рамках совместного проекта с общественной группой Мира г. Люденшайда [ГА Люденшайда; ГА Мюнстера].

Комплексный анализ дифференцированного эмпирического материала позволил реконструировать исторические факты, относящиеся к избранной теме и зафиксированные в типологически различных документах (официальные распоряжения, опросные листы, поименные списки). Важным элементом авторской методологии стал компаративистский подход, позволивший органично соотнести и верифицировать разнообразные данные, сформированные нацистскими оккупационными властями, советскими административными и правоохранительными органами, непосредственными очевидцами рассматриваемых событий и позднейшими исследователями. Кроме того, особое внимание было уделено системной реконструкции базовых маркеров, характеризующих этническую идентичность конкретных личностей. Формальное упоминание определенного этноса являлось лишь отправной точкой дальнейшего анализа, в рамках которого последовательно изучались лингвистические особенности именной и фамильной группы, реальное использование родного языка в особых условиях повседневной жизнедеятельности, последовательное сохранение значимых традиций в агрессивной внешней среде. Локальная методологическая парадигма, выработанная в рамках исследовательской практики, имеет междисциплинарный характер, интегрируя значимые подходы классической этнологии, прикладной археографии и культурной антропологии при доминирующей роли микроисторического синтеза.

3. Эвристические особенности этнической идентификации тюркских остарбайтеров

Этническая идентификация тюркских элементов в огромном сообществе «восточных рабочих» является достаточно сложной исследовательской задачей, которая не решается посредством механического выявления подходящих фамилий и личных имен в доступных источниковых комплексах. В част-

ности многовековое взаимодействие русско-го и татарского населения причудливо перемешало фамильные маркеры, а целенаправленная антирелигиозная политика советского периода нередко приводила к именным трансформациям, скрывавшим очевидную принадлежность к мусульманской общине. На Северном Кавказе идентичные фамилии и личные имена встречаются у кабардинских, балкарских, карачаевских, черкесских, осетинских и ингушских представителей, дифференцируемых по автохтонной локализации или религиозной принадлежности. Фамильные и именные признаки не всегда позволяют отличить этнических таджиков и узбеков, относящихся к различным языковым группам. Следует учитывать также и то существенное обстоятельство, что в рассматриваемый период Ростовская область имела исторически сложившуюся и достаточно устойчивую структуру автохтонного населения, в которой отчетливо выраженный и обособленный тюркский сегмент не имел доминирующих позиций.

Этническая принадлежность гражданских лиц, оставшихся на оккупированных территориях, интересовала нацистскую администрацию в строго определенных случаях, связанных с установленной принадлежностью к так называемым «расово неполноценным народам», подлежащим тотальному физическому уничтожению (прежде всего, евреям и цыгане). Подобный подход определяет практическое отсутствие национальной идентификации отдельных граждан, биографические данные которых фиксировались в документальных комплексах, создаваемых гитлеровскими чиновниками [ТФ ГАРО. Ф. Р-513; ТФ ГАРО. Ф. Р-514; ТФ ГАРО. Ф. Р-619; ЦХАД. Ф. Р-795; ЦХАД. Ф. Р-796]. Кроме того, потенциальный тюркский сепаратизм рассматривался высшими руководителями Третьего рейха в качестве одного из важнейших факторов, способных последовательно дестабилизировать внутреннюю ситуацию в СССР. Вследствие указанного обстоятельства специальные репрессивные меры против этнических тюрков не входили в постоянный набор управленческих методов оккупационных властей, что отчасти

влияло и на национальный состав потенциальных и реальных оstarбайтеров. Вместе с тем конкретный узбек, татарин или балкарец не являлся «настоящим арийцем» и на общих основаниях легко мог оказаться на нацистской трудовой бирже, превращаясь в своеобразный живой товар для нацистской экономики.

Этническая принадлежность «восточных рабочих» не являлась приоритетным фактором и для советских административных и правоохранительных органов, расследовавших преступную деятельность оккупационных властей и устранявших тяжелые последствия репрессивной практики, направленной против мирных граждан. Выявленные документальные комплексы, сформированные территориальными подразделениями Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, как правило, не содержат эмпирический материал, позволяющий осуществить отчетливую национальную идентификацию возвратившихся оstarбайтеров [ГАРО. Ф. Р-3613; ГАРО. Ф. Р-3979; ЦДНИРО. Ф. 1886; ЦХАД. Ф. Р-1044]. В изученных источниках личного происхождения также отсутствует биографическая информация, позволяющая верифицировать этническую принадлежность насильственно перемещенных советских граждан.

«Восточных рабочих», имеющих тюркскую этническую идентичность, удалось верифицировать только при комплексном компаративном анализе отдельных материалов, выявленных в городских архивах гг. Люденшайда и Мюнстера [ГА Люденшайда; ГА Мюнстера]. В сохранившихся списках были выявлены конкретные фамилии и личные имена, а национальная принадлежность указанных оstarбайтеров была последовательно подтверждена эмпирическими данными, содержащимися в дифференцированных воспоминаниях принудительно перемещенных советских граждан, зафиксированных в звуковой и рукописной

форме. При системной оценке достигнутых результатов следует учитывать несколько существенных обстоятельств, имеющих объективный характер. В частности рассматриваемые архивные коллекции не имеют научно-справочного аппарата, традиционно присутствующего в отечественных документальных комплексах. Исторические свидетельства личного происхождения не связаны с верифицирующими персональными данными, что определяется нормативными требованиями действующего немецкого законодательства. Более того, объединенные документальные комплексы не содержат сквозной нумерации, а в отдельных случаях не имеют конкретной датировки, рассматриваемой в отечественной археографической традиции в качестве важнейшего идентифицирующего признака. Наконец, текстовые расшифровки нередко расходятся с голосовыми оригиналами, которые не предоставляются для полного прослушивания профессиональным исследователям в соответствии с действующими национальными правилами [Агеева и др. 2023].

4. «Восточные рабочие» с донской локализацией и тюркской идентичностью

В именных списках, сохранившихся в городском архиве г. Мюнстер, удалось выявить пять мужчин (Хожимат Хайробеков, Шерзод Ашурматов, Марат Туишев, Муса Хайруллин, Батырби Забаков) и одну женщину (Зульфия Салимжанова), которые по внешним лингвистическим признакам могли быть идентифицированы как потенциальные представители тюркских народов [ГА Мюнстера; Сводный словарь 2012: 45; Справочник 1987]. В рамках дальнейшего исследования системные упоминания указанных лиц были обнаружены в личных воспоминаниях непосредственных информаторов, сохранившихся в профильной архивной коллекции Люденшайда [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция]. В четырех рассмотренных текстах, равно как и в звуковых записях, указываются Х. Хайробеков, Ш. Ашурматов, М. Туишев, М. Хайруллин и З. Салимжанова, в двух случаях неустановленный очевидец вспоминает о Б. Забакове [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция].

Согласно выявленным данным рассматриваемые лица были принудительно доставлены в Вестфалию в сентябре 1942 г. вместе с большой группой коренных жителей Ростовской области, представлявших Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Азов и Таганрог [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция].

Первоначально донские представители тюркских этносов были распределены к двум местным фермерам — Манфреду Вернеру и Гвидо Тиммерману, владевшим соседними земельными участками, на которых функционировали свиноводческие фермы [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция]. «Восточные рабочие» традиционно использовались на наиболее трудоемких производствах, где выполняли самую унизирующую работу, получая взамен скудное питание и моральные унижения [Полян 2002: 44]. Немецкие фермеры, как правило, отправляли полученных оstarбайтеров на ежедневную чистку крупных загонов и синхронный вывоз образовавшегося навоза на соседние поля, где он применялся в качестве основного удобрения [Данченко 2012: 72]. Подобная участь ждала и тюркоязычных дончан, однако, они решительно воспротивились практическому исполнению унизирующих трудовых функций по религиозным соображениям, указав на реальную принадлежность к «правильному исламу» [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция]. Публичный демарш мог повлечь суровое наказание, распространенной формой которого была последующая отправка в концентрационный лагерь [Гаража 2017: 659]. В рассматриваемом случае было принято умеренное решение, в рамках которого неуступчивые мусульмане были переданы еще одному местному фермеру — Дитриху Метцу, который взамен уступил дружественным соседям количественно идентичную группу украинских оstarбайтеров [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция]. Религиозная идентификация подтвердила исходное предположение об этническом образе выделенных «восточных рабочих», но для дальнейшей дифференциации по конкретным национальным группам требовались дополнительные данные.

Фермерское хозяйство Д. Метца специализировалось на плановом выращивании

и первичной переработке кормового гороха, использовавшегося для периодического прикорма домашней птицы [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция]. Прибывшие оstarбайтеры мужского пола занимались преимущественно технической деятельностью, связанной с системной сортировкой и синхронным вывозом производственных и бытовых отходов, тогда как З. Салимжанова была направлена в качестве подсобной рабочей на усадьбную кухню [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция]. Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что тюркоязычные дончане достаточно быстро наладили постоянную коммуникацию с другими принудительно перемещенными советскими гражданами, работавшими как у Д. Метца, так и у соседних фермеров [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция]. В частности Х. Хайробеков и Ш. Ашурматов открыто сообщали в частных беседах, что являются этническими узбеками, с довоенного периода проживали в г. Азов Ростовской области, где работали подсобными рабочими на местном заводе и проживали вместе в съемной комнате [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция]. В оккупационный период они перебивались случайными заработками, а в августе 1942 г. были задержаны в ходе карательной облавы в г. Ростов-на-Дону и после фильтрационных процедур отправлены через местную трудовую биржу на принудительные работы в Германию [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция]. В одном из рассмотренных текстов зафиксировано субъективное мнение неустановленного информатора о том, что Х. Хайробеков и Ш. Ашурматов в реальности являлись скрывавшимися дезертирами, представлявшимися коренными жителями г. Термез Узбекской ССР, но по непонятным причинам переселившимися без личных семей в Ростовскую область [ГА Люденшайда. Биограф. коллекция]. Вместе с тем заявленная этническая принадлежность не вызывала принципиальных сомнений у привлеченных информаторов, которые указывали и на то существенное обстоятельство, что выявленные узбеки постоянно использовали в личной коммуникации незнакомый язык, который, однако, понимали татарские представители, работавшие на соседних фер-

мах и депортированные из других районов СССР [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция].

Применительно к остальным выделенным донским тюркам архивные документы формируют менее противоречивую картину, связанную с социокультурной идентификацией. В частности М. Туишев, М. Хайруллин и З. Салимжанова не скрывали собственной принадлежности к татарской общине г. Новочеркасска, которая традиционно присутствовала в бывшей казачьей столице [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция]. Согласно выявленным данным, донские татары, в отличие от узбекских представителей, избегали публичного отправления исламской обрядности и критических замечаний, адресованных советским властным структурам [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция]. В довоенный период М. Хайруллин работал на Новочеркасском хлебозаводе, М. Туишев трудился в небольшой обувной мастерской, а З. Салимжанова была постоянной домохозяйкой [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция]. Согласно лаконичным описаниям, предложенным неустановленными информаторами, выделенные мужчины были визуально старше 50 лет, но находились в хорошей физической форме [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция]. Указанное обстоятельство отчасти снимает принципиальный вопрос о том, почему они избежали официальной мобилизации, но оказались пригодны для принудительной депортации в Германию. Татарский язык М. Туишев, М. Хайруллин и З. Салимжанова использовали в отдельных случаях, предпочитая даже в личных диалогах применять русскую речь [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция]. Для этнической идентификации значительный интерес представляет локальное наблюдение, зафиксированное в одном из рассмотренных текстов. Неустановленный информатор отмечает, что «Зульфия к какому-то хозяйскому празднику приготовила треугольные мясные пирожки, которые нам, конечно, не достались» [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция]. Как представляется, внешняя форма описанных кулинарных произведений весьма напоминает знаменитый эчпочмак, традиционную татарскую выпечку, начиненную говядиной, луком и картофелем.

Наименьший объем архивной информации характеризует Б. Забакову, который оказался не самым коммуникабельным персонажем среди рассматриваемых «восточных рабочих». Согласно зафиксированным воспоминаниям, достаточно молодой человек не стремился даже к бытовому общению с другими оstarбайтерами, предпочитая молчаливое исполнение трудовых заданий и целенаправленное уединение в ограниченное свободное время [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция]. Б. Забаков не скрывал, что является ревностным мусульманином, но не стремился к публичному осуществлению ритуальных действий [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция]. Он практически не упоминал «малую Родину», ограничиваясь расширительной формулировкой «я с Кавказа» [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция]. При ограниченном объеме имеющейся информации этническая идентификация Б. Забакова должна была оказаться неразрешимой проблемой, но эпистемологическую ситуацию изменил важный факт, реконструированный из сохранившейся аудиозаписи профильного интервью и отсутствующий в текстовом варианте. Привлеченный информатор упоминает мимоулетный момент, когда отвечая на банальный вопрос о реальном месте собственного рождения рассматриваемый оstarбайтер произносит «Кюнлюм» [ГА Люденшайда. Биогр. коллекция]. Для подавляющего большинства «восточных рабочих», взаимодействовавших с Б. Забаковым, упомянутый топоним не мог вызвать пространственных ассоциаций. Однако современный исследователь обладает несравнимо большими возможностями для практической верификации обособленного факта, имеющего эпистемологическое значение. Балкарский аул Кюнлюм был практически уничтожен в 1942 г. в ходе специальной операции НКВД, направленной против «местных бандитских формирований», подозревавшихся в системном коллаборационизме [Апажева, Татаров 2021: 74]. Оставшиеся местные жители были депортированы вместе с другими балкарцами в 1944 г., но даже после полной реабилитации и легитимного возвращения на историческую Родину они не восстановили разрушенное селение. В настоящее время Кюн-

люм является мемориальным комплексом, хотя существуют разнообразные проекты нового заселения знакового аула [Апажева, Таров 2021: 79]. Применительно к рассматриваемой проблеме важное значение имеет то обстоятельство, что в указанной локации на протяжении длительного времени проживал многочисленный род Забаковых, конкретный представитель которого с большой вероятностью пополнил широкие ряды «восточных рабочих» [Сводный словарь 2012: 45].

5. Выводы

Предпринятая идентификация донских оstarбайтеров с тюркской этничностью носит вероятностный характер, что определяется ограниченными информационными возможностями привлеченных источников. Однако она отчетливо иллюстрирует то существенное обстоятельство, что реальными жертвами системного геноцида, осуществлявшегося нацистскими оккупационными властями в Ростовской области, были не только русские и украинцы, евреи и цыгане, но и отдельные представители малочислен-

ных этнических групп, не имевших особого статуса в избранном региональном пространстве. Третий рейх отправлял для принудительного труда в Германию советских граждан вне зависимости от национальной идентичности, рассматривая перемещаемых людей лишь в качестве бесплатной рабочей силы. Продолжая исследовательскую практику, авторский коллектив рассчитывает выявить документированные данные о Х. Хайробекове, Ш. Ашурматове, М. Туишеве, М. Хайруллине, Б. Забакове и З. Салимжановой в отечественных архивах, стремясь максимально реконструировать личные судьбы выявленных «восточных рабочих». Подобный микроисторический анализ является действенным эпистемологическим инструментом, направленным не только на системное расширение введенного в научный оборот эмпирического материала, но и на качественное совершенствование общих исторических представлений, связанных с реальным положением мирного населения на оккупированных территориях СССР.

Источники

- ГА Люденшайда — Городской архив г. Люденшайда (Федеративная Республика Германия). Биографическая коллекция принудительных рабочих.
- ГА Мюнстера — Городской архив г. Мюнстера (Федеративная республика Германия). Поименные списки принудительных рабочих.
- ГАРО — Государственный архив Ростовской области.
- ТФ ГАРО — Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области.
- ЦДНИРО — Центр документации новейшей истории Ростовской области.
- ЦХАД — Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области.

Литература

- Агеева 2022 — Агеева В. А. Использование жителей г. Таганрога на принудительных работах в Германии в 1942–1945 гг. (на материалах дневников, писем, устных источников) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы III Всеросс. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2022. С. 476–484.

Sources

- City Archive of Lüdenschaid (North Rhine-Westphalia, Federal Republic of Germany). Biographical collection of forced laborers. (In Germ.)
- City Archive of Münster (North Rhine-Westphalia, Federal Republic of Germany). Name lists of forced laborers. (In Germ.)
- State Archive of Rostov Oblast (Rostov-on-Don, Russian Federation). (In Russ.)
- State Archive of Rostov Oblast, Taganrog Branch (Taganrog, Russian Federation). (In Russ.)
- Center for Contemporary Historical Documents of Rostov Oblast (Rostov-on-Don, Russian Federation). (In Russ.)
- Center for Archival Documents (Shakhty, Russian Federation).

References

- Ageeva V. A. Dwellers of Taganrog at forced works in Germany in 1942–1945 (Based on diaries, letters, oral sources). In: Matishov G. G. (ed.) The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, and Symbols. Conference proceedings (Rostov-on-Don, 30 June – 1 July 2022). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2022. Pp. 476–484. (In Russ.)

- Агеева и др. 2023 — Агеева В. А., Жбанникова М. И., Трапш Н. А. Насильственное перемещение этнических калмыков г. Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт микроисторической эвристики // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1513–1522. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1513-1522
- Агеева, Трапш 2023 — Агеева В. А., Трапш Н. А. Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики // *Известия Коммунального центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология»*. 2023. № 5 (63). С. 158–165.
- Апажева, Татаров 2021 — Апажева Е. Х., Татаров А. А. Бандитизм и антисоветское вооруженное подполье на Северном Кавказе в 1942–1944 гг.: на материалах Кабардино-Балкарии // *Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований*. 2021. № 1. С. 71–82. DOI: 10.46698/VNC.2021.78.39.009
- Воробьева 2021 — Воробьева В. Н. Безвозвратные потери военнослужащих Красной Армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1-го и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по времени, месту рождения и призыва // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 956–971. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-956-971
- Воробьева 2022 — Воробьева В. Н. Потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в 1941–1945 гг. (по данным 4-го тома книги «Память. Санл») // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 3. С. 478–490. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-478-490
- Гаража 2012 — Гаража Н. А. Об использовании труда оstarбайтеров Кубани в экономике Третьего Рейха // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2012. № 4 (24). С. 37–44.
- Гаража 2015а — Гаража Н. А. Остарбайтеры и советские военнопленные в нацистской идеологии и практике этнической сегрегации в период Великой Отечественной войны // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2015. № 1. С. 46–56.
- Гаража 2015б — Гаража Н. А. Психология межэтнического взаимодействия оstarбайтеров и советских военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // *Историческая психология и социология истории*. 2015. № 2. Т. 8. С. 98–107.
- Ageeva V. A., Zhbannikova M. I., Trapsh N. A. Forced labor relocations of Taganrog-based ethnic Kalmyks to the Third Reich: Micro-history and heuristics. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 6. Pp. 1513–1522. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1513-1522
- Ageeva V. A., Trapsh N. A. Forced displacement of the civilian population of Taganrog to forced labor in the Third Reich: Experience of complex characteristics. *Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology"*. 2023. No. 5 (63). Pp. 158–165. (In Russ.) DOI: 10.19110/1994-5655-2023-5-158-165
- Apazheva E. Kh., Tatarov A. A. Banditry and anti-Soviet armed underground in the North Caucasus in 1942–1944: The case of Kabardino-Balkaria. *Izvestiya SOIGSI*. 2021. No. 1. Pp. 71–2. (In Russ.) DOI: 10.46698/VNC.2021.78.39.009
- Vorobyova V. N. Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. WWII fatal casualties of Soviet military servicemen from the Kalmyk ASSR: A statistical analysis by time, places of birth and conscription. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 956–971. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-956-971
- Vorobyova V. N. Casualties among Red Army personnel conscripted in the Kalmyk ASSR, 1941–1945: Volume 4 of The Memory. Sanl analyzed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 478–490. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-478-490
- Garazha N. A. On the use of Kuban Ostarbeiters' labor in the economy of the Third Reich. *University Proceedings. Volga Region. Humanities*. 2012. No. 4 (24). Pp. 37–44. (In Russ.)
- Garazha N. A. Ostarbeiters and Soviet prisoners of war in the Nazi ideology and in the practice of ethnic segregation during the Great Patriotic War. *University Proceedings. Volga Region. Humanities. History*. 2015. No. 1 (33). Pp. 46–56. (In Russ.)
- Garazha N. A. Ostarbeiter and Soviet POWs, 1941–1945: Psychological aspects of interethnic communication. *Historical Psychology & Sociology*. 2015. Vol. 8. No. 2. Pp. 98–107. (In Russ.)

- Гаража 2016 — Гаража Н. А. Письма оstarбайтеров как источник микросоциальной истории и истории повседневности Великой Отечественной войны (на материалах коллекции писем оstarбайтеров в фондах государственного архива Республики Крым) // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 24–30.
- Гаража 2017 — Гаража Н. А. Понятийное измерение контекста трудоустройства советских граждан в экономике нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 4. С. 656–669. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-656-669
- Гаража, Ирицян 2018 — Гаража Н. А., Ирицян Г. Э. Система побудительных мотивов и стратегий выживания «восточных рабочих» в Третьем рейхе (в свете теории Э. Фромма) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 1. С. 86–93. DOI: 10.23683/0321-3056-2018-1-86-93
- Данченко 2012 — Данченко Е. Л. Батраки поневоле. Принудительный труд «восточных рабочих» в сельском хозяйстве нацистской Германии (1941–1945). Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2012. 168 с.
- Клитцинг 2017 — Клитцинг Е. Повседневный опыт принудительного труда «восточных рабочих» в сельском хозяйстве национал-социалистической Германии // Журнал региональной истории. 2017. Т. 1. № 2. С. 42–50. DOI: 10.23859/2587-8344-2017-1-2-3
- Кринко, Захарина 2020 — Кринко Е. Ф., Захарина Е. А. «Восточные рабочие»: динамика представлений и образов в СССР и современной России // Наследие веков. 2020. № 2. С. 45–56.
- Лебедева 2019 — Лебедева Н. А. Специфика работы с электронными базами данных по поиску документов и судеб бойцов периода истории Великой Отечественной войны // Научный вестник Крыма. 2019. № 3. С. 1–8.
- Ливцов, Саран 2022 — Ливцов В. А., Саран А. Ю. Насильственная депортация населения временно оккупированных территорий Орловской области в Германию в 1941–1943 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. № 2. С. 11–24. DOI: 10.22394/2225-8272-2022-11-2-11-24
- Никонова 2023 — Никонова С. И. «Восточные рабочие» в нацистской Германии: на материалах источников личного происхождения // Современная научная мысль. 2023. № 3. С. 140–145.
- Garazha N. A. Ostarbeiters letters as a source of micro social history and the history of everyday life of the Great Patriotic War (On materials of the collection of Ostarbeiters letters in the funds of the State Archive of the Republic of Crimea). *Humanities and Law Research*. 2016. No. 4. Pp. 24–30. (In Russ.)
- Garazha N. A. Conceptual dimension of context of using Soviet citizens' labour in the Nazi Germany economy (1941–1945). *RUDN Journal of Russian History*. 2017. Vol. 16. No. 4. Pp. 656–669. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-656-669.
- Garazha N. A., Iritsyan G. E. The system of incentives and strategies for the survival of the “eastern workers” in the Third Reich (In the light of E. Fromm’s theory). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2018. No. 1. Pp. 86–93. (In Russ.) DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-86-93.
- Danchenko E. L. The Unwilling Workers: Forced Labor of the Ostarbeiter in Agriculture of Nazi Germany, 1941–1945. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2012. 168 p. (In Russ.)
- Klitzing E. The everyday experience of forced labor among ‘Eastern workers’ in the agriculture of National Socialist Germany. *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*. 2017. Vol. 1. No. 2. Pp. 42–50. (In Russ.) DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-2-3
- Krinko E. F., Zakharina E. A. Ostarbeiters: The dynamics of perceptions and images in the USSR and modern Russia. *Heritage of Centuries*. 2020. No. 2. Pp. 45–56. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.004
- Lebedeva N. A. Specifics of work with electronic databases on search of documents and fate of fighters of the period of history of the Great Patriotic War. *Nauchnyi vestnik Kryma*. 2019. No. 3. Pp. 1–8. (In Russ.)
- Livtsov V. A., Saran A. Yu. Abduction of the population from the temporarily occupied territories of Orel Region to Germany in 1941–1943. *Journal of Public and Municipal Administration*. 2022. No. 2 (44). Pp. 11–24. (In Russ.) DOI: 10.22394/2225-8272-2022-11-2-11-24
- Nikonova S. I. “East workers” in Nazi Germany: Based on materials from sources of personal origin. *Modern Scientific Thought*. 2023. No. 3. Pp. 140–145. DOI: 10.24412/2308-264X-2023-3-140-146

- Очилов, Воробьева 2023 — Очилов У. Б., Воробьева В. Н. Опыт составления базы данных для просопографического портрета безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих, призванных из одного региона (на примере Калмыцкой АССР) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 85–108. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108
- Полян 2002 — Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН 2002. 818 с.
- Сводный словарь 2012 — Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа отв. ред. проф. Р. Ю. Намиткова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 584 с.
- Справочник 1987 — Справочник личных имен народов РСФСР. М.: Русский язык, 1987. 656 с.
- Таузендфройнд и др. 2019 — Таузендфройнд Д., Тимофеева Н. П., Евдокимова Т. В. Принудительный труд в нацистской Германии: онлайн-архив интервью и связанная с ним учебная онлайн-платформа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 183–195. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.1.16
- Тимофеева 2007а — Тимофеева Н. П. Принудительный труд «восточных рабочих» в нацистской Германии: из опыта биографических исследований воронежских историков // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований. Вып. 5. Воронеж: Научная книга, 2007. С. 44–53.
- Тимофеева 2007б — Тимофеева Н. П. Принудительный труд в нацистской Германии (по материалам биографических интервью с бывшими «восточными рабочими») // Мир Клио: сборник статей в честь Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 375–385.
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Compiling a prosopography database of 1941–1945 fatal casualties among military servicemen conscripted in one region: The case of the Kalmyk ASSR. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 85–108. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108
- Polyan P. M. Victims to Two Dictatorships: Life, Labor, Humiliation and Death of Soviet POWs and Ostarbeiter in Foreign and Home Lands. Moscow: ROSSPEN. 2002. 818 p. (In Russ.)
- Namitkova R. Yu. (ed.) Peoples of the North Caucasus: A Comprehensive Dictionary of Given Names. Moscow: Flinta; Nauka, 2012. 584 p. (In Russ.)
- Superanskaya A. V., Gusev Yu. M. (eds.) Peoples of Soviet Russia: A Guide to Given Names. Moscow: Russkiy Yazyk, 1987. 656 p. (In Russ.)
- Tausendfreund D., Timofeeva N. P., Evdokimova T. V. Forced labor in Nazi Germany: Online archive of interviews and related educational online platform. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24. No. 1. Pp. 183–195. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.1.16
- Timofeeva N. P. Forced labor of ‘eastern workers’ in Nazi Germany: Analyzing biographical studies of Voronezh-based historians. In: Kretinin S. V. (ed.) Germany and Russia: Events, Images, Personalities. Collected papers. Vol. 5. Voronezh: Nauchnaya Kniga, 2007. Pp. 44–53. (In Russ.)
- Timofeeva N. P. Forced labor in Nazi Germany: A study of biographical interviews with former ‘eastern workers’. In: The World of Clio. Collected papers. Moscow: Institute of World History (RAS), 2007. Pp. 375–385. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 782–796, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.2:94(470)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-782-796

Область Бишдаг по данным письменных и археологических источников

Виталий Александрович Бабенко¹, Марина Евгеньевна Колесникова²

1 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355000 Ставрополь, Российская Федерация)
 старший преподаватель
 0000-0003-3046-9582. E-mail: vit-babenko[at]yandex.ru

2 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355000 Ставрополь, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института, заведующий кафедрой
 0000-0002-2896-7753. E-mail: kolesnikovam2017[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бабенко В. А., Колесникова М. Е., 2024

Аннотация. Введение. В статье рассматривается локализация упоминаемой в ряде письменных источников области Бишдаг. Она традиционно локализуется в Пятигорье. Ее название переводится с тюркских языков как «Пять гор», в то время как в Пятигорье расположено всего 17 гор-лакколитов. *Цели и задачи исследования* — сопоставить сведения вещественных, письменных и фонических источников об области Бишдаг. Археологические материалы и письменные источники позволяют поставить вопрос о локализации данной области на Минераловодской равнине и в Кисловодской котловине. *Материалы и методы.* В статье представлены результаты анализа вещественных (археологических), письменных и фонических (устных) источников. Вещественные источники представлены случайными находками и материалами раскопок в окрестностях городов Ессентуки, Кисловодск, Пятигорск и Новопавловск. Письменные источники представлены трудами арабских (Ибн Баттута, Ибн-Фадлаллах ал-Омари), персидских (Низам-ад-дин Шами, Шереф-ад-дин Йезди, Абд-ар-Раззак Самарканди) авторов, сообщением русского посла в Крыму и свидетельствами авторов Нового времени (Э. Челеби, И. А. Гильденштедт, П. С. Паллас, Ю. Г. Клапрот и А. Фиркович). Фонические источники содержатся в сочинениях Э. Челеби и А. Фирковича. Указанные авторы зафиксировали предания, относящиеся к крепости Рим-гора. В статье также привлекаются материалы по монгольской топонимии г. Ессентуки и его окрестностей. В ходе исследования применялись: историко-генетический, историко-сравнительный и картографический методы. Учитывая лаконичность сведений письменных источников, проводилось сопоставление этих сведений с современным языковым ландшафтом и археологическими материалами. Картографический метод использовался при локализации области Бишдаг и места проведения праздника, описанного Ибн Баттутой. *Результаты.* В 1334 г. марокканский путешественник Ибн Баттута в ходе своего путешествия по Золотой Орде совершил поездку в область Бишдаг. Он описал праздник Рамадана в ставке хана Узбека. Необходимо разделить место кочевания ставки Узбека и место

проведения праздника, описанного Ибн Баттутой. Место проведения данного праздника может быть предварительно локализовано в окрестностях гор Машук, Бештау, Железная, Развалка и Змейка, поблизости от минеральных источников. *Выводы.* Границы области Бишдаг могут быть распространены на территорию Минераловодской равнины и Кисловодской котловины. На этой территории известны памятники различной типологии, что свидетельствует о ее освоении кочевым и оседлым населением.

Ключевые слова: ставка, хан, источник, область, Бишдаг, Пятигорье, Минераловодская равнина, Северный Кавказ

Для цитирования: Бабенко В. А., Колесникова М. Е. Область Бишдаг по данным письменных и археологических источников // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 782–796. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-782-796

Bishdag Area according to Written and Archeological Sources

Vitaly A. Babenko¹, Marina Ye. Kolesnikova²

- ¹ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355000 Stavropol, Russian Federation)
Senior Lecturer

0000-0003-3046-9582. E-mail: vit-babenko[at]yandex.ru

- ² North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355000 Stavropol, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Director of Institute, Head of Department

0000-0002-2896-7753. E-mail: kolesnikovam2017[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Babenko V. A., Kolesnikova M. Ye., 2024

Abstract. Introduction. The article deals with the localization of Bishdag area mentioned in a number of written sources. Traditionally, the area is placed in Pyatigorye. The Turkic ‘Bishdag’ stands for ‘five mountains’, while there are a total of 17 laccoliths across the region. *Goals.* The study seeks to compare data from material, written and phonic sources pertaining to Bishdag area. Archeological evidence and available records make it possible to suggest it might be localized within the Mineral Waters Plain and the Kislovodsk Basin. *Materials and methods.* The work focuses on tangible, written and phonic (oral) data. The former are accidental finds and excavated materials from around the cities of Yessentuki, Kislovodsk, Pyatigorsk, and Novopavlovsk. Written sources include works by Arab (Ibn Battuta, Ibn Fadlallah al-Umari) and Persian (Nizam al-Din Shami, Sharaf al-Din Ali Yazdi, Abd al-Razzaq Samarqandi) writers, notes by the Russian Ambassador in Crimea, and accounts of modern authors (E. Çelebi, J. A. Güldenstädt, P. S. Pallas, J. Klaproth and A. Firkovich). Phonic data are contained in the works of E. Çelebi and A. Firkovich: these documented stories related to the fortress of Rim-Gora. The article also analyzes materials of Mongol toponymy from Yessentuki and its vicinities. The genetic, comparative historical and cartographic methods have proved most instrumental herein. Since the messages from written sources are scarce enough, they have been compared to the present-day landscapes and archeological evidence. The cartographic method is employed to localize Bishdag area and the place of celebrations described by Ibn Battuta. *Results.* In 1334, the Moroccan traveler Ibn Battuta visited Bishdag area. He described Ramadan celebrations in Özbek Khan’s camp. It is necessary to distinguish between the place of the camp — and that of the celebrations. The latter may be localized near the Mashuk, Beshtau, Zheleznaya, Razvalka and Zmeika mounts, and next to mineral water springs. *Conclusions.* With due account of messages by Abd al-Razzaq Samarqandi, we suggest the borders of Bishdag area may lay within the Mineral Waters Plain and the Kislovodsk Basin. The territory hosts sites of different typology, which indicates that both nomadic and sedentary groups had inhabited the area.

Keywords: headquarters, khan, source, area, Bishdag, Pyatigorye, Mineral Waters Plain, North Caucasus

For citation: Babenko V. A., Kolesnikova M. Ye. Bishdag Area according to Written and Archeological Sources. *Oriental Studies*. 2024; 17(4): 782–796. (In Russ). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-782-796

1. Введение

В ряде письменных источников эпохи средневековья и Нового времени упоминается местность (область) на Северном Кавказе, именуемая как Бишдаг [Тизенгаузен 1884: 289], Баш-так [Тизенгаузен 1941: 183], Бешдаг [Тизенгаузен 1941: 183, прим. 2], Беш-таг [Тизенгаузен 1941: 123] и Бештаг [Челеби 1979: 91]. Она традиционно локализуется в Пятигорье. Ее название во всех вариантах переводится с тюркских языков как «Пять гор», в то время как всего в Пятигорье расположено 17 гор-лакколитов. Но в письменных источниках и записках путешественников эпохи средневековья и Нового времени прямо или косвенно упоминаются только 5 из них.

Первое упоминание Пятигорья содержится в сочинении Ибн Баттуты, побывавшего здесь в 1334 г. (цит. по: [Тизенгаузен 1884: 289]). Эта местность была хорошо известна на Руси. В 1492 г. московский посол сообщал из Крыма, что Большая Орда «поочевала к Пятма Горам» [Сборник 1884: 167].

Э. Челеби, побывавший здесь в 1666 г., сравнил гору Бештаг с пятью горами-близнецами, из числа которых центральная гора самая высокая [Челеби 1979: 91]. Вероятно, под центральной горой он подразумевал гору Бештау, но он не привел названия других гор.

Внимание исследователей конца XVIII – начала XIX в. также привлекали 5 гор. Это горы Машук, Бештау, следующие за Бештау две небольшие горы и гора Шепсипкай, расположенная на западном берегу р. Подкумок напротив г. Баралик [Гильденштедт 2002: 280–282]. Третья и четвертая горы могут быть локализованы на месте гор Железная и Развалка. Последняя в перечне И. А. Гильденштедта гора Шепсипкай может быть локализована на месте горы Змейка, расположенной напротив горы Лысая, которая называлась Баралик в тексте И. А. Гильденштедта, и Баралык (Лысья гора) в тексте Ю. Г. Клапрота [Клапрот 2008: 145]. Вероятно, эти пять компактно расположенных гор и привлекали основное внимание путешественников.

Вызывает интерес и этимология топонима «Бишдаг». В тюркских и других язы-

ках числительное «пять» имеет сакральный смысл [Муратова 2010: 105]. Вероятно, в случае с Пятигорьем мы имеем редкое сочетание природного и сакрального факторов. В Центральном Предкавказье есть еще два топонима, четко привязанные к местности: Бештамак («Пять устьев») в Кабардино-Балкарии и Бешпагир («Пять ручьев») на Ставрополье.

Область Бишдаг также упоминается в письменных источниках в связи с событиями осени 1395 г., когда армия Тамерлана избрала ее в качестве базы для походов на Центральный и Восточный Кавказ.

В связи с проведением археологических исследований на территории Кавминвод и прилегающих территориях появилась возможность сопоставить сведения письменных источников с археологическими материалами и попытаться определить границы области Бишдаг.

2. Материалы и методы

В статье представлены результаты анализа вещественных (археологических), письменных и фонических (устных) источников. Археологические источники представлены материалами раскопок Д. Я. Самоквасова в окрестностях городов Пятигорск и Кисловодск, случайными находками с территории Новопавловского поселения, материалами раскопок в 1960–2000-е гг. городища Рим-гора, ессентукских мавзолеев, Новопавловского могильника и курганного могильника *Белый уголь* – 2, случайными находками золотоордынской эпохи из города Кисловодска.

Письменные источники немногочисленны и представлены трудами арабских (Ибн Баттута, Ибн-Фадлаллах ал-Омари), персидских (Шереф-ад-дин Йезди, Низам-ад-дин Шами, Абд-ар-Раззак Самарканди) авторов, сообщением русского посла в Крыму и свидетельствами авторов Нового времени (Э. Челеби, И. А. Гильденштедт, П. С. Паллас, Ю. Г. Клапрот и А. Фиркович).

Знаменитый марокканский путешественник и мусульманский правовед Ибн Баттута (1304–1377) с юных лет совершал

путешествия по странам Ближнего Востока, Северной и Восточной Африки в качестве мусульманского паломника. Его можно отнести к первооткрывателям-землепроходцам [Ибрагимов 1988: 41]. По мнению И. Ю. Крачковского, в отличие от других арабских географов, Ибн Баттута приобрел знания не из литературы, а из личного опыта и бесед со случайными знакомыми [Крачковский 1957: 428]. Его всегда интересовали люди. Считается, что путешественник отличался хорошей памятью и до конца жизни помнил детали своих путешествий. В то же время исследователи обоснованно сомневаются в объективности ряда приводимых им сведений [Крамаровский 2014: 65]. В рассматриваемой проблеме вызывают сомнения его сведения о десяти днях пути, якобы затраченных им на путешествие из области Бишдаг в Болгар [Тизенгаузен 1884: 296; Волков 2022: 233].

В конце 1333 г. он предпринимает путешествие в Золотую Орду. Отправившись из Синопа, он прибыл в Крым. Проследовав через Кафу, Солдайю, Солхат и Азак, он прибывает весной 1334 г. в Маджар. Из Маджара он совершил поездку в местность Бишдаг, чтобы встретиться с ханом Узбеком. После посещения праздника в местности Бишдаг он посетил различные золотоордынские города, совершил поездку в Константинополь. После возвращения из Константинополя он побывал в Средней Азии, Иране, Афганистане и в Индии, где прожил около 8 лет.

Проведя в путешествиях свыше 20 лет, он вернулся на родину. Его рассказы о путешествиях были записаны по поручению султана Абу Инана придворным историком и писателем Ибн Джузайем ал-Калби [Ибрагимов 1988: 11–39]. Несмотря на отмеченную выше противоречивость сочинения Ибн Баттуты, его сведения о Северном Кавказе и области Бишдаг являются полноценным источником и дополняются сведениями персидских авторов.

Секретарь египетского султана Ибн-Фадлаллах ал-Омари, благодаря доступу к архивам, создал обширную историко-географическую энциклопедию, в которой описал географию Золотой Орды и привел

ценные сведения о месте летнего пребывания золотоордынской элиты [Тизенгаузен 1884: 241].

«Книги побед» персидских авторов Низам-ад-дина Шами (ум. в 1431 г.) Шами и Шереф-ад-дин Йезди (ум. в 1454 г.), а также историческая хроника Абд-ар-Раззака Самарканди (1413–1482) свидетельствуют о пребывании армии Тамерлана в области Бишдаг осенью 1395 г. и позволяют уточнить географию данной области [Тизенгаузен 1941: 183, прим. 2].

Фонические (устные) источники были обобщены Э. Челеби в 1666 г. и А. Фирковичем — в 1849 г. Сочинение Э. Челеби содержит сведения о посещении армией Тамерлана долины р. Подкумок в Пятигорье [Челеби 1979: 91]. А. Фиркович в 1849 г. обследовал крепость Рим-гора в Пятигорье и зафиксировал предания, относящиеся к ней [Фиркович 1857: 378].

К фоническим источникам относятся и материалы по монгольской топонимии г. Есентуки и его окрестностей.

В ходе исследования применялись различные методы: историко-сравнительный, историко-генетический и картографический. Проводилось сопоставление отрывочных сведений письменных источников с археологическими материалами и современным языковым ландшафтом. Картографический метод применялся при локализации области Бишдаг и вероятного места проведения праздника, описанного Ибн Баттутой.

3. Ибн Баттута о поездке в местность Бишдаг

Ибн Баттута подробно описывает свою поездку по городам и местностям Золотой Орды. Посетив весной 1334 г. Маджар, он оправился в Пятигорье вслед за ставкой хана Узбека [Бабенко 2018: 16]. Здесь он посетил и описал в превосходных тонах горячий минеральный источник, место купания золотоордынцев [Тизенгаузен 1884: 289]. По мнению Л. Ф. Абзалова, в Золотой Орде было распространено водолечение; прием минеральной воды и грязелечение не практиковались [Абзалов 2017: 763, 765].

Прибыв в местность Бишдаг, Ибн Баттута не смог сразу найти ставку Узбека на ука-

занном ему месте; она постоянно перемещалась поблизости от места своего постоянно-го пребывания [Тизенгаузен 1884: 289].

Описывая свое пребывание в Пятигорье, путешественник все внимание уделил ставке Узбека, его семье и свите. В отличие от путешественников Нового времени он не упомянул другие достопримечательности Пятигорья [Бабенко 2018: 16]. Анализируя данный сюжет, А. Г. Юрченко сделал вывод об избирательности наблюдателя (Ибн Баттуты) [Юрченко 2012: 238]. Ибн Баттута сравнил ханскую ставку с большим городом, все постройки которого, включая мечети, перевозились в разобранном виде на арбах и собирались на месте [Тизенгаузен 1884: 289].

Далее Ибн Баттута прерывает рассказ о поездке в Пятигорье рассказом о своей поездке из Бишдага в Болгар, расположенный в 10 днях пути от ханской ставки. Если доверять тексту Ибн Баттуты, он, отлучившись в Болгар, вернулся в местность Бишдаг накануне праздника Рамадана [Тизенгаузен 1884: 296]. Вызывает сомнение, что этот путь можно было преодолеть за указанный им срок. Ибн-Фадлаллах ал-Омари приводит сведения, что от Железных ворот до Болгара примерно четыре месяца пути [Тизенгаузен 1884: 239]. Несомненно, что рассмотренные выше источники требуют критического осмысления и учета их специфики. В этом отношении показателен анализ данного отрывка из сочинения Ибн Баттуты, произведенный И. В. Волковым [Волков 2022: 233].

Завершив повествование о поездке в Болгар, Ибн Баттута сообщает, что застал ставку Узбека по возвращении из Болгара на прежнем месте [Тизенгаузен 1884: 298]. А. Г. Юрченко считает, что в июне 1334 г. Узбек отмечал в Пятигорье не Рамадан, а середину лунного года, что на 2 дня опережало наступление Рамадана [Юрченко 2012: 201–202]. По мнению А. Г. Юрченко, это был летний курултай [Юрченко 2012: 213–216].

4. Локализация места проведения праздника

Все описываемые Ибн Баттутой события с момента первой его встречи со став-

кой Узбека происходили неподалеку от минеральных источников и гор Пятигорья. На наш взгляд, в тексте Ибн Баттуты необходимо разделить место кочевания ставок Узбека и других участников праздника и место проведения праздника [Бабенко 2018: 16–17].

Вероятно, ставка Узбека кочевала поблизости от горячего источника [Бабенко 2018: 17]. В Новое время горячие источники были известны на склонах гор Машук [Гильденштедт 2002: 282; Клапрот 2008: 145] и Бештау [Гильденштедт 2002: 288]. В. А. Кузнецов приводит интересные данные о выявленных следах древнего использования Горячеводских ванн и Смирновского источника [Кузнецов 1993: 35]. И. А. Гильденштедт обнаружил в 2 верстах восточнее горы Очек Куи (Кинжал) на левом берегу Кумы холодный сернистый источник [Гильденштедт 2002: 291–292]. Но гора Кинжал расположена вдали от основного массива гор-лакколлитов Пятигорья с их горячими источниками.

Размах данного праздника предполагал присутствие представителей элиты золотоордынского государства. Ибн Баттута зафиксировал участие в празднике четырех жен и детей хана, царевичей, старших и младших эмиров, визирей, придворных, 17 темников и тысячников и множества прислуги [Тизенгаузен 1884: 298–299]. Для размещения всех участников праздника было необходимо выбрать относительно равнинный участок местности, поблизости от источника воды и минеральных источников [Бабенко 2018: 17].

Возможно, это был участок, ограниченный подножиями расположенных по дуге гор Машук, Бештау, Железная, Развалка и Змейка (рис. 1) и образующих, по образному сравнению И. А. Гильденштедта, амфитеатр [Гильденштедт 2002: 282]. Этот относительно равнинный участок расположен в междуречье правых притоков Кумы рек Подкумок и Джемуха. Река Джемуха имеет живописные истоки на склонах горы Бештау — родник Капельница и Баталинский источник [Бабенко 2018: 17]. Здесь могли разместиться все участники праздника и их многочисленные животные. Только у каждой из жен Узбека было 100 арб, в каждой из них перемещалось 3–4 прислужницы и 300 арб с имуществом [Тизенгаузен 1884: 292–293].

Отмеченный амфитеатр был вполне доступен со стороны степных районов Предкавказья, откуда должны были прибыть участники торжеств.

Утром 3 июня 1334 г. все участники праздника выдвинулись из своих ставок верхом и на арбах к месту его проведения. Праздник открыли состязания лучников, в которых приняли участие темники. Затем состоялась церемония награждения эмиров почетными халатами [Тизенгаузен 1884: 298–299]. По мнению А. Г. Юрченко, облачение в почетный халат означало подтверждение ханом места его обладателя в государственной иерархии [Юрченко 2012: 217–218].

В завершении торжественной части праздника спешившиеся гости прошли перед Узбеком и направились в шатры, в которых состоялся пир. Убранство ханского шатра было подробно описано Ибн Баттутой, хотя марокканец был усажен в другой шатер вместе с представителями мусульманского духовенства. После окончания пира Узбек приказал раздать народу меха с кумысом. Участники праздника отправились в мечеть на соборную молитву и стали ожидать Узбека. После прихода с небольшим опозданием хана Узбека участники праздника совершили соборную молитву и разошлись по своим шатрам [Тизенгаузен 1884: 299–301; Бабенко 2018: 16].

На наш взгляд, участники праздника совершили молитву в походной мечети. Из текста следует, что мечеть устанавливалась поблизости с шатром, отведенным для мусульманских священнослужителей и правоведов [Тизенгаузен 1884: 300; Бабенко 2018: 16–17]. В другом рассказе марокканца о поездке с невесткой Узбека Байалун в Константинополь сообщается об оставлении невесткой Узбека мечети в приграничной византийской крепости и отправке домой сопровождавших ее воинов [Тизенгаузен 1884: 304]. Таким образом, из книги Ибн Баттуты следует, что подобные мечети были походными.

После завершения праздника Ибн Баттута по приглашению хана Узбека проследовал с его ставкой в Нижнее Поволжье в город Хаджитархан [Тизенгаузен 1884: 301]. В

связи с тем, что в тексте не упоминается посещение каких-либо населенных пунктов, можно предположить, что они проследовали восточнее маршрута Маджар – Пятигорье, по Прикумской возвышенности.

5. Территория области Бишдаг

Археологические материалы свидетельствуют об освоении оседлым и кочевым населением территории Кавминвод в золотоордынскую эпоху. Есть основания предполагать, что границы области Бишдаг распространялись за пределы района Пятигорья.

Имеющиеся немногочисленные письменные и археологические источники позволяют предварительно очертить границы этой области. Абд-ар-разак Самарканди назвал эту местность «равниной Бешдак» (цит. по: [Тизенгаузен 1941: 183, прим. 2]). Э. Челеби ограничил данную местность Кубанью и границами Кабарды [Челеби 1979: 91].

«Равнина Бешдаг» должна была располагаться поблизости от гор Пятигорья. Все 17 лакколитов региона занимают центральную часть Минераловодской наклонной террасированной равнины. Она расположена на юге Центрального Предкавказья в междуречье рек Кубань, Кума и Терек и отделена Предкавказской равниной от Ставропольской возвышенности. С севера ее ограничивают склоны Ставропольской возвышенности, с юга — отроги Пастбищного хребта и его составной части — Джинальского хребта. В западной части равнины преобладают предгорные лесостепи, в восточной — злаково-разнотравные степи на низких террасах [Современные ландшафты 2002: 113–114; Бабенко 2018: 17]. Здесь протекают реки Подкумок, Этока, Золка, Кура и Подкурок.

На юго-западе к Минераловодской равнине примыкает Кисловодская котловина. Она расположена на севере Приэльбрусья и представляет собой часть бассейна реки Подкумок, ограниченного водораздельными линиями Кабардинского, Джинальского и Боргустанского хребтов, замыкающими системы правых притоков Подкумка Аликоновки, Березовки, Ольховки, Белой [Афанасьев и др. 2004: 9]. Современная растительность Кисловодской котловины представлена злаково-разнотравными степями,

предгорными лесостепями, субальпийскими и остепненными лугами [Современные ландшафты 2002: 118–120].

Вероятно, область Бишдаг граничила на юге с областью в верховьях Терека, упоминаемой Шериф-ад-Дином Йезди как область Джулат [Тизенгаузен 1941: 175]. Возможно, данные области граничили по Малке и Тереку. На севере область Бишдаг граничила с территорией Ставропольской возвышенности. На западе граница могла проходить по водоразделу Кумы и Кубани, на востоке — по водоразделу Кумы и Терека либо по границе песчаных бурунов в Терско-Кумском междуречье.

В благоприятных условиях XIII–XIV вв. климат на юге Центрального Предкавказья, как и в других регионах, мог отличаться большим увлажнением. Разнообразие природно-климатических условий могло способствовать развитию кочевого скотоводства и, возможно, земледелия [Бабенко 2018: 17].

Эта территория имела свою систему кочевания. В XIV в. Ибн Фадлаллах ал-Омари, описывая территорию Золотой Орды, приводит информацию о пребывании хана зимой в Сарае (цит. по: [Тизенгаузен 1884: 241]) и отмечает, что летом хан вместе с нойонами отправляется на гору Уруктаг, протянувшуюся от Китая до Сеуты [Тизенгаузен 1884: 243]. Несмотря на фантастические сведения о протяженности этой горы, из данного описания следует, что летние пастбища элиты Золотой Орды располагались к югу от Нижнего Поволжья, в предгорьях Северного Кавказа.

На северных склонах и плоских вершинах куэст Джинальского хребта произрастает степная растительность. На северных склонах хребта находятся истоки рек Юца, Джуга, Золка, Этока. Здесь традиционно располагались летние пастбища. Вероятно, пастбища на востоке Минераловодской равнины были не менее привлекательны для кочевой элиты Монгольской империи и Золотой Орды, чем зимние пастбища на севере Центрального Предкавказья.

В Новое время здесь сложилась система выпаса, которая могла сохраниться с более ранних эпох. Кабардинцы летом использовали пастбища у подножия Эльбруса, осенью — пастбища в предгорьях. Зимой и

ранней весной использовались пастбища в долинах рек на востоке Минераловодской равнины [Гильденштедт 2002: 287–288].

Возможно, область Бишдаг являлась одним из центров коневодства в Золотой Орде, о чем косвенно могут свидетельствовать сведения Ибн Баттуты о продаже лошадей с территории Северного Кавказа в Индию [Тизенгаузен 1884: 286] и сведения И. А. Гильденштедта об обилии у кабардинцев лошадей [Гильденштедт 2002: 287–288]. Судя по проводимым В. А. Кузнецовым примерам начала XX в. [Кузнецов 2005: 97–98], природные условия Минераловодской равнины способствовали развитию коневодства [Бабенко 2018: 17].

Данная территория занимала выгодное географическое положение. По территории Минераловодской равнины проходили несколько ответвлений Мисимианского отрезка Великого Шелкового пути. После перевала Гумбаши дорога выходила из Верхнего Прикубанья в долину реки Подкумок и далее, в Кисловодскую котловину и, выходя в широкую долину в районе современной станции Белый уголь (город Ессентуки), разветвлялась на два маршрута, северное и южное ответвления Мисимианского отрезка Великого Шелкового пути [Кузнецов 1993: 26–31].

Северное ответвление обходило горы Бештау, Железная, Развалка и Змейка с запада и с севера. В 1920–1940-е гг. Н. М. Егоров и И. С. Гумилевский проследили на участке от хут. Воронов (расположен у подножия горы Развалка) до горы Змейка древнюю мощеную дорогу, связанную с аланскими поселениями [Кузнецов 1993: 31–33]. Южное ответвление от станции Белый уголь шло по долине реки Подкумок, огибая подношву горы Машук и далее, к устью Подкумка в районе совр. г. Георгиевск [Кузнецов 1993: 39–40]. Северное ответвление вело в долину реки Калаус и далее, на водораздел Западного и Восточного Манычей, где оно соединялось с южным ответвлением [Кузнецов 1993: 46]. Вероятно, путь из Маджара в Пятигорье проходил по Куме и Подкумку, где В. А. Кузнецов локализует так называемое южное ответвление Мисимианского пути [Кузнецов 1993: 39–44].

6. Археологические памятники области Бишдаг

На территории Минераловодской равнины и Кисловодской котловины выявлены памятники, оставленные оседлым и кочевым населением (рис. 1). В эпоху раннего средневековья различные ландшафтные зоны Кисловодской котловины были заняты земледельческими и скотоводческими угодьями; здесь располагались многочисленные поселения и укрепления. Но в период XIV–XVIII вв. территория котловины была незаселенной [Афанасьев и др. 2004: 69]. Возможно, одной из причин малонаселенности явился «возмущенный климат» предшествующего периода VII–XII вв.,

установленный и на смежных территориях [Афанасьев и др. 2004: 81]. К сожалению, нет данных о климате в котловине в золотоордынский период. Возможно, происходило его некоторое смягчение.

Крупнейшим археологическим памятником на рассматриваемой территории является городище Рим-гора (Боргустанская крепость) в долине реки Подкумок (рис. 1: а, 4). Это был формирующийся раннефеодальный город, который В. А. Кузнецов предложил отождествлять с аланским городом Фуст [Кузнецов 1971: 150–152]. Он контролировал так называемый Мисимианский путь. В 1666 г. здесь побывал Э. Челеби, в 1849 г. — А. Фиркович. Они зафик-

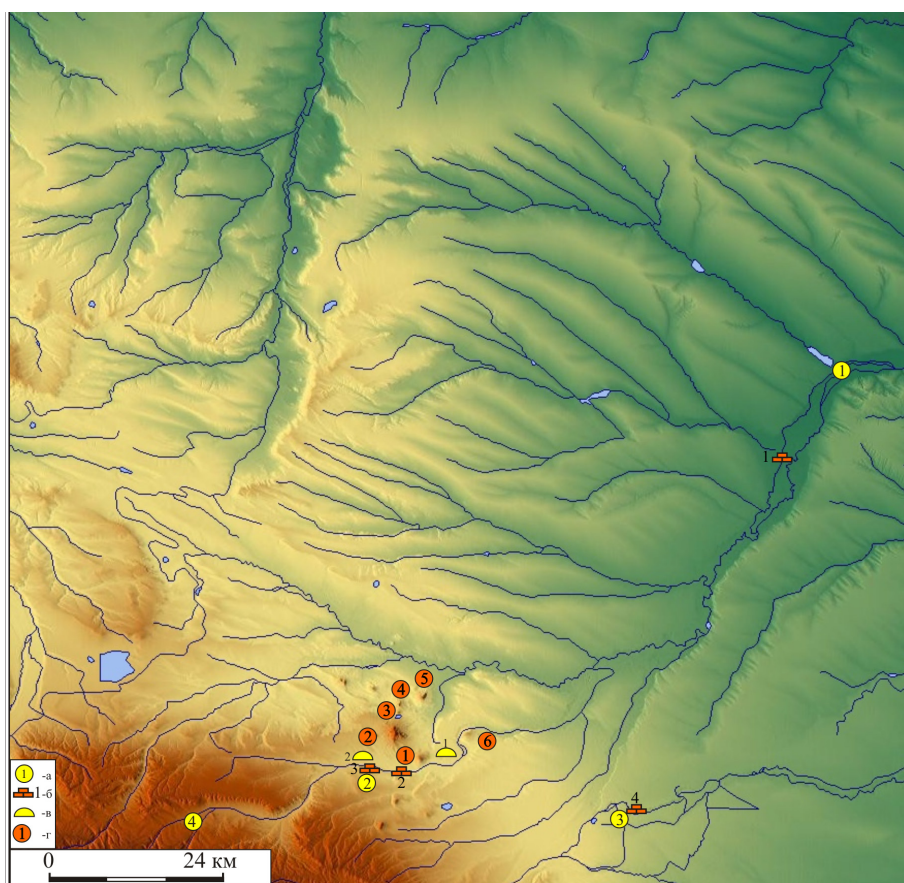

Рис. 1. Памятники эпохи Золотой Орды на территории Прикумья и Пятигорья. а — бытовые памятники: 1 — Городище Маджары, 2 — Ессентуки, 3 — Новопавловское поселение, 4 — Рим-гора; б — мавзолеи: 1 — Маслов Кут, 2 — ст. Скачки, 3 — Белый уголь / Ессентуки, 4 — Новопавловск; в — курганные могильники: 1 — Гора, 2 — Белый уголь — 2; г — горы-лакколиты: 1 — Машук, 2 — Бештау, 3 — Железная, 4 — Развалка, 5 — Змейка, 6 — Лысая

[Fig. 1. Sites of the Golden Horde era in the Prikumye and Pyatigorye. а — habitation sites: 1 — settlement of Majar, 2 — Yessentuki, 3 — Novopavlovsk, 4 — Rim-Gora, б — mausoleums: 1 — Maslov Kut, 2 — Skachki, 3 — Bely Ugol/Yessentuki, 4 — Novopavlovsk, в — burial mounds: 1 — Gora, 2 — Bely Ugol-2, г — laccoliths: 1 — Mashuk, 2 — Beshtau, 3 — Zheleznaya, 4 — Razvalka, 5 — Zmeika, 6 — Lysaya]

сировали предания о посещении и взятии армией Тамерлана этой крепости [Колесникова, Бабенко 2023: 261]. А. Фиркович также сообщил о найденных здесь артефактах и монетах, не приведя их атрибуцию [Фиркович 1857: 378–379]. В. А. Фоменко на основании находки в 1997 г. в грабительских отвалах на территории христианского могильника городища бронзовых и серебряных бубенчиков, аналогичных найденным в Змейском катакомбном могильнике, предположил, что городище было обитаемым в XIII–XIV вв. [Фоменко 2005: 25].

А. П. Рунич обнаружил фрагменты золотоордынской керамики на территории совхоза «Тепличный» в городе Кисловодске (цит. по: [Нарожный 1992: 49, 50, рис. 1]). Д. Я. Самоквасов исследовал каменные гробницы в могильнике у станицы Кисловодской (город Кисловодск) «Против Третьей балки» [Самоквасов 1908: 252–253]. В 2000 г. в городе Кисловодске на ул. Подкумская было исследовано погребение в каменном ящике [Фоменко 2005: 25–26].

С. Н. Савенко опубликовал новые свидетельства существования в Кисловодской котловине бытовых памятников золотоордынской эпохи: во въездной зоне города Кисловодск на территории бывшей станицы Кисловодской, в районе Кольцо-горы [Савенко 2022]. Особый интерес вызывают приведенные в статье сведения об упоминаемом П. С. Палласом «татарском» вале [Паллас 2010: 255], перекрывавшем долину реки Подкумок в окрестностях Нарзана [Савенко 2022: 133]. Не исключено, что здесь описывается золотоордынская фортификация, известная на памятниках Поволжья.

В окрестностях станций Скачки и Белый уголь были исследованы кирпичные мавзолеи [Ртвеладзе 1969; Палимпсестова, Рунич 1974]. Все мавзолеи, за исключением мавзолея № 2, располагались на правом берегу реки Подкумок (рис. 1). Возможно, междуречье рек Подкумок и Юца могло привлекать кочевое население как хорошее пастбище.

Т. Б. Палимпсестова и А. П. Рунич обобщили свидетельства жителей города Ессентуки о существовании на этом месте поселения золотоордынской эпохи. Оно может

быть локализовано на правом берегу реки Подкумок в районе устья реки Большой Ессентучек [Палимпсестова, Рунич 1974: 238]. Связь ессентукских мавзолеев с бытовым памятником исключать нельзя.

Вызывает интерес и монгольская топонимия местности в районе г. Ессентуки (г. Ессентуки, река Ессентучек, Боргустанский хребет, река Бугунта). Ранее исследователи ессентукских мавзолеев обращали внимание на название р. Ессентучек и его этимологию, связанную с именем некоего Ессен-Тука («Ессен — дородный») [Ртвеладзе 1969: 263; Палимпсестова, Рунич 1974: 238]. Необходимо учитывать и калмыцкую (монгольскую) версию данной этимологии — *йисн туг* («девять знамен»). В этой связи вызывает интерес еще один монгольский гидроним — река Бугунта, левый приток Подкумка [Бембеев 2009: 132]. Вероятно, отроги Боргустанского хребта в районе устьев рек Ессентучек и Бугунта были прочно освоены пришедшими из Центральной Азии кочевниками.

Из района станции Скачки на левом берегу реки Подкумок и с западного склона горы Бештау происходят нумизматические находки. Они относятся преимущественно к периоду правления Токтамышша, что свидетельствует о сохранении традиций оседлости [Волков 2011: 120]. К сожалению, бытовые памятники золотоордынской эпохи на западном склоне горы Бештау еще не выявлены.

В Пятигорье проникало и кочевое население. В 1882 г. Д. Я. Самоквасов исследовал в урочище Гора к востоку от Пятигорска подкурганые позднекочевнические захоронения (рис. 1: в, 1) [Самоквасов 1908: 249–251; Дружинина 2007: 158–176].

В 2003 г. на северо-западной окраине города Ессентуки в курганном могильнике *Белый уголь* – 2 (рис. 1: в, 2) в кургане 1 было исследовано сильно разрушенное впускное погребение с фрагментом золотоордынской керамики [Бабенко 2004] (рис. 2). Это был сероглиняный сосуд (горшок?) с покатыми дугообразными плечиками и отогнутым наружу венчиком. Тесто плотное, с примесью шамота, обжиг трехслойный. Сосуд был покрыт ангобом красно-желтого цвета и

орнаментирован линейно-волнистым орнаментом. В нижней части плечиков нанесены три горизонтальные полосы. Выше нанесен штампованный орнамент в виде дугообразных линий (рис. 2). Размеры: высота сохранившейся части — 12,2 см, высота плечиков — 10 см, высота венчика — 1,5 см. Сосуд близок горшкам 1-й группы керамики с городища Маджары [Волков 2016: 145–146, 150, рис. 7]. Место его изготовления нуждается в уточнении.

В 1913 г. на восточной окраине современного города Новопавловск (ранее Павловская крепость Азово-Моздокской линии и станица Павловская) были обнаружены артефакты золотоордынской эпохи [Известия 1913: 104], относящиеся к бытовому памятнику Золотой Орды [Бабенко 2018: 18]. В 1982 г. Н. А. Охонько доисследовал здесь в бортах глиняного карьера сырцовый мавзолей и 18 погребений, включая элитные [Нарожный, Охонько 2007]. Среди исследованных комплексов выделяется погребение 10, в инвентарь которого входили изготовленные из тонкого листового золота украшения в форме солнечного диска, лунницы и неширокие полосы, являвшиеся украшениями халата [Доде 2012: 178]. Халаты с эмблемами небесных светил являют-

ся особой категорией одежды кочевой элиты Монгольской империи [Доде 2012: 190].

В 2002 г. на участке, расположенном поблизости от участка Новопавловского могильника, были обнаружены и доисследованы гончарная печь и яма с заготовленной глиной [Березин 2016: 136–138, 136, рис. 1, 137, рис. 5]. Находки 1913 г. и 2002 г. свидетельствуют о существовании в верховьях р. Куры большого поселения золотоордынской эпохи (рис. 1: а, 3), а наличие здесь могильника с элитными погребениями подтверждает сделанный вывод.

На наш взгляд, это был второй по важности после Маджара пункт на маршруте из Маджара на Средний Терек и далее, к Дарьяльскому горному проходу. Этот маршрут выделил В. А. Кузнецов [Кузнецов 2003: 29]. Он может быть реконструирован из Среднего Прикумья по долине реки Золки и верховьям реки Куры в районы Среднего и Верхнего Терека. Маршрут по Золке из верховьев Куры в Прикумье прослеживается начиная с эпохи ранней бронзы [Канторович и др. 2010: 167]. На карте И. Ф. Трескотта «Карта, представляющая Кубань, сочинял И. Трескотт» 1783 г. в районе устья правого притока Кумы реки Золка отмечен Хан Брод. Связь этого топонима с ханами Золотой Орды несомненна. С Новопавлов-

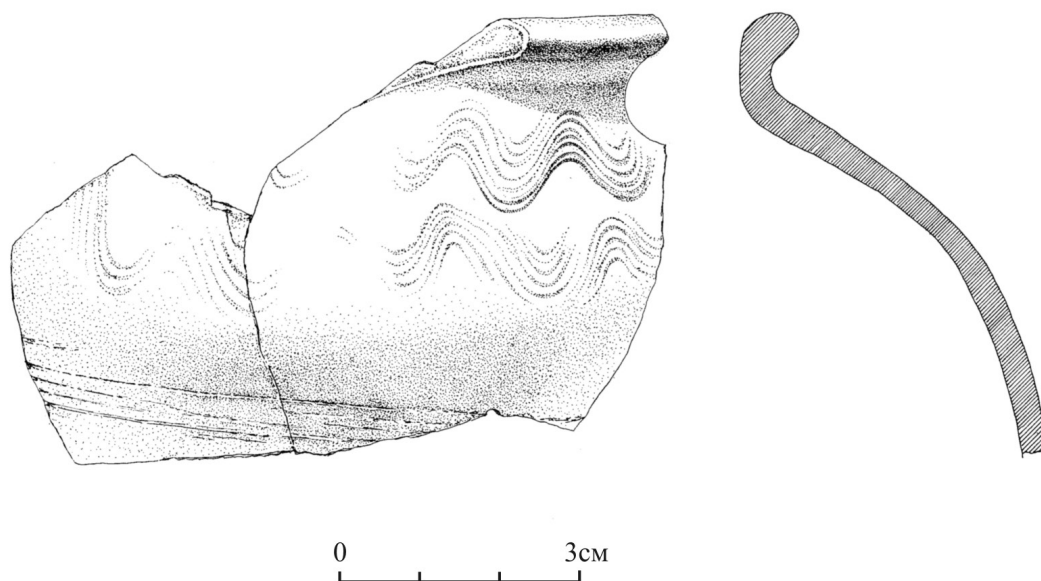

Рис. 2. Курганный могильник Белый уголь – 2. Курган 1. Погребение 37. Находка 1.

Сосуд сероглиняный, фрагментированный

[Fig. 2. Bely Ugol–2 burial mound. Kurgan 1. Burial 37. Find 1. Fragmented vessel from gray clay]

ского поселения также открывался путь через Прикумскую возвышенность в Нижнее Прикумье и Нижнее Поволжье [Карта 1783].

Верховья реки Куры и Новопавловское поселение упоминаются в сочинении Низам-ад-дина Шами как «местность Курай», где Тамерлан остановился после победы, одержанной в решающем сражении весенней кампании 1395 г. [Тизенгаузен 1941: 121; Колесникова, Бабенко 2023: 258–259]. Область Бишдаг была занята армией Тамерлана поздней осенью 1395 г. по ходу своего продвижения из Верхнего Прикубанья в предгорные и горные районы Центрального Кавказа. По сведениям Шереф-ад-Дина Йезди, армия Тамерлана возвратилась осенью 1395 г. после похода к подножию горы Эльбурз в местность Баш-так и ее окрестности [Тизенгаузен 1941: 182–183]. Абд-ар-разак Самарканди уточняет расположение этих окрестностей и указывает на «равнину Бешдак», куда на встречу с Тамерланом прибыл сын правителя области Симсим [Тизенгаузен 1941: 183, прим. 2; Колесникова, Бабенко 2023: 262]. Возможно, Новопавловское поселение и прилегающие к нему степные и предгорные районы на востоке Минераловодской равнины стали местом дислокации армии и обоза завоевателя.

7. Заключение

Предложенная локализация области Бишдаг носит предварительный характер. Она может быть уточнена по мере проведения археологических исследований в этом регионе. Привлеченные сведения письменных источников свидетельствуют о пре-

бывании ставок золотоордынских ханов в районе Пятигорья.

Ранее предпринимались попытки связать мечеть, в которой Ибн Баттута совершил молитву с тем или иным бытовым памятником региона [Палимпсестова, Рунич 1974: 237–238; Нарожный 2011: 134]. Археологические материалы не противоречат обеим версиям, но необходимо учитывать сведения Ибн Баттуты, свидетельствующие о проведении праздника в 1334 г. в кочевых условиях.

На наш взгляд, ханские ставки во время своего пребывания в области Бишдаг вели кочевой образ жизни, о чем свидетельствует Ибн Баттута. По пути в область Бишдаг они посещали город Маджар и другие бытовые памятники. В Пятигорье ставки располагались поблизости от минеральных источников, что не исключает посещение ими поселений на месте современных городов Ессентуки и Новопавловск. Предложенная локализация места проведения праздника в 1334 г. и места размещения ханских ставок в Пятигорье носит предварительный характер.

Таким образом, на территории области Бишдаг существовали предпосылки для проживания как оседлого, так и кочевого населения. Оседлое население могло размещаться в центральной части Пятигорья и в Кисловодской котловине. Кочевое население могло размещаться в междуречье реки Подкумок и реки Юца, а также на равнине к востоку от горы Золотой Курган и горы Джуца.

Литература

- Абзалов 2017 — Абзалов Л. Ф. «Горячий ключ от кручины болезней»: из практики водолечения в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 4. С. 756–769. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.756-769
- Афанасьев и др. 2004 — Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир, 2004. 240 с.
- Бабенко 2004 — Бабенко В. А. Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Белый уголь 2» на юго-западной окраине г. Ессентуки Ставропольского края в 2003 г. Ставрополь, 2004 // Научный архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 28304, 28305. 74 с.

References

- Abzalov L. F. “Hot spring for cure of diseases”: On the practice of hydropathy in the Golden Horde. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5. No. 4. Pp. 756–769. (In Russ.) DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.756-769
- Afanasyev G. E., Savenko S. N., Korobov D. S. Antiques of the Kislovodsk Basin. Moscow: Nauchnyi Mir, 2004. 240 p. (In Russ.)
- Babenko V. A. Bely Ugol 2 Burial Mound (Yessentuki, Stavropol Krai): Report on 2003 Rescue Excavations. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archive. Coll. Ф-1. Cat. Р-1. Files 28304, 28305. 74 p. (In Russ.)

- Бабенко 2018 — *Бабенко В. А.* Локализация области Бишдаг в Центральном Предкавказье по данным письменных и археологических источников // *Археология Евразийских степей*. 2018. № 4. С. 16–20.
- Бембеев 2009 — *Бембеев Е. В.* Калмыцкий субстрат в топонимии Ставропольского края // *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*. 2009. № 2(19). С. 130–134.
- Березин 2016 — *Березин С. Я.* Новая гончарная печь эпохи Золотой Орды из окрестностей города Новопавловска Ставропольского края // *Материалы Первого Маджарского археологического форума*. Пятигорск – Буденновск – 2012 год. Серия: Археология Евразийских степей. Вып. 23 / ред.-сост. Ю. Д. Обухов. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 136–138.
- Волков 2011 — *Волков И. В.* Случайные находки монет в районе Пятигорска // *Историко-археологический альманах*. Вып. 10 / отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир: АКМ; Краснодар; М.: ИА РАН, 2011. С. 116–120.
- Волков 2016 — *Волков И. В.* Керамика Золотоордынского города Маджар // *Материалы Первого Маджарского археологического форума*. Пятигорск – Буденновск – 2012 год. Серия: Археология Евразийских степей. Вып. 23 / ред.-сост. Ю. Д. Обухов. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 139–222.
- Волков 2022 — *Волков И. В.* Некоторые картографические и нарративные источники об Укеке // *Археология Евразийских степей*. 2022. № 3. С. 204–242. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.3.204.242
- Гильденштедт 2002 — *Гильденштедт И. А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / пер. Т. К. Шафрановской; ред. Ю. Ю. Карпов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 512 с.
- Доде 2012 — *Доде З. В.* Женский халат с эмблемами Солнца и Луны // *Юрченко А. Г. Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности)*. Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. С. 178–190.
- Дружинина 2007 — *Дружинина И. А.* Курганный могильник в урочище Гора близ Пятигорска (по материалам раскопок Д. Я. Самоквасова 1882 г.) // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 8 / отв. ред. Е. И. Нарожный. Армавир: Центр археологических исследований АГПУ, 2007. С. 158–176.
- Ибрагимов 1988 — *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, ГВРЛ, 1988. 128 с.
- Babenko V. A. Localization of Bishdag area in the Central Ciscaucasia according to written and archaeological sources. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. 2018. No. 4. Pp. 16–20. (In Russ.)
- Bembeev E. V. Kalmyk traces in Stavropol toponymy. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2009. Vol. 2. No. 2 (19). Pp. 130–134. (In Russ.)
- Berezin S. Ya. One newly discovered Golden Horde pottery kiln from Novopavlovsk (Stavropol Krai, Russia). In: Obukhov Yu. D. (comp., ed.) First Majar Archaeological Forum (Pyatigorsk, Budyonnovsk, 2012). Proceedings (Archaeology of the Eurasian Steppes 23). Kazan: Kazanskaya Nedvizhimost, Khalikov Institute of Archaeology (Tatarstan Academy of Sciences), 2016. Pp. 136–138. (In Russ.)
- Volkov I. V. Chance coin finds in and around Pyatigorsk. In: Munchaev R. M. (ed.) Almanac of History and Archaeology. Vol. 10. Armavir: AKM; Krasnodar, Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2011. Pp. 116–120. (In Russ.)
- Volkov I. V. Pottery finds from the Golden Horde city of Majar. In: Obukhov Yu. D. (comp., ed.) First Majar Archaeological Forum (Pyatigorsk, Budyonnovsk, 2012). Proceedings (Archaeology of the Eurasian Steppes 23). Kazan: Kazanskaya Nedvizhimost, Khalikov Institute of Archaeology (Tatarstan Academy of Sciences), 2016. Pp. 139–222. (In Russ.)
- Volkov I. V. Cartographic and narrative sources related to Ukek. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. 2022. No. 3. Pp. 204–242. (In Russ.) DOI: 10.24852/2587-6112.2022.3.204.242
- Güldenstädt J. A. Travels in the Caucasus, 1770–1773. T. Shafranovskaya (transl.), Yu. Karpov (ed.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 512 p. (In Russ.)
- Dode Z. V. Examining a women's khalat with solar and lunar emblems. In: Yurchenko A. G. Khan Uzbek: Between Empire and Islam (Structures of Everyday Life). St. Petersburg: Evraziya, 2012. Pp. 178–190. (In Russ.)
- Druzhinina I. A. Mound grave field of Gora near Pyatigorsk: Analyzing D. Samokvasov's excavation data (1882). In: Narozhny E. I. (ed.) Materials and Studies in North Caucasian Archaeology. Vol. 8. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2007. Pp. 158–176. (In Russ.)
- Ibragimov N. Ibn Battuta and His Travels in Central Asia. Moscow: Nauka — GVRL, 1988. 128 p. (In Russ.)

- Известия 1913 — Известия Императорской археологической комиссии. Приб. к вып. 50. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1913. 163 с.
- Канторович и др. 2010 — *Канторович А. Р., Маслов В. Е., Петренко В. Г.* Погребения майкопской культуры кургана № 1 могильника «Марьинская-5» // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (г. Магас, 26–30 апреля 2010 г.). Тезисы докладов Междунар. науч. конф. / отв. ред. М. Б. Мужухоев. Магас: Пилигрим, 2010. С. 164–167.
- Карта 1783 — Карта, представляющая Кубань / сочинял И. Трескот; вырезывал Е. Худяков. 1:168 000. СПб.: Имп. Акад. наук, 1783.
- Клапрот 2008 — *Клапрот Ю. Г.* Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / пер. с англ.: К. А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 318 с.
- Колесникова, Бабенко 2023 — *Колесникова М. Е., Бабенко В. А.* Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395–1396 гг. (локализация, проблемы изучения) // *Oriental Studies*. 2023. № 16. Т. 2. С. 252–267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267
- Крамаровский 2014 — *Крамаровский М. Г.* Ибн Баттута о тюркском исламе // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 1(3). С. 64–74.
- Крачковский 1957 — *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. IV: Арабская географическая литература / ред. тома Г. В. Церетели. М.; Л.: АН СССР, 1957. 979 с.
- Кузнецов 1971 — *Кузнецов В. А.* Алания в X–XIII вв. Ордзжоникидзе: Ир, 1971. 247 с.
- Кузнецов 1993 — *Кузнецов В. А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гум. иссл., 1993. 184 с.
- Кузнецов 2003 — *Кузнецов В. А.* Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ: Владикавказ. научн. центр РАН; Ин-т гуман-х и соц. наук им. В. И. Абаева, 2003. 191 с.
- Кузнецов 2005 — *Кузнецов В. А.* Кавказские Минеральные Воды в древности и средневековье (историко-археологические очерки). Пятигорск: Изд-во ин-та экономики и управления. 2005. 155 с.
- Муратова 2010 — *Муратова Р. Т.* Этнокультурная семантика чисел башкирского языка // *Проблемы востоковедения*. 2010. № 2(48). С. 103–108.
- Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii*. 1913. Vol. 50. Supplement. 163 p. (In Russ.)
- Kantorovich A. R., Maslov V. E., Petrenko V. G. Grave field Maryinskaya-5, mound 1: Burials of the Maykop culture. In: Muzhukhoviev M. B. (ed.) *Archaeological Sites and Cultures of the North Caucasus: Chronologies and Periodizations (Twenty Sixth Krupnov Readings)*. Conference proceedings (Magas, 26–30 April 2010). Magas: Piligrim, 2010. Pp. 164–167. (In Russ.)
- Truskott J. Map of Kuban. E. Khudyakov (engr.). 1:168 000. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1783. (In Russ.)
- Klaproth [von] J. H. Travels in the Caucasus and Georgia, Performed in the Years 1807 and 1808. K. Malbakhov (transl.). Nalchik: El-Fa, 2008. 318 p. (In Russ.)
- Kolesnikova M. E., Babenko V. A. Tamerlane's campaigns in Central Ciscaucasia, 1395–1396: Localizations, research difficulties. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 252–267. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267
- Kramarovsky M. G. Ibn Battuta about Turkic Islam. *Golden Horde Review*. 2014. No. 1(3). Pp. 64–74. (In Russ.)
- Krachkovsky I. Yu. Arabic geographical writings. In: Krachkovsky I. Yu. *Selected Works*. Vol. 4. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 979 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. Alania, Tenth to Thirteenth Centuries CE. Ordzhonikidze: Ir, 1971. 247 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. Essays on Alans and Ossetians. Vladikavkaz: North Ossetia Humanities Research Institute, 1993. 184 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. The Elkhotoovo Gates, Tenth to Fifteenth Centuries CE. Vladikavkaz: Vladikavkaz Scientific Center (RAS), Abaev Institute for Humanities and Social Studies, 2003. 191 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. Caucasian Mineral Waters in Ancient and Medieval Times: Essays in History and Archaeology. Pyatigorsk: Institute of Economics and Management, 2005. 155 p. (In Russ.)
- Muratova R. T. The ethnocultural semantics of numbers in Bashkir. *The Problems of Oriental Studies*. 2010. No. 2 (48). Pp. 103–108. (In Russ.)

- Нарожный 1992 — *Нарожный Е. И.* А. П. Рунич и его вклад в изучение золотоордынских древностей Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод: Матер-лы 1-й Региональной конф. (Сборник тезисов докладов и статей) / под ред. С. Н. Савенко. Кисловодск: Кисловодский филиал СГОКМ им. Г. К. Праве, КНИФСЦ «Великий шелковый путь», Кисловодское краеведческое общество, 1992. С. 47–51.
- Нарожный 2011 — *Нарожный Е. И.* «Золотоордынское наследие» А. П. Рунича и некоторые аспекты изучения золотоордынского периода истории Центрального Кавказа // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов: Сборник материалов межрегиональной науч. конф. (г. Пятигорск, 17–18 ноября 2011 г.). К 100-летию со дня рождения и 25-летию памяти А. П. Рунича / под ред. С. Н. Савенко. Пятигорск: Вестник Кавказа, 2011. С. 134–137.
- Нарожный, Охонько 2007 — *Нарожный Е. И., Охонько Н. А.* Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7 / под ред. С. Н. Савенко. Армавир; Ставрополь: Ставроп. музей-заповедник и ЦАИ АГПИ, 2007. 173 с.
- Паллас 2010 — *Паллас П. С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 годах / пер. с англ. В. М. Аталикова // Европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. М. Аталиков. Проект Марии и Виктора Котляровых. Кавказ. Вып. III. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2010. 304 с.
- Палимпсестова, Рунич 1974 — *Палимпсестова Т. Б., Рунич А. П.* О ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // Советская археология. 1974. № 2. С. 229–239.
- Ртвеладзе 1969 — *Ртвеладзе Э. В.* Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // Советская археология. 1969. № 4. С. 262–265.
- Савенко 2022 — *Савенко С. Н.* О малоизвестном бытовом комплексе золотоордынского времени во въездной зоне города Кисловодска (Северный Кавказ) // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 128–135. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.4.128.135
- Самоковасов 1908 — *Самоковасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М.: Синодальная типография. 1908. 276 с.
- Narozhny E. I. Andrey P. Runich and his contribution to the study of Golden Horde sites across Russia's Pyatigorye. In: Savenko S. N. (ed.) Archaeology and Local History of the Caucasian Mineral Waters. Conference proceedings Kislovodsk: Stavropol State Consolidated Museum of Local History and Lore (Kislovodsk Branch), Velikiy Shelkovyi Put, Kislovodsk Society of Local History, 1992. Pp. 47–51. (In Russ.)
- Narozhny E. I. Andrey P. Runich, his 'Golden Horde heritage' and some aspects relating to the study of the mentioned period in the Central Caucasus. In: Savenko S. N. (ed.) Archaeology and Local History of the Caucasian Mineral Waters: A Perspective from Cross-Regional Ties and Contacts. Jubilee conference proceedings (Pyatigorsk, 17–18 November 2011). Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza, 2011. Pp. 134–137. (In Russ.)
- Narozhny E. I., Okhonko N. A. The fourteenth-century grave field of Novopavlovsk and its place in the system of Eurasia's [archaeological] sites. In: Savenko S. N. (ed.) Archaeology of the North Caucasus: Materials and Studies. Vol. 7. Armavir, Stavropol: Stavropol Reserve Museum, Armavir State Pedagogical Institute, 2007. 173 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in 1793 and 1794 (Accounts of the Thirteenth-to-Eighteenth Century Caucasus by European Travelers 3). V. Atalikov (transl.). Nalchik: M. & V. Kotlyarov, 2010. 304 p. (In Russ.)
- Palimpsestova T. B., Runich A. P. About Yessentuki-based mausoleums in the headquarters of Khan Uzbek. *Sovetskaya arkheologiya*. 1974. No. 2. Pp. 229–239. (In Russ.)
- Rtveladze E. V. Two Pyatigorye-based mausoleums from the Golden Horde era. *Sovetskaya arkheologiya*. 1969. No. 4. Pp. 262–265. (In Russ.)
- Savenko S. N. An understudied household complex Golden Horde period in the entrance area of Kislovodsk (North Caucasus). *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. 2022. No. 4. Pp. 128–135. (In Russ.) DOI: 10.24852/2587-6112.2022.4.128.135
- Samokvasov D. Ya. Graves of Russian Land. Moscow: Most Holy Synod, 1908. 276 p. (In Russ.)

- Сборник 1884 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией / под ред. Г. Ф. Карпова. Т. 1 (С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1884. 558 с.
- Современные ландшафты 2002 — Современные ландшафты Ставропольского края / науч. ред. Ю. П. Хрусталева. Ставрополь: СГУ, 2002. 228 с.
- Тизенгаузен 1884 — *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1884. 564 с.
- Тизенгаузен 1941 — *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / отв. ред. П. П. Иванов. М.; Л.: АН СССР, 1941. 308 с.
- Фиркович 1857 — *Фиркович А.* Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского русского археологического общества. Том IX. Вып. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, Имп. акад. наук, 1857. С. 371–405.
- Фоменко 2005 — *Фоменко В. А.* Памятники XIII–XV вв. Кисловодской котловины // История и культура народов Северного Кавказа: Сборник научных трудов. Вып. 3 / отв. ред. В. А. Казначеев. Пятигорск: Спецпечать, 2005. С. 23–30.
- Челеби 1979 — *Челеби Э.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков, прим. и комм. А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова (Памятники литературы народов Востока, VI). М.: Наука, ГРВЛ, 1979. 286 с.
- Юрченко 2012 — *Юрченко А. Г.* Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 400 с.
- Karpov G. F. (ed.) Collected Papers of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41: Russia's Diplomatic Contacts. Turkey, Crimean and Nogai Hordes. Pt. 1: From 1474 to 1505. St. Petersburg: F. Eleonsky & Co., 1884. 558 p. (In Russ.)
- Khrustalev Yu. P. (ed.) Contemporary Landscapes of Stavropol Krai. Stavropol: Stavropol State University, 2002. 228 p. (In Russ.)
- Tizengauzen V. G. History of the Golden Horde: Collected Materials. Vol. 1: Collections from Arabic Writings. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1884. 564 p. (In Russ.)
- Tizengauzen V. G. History of the Golden Horde: Collected Materials. Vol. 2: Collections from Persian Writings. A. Romaskevich, S. Volin (text prep.). P. Ivanov (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 308 p. (In Russ.)
- Firkovich A. Archaeological surveys in the Caucasus. *Zapiski Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1857. Vol. 9. No. 2. Pp. 371–405. (In Russ.)
- Fomenko V. A. Thirteenth-to-fifteenth century sites of the Kislovodsk Basin. In: Kaznacheev V. A. (ed.) Peoples of the North Caucasus: Histories and Cultures. Collected scholarly papers. Vol. 3. Pyatigorsk: Spetspechat, 2005. Pp. 23–30. (In Russ.)
- Çelebi E. Book of Travels (Selections). Vol. 2: North Caucasus, Volga and Don Regions (Monuments of Oriental Literature 6). A. Zheltyakov (comp., ed.), A. Grigoryev (comment.). Moscow: Nauka — GRVL, 1979. 286 p. (In Russ.)
- Yurchenko A. G. Khan Uzbek: Between Empire and Islam (Structures of Everyday Life). St. Petersburg: Evraziya, 2012. 400 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 4, Pp. 797–806, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-797-806

Путешествие одного калмакского купца через Казахстан в XVII в.

Нурлан Адилбекович Атыгаев^{1,2}, Зибагул Сулейменовна Ильясова³

¹ Казахский национальный педагогический университет им. Абая (д. 13, пр. Достык, 050000 Алматы, Казахстан)

кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

² Центральный государственный музей Республики Казахстан (Самал-1/44, 050051 Алматы, Казахстан)

научный сотрудник

 0000-0002-2696-1008. E-mail: nuratygaev@mail.ru

³ Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (д. 2, ул. Сатпаева, 010000 Астана, Казахстан)

кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 0000-0002-6507-4364. E-mail: zita.08@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Атыгаев Н. А., Ильясова З. С., 2024

Аннотация. *Введение.* В представленной статье предпринимается попытка реконструировать один из маршрутов «Большой калмыцкой дороги» на основе сведений труда «Северная и Восточная Тартария» нидерландского ученого Николааса Витсена, написанного на рубеже XVII–XVIII вв. *Цель исследования* — провести источниковедческий анализ сведений труда «Северная и Восточная Тартария», позволяющих реконструировать один из маршрутов «Большой калмыцкой дороги». *Материалы и методы.* Основными материалами для исследования стали историко-географические сведения известного труда западной историографии — «Северная и Восточная Тартария» нидерландского ученого Николааса Витсена. Данные Н. Витсена были сопоставлены с материалами других средневековых исторических источников. Прежде всего это документы русских посольств, участники которых пересекали степи современного Казахстана в XVI–XVIII вв., а также сведения известных монголоязычных («калмакских») источников, трудов Саган-Сэцена, Раднабхадры. Авторами также учтены высказанные в историографии мнения таких исследователей, как И. Э. Фишер, Ю. С. Лыткин, Н. А. Аристов и др. Не остались без внимания и современные научные труды по истории и топонимике Казахстана. В исследовании применяются основные методы исторического исследования: описательный, историко-сравнительный и другие общепринятые научные методы и подходы. Использование описательного метода позволяет глубже понять историческое значение и культурное наследие данного пути. Историко-сравнительный метод играет ключевую роль в реконструкции маршрутов «Большой калмыцкой дороги», позволяя интегрировать данные из различных источников для создания более полного и достоверного исторического контекста. *Результаты.* В опубликованном еще в конце XVII в. труде Н. Витсен сообщает о путешествии одного «калмакского» (калмыцкого) купца из владений Аюки через Джунгарию в Китай, в которой упомянут

маршрут его передвижения. Здесь отмечен ряд топонимов, гидронимов Казахстана. Данное сообщение Н. Витсена представляет интерес для исторической географии Казахстана XVII в. *Выводы.* Авторы на основе анализа сведений из данного средневекового труда идентифицируют некоторые отмеченные в труде топонимы и показывают одно из ответвлений «Большой калмыцкой дороги», по которому путешествовал калмакский купец.

Ключевые слова: Н. Витсен, история, география, Казахстан, XVII в., топонимика, гидронимы
Благодарность. Статья была выполнена в рамках ПЦФ Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Историческая география Центральной Азии» (номер ИРН BR 21882416).

Для цитирования: Атыгаев Н. А., Ильясова З. С. Путешествие одного калмакского купца через Казахстан в XVII в. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 797–806. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-797-806

The Journey of a Kalmyk / Qalmaq Merchant through Seventeenth-Century Kazakhstan

Nurlan A. Atygayev^{1,2}, Zibagul S. Ilyassova³

¹ Abai Kazakh National Pedagogical University (13, Dostyk Ave., 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Professor, Head of Department

² Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (44, Samal-1, 050051 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Research Associate

0000-0002-2696-1008. E-mail: nuratygayev[at]mail.ru

³ L. N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satbaev St., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

0000-0002-6507-4364. E-mail: zita.08[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Atygayev N. A., Ilyassova Z. S., 2024

Abstract. Introduction. The article attempts to reconstruct one route of the ‘Great Kalmyk Road’ on the basis of data contained in the late seventeenth-century *North and East Tartary* by the Dutch researcher Nicolaas Witsen. *Goals.* The study conducts a source analysis of the mentioned data that prove instrumental in reconstructing the once popular path. *Materials and methods.* The work focuses on historical and geographical messages from the aforementioned publication and compares them to ones traced in other historical sources, such as documents of Russian embassies that would travel through steppes of present-day Kazakhstan in the sixteenth to eighteenth centuries, as well as famous Mongolian-language (Qalmaq) sources authored by Saghang Sechen and Ratnabhadra — with due regard of opinions expressed by J. Fischer, G. Lytkin, N. Aristov and others. Special attention is paid to modern studies on the history and toponymy of Kazakhstan. Key methods of historical research — the descriptive, historical comparative ones, and other generally accepted tools and approaches — have been employed. The descriptive method secures a deeper understanding of the route’s historical significance and cultural heritage, while the historical comparative one proves most helpful in reconstructing routes of the ‘Great Kalmyk Road’ via integrations of data from various sources for more complete and reliable historical contexts. *Results.* N. Witsen’s report narrates about the journey of one Qalmaq (Kalmyk) merchant from Khan Ayuka’s domains through Dzungaria to China, and thus provides a description of the route he was following. The latter comprises a number of toponyms and hydronyms of present-day Kazakhstan. So, this makes N. Witsen’s report of particular interest for the research of seventeenth-century Kazakhstan’s historical geography. *Conclusions.* The analysis of data from the examined work identifies some of the mentioned toponyms and outlines a branch of the ‘Great Kalmyk Road’ along which the Qalmaq merchant was travelling.

Keywords: Witsen, history, geography, Kazakhstan, seventeenth century, toponymy, hydronyms

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. IPH BR 21882416 ‘Historical Geography of Central Asia’.

For citation: Atygayev N. A., Ilyassova Z. S. The Journey of a Kalmyk / Qalmaq Merchant through Seventeenth-Century Kazakhstan. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 797–806. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-797-806

1. Введение

В 1692 г. в Амстердаме был опубликован объемный (660 стр.) научный труд под названием «Северная и Восточная Тартария» (“Northern and Eastern Tartary”). Данный труд является одним из ранних западноевропейских трудов по истории и культуре народов азиатской части Евразии и до сегодняшнего дня считается важным историческим источником. Его автором был купец, путешественник, ученый и политик из Нидерландов Николаас Витсен.

2. Автор и его труд

Николаас Витсен родился в 1641 г. в семье Корнелиуса Витсена, выходца из купеческого рода Амстердама, юриста с ученой степенью, члена муниципалитета, руководителя Голландской Ост-Индской компании. Учился в Амстердаме в знаменитой школе «Athenaeum Illustre» (или «Amsterdamse Atheneum»), где изучал математику, астрономию и философию. В 1663 г. в возрасте 22 лет Н. Витсен переехал в Лейден и стал изучать правоведение и философию в местном университете. Через год 11 июля 1664 г. он защитил диссертацию по правоведению и получил диплом доктора права. Согласно существовавшей в то время в Нидерландах традиции, образование полагалось завершить путешествием, и в 1664–1665 гг. Н. Витсен совершил путешествие в Россию в свите нидерландского посольства Якоба Борейля. В 1666–1667 гг. он также совершил путешествие во Францию и Италию. В период между 1672 г. и 1707 г. Н. Витсен входил в немногочисленную группу регентов, которые управляли Амстердамом и одновременно оказывали большое влияние на правительство Республики соединенных провинций Нидерландов. После 1693 г. он стал также одним из управляющих самой

большой в то время торговой организации в мире — Голландской Ост-Индской компании. Н. Витсен избирался также бургомистром Амстердама 13 раз (с 1682 г. по 1706 г.), 11 раз назначался казначеем города, был депутатом нидерландского парламента, ездил с дипломатической миссией в Англию. В 1697–1698 гг. он сопровождал Петра I в его поездке по Нидерландам и до конца жизни поддерживал с ним дружеские отношения. Н. Витсен считался одним из признанных специалистов по России и много сделал для развития дружественных дипломатических связей между двумя странами. Немаловажную роль он сыграл в истории Европы, поддерживая Россию в период Северной войны (1700–1721 гг.) [[Витсен 1996: 5–13](#); [Витсен 2010: 35](#)].

Н. Витсен умер 10 (21) августа 1717 г. Присутствовавший на панихиде Петр I, сказал, что потерял одного из лучших своих друзей в Нидерландах [[Витсен 1996: 5–13](#); [История Казахстана 2006: 6](#); [Витсен 2010: 35](#)].

Научные интересы Н. Витсена на многие десятилетия определила его поездка в Россию в 1664–1665 гг. Огромная область называемая «Тартария», а в современной традиции — Центральная, или Внутренняя, Евразия, привлекла особое внимание ученого-любителя, и сбор информации о ней и живших в ней народах стал его делом, которым он занимался до самой смерти в 1717 г. Свой выбор Н. Витсен объяснил так: «Я избрал [для описания] северные и восточные части Азии и Европы, как наименее изученные. Знания о них настолько смутные, что границы Тартарии едва известны в Европе по названию и местоположению. Такие могучие завоеватели, как Чингис-хан, Тамерлан и другие, не уступавшие в величии и военной славе Александру или Цеза-

рю и вышедшие из стран Тартарии, покорили Азию от Сины до Константинополя и в XII в. сеяли ужас по всей Европе» [Витсен 2010: IX].

В 1687 г. Н. Витсен создал большую карту Тартарии, а подготовленная им в 1692 г. книга «Северная и Восточная Тартария» являлась своеобразным обширным и очень подробным комментарием к данной карте [Витсен 2010: 35].

Во время путешествия в Россию Н. Витсен вел дневник, в который записывал свои встречи и заинтересовавшие его факты, делал заметки собранных им у разных очевидцев историко-географических материалов о народах Тартарии, а также разные зарисовки [Витсен 1996: 5–13; История Казахстана 2006: 6; Витсен 2010: 35]. Эти записи легли в основу книги «Северная и Восточная Тартария».

Н. Витсен был одним из управляющих Ост-Индской компании и имел доступ практически ко всей информации, доходившей до Амстердама из Азии. К тому же, являясь очень состоятельным человеком, он покупал информацию и, по собственным словам, потратил на это много тысяч гульденов. Н. Витсен впервые в западноевропейской науке широко использовал русские источники [Витсен 2010: 37–41].

Таким образом, результате 25-летней работы нидерландскому ученому удалось собрать исторические, этнографические данные о многих народах, населявших интересующий регион в древности и средневековье, а также географические сведения. Эти данные были дополнены собственными наблюдениями автора и изданы в виде книги. Еще чуть более 10 лет Н. Витсен посвятил доработке своего труда, и в 1705 г. вышло новое, переработанное и дополненное (почти в тысячу страниц текста, более ста иллюстраций и карт) издание «Северной и Восточной Тартарии» [Noord 1705; Витсен 2010: 35]. Однако и первое, и второе издание труда Н. Витсена, в книжную торговлю не поступили [Витсен 2010: 42]. Третье издание труда «Северная и Восточная Тартария» вышло уже после смерти автора в 1785 г. [Витсен 1996: 5–13].

Труд Н. Витсена — объемный компилятивный труд, наполненный огромным количеством информации о Внутренней Евразии, собранной из различных источников. Часть информации даже не была переработана автором. Но «...именно Витсен первым из современников предоставил конкретную и обширную информацию об определенном регионе, обычаях населявшего его народа и его языке» [Витсен 2010: 41].

Несмотря на важность труда Н. Витсена для исследования истории тюркоязычных народов Центральной Азии, долгое время в казахстанской науке данные «Северной и Восточной Тартарии» не привлекались для изучения истории Казахстана и казахского народа. Это было связано с тем, что не было переводов книги на русский или казахский языки и практически отсутствовали медиевисты со знанием ранненовоголландского языка. Только в 2006 г. в Казахстане, в рамках Госпрограммы «Мәдени мұра» («Культурное наследие»), учитывая значение труда для казахской истории, был опубликован в переводе А. П. Евдокимовой раздел труда Н. Витсена, который непосредственно относился к древней и средневековой истории Казахстана [История Казахстана 2006]. Осуществленная в 2010 г. нидерландскими и российскими учеными публикация трехтомного издания «Северной и Восточной Тартарии» на русском языке [Витсен 2010] сделала доступной для исследования данный важный источник.

3. Материалы и методы

Основными материалами для исследования стали историко-географические сведения известного труда западной историографии — «Северная и Восточная Тартария» нидерландского ученого Николааса Витсена. Данные Н. Витсена были сопоставлены с материалами других средневековых исторических источников. Прежде всего это документы русских посольств, участники которых пересекали степи современного Казахстана в XVI–XVIII вв., а также сведения известных монголоязычных («калмакских») источников, трудов Саган-Сэцена, Раднабхадры. Авторами также учтены высказанные в историографии мне-

ния таких исследователей, как И. Э. Фишер, Ю. С. Лыткин, Н. А. Аристов и др. Не остались без внимания и современные научные труды по истории и топонимике Казахстана. В исследовании применяются основные методы исторического исследования: описательный, историко-сравнительный и другие общепринятые научные методы и подходы. Использование описательного метода позволяет глубже понять историческое значение и культурное наследие данного пути. Историко-сравнительный метод играет ключевую роль в реконструкции маршрутов «Большой калмыцкой дороги», позволяя интегрировать данные из различных источников для создания более полного и достоверного исторического контекста.

4. Большая калмыцкая дорога

В труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» содержатся многочисленные материалы по древней и средневековой истории Казахстана, истории казахского народа. Важны также его сведения по исторической географии Казахстана. В частности представляет интерес сообщение Н. Витсена о путешествии через территорию Казахстана одного «калмацкого» (калмыцкого) купца. В данном сообщении указывается маршрут его передвижения, в котором отмечены ряд топонимов, гидронимов Казахстана. Данные сведения Н. Витсена представляют интерес для реконструкции ответвления «Большой калмыцкой дороги». Под данным названием известна «сильно протяженная в широтном и меридиональном направлениях трансрегиональная сухопутная трасса, соединявшая регион междуречья Волги и Урала с Чу-Таласским междуречьем и бассейном верхнего течения Или» [Краткий словарь 2014: 103–104; Историко-культурный атлас 2011: 152].

4.1. По западу Казахстана

По словам Н. Витсена, этот «калмацкий» купец находился в 1684 г. в городе Исфahan, столице государства Сефевидов. Он служил у узбекского посла, которого послал глава калмыков-торгутов Аюка-хан. В это время сам Аюка-хан, по сообщению Н. Витсена, жил на полуострове (автор на-

зывает его островом) Мангышлак («Мин Кислаке»). Здесь в Мангышлаке находилась «главная и обычная зимняя столица Айюки...» [Витсен 2010: 450]. Этот купец-калмак совершил путешествие от Мангышлака, «острова в Каспийском море, до Синской стены», т. е. до Великой китайской стены. Весть этот путь у него занял почти 6 месяцев. И на этом пути калмацкий купец «не встречал городов, а только пустоши, палатки и почти незаселенную землю...» [Витсен 2010: 450; Noord 1705: 365]. Некоторые указанные в труде Н. Витсена топонимы легко узнаваемы. Это в большей части гидронимы, названия рек, протекающих по современной территории Казахстана. Другие упомянутые Н. Витсеном топонимы попробуем в данной работе идентифицировать.

Как уже отмечено начальной точкой движения «калмацкого» купца был полуостров Мангышлак, расположенный на юго-западе современного Казахстана. Из районов Мангышлака он прошел 20 дней пути и добрался до «Дзима» („Dsiem“)» [Витсен 2010: 450; Noord 1705: 365]. Однако Н. Витсен в другом месте своего труда уточняет: «Он начал свой путь с места, которое называют Миак, или Мниг („Miak of Mnig“), и считал отсюда два дня езды до Джима („Dziem“)» [Витсен 2010: 533; Noord 1705: 435]. Трудно идентифицировать данный топоним, возможно, «Миак» или «Мниг» искаженное от «Минг», под которым известна одна из родоплеменных групп 92 узбекских племен илатия.

Под названием «Dsiem», очевидно, подразумевается крупная водная артерия западного Казахстана — река Жем, которая протекает по территории Актюбинской и Атырауской областей. Данная река фигурирует и в русских исторических источниках средневековья. Так в географическом труде начала XVII в. — «Книге Большому Чертежу» она названа рекой Гем, а в одном из списков этой «Книги» дается следующее пояснение: «а по-русски — Емба» [Краткий словарь 2014: 167].

Гидроним «Емь» («Жем») часто упоминается в материалах Посольского приказа XV–XVII вв. [История Казахстана 2005: 39–40, 67, 88, 124].

От реки Жем «до Йилгаса („Jelgaaz“, Jilgaas), где надо пересечь большую воду», купец добрался за 15 дней [Витсен 2010: 450, 533; Noord 1705: 365, 435]. Под отмеченным здесь топонимом «Jelgaaz»/«Jilgaas» угадывается река Ирғиз (каз. *Ырғыз*), которая является правым притоком реки Тургай (каз. *Торғай*) в Актюбинской области Казахстана [Казахстан 2006: 455].

Сама река Тургай (каз. *Торғай*), которая протекает в Костанайской и Актюбинской областях Казахстана [Краткий словарь 2014: 398], также упоминается у Н. Витсена, однако расстояние между Тургаем и Ирғизом в книге не указывается. Отмечается, что «он забыл, сколько» [Витсен 2010: 450, 533; Noord 1705: 365, 435].

4.2. По Центральному Казахстану

Согласно «Северной и Восточной Тартарии» Н. Витсена, следующий на пути купца пункт, который лежал в 10 днях пути от Торгая, — «Милантсий» («Milantsji») [Витсен 2010: 450; Noord 1705: 365]. Однако в другом месте данного труда этот топоним назван «Иланчи» («Ilaantsji») [Витсен 2010: 533; Noord 1705: 435]. Тем самым загадочный «Милантсий» оказывается рекой «Иланчи» или «Жыланшык» (каз. *Жыланшық*), протекающей по Костанайской и Карагандинской областям. Река «образуется при слиянии рек Дулыгалы-Жыланшык и Улькен-Жыланшык, берущих начало в горах Улытау (Казахский мелкосопочник); впадает в бессточное озеро Акколь» [Краткий словарь 2014: 186]. Река «Иланчюк» упоминается в отписке русского посла А. Пивова, который сообщал о кочевании в 1604 г. в этом районе ногайского мирзы Иштерека [История Казахстана 2005: 216].

Следующим местом остановки «калмацкого» купца названа местность «Локтан» («Loktan»), который располагался в 10 днях от Милантсий (Жыланшыка) и 5 днях от Чарасу («Tsjarasu») [Витсен 2010: 450; Noord 1705: 365]. В другом месте своего труда Н. Витсен название данного топонима передал как «Локтау» («Loktau») и указал, что он находится на расстоянии 5 дней пути от Жыланшыка и 10 дней от Сарысу («Siarasoe») [Витсен 2010: 533; Noord 1705: 435]. Из

данного сообщения мы видим, что Чарасу («Tsjarasu») — это искаженное название реки Сарысу, которая течет по территории четырех современных областей Казахстана: Туркестанской, Кызылординской, Карагандинской и Улытауской.

Гидроним «Сарысу» («Желтая река») неоднократно упоминается в русских документах XVII–XVIII вв. Так, в «Книге Большому Чертежу» он передан в форме «Сарсу» [История Казахстана 2005: 369, 372]. В других документах встречаются написание «Сарысу», «Сарысуя» или в русском переводе «Желтая река» [История Казахстана 2005: 382, 386–387, 409, 412, 426].

Из сообщения Н. Витсена следует также, что эта местность «Локтан» находилась между реками Жыланшык и Сарысу. Поэтому «Локтан» (Локтау) должен был находиться в Карагандинской или Улытауской области. Данный топоним, на наш взгляд, является искаженным названием горы Улытау.

Ороним «Улытау» (каз. *Ұлытау*) обозначает собой невысокие горы, но, несмотря на это, название переводится с казахского языка как «Великая гора», так как как народ вкладывает в это название смысл «почитаемая» гора [Казахстан 2006: 427–428]. Улытау также неоднократно упоминается в русских документах XVII–XVIII вв. Так, в «Книге Большому Чертежу» ороним назван «Улутова гора». Указывается: «...гора Улутова, по нашему Великая гора, а в ней олово» [История Казахстана 2005: 369, 372]. Встречается Улытау в документах русских посольств в Казахское ханство. Русский посол Ф. Скибин и казак В. Кобяков, которые посетили казахского правителя Тауке-хана в городе Туркестане в конце XVII в., указывают его в форме «камень Улутау», «гора Улутова» [История Казахстана 2005: 381, 430].

От Улытау дорога шла в Сарысу, от Сарысу в 5 днях пути находилась местность, названная Н. Витсеном «Исхил» («Ischiel») [Витсен 2010: 450; Noord 1705: 365]. В другом месте он пишет название данного топонима как «Isgiel», которое В. Г. Трисман передала как «Ишил» [Витсен 2010: 533; Noord 1705: 435]. Под этим названием легко угадывается река Есиль (Ишим), которая является притоком р. Иртыш и протекает по терри-

тории Карагандинской, Акмолинской, Северо-Казахстанской областей Казахстана. О том, что Улытау находится недалеко от реки Ишим, говорится в документах русских посольств. Так, казак В. Кобяков на допросе в Сибирском приказе говорил: «...из Тоболска ехали, что через Ишим реку в каменю на правой стороне. А камень прозвание Улутау...» [История Казахстана 2005: 430].

От реки Есиль калмацкий купец, пройдя 4 дня пути, достиг местности «Каслох» / «Казлок» («Kasloh» / «Khaazlokh») [Витсен 2010: 450, 533; Noord 1705: 365, 435]. Данный топоним требует идентификации. Сообщается, что от «Исхила до Каслоха» 4 дня пути, а от «Каслоха до Булане» 6 дней [Витсен 2010: 450; Noord 1705: 365]. Некоторые исследователи предполагают, что здесь речь идет о местности Хасурук, которая встречается в монгольских источниках XVII–XVIII вв. Так, в труде средневекового монгольского историка Саган-Сэцэна в связи с событиями 1573 г. указана местность «Хассурук» («Nitsügün Chassuluk», «die Gegend Chassuluk») [Geschichte 1829: 215]. Топоним «Хасурук» встречается и в биографии Зая-пандиты. Сообщается, что в 1643 г. Зая-пандита «зимовал в Хасурук у Кундолон-убаши» [Раднабхадра 1999: 57].

«Определение местности Хасурук важно для истории; я не нашел его ни во 2-м томе „Землеведения Азии“ Риттера, ни на картах, у меня имеющихся», — пишет в «Материалах для истории ойратов» Ю. В. Лыткин. При этом он указывает: «По русским источникам Хасурук или Каслик известен с 1641 года, о котором в труде Фишера „Истории Сибири“ на страницах 418 и 419 читаем: „Некоторые тобольские козаки, посланные к некоему тайше, по возвращении привели всех в страх, объявляя, что в местечке Каслике собралось много калмыцких тайшей, которые имели до 100.000 войска, но старались скрывать свои умысления, однако это был простой слух“» [Лыткин 2003]. Действительно И. Э. Фишер в своем труде «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» (1774) писал о местности Каслик [Сибирская история 1774: 418], однако из текста следует, что эта местность нахо-

дилась не так далеко от Тобольска, так как, услышав о «калмакском» войске, крестьяне, проживавшие у Иртыша, бежали в города. Поэтому, на наш взгляд, «Каслик» И. Э. Фишера не имеет отношения к упоминаемому Н. Витсеном топониму «Каслох» / «Казлок».

Отождествление «Каслох» / «Казлок» с «Хасулуком» считаем ошибочным. Согласно биографии Зая-пандиты, он зиму 1642 г. провел у Очирту-тайджи в Бугаше, в 1643 г. зимовал у Кундолон-убаши в «Хосулуке», а лето 1643 г. провел в районе рек «Куксли», «Баханас», «Лэбши» и «Хара-Тал» [Раднабхадра 1999: 57]. Все упоминаемые здесь топонимы (гидронимы) находятся не в Центральном Казахстане, а в Жетысу и в современной Абайской области. Реки Бугаш (Богас), Куксли (Коксала), Баханас (Баканас) текут в Абайской области, а Лэбши (Лепсы) и Хара-Тал (Каратал) — в Жетысуской области. Поэтому, на наш взгляд, правильнее будет искать местность «Хосурук» в Жетысу.

Известный русский исследователь до-революционного периода Н. А. Аристов, указывая, что местность Хосурук находится севернее Тянь-Шаня и к западу от Алтая, отождествил его с горой Казалык в верховьях Нуры [Аристов 2001: 403]. Вероятно, он прав, что «Каслох» / «Казлок» Н. Витсена и есть горы Каркаралы, Ку, Кент, расположенные в Центральном Казахстане. Они хорошо известны у казахов под названием «Үш қазылық таулары» [Артықбаев 2000: 7].

4.3. По Юго-Восточному Казахстану

Интерес также представляет упоминаемый Н. Витсеном топоним «Булане» («Bulane» / «Boelane»). В его труде сообщается, что от «Булане» до следующего пункта маршрута купца ««Карбокатая» 10 дней пути [Витсен 2010: 450, 533; Noord 1705: 365, 435].

Здесь можно высказать два предположения. Первое, что под топонимом «Булане» подразумевается река Буланты (каз. *Бұланты*), которое протекает по Карагандинской области Казахстана [Краткий словарь 2014: 115]. Однако, на наш взгляд, более вероятно, что «Булане» — это упоминаемая не-

сколько раз в биографии Зая-пандиты река Буланай. В этом историческом источнике содержится следующее сообщение: «Сделав вместо себя правителями [шабинаров] Нойон-гэлуна и Буду, летом года курицы [1681.— Н. А., 3. II.] [Эрхэ-цорджи с караваном] из Хара-Бута, что возле [рек] Буланай и Зари (Чарын), отправился в Тибет» [Раднабхадра 1999: 101]. Как видно из данного сообщения, река Буланай находилась рядом с рекой Зари (Чарын), которая расположена в Жетысу. Относительно расположения топонима «Хара-Бута» имеются в этом источнике следующие сведения: «Зимовал же (Зая-пандита. — Н. А., 3. II) в Хара-Бута ниже по течению от сумэ на [реке] Боро-Тала» [Раднабхадра 1999: 61]. Далее указывается также, что «Хара-Бута» находится «в верховьях [реки] Айгуши (Аягуз)» [Раднабхадра 1999: 79].

«Усун-Худжирту» — еще один топоним для выяснения месторасположения реки Буланай. В биографии Зая-пандиты несколько раз говорится, что [урочище] Усун-Худжирту расположен на Буланай [Раднабхадра 1999: 55, 73, 75, 87, 101]. Однако в источнике есть еще указание, что «...[урочище] Усун-Худжир на [реке] Зари (Чарын)» [Раднабхадра 1999: 96]. Из этих сведений можно высказать предположение, что река Буланай находилась севернее Чарына, западнее Боротала (КНР) и южнее реки Аягуз. На наш взгляд, Буланай — это современная река Усек, протекающая по территории Юго-Восточного Казахстана.

Следующий отмеченный на пути калмацкого купца Н. Витсеном топоним «Карбокатай» («Karbokatai» / «Karbo-katau»). Это наиболее восточный топоним в Казахстане. От него, согласно труду «Северная и Восточная Тартария», 90 дней «до Стены», «еще три месяца пути, где встречаются черные палатки кочующих пастухов, до страны Сины, или Катая, к месту, которое он назвал Куту-котен, где есть перешеек между горами и ворота, с входом и выходом, в Сину и из Сины» [Витсен 2010: 450, 533; Noord 1705: 365, 435]. Как видим, «Карбокатай» предстает как некий пограничный пункт между двумя крупными областями.

Вероятно, «Карбокатай» — искаженное от «Тарбагатай», известного горного хребта, расположенного на востоке Казахстана [Краткий словарь 2014: 383]. Возможно, в опубликованном тексте труда Н. Витсена произошла замена буквы «Т» на «К». Такие примеры встречается в тексте «Северной и Восточной Тартарии». Так, например, в данном труде говорится об известном эмире Тимуре (у Н. Витсена — «великий Тамерлан»), «которого русские называли Кимераксак, что значит железноногий, потому что у него был физический недостаток: одна нога короче другой» [Витсен 2010: 428]. Как видим, слово «Темир» («железо») в тексте книги передано как «Кимер», тюркское слово *ақсақ* (аксак) означает «хромой».

Топоним «Тарбагатай» встречается дважды в биографии Зая-пандиты, написанной Раднабхадрой. В первом случае говорится, что в 1638 г. Зая-пандита, выехав из Тибета, перезимовал на склонах Тарбагатай на землях Очирту-тайджи [Раднабхадра 1999: 55]. Во втором случае сообщается: «Мать Цэцэн-хана Гунджи-хатун, возвратившись из Тибета, прибыла в Улан-Бура в [предгорьях] Тарбагатай. Главный нутук, [находившийся] на [реке] Или, перейдя налегке через [перевал] Талки, вступил в тарбагатайское Улан-Бура и встретил [ее]» [Раднабхадра 1999: 60]. И в этом случае мы видим, что Тарбагатай служил пограничным пунктом между Джунгарией и Тибетом.

5. Заключение

В труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» содержится материал, который позволяет реконструировать один из маршрутов «Большой калмыцкой дороги», проходившей по территории Казахстана в XVII–XVIII вв. и соединявшей калмыков Аюки-хана с Джунгарским ханством и далее — с Китаем и Тибетом. Итак, мы предполагаем, что этот маршрут начинался на Мангышлаке, шел на север до реки Жем, далее на восток до реки Ирғыз (каз. *Ырғыз*), затем до реки Турғай (каз. *Торғай*), далее пересекая Жыланшык доходил до гор Улытау. Затем дорога шла до реки Сарысу, Есиль, далее на юго-восток к горам Каркаралы, затем

по земле Жетысу до небольшой реки Усек и далее на северо-восток до Тарбагатайских гор. Оттуда шел маршрут в Китай. Это был путь, который пересекал владения казахов и поэтому не всегда обеспечивал безопасность путешественников, но функционировал в конце в XVII – начале XVIII в., что мы видим из сведения, собранного западноевропейским ученым Н. Витсеном. В целом труд Н. Витсена «Северная и Восточ-

ная Тартария» представляет собой важный письменный памятник, содержащий сведения по истории и исторической географии древнего и средневекового Казахстана. Дальнейшее изучение и анализ этих сведений казахстанскими учеными является важной задачей отечественной науки, которая будет способствовать лучшему пониманию истории и исторической географии региона в указанный период.

Литература

- Аристов 2001 — *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.
- Артыкбаев 2000 — *Артыкбаев Ж.* Сарыарка шежіресі (= Летопись Сарыарки) // Орталық Қазақстан. 2000. 21 қазан. С. 7
- Витсен 1996 — *Витсен Николаас.* Путешествие в Московию, 1664–1665. Дневник / пер. со староголланд. В. Г. Трисман. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с.
- Витсен 2010 — *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / ред. и науч. рук. Н. П. Копанева, Б. Наарден; пер. с гол. яз. В. Г. Трисман. В 3 тт. Т. 1. Амстердам: Regasus, 2010. XXIII, 621 с., [2] л. ил.: ил., карты, портр.
- Историко-культурный атлас 2011 — Историко-культурный атлас казахского народа: коллективная монография. Алматы: Print-S, 2011. 300 с. + 54 с. карт + 24 с. вкл.
- История Казахстана 2005 — История Казахстана в русских источниках. Т. I: Посольские материалы Русского государства [XVI–XVII вв.] / сост., транскрипция скорописи, спец. редактирование текстов, вступ. ст., коммент., сост. словников указателей А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
- История Казахстана 2006 — История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Немецкие исследователи в Казахстане. Часть 2 / пер. с ранненовоголл. А. П. Евдокимова; пер. с нем. Л. И. Быковской; сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006. 312 с.
- Казахстан 2006 — Казахстан. Национальная энциклопедия. Т. 5: С–Я. Алмата: Казахская энциклопедия, 2006. 558 с.
- Краткий словарь 2014 — Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / сост. И. В. Ерофеева. Алматы: ТОО «WorkLine», 2014. 528 с.

References

- Aristov N. A. The Wusun and the Kyrgyz (or Kara-Kyrgyz): Essays on History and Household Life of People Inhabiting the Western Tian Shan, and Studies in the Latter's Historical Geography. Bishkek: Ilim, 2001. 582 p. (In Russ.)
- Artykbayev Zh. Chronicles of the Saryarqa. *Ortalyq Qazaqstan*. 2000, October 21. P. 7. (In Kaz.)
- Witsen N. Travel to Muscovy, 1664–1665: Diary Notes. V. Trisman (transl.). St. Petersburg: Symposium, 1996. 272 p. (In Russ.)
- Witsen N. North and East Tartary. N. Kopaneva, B. Naarden (eds.); V. Trisman (transl.). In 3 vols. Amsterdam: Regasus, 2010. Vol. 1. XXIII, 621 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (ed.) Atlas of Kazakh History and Culture. Joint monograph. Almaty: Print-S, 2011. 300+54+24 p. (In Russ.)
- Isin A. (comp., ed.) History of Kazakhstan from Russian Sources. Vol. 1: Tsardom of Russia and Its Ambassadorial Materials, Sixteenth–Seventeenth Centuries. Almaty: Daik-Press, 2005. 704 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.) History of Kazakhstan from Western Sources, Twelfth to Twentieth Centuries. German Researchers in Kazakhstan. Pt. 2. A. Yevdokimov, L. Bykovskaya (transl.). Almaty: Sanat, 2006. 312 p. (In Russ.)
- Ayagan B. (ed.) Kazakhstan: National Encyclopedia. Vol. 5: C–Я. Almaty: Kazakh Encyclopedia, 2006. 558 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.) Historical Toponyms of Kazakhstan: A Concise Encyclopedic Dictionary. Almaty: WorkLine, 2014. 528 p. (In Russ.)

- Лыткин 2003 — *Лыткин Г. С. Примечания // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 475 с.*
- Раднабхадра 1999 — *Раднабхадра. Лунный свет: История рабдхам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслитерация текста, предисловие, примечания и указатели А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.*
- Сибирская история 1774 — *Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии наук и профессором древностей и истории, так же членом Исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. СПб.: Имп. Акад. наук, 1774. [2], 631 с., [2] л. к.*
- Geschichte 1829 — *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses / Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem mongolischen übersetzt, und mit dem originaltexte, nebst anmerkungen, erläuterungen und citaten aus andern unedirten originalwerken herausgegeben von Issac Jacob Schmidt. St. Petersburg: Gedruckt bei N. Gretsche. Leipzig: Carl Cnobloch, 1829. 509.*
- Noord 1705 — *Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschryving van verscheidene tartersche en nabuurige gewesten in de noorder en oostelykste deelen van Aziën en Europa Zedert nauwkeurig onderzoek van veele Jaaren, en eigen ondervinding ontworpen, beschreven, geteekent, en in't licht gegeven / Door m-r Nicolaas Witsen; Nieuwe uitgaaf Verrykt met een Inleiding tot het werk. Amsterdam: By M. Schalekamp, 1705. [20], XXV, [1], 503, [1] с., [56] л. ил., карт., портр.: ил.*
- Lytkin G. S. Notes. In: Badmaev A. V. (comp.) *The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Narratives. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 475 p. (In Russ.)*
- Ratnabhadra. *The Moonlight: The Story of Rabjampa Zaya Pandita. Facsimile of manuscript. G. Rumyantsev (transl.), A. Sazykin (transl., foreword, comment., etc.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)*
- Fischer J. E. *History of Siberia: From Its Discovery to the Russian Conquest. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1774. [2], 631 p. (In Russ.)*
- Chungtaidschi S. S. (Saghang Sechen). *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. I. J. Schmidt (transl., comment., etc.). St. Petersburg: N. Gretsche; Leipzig: C. Cnobloch, 1829. 509 p. (In Germ.)*
- Witsen N. *Noord en oost Tartaryen: behelzende eene beschryving van verscheidene Tartersche en nabuurige gewesten, in de noorder en oostelykste deelen van Aziën en Europa ... ontworpen, beschreven, geteekent, en in 't licht gegeven. Amsterdam: M. Schalekamp, 1705. [20], XXV, [1], 503, [1] p. (In Dutch)*

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 4, Pp. 807–821, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-807-821

Документы Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (1848–1867) как исторический источник по изучению организации деятельности государственного учреждения Калмыкии во второй половине XIX в.

Лариса Бадмаевна Манджикова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Манджикова Л. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Во второй половине XIX в. в Калмыцкой степи продолжался процесс интеграции калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему. В рассматриваемый период реализацию проведения административной реформы осуществляло Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ (1848–1867 гг.), деятельность которого регламентировалась «Положением об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. Документы, созданные в процессе деятельности вышеуказанного органа управления, вошли в состав архивного фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ (1832–1881 гг.)» Национального архива Республики Калмыкия. *Цель* исследования — изучить научно-справочный аппарат к фонду И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ», провести анализ состава и видов документов; выявить общие и отличительные черты в ведении делопроизводства во вновь созданном органе управления после внедрения в практику работы Положения 1847 г. и их источниковедческий потенциал в изучении истории госучреждений в дореволюционной Калмыкии. *Результаты.* Положением 1847 г. было введено четкое разграничение полномочий между губернской властью и калмыцкой элитой, в также урегулировано разделение полномочий в самом калмыцком управлении. В Положении 1847 г. конкретизированы направления деятельности структурных подразделений Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ, что оказало влияние на организацию работы органа управления калмыцким народом. Документы, созданные в процессе его деятельности, относятся к официальному делопроизводству, и их оформление соответствует нормативным требованиям того времени. Вошедшие в фонд И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» архивные документы являются ценными источниками по изучению истории местных государственных учреждений России в дореволюционный период, изменений в государственном устройстве Калмыкии. **Ключевые слова:** Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ, Положение 1847 г., делопроизводство, исторический источник, Калмыцкая степь, архивный фонд, опись, указатель, журнал

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект

«Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. Документы Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (1848–1867) как исторический источник по изучению организации деятельности государственного учреждения Калмыкии во второй половине XIX в. // *Oriental Studies*. Т. 17. № 4. С. 807–821. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-807-821

Investigating Kalmykia's Governance Arrangements, Mid-to-Late Nineteenth Century: Documents of Horde [Affairs] Department at Astrakhan Chamber of State Property (1848–1867) as a Historical Source

Larisa B. Mandzhikova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Mandzhikova L. B., 2024

Abstract. Introduction. The mid-to-late nineteenth century was witnessing further integration of Kalmyk Steppe and its society into the Russian state system. During the period under review, it was the Horde [Affairs] Department at Astrakhan Chamber of State Property (1848–1881) that became in charge of the administrative reform, with activities guided by the Kalmyk People's Governance Regulations of 23 April 1847. The agency's documents had compiled Collection II-6 ('Horde [Affairs] Department at Astrakhan Chamber of State Property, 1832–1881') at the National Archive of Kalmykia. **Goals.** The study seeks to investigate the reference apparatus to Collection II-6, analyze its structure and types of documents, identify common and distinctive features in record keeping at the newly created government body after the introduction of the 1847 Regulations, and the former's source potential for historical research of state institutions in prerevolutionary Kalmykia. **Results.** The Regulations of 1847 established a clear division of powers between the Governor's Office and Kalmyk elites, and sought to articulate certain division of powers in Kalmyk self-governance too. The Regulations specified directions of activity for structural units of the Horde [Affairs] Department, which had its impacts on workflow management essentials of the Kalmyk people's governing body. The documents that resulted from the latter's activities are related to official record keeping and their formatting patterns meet the requirements of that era. The archival documents included in Collection II-6 are a valuable source for further historical insights into how local public institutions in Russia would develop throughout the prerevolutionary period, and how Kalmykia's administrative structures would evolutionize accordingly.

Keywords: Horde [Affairs] Department at Astrakhan Chamber of State Property, Regulations of 1847, record keeping, historical source, Kalmyk Steppe, archival collection, catalogue, index, journal

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Mandzhikova L. B. Investigating Kalmykia's Governance Arrangements, Mid-to-Late Nineteenth Century: Documents of Horde [Affairs] Department at Astrakhan Chamber of State Property (1848–1867) as a Historical Source. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 807–821. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-807-821

1. Введение

Создание единой системы управления государством, вливание в его структуру национальных окраин привели к изменениям в российском обществе, в том числе и в Кал-

мыцкой степи. Однако эти перемены «фактически не затронули сложившуюся систему управления Калмыцкой степью» [Команджаев, Имирдыкова 2019: 188]. Интеграция социальных групп калмыцкого населения

продолжилась и завершилась во второй половине XIX в.

Проводимые реформы повлияли на совершенствование вопросов ведения делопроизводства в государственных учреждениях разных уровней: центральных, местных и инородческих. Развитие государственных учреждений в дореволюционной России подробно освещено Н. П. Ерошкиным в подготовленном им учебнике для студентов по специальности «Историко-архивоведение» и в других его научных трудах [Ерошкин 1968; Ерошкин 2008]. Данную тему также исследовали М. П. Илюшенко, Л. Е. Шепелев [Илюшенко 1993; Шепелев 2007]. Знание истории государственного учреждения, выполняемых ими функций и задач, законодательных и нормативных документов, регламентировавших их деятельность, способствовало изучению вопросов взаимодействия с другими ведомствами, способов передачи информации посредством письма и организации работы с ними. В рассматриваемый период назрела необходимость в установлении единых правил организации работы с документами. О результатах внедрения новых правил, появления новых видов документов, их назначения и внедрения в практику работы государственных учреждений в своих научных трудах писали В. С. Емельянова [Емельянова 2012], С. А. Глотова [Глотова 2014], Ю. Н. Красникова [Красникова 2022], Е. В. Шушунова [Шушунова 2012].

В ряде работ ученых Калмыкии исследовались государственный строй Калмыкии, его реформирование и влияние на организационную деятельность государственных органов по управлению калмыцким народом и др. [Горяев, Команджаев 2015; Команджаев Имирдыкова 2019; Лиджиева 2016; Максимов 1975; Максимов 2000; Максимов 2002; Максимов 2021; Мучеряева 2014]. В то же время отсутствуют фундаментальные труды по истории государственных учреждений Калмыкии, организации работы с документами в них за весь исторический период существования калмыцкой государственности в России. В калмыцкой историографии имеются отдельные работы, посвященные

вышеназванным темам [Бурчинова 1980; Лиджиева, Когданова 2018].

В своих исследовательских работах автор данной статьи представила результаты изучения архивных документов Комиссии калмыцких дел (далее — ККД) за 1825–1836 гг. и Совета астраханского калмыцкого управления (далее — САКУ) за 1836–1848 гг., их источниковедческом потенциале [Манджикова 2022а; Манджикова 2022б; Манджикова 2023а; Манджикова 2023б; Манджикова 2023в; Манджикова 2023г].

Исследование организации деятельности этих двух органов по управлению калмыцким народом показало, что порядок ведения делопроизводства и документооборота полностью соответствовали общероссийским требованиям организации работы с документами. Но имелись и особенности в ведении делопроизводства, связанные с тем, что калмыки имели свою письменность «тодо бичиг».

В рассматриваемый период в организации работы с документами произошли некоторые изменения, связанные с «оформлением системы попечительства», так как «отныне система попечительства распространялась на вопросы хозяйствования и быта и должна была осуществляться обязательно-приказным методом» [Команджаев, Имирдыкова 2019: 187]. Эти задачи призван был решить вновь созданный центральный орган по управлению калмыцким народом — Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ (далее — Ордынское отделение АГПИ), действовавшее в период с 1848 г. по 1867 г. Деятельность данного государственного органа регламентировалась «Положением об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. (далее — Положение 1847 г.). Текст положения опубликован в томе XXII части I Полного собрания законов Российской империи [Положение 1848: 349–372], в сборнике документов и материалов «Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв.» [Государственное 2009: 193–228].

В калмыцкой историографии недостаточно исследована тема истории создания и деятельности Ордынского отделения

АГПИ, лишь некоторые аспекты отражены в трудах ученых Калмыкии [История Калмыкии 2009; Бурчинова 1980; Максимов 2002]. Л. В. Оконова изучала сводные годовые отчеты Ордынского отделения АГПИ и сменившего его Управления калмыцким народом (1867–1917), содержащие сведения о повинностях калмыцкого народа за 1848–1892 гг., и выявила, что эти отчеты являются письменными источниками по изучению социально-демографической ситуации Калмыцкой степи [Оконова 2016: 1–10].

В справочном издании «Фонды Национального архива Республики Калмыкия 1713–1993» [Фонды 2002] имеются краткие сведения об истории создания Ордынского отделения, о видовом составе документов и тематике рассматриваемых вопросов. Их изучение позволит узнать историю завершающего этапа интеграции Калмыкии в общероссийское пространство во второй половине XIX в., выявить общие черты в организации работы с документами в целом по стране и особенности ведения делопроизводства в органе управления калмыцким народом в частности.

2. Материалы и методы

Материалами для изучения стал архивный фонд И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» (1832–1881 гг.) Национального архива Республики Калмыкия и имеющийся научно-справочный аппарат (НСА) к фонду. К ним относятся предисловие к описи, предисловие к указателю, в которых имеются сведения о структуре и функциях каждого структурного подразделения Ордынского отделения, о видовом составе документов. К НСА относятся и описи дел. Анализ состава и содержания документов, вошедших в архивный фонд, позволит исследовать историю государственного обустройства Калмыцкой степи во второй половине XIX в., причины создания Ордынского отделения АГПИ, направления его деятельности, порядок организации работы с документами.

В процессе изучения архивных документов применялись исторические методы исследования, такие как сравнительно-исторический, хронологический, а также

метод классификации, что позволило провести анализ, выявить, ввести в научный оборот новые данные и установить историческую ценность документов, созданных в период деятельности Ордынского отделения АГПИ.

3. О предпосылках образования Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (1848–1867 гг.) и организации его деятельности

До 1848 г., времени создания Ордынского отделения АГПИ, порядок управления Калмыцкой степью регламентировался «Положением об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. (далее — Положение 1834 г.), датой официального опубликования считается 28 декабря 1835 г. [Государственное 2009: 162–193]. По мнению астраханского военного губернатора И. С. Тимирязева, к этому времени в управлении калмыцким народом имелись недостатки, которые заключались в излишней бюрократизации в работе. Он не поддерживал и идею слияния калмыцкого управления с общегосударственным и «отстаивал позицию сохранения калмыцкого управления как самостоятельной структуры власти» [История Калмыкии 2009: 498].

Главный попечитель калмыцкого народа А. М. Фадеев придерживался другого мнения. Он аргументировал тем, что представители калмыцкой знати, привлеченные к управлению, не до конца понимали своей роли в управлении калмыцким народом, не знали российских законов и русского языка, и это осложняло их активное участие в управлении. И все же он считал целесообразным слияние калмыцкого управления с общегубернским [История Калмыкии 2009: 488–499].

Разрешение спорных вопросов, связанных с управлением калмыцким народом и определением новых путей развития Калмыцкой степи, было поручено сенатору князю П. П. Гагарину. Ревизия под руководством П. П. Гагарина провела тщательный анализ действовавшей формы правления калмыками и пришла к выводу о том, что коренные изменения в управлении калмыцким народом могут произойти только после

перехода калмыков к оседлому образу жизни. Российское правительство рассматривало переход калмыков на оседлый образ жизни как одно из основных условий для интеграции калмыцкого общества в общероссийское политическое и социокультурное пространство [История Калмыкии 2009: 503]. Но калмыки не были готовы к кардинальным изменениям в своей жизни, и российское руководство, приняв во внимание итоги проверки, мнения астраханского военного губернатора и Главного попечителя калмыцким народом, приняло решение «о нецелесообразности глубокого реформирования калмыцкого управления» [История Калмыкии 2009: 499].

С учетом принятого решения и имеющегося за последние 12 лет (с момента принятия Положения 1834 г.) опыта управления калмыцким народом, изменений в жизнедеятельности калмыков Министерство государственных имуществ (далее — МГИ) совместно Главным попечителем калмыцкого народа и с астраханским военным губернатором разработали проект нового положения, регулирующего деятельность органов власти по управлению калмыками. После процедуры рассмотрения проекта документа император Николай I высочайше утвердил «Положение об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. (далее — Положение 1847 г.).

Положение 1847 г. отличалось от Положения 1834 г. тем, что в новом положении были учтены изменения, «сообразные с местными потребностями и пользами калмыков» [Государственное 2009: 193].

Данное положение внесло изменение в действующую структуру управления. Высшим органом власти являлось МГИ, и Калмыцкая степь перешла в подчинение I Департамента МГИ [Лиджиева 2016: 91].

В Положении 1847 г. сказано, что «для производства дел по управлению калмыками учреждается при Астраханской палате государственных имуществ особое отделение, состоящее из советника, депутата от калмыцкого народа, чиновника по особым поручениям, делопроизводителя, бухгалтера, двух столоначальников, их помощников и нескольких писцов» [Государственное 2009: 208].

Следует подчеркнуть, что изначально подразделение, отвечавшее за ведение калмыцких дел, именовалось как Особое отделение при Астраханской палате государственных имуществ (АПГИ), что отмечала Л. С. Бурчинова, также приводившая разные наименования данного структурного подразделения:

1) АПГИ по Отделению ордынских народов;

2) Отделение ордынских народов АПГИ;

3) Ордынское отделение [Бурчинова 1980: 24–25].

В калмыцкой исторической науке к данному госоргану применяется наименование «Ордынское отделение АПГИ».

К Ордынскому отделению АПГИ перешли полномочия предыдущего органа управления, и предметами его ведения стали вопросы: «1) Устройства управления. 2) Народонаселение. 3) Благоустройство хурулов и вообще дела, относящиеся до веры. 4) Обнародование учреждений правительства, наблюдение за исполнением оных и за сохранением общественного порядка, спокойствия и безопасности. 5) Охранение прав калмыков, улучшение их нравственного и хозяйственного быта. 6) Дела по части врачебного благоустройства. 7) Дела по части продовольствия. 8) Устройство земель и угодий. 9) Поселение калмыков и особенно заселение больших дорог. 10) Исполнение повинностей» [Государственное 2009: 218].

Деятельностью Ордынского отделения руководил главный попечитель, который одновременно исполнял обязанности управляющего Астраханской палатой государственных имуществ. Штат сотрудников увеличился до 25 человек (ранее числилось 18 человек) за счет введения новых должностей: «советника, чиновника особых поручений, одного депутата от калмыцкого народа, врача, двух фельдшеров и ветеринара с помощником» [История Калмыкии 2009: 500].

Стоит подчеркнуть, что между калмыками и жителями соседних регионов периодически возникали споры. Для рассмотрения споров и судебных тяжб были введены должности депутатов от калмыцкой стороны в количестве 2 человек. Кроме того, в штатное расписание вводились следующие

должности: бухгалтер, делопроизводитель, два переводчика, писцы [История Калмыкии 2009: 500].

Ордынское отделение АПГИ состояло из следующих структурных подразделений, столов: 1 стол, 2 стол и бухгалтерия. Каждое подразделение возглавлялось столоначальником.

В Предисловии к описи И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» имеются следующие сведения о распределении обязанностей между столами:

– 1 стол отвечал за кадровые вопросы, выдачу документов (паспортов, свидетельств, билетов); проведение ревизий по делопроизводству всего управления, в том числе по духовным и судебным делам; проведение проверок о составе и передвижении населения Калмыцкой степи; вопросы ведения землепользования, скотоводческого хозяйства, здравоохранения, образования калмыков;

– 2 стол отвечал за вопросы, связанные с личными и имущественными правами нойонов и зайсангов; по опеке улусов и аймаков; за ведением следственных дел и о наложениях взысканий на должностных лиц.

– бухгалтерский стол отвечал за вопросы финансового обеспечения: расходы по содержанию аппарата управления; содержания Астраханского калмыцкого училища, улусных школ; денежные операции управления; оплату податей калмыками простолюдинами; выдачу пособий из сумм общественного калмыцкого капитала» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1].

Необходимо подчеркнуть, что вопросы заселения дорог, проходивших через Калмыцкую степь, рассматривались отдельно. Их рассматривала Комиссия при Главном попечителе, созданная в целях реализации Инструкции о заселении дорог от 30 декабря 1846 г. (20758) [Государственное 2009: 228]. В Комиссии организация работы с документами велась отдельно от общего делопроизводства [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–2об.; Бурчинова 1980: 25]. Документы данной Комиссии хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия в фонде И-7 «Канцелярия Главного попечителя калмыцкого наро-

да по заселению дорог». В архивном фонде числится 367 ед. хр. за 1836–1883 гг., 1893 г. [Фонды 2002: 30–31]. Документы данного фонда следует рассматривать как источник по изучению переселенческой политики в Калмыцкой степи и о переходе калмыков к оседлому образу жизни.

В Положении 1847 г. прописано, что «местное управление калмыками в улусах возлагается на улусные управления, а делами тяжёбыми и проступках заведывают улусные Зарго» [Государственное 2009: 207]. Улусные управления являлись средним звеном в структуре управления калмыцким народом. В каждом улусном управлении создавались канцелярии, которые подчинялись улусному попечителю. Штатная численность улусных управлений увеличилась за счет ввода в штат следующих специалистов: переводчиков, толмачей, письмоводителей и писцов. Кроме того, в каждом улусном управлении в штат вводились «три демчя, три присяжных ценовщиков и смешанная воинская команда из астраханских казаков и калмыков для выполнения полицейских и посыльных функций» [История Калмыкии 2009: 500]. Создание собственной канцелярии, увеличение численного состава улусных управлений до 51 человека способствовало созданию самостоятельной бюрократической структуры, приравненной по степени властных полномочий и порядку отчетности к правам окружных управлений МГИ [История Калмыкии 2009: 500].

К низовому звену в управлении калмыцким народом относится аймачное управление, принадлежавшее «родовому зайсангу, а за неимением его — аймачному старшине, в хотонах же — хотонному старосте» [Государственное 2009: 207].

С введением в действие Положения 1847 г. фактически было завершено формирование государственной системы управления калмыцким народом, которое практически существовало без значительных изменений вплоть до революции 1917 г. [История Калмыкии 2009: 503].

Таким образом, в делопроизводственных процессах Ордынского отделения участвовали все вышеназванные структуры управления и должностные лица. Созданные в про-

цессе деятельности документальные материалы вошли в состав архивного фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» (1832–1881 гг.).

4. Характеристика фонда И-6

Согласно учетным данным в данном архивном фонде числится 189 ед. хр. за 1832–1881 гг. Данные документы обработаны и внесены в опись 1 дел постоянного срока хранения.

Из Предисловия к описи фонда «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» можно почерпнуть сведения о фондообразователе: дата создания и ликвидации органа управления; структура и функции каждого структурного подразделения; виды отчетной документации, создаваемые в процессе деятельности Ордынского отделения.

Кроме того, в Предисловии имеются сведения о том, что в 1982 г. в ЦГА Калмыцкой АССР (ныне — Национальный архив Республики Калмыкия) была проведена работа по усовершенствованию описей, в результате которой были отредактированы заголовки дел, дела фонда подверглись систематизации и перешифровке. До 1982 г. числилось три описи по фонду И-6 (1, 1а, 2). Из учетных документов выяснено, что описи 1 и 1а были составлены в 1939 г., а опись 2 составлена позже. Вышеперечисленные описи являются первичными описями. После их усовершенствования на государственном учете состоит только опись 1, в которую в соответствии с архивными правилами 3 первичные описи (1, 1а и 2) включены под последними номерами:

— дело № 186 — «Опись дел Архива Калмыцкого управления (имеется ключ-указатель к делам)» за период с 20 октября 1836 г. по 12 декабря 1859 г.;

— дело № 187 — «Опись документов (имеется ключ-указатель к делам архива Управления калмыцким народом)» за период с 4 января 1836 г. по 29 декабря 1861 г.;

— дело № 188 — «Опись документальных материалов отделения ордынских народов» за 1832–1881 гг.

Из Предисловия к описи известно, что в 1981, 1988, 2004 гг. сотрудниками государ-

ственного архива проводились плановые проверки наличия дел, которые показали, что в фонде числится 189 ед. хр. за период с 1832 по 1881 гг., в том числе дело № 9а является литерным номером [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 2]. Однако в справочнике «Фонды Национального архива Республики Калмыкия. 1713–1993» [Фонды 2002: 27] ошибочно указано, что в фонде И-6 насчитывается 188 ед. хр. и период — с 1848 г. по 1881 г.

Вызывает интерес вопрос о разночтениях в учетных документах крайних дат документов, указанных в Предисловии и в справочнике. Правильными являются следующие даты:

— нижняя дата — 10.08.1832 г. (Д. 1) [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1];

— верхняя дата — 1881 г. (Д. 185) [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 185].

В архивном деле № 1 «Настольный реестр дел по Ордынскому отделению» указаны крайние даты — 10.08.1832–14.07.1854, из чего следует, что первый подшитый документ датирован 1832 г., хотя Ордынское отделение было создано в 1848 г. Данный факт можно объяснить тем, что в делопроизводственной практике работы канцелярских служащих допускалось применение методов продолжения ведения реестров на протяжении несколько лет. Напомним, что настольный реестр как вид документа — это делопроизводственный список, в котором фиксировались дата поступления дела, его порядковый номер, краткое описание содержания документа, производство по делу и окончание исполнения.

Не ясно, почему в состав фонда Ордынского отделения АПГИ, упраздненного в 1867 г., включены дела, принадлежавшие Управлению калмыцким народом (1867–1917), тем более что такой вид документа как формулярные списки чиновников, составлялись каждые полгода. За период с 1867 г. по 1881 г. в фонде находится 4 ед. хр. формулярных списков [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 179, 183, 184, 185].

В целях облегчения поиска необходимых дел в 2001 г. сотрудниками отдела научно-справочного аппарата Национального архива Республики Калмыкия был разра-

ботан предметный указатель к описи «без просмотра дел, ссылки в указателе даны к делам, но не к документам» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Предисловие к указателю. Л. 1]. В предисловии к указателю имеется запись о том, что «принцип построения указателя — предметный» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Предисловие к указателю. Л. 1].

Указатель представляет собой перечень видов документов, упоминаемых в описи расположенных в алфавитном порядке, с указанием крайних дат документов и номеров дел, в которых такие виды документы подшиты.

Таким образом, из научно-справочного аппарата в описи И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» можно узнать об истории фондообразователя, самого фонда и о составе документов, вошедших в него.

5. Сведения о видовом составе и содержании документов архивного фонда И-6

В рассматриваемый период делопроизводство в органах власти совершенствовалось и достигло значительных результатов. Количество видов документов увеличилось, за ними закрепились их функциональные назначения и порядок оформления.

Виды документов, их содержание напрямую зависит от функций и задач, выполняемых организацией, направлений ее деятельности, а также подчиненности. Так как Ордынское отделение являлось структурным подразделением Астраханской палаты государственных имуществ, ведение общего делопроизводства соответствовало порядку организации работы с документами, установленному в управлении государственных имуществ [Государственное 2009: 209]. Ввиду того, калмыки имели свою письменность «тодо бичиг», делопроизводство велось на двух языках. Для подготовки переводчиков и толмачей при АПГИ, согласно пункту 5 главы I Положения 1847 г., было учреждено училище [Государственное 2009: 194].

Согласно нормативным требованиям того времени, дела первоначально рассматривались на заседании общего присутствия палаты. В состав членов общего присут-

ствия палаты входили: главный попечитель, он же председатель; его помощник; советник; депутат от калмыков и один представитель от столоначальников. Вопросы, обсуждаемые на заседании, вносились в Журнал общего присутствия, являвшийся одним из обязательных видов документов делопроизводственной документации [Бурчинова 1980: 25]. В фонде И-6 числится 47 ед. хр. «Журналов общего присутствия» за 1848–1867 гг. Журналы общего присутствия довольно объемные, подшивалось, например, до 681 листа (Д. 177). Тексты написаны чернилами черного цвета на плотной бумаге размером 35 x 21 см, дела ветхие, края листов обветшалые. Такая же бумага применялась и ранее, у предшествующей организации — Комиссии калмыцких дел [Манджинова 2022а: 79].

Журналы изготовлены типографским способом. В верхней части по центру располагаются следующие данные:

1 строка – Журнал общего¹ присутствия;

2 строка – Астраханской Палаты Государственных Имуществ²

3 строка – _____ 18__ года.

4 строка – По _____ столу;

5 строка « _____ »

Отделения.

Ниже слева – № ____.

Далее напечатана таблица, состоящая из 3 столбцов: 1) «Нумера статей сподряд», 2) без названия и 3) «Когда исполнено».

Запись в Журналах начинается со слова «Слушали», дальше идет описание рассматриваемого вопроса и в конце подписи членов общего присутствия на русском и на калмыцком языке, дата и номер подписанного документа. В конце страницы написана должность и фамилия делопроизводителя. Если текст документа на одном листе, то данные сведения располагаются в конце страницы. Если же текст документа написан на нескольких листах, то должность и фамилия столоначальника написаны на каждой странице внизу справа по слогам. Например, в деле 6: на 1 листе — застоло; на 2 листе — начальника; на 3 — фамилия [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 6. Л. 227–229].

¹ Так в документе.

² Текст написан курсивом.

Журналы общего присутствия содержат те же данные, что и протоколы заседаний Комиссии калмыцких дел (ККД) и Совета астраханского калмыцкого управления (САКУ), но их оформления значительно разнятся (см. табл. 1).

Таблица 1. Журналы общего присутствия
[Table 1. Common attendance registers]

Комиссия калмыцких дел (ККД) 1825–1836 гг.	Совет астраханского калмыцкого управления (САКУ) 1836–1848 гг.	Ордынское отделение АПГИ 1848–1867 гг.
1. Велся протокол заседания	1. Велся протокол заседания	1. Велся Журнал общего присутствия
2. Подробное описание рассматриваемого вопроса, практически переписывание всех текстов входящих документов по вопросу	2. Сокращенное изложение документов, описание порядка прохождения документов по инстанциям и принятых ими решениях	2. Наименование вопроса (о чем), коротко о содержании документов, поступивших на рассмотрение
3. На заседании принимались решения и писали: «Комиссия положила»	3. На заседании принимали решения и писали: «Совет определил» или «Примечания к определению»	3. На заседании принимали решения о направлении «К высочайшему утверждению»

Кроме того, в самом Положении 1847 г., в пункте 104 регламентирован порядок сношений главного попечителя с вышестоящими органами и должностными лицами, согласно которому он «со всеми местами и лицами губернского управления и с начальником воинских отрядов и команд сносятся отношениями, а к начальнику Астраханской губернии входит с представлениями; с местами же и лицами, принадлежащими к высшему управлению, прямых сношений не имеет, а представляет Министерству государственных имуществ» [Государственное 2009: 208]. Из вышеизложенного следует, что главный попечитель не принимал решений, а направлял их на рассмотрение вышестоящих органов и должностных лиц.

В делопроизводстве калмыцкого управления велись реестры входящих и исходящих документов, изготовленных типографским способом. Титульные листы архивных дел «Реестры входящих документов»

оформлены следующим образом. В верхнем правом углу написан номер архивного фонда и наименование фондообразователя. В центральной части указан год, наименование реестра, крайние даты рассмотренных дел, количество листов. Так, например, в деле № 6 титульный лист оформлен следующим образом:

В правом верхнем углу: «Фонд № 6 Ордынское отделение АПГИ (общая часть)¹. По центру: «1850 год². Частный входящий реестр Астраханской Палаты Государственных Имуществ. По отделению Ордынских имуществ». Часть 1-я. Ниже справа указаны крайние даты документов: начало 29 декабря 1849 г., кончено 3 июля 1850 г.; на 418 лист[ах]³.

Данный журнал составлен в табличной форме и состоит из 7 столбцов (см. табл. 2).

Реестр исходящих документов схож по оформлению с входящим, но в таблице всего 4 столбца (см. табл. 3).

Таблица 2. Форма реестра входящих документов
[Table 2. Registration form for incoming documents]

Время вступления		Нумера по порядку вступления		Содержание бумаг	Расписка в получении бумаг	Какое дано движение бумаги
В Палату	В Отделение	По Палате	По Отделению			

¹ Написан от руки.

² Написан от руки.

³ От слова *Часть* и до слова *листов* текст написан от руки.

По объему количество листов значительно меньше, чем в реестре общего делопроизводства, доходит до 7 листов.

Следующим видом учетных документов являются настольный реестр, представляющий собой журнал, составленный в табличной форме (см. табл. 4).

Особенностью в составлении данного документа является то, что каждый рассматриваемый вопрос записывался с новой страницы.

В графе «Производство» дается краткое описание движения документов: кто рассматривал; кому сообщено о результатах

Таблица 3. Форма реестра исходящих документов
[Table 3. Registration form for outgoing documents]

№ бумаги по порядку	Время подписания бумаги	Краткое содержание бумаг	По какому отделению

Таблица 4. Форма реестра общего делопроизводства
[Table 4. Registration form for general document control]

№ дела	Когда началось	Содержание дел	Производство	Когда писано		Когда дело окончено
				Месяц	Чис[ло]	

рассмотрения дела; о дополнительно запрашиваемых данных или документах; о получении предложений, отношений, донесений и др. Если вопрос рассмотрен и вынесено решение, в конце делалась запись: «переписка по сему предмету посчитать конченной» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1. Л. 21].

В настольные реестры включались дела, заведенные в предшествующих органах по управлению калмыцким народом, находившиеся на рассмотрении и оконченные в делопроизводстве Ордынского отделения. Так, например, в архивное дело № 1 «Настольный реестр делам 2-го стола Астраханской Палаты Государственных Имуществ по Отделению Ордынских народов. 1854 года» вошли «оставшимся от 1832, 1836, 1845–1847, 1849–1853 гг.» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1]. В архивном деле № 6 «Настольный реестр делам 2-го стола Астраханской Палаты Государственных Имуществ по Отделению

Ордынских народов. 1855 года» вошли дела за «оставшимся от 1838, 1839, 1841, 1844, 1853 и 1854 гг.» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 6]. Данное дело составлено в табличной форме, но в отличие от других реестров и таблица, и записи написаны от руки.

Еще один вид журнала — это «Книги на записку статей журналов Астраханской Палаты Государственных Имуществ по Отделению Ордынских народов за 1850 год» (далее — Книга) [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 33], на 109 листах, также изготовлена типографским способом (см. табл. 5).

В данной книге велся учет записей о финансовой деятельности, о приходах и расходах. В Книге занесено 1 539 записей, в которых велся учет расходов: на выплату зарплаты, командировочные расходы, на содержание училища, покупку лекарств и канцелярских товаров и т. д. [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–104].

Таблица 5. Форма книги для записей статей журналов АПГИ
[Table 5. Records book (form) for APGI registry items]

№ по порядку	Когда состоялась записка	Содержание записки	Время разрешения по журналу или по резолюции Управляющего	Время исполнения

Ежегодно в Ордынском отделении составлялся «Отчет АПГИ по управлению калмыцким народом за 18__год», который состоял из оглавления; основной части, со-

державшей сведения по всем направлениям деятельности; приложений. В приложении представлены ведомости, содержащие сводные данные по всем сферам жизнедеятель-

ности населения Калмыцкой степи, в том числе о количестве: калмыцких владельцев и зайсангов, о народонаселении калмыков-простолюдинов, арестантов, домов и строений, о наличии скота, о числе выданных калмыкам билетов для найма в работы и свидетельства на отлучку из улуса и др.

Отдельно сформированы дела по кадровым вопросам. Это в первую очередь списки чиновников, представленных к повышению по службе за выслугу лет (Д. 13); о служ-

бе чиновников (Д. 125, 130, 131, 132, 133, 134, 135), а также формулярные списки, их в описи числится 18 ед. хр.

Интерес представляет дело № 29 «Дело о числе кибиток калмыков, подвластных мелкопоместным владельцам» за период с 29 июля 1850 г. по 25 ноября 1850 г., на 15 листах. В деле подшиты ведомости о числе кибиток мелкопоместных владельцев рода, аймака, зайсангов. Ведомости составлены в табличной форме и состоят из следующих столбцов (см. табл. 6).

Таблица 6. Ведомость о числе кибиток
[Table 6. Household (yurt) population register]

№№ по порядку	Имена родоначальников кибиток	№№ по порядку	Имена родоначальников кибиток
[1]	[2]	[3]	[4]

Необходимо отметить, что во 2-м столбце имена владельцев написаны на калмыцкой письменности, в а 4-м столбце — на русском. Данное архивное дело является источником по изучению генеалогии, исторической социологии и статистики.

В Ордынском отделении также рассматривались секретные дела, и они подлежали особому учету. Секретные документы регистрировались в «Реестре входящих бумаг по секретной части отделения» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 17, 18]. В данном деле прошито и пронумеровано порядка 419 листов за период с 29.12.1849 по 03.07.1850.

Реестры входящих бумаг с грифом «секретно» также изготовлены типографским способом. Обложки архивных дел зеленого цвета. На обложке «По части секретной. Входящий реестр Астраханской Палаты Государственных Имуществ по отделению ордынских народов. 1849 год» (Д. 17, 18). На титульном листе имеются те же данные, что и на титульном листе реестра общего производства. Отличие — в верхнем правом углу имеется гриф «Секретная часть». Виды входящих документов: рапорты, донесения, предложения, отношения. В дело вошли документы по переписке между Астраханским военным губернатором, заведующими Икицохуровским и Эркетеновским улусными управлениями, попечителями этих же улусов по вопросам, касающимся бежавших крестьян из Пензенской губернии и скрывающихся на территории калмыцких улусов.

В описи дел многократно встречаются такие виды документов, как отчеты (18 дел), реестры входящих (35 дел) и исходящих бумаг (5 дел), настольные реестры (11), дела о зайсангах (3 дела), о строительстве домов в улусах (10 дел), о назначении, перемещении и увольнении служащих (7 дел) и др.

Изучив видовой состав документов архивного фонда «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ», можно констатировать, что документы, созданные в процессе его деятельности, относятся к официальному делопроизводству, и их оформление соответствует нормативным требованиям того времени.

Архивные документы, вошедшие в фонд И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ», являются ценными источниками по изучению истории местных госучреждений России в дореволюционный период, изменений в государственном устройстве Калмыкии, деятельности Ордынского отделения АПГИ.

5. Заключение

С принятием «Положения об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. было создано Ордынское отделение АПГИ, деятельность которого была направлена на выполнение задач по формированию государственной системы управления калмыцким народом и по интеграции калмыцкого общества в общероссийскую систему управления.

Положением 1847 г. было введено четкое разграничение полномочий между губернской властью и калмыцкой элитой, в также урегулировал разделение полномочий в самом калмыцком управлении. В Положении 1847 г. конкретизированы направления деятельности структурных подразделений Ордынского отделения АПГИ, что, несомненно, оказало влияние на организацию работы органа управления калмыцким народом. Созданный архивистами Национального архива Республики Калмыкия научно-справочный аппарат к фонду И-6 «Ордынского отделения Астраханской

палаты государственных имуществ» позволил изучить видовой состав документов, созданных в процессе его деятельности, и сделать вывод о том, что ведение делопроизводства в органе управления калмыцким народом соответствовало действовавшим общероссийским нормам организации работы с документами, что документы являются историческими источниками по изучению вопросов государственного устройства Калмыкии, истории завершения многолетнего процесса вливания калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему управления.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Бурчинова 1980 — Бурчинова Л. С. Источниково-ведческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.) / отв. ред. Б. Г. Литвак, КНИИИФЭ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.
- Глотова 2014 — Глотова С. А. Возникновение и тенденции развития распорядительной документации в России в дореволюционный период // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Документалистика. Документоведение. Архивоведение». 2014. № 2(124). С. 70–77.
- Горяев, Команджаев 2015 — Горяев М. С., Команджаев А. Н. Политика российского государства по управлению кочевыми народами в первой половине XIX века (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 26–29.
- Государственное 2009 — Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв.: сборник док-тов и мат-лов. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2009. 399 с.
- Емельянова 2012 — Емельянова В. С. Делопр-изводство в России как элемент системы государственного управления: историко-правовой анализ // Право и безопасность. 2012. № 3–4(43). С. 129–134.
- Ерошкин 1968 — Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

References

- Burchinova L. S. Exploring Kalmykia's History: Issues of Source Studies, Mid-to-Late Nineteenth Century. B. Litvak (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 118 p. (In Russ.)
- Glотова S. A. The appearance and tendencies of development of administrative documentation in Russia in pre-revolutionary period. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Dokumentalistika. Dokumentovedenie. Arkhivovedenie»*. 2014. No. 2 (124). Pp. 70–77. (In Russ.)
- Goryaev M. S., Komandzhaev A. N. The policy of the Russian state on the governance of nomadic peoples in the first half of the XIX century (The case study of Kalmyks). *Oriental Studies*. 2015. Vol. 8. No. 4. Pp. 26–29. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. et al. (comps., eds.) Kalmykia's State Building, Seventeenth to Twenty First Centuries. Collected documents and materials. Elista: Dzhangar, 2009. 399 p. (In Russ.)
- Emel'yanova V. S. Clerical work in Russia as an element of the system of state management: Historical and legal analysis. *Pravo i bezopasnost'*. 2012. No. 3–4 (43). Pp. 129–134. (In Russ.)
- Yeroshkin N. P. Government Agencies of Prerevolutionary Russia: A History. Moscow: Vysshaya Shkola, 1968. 368 p. (In Russ.)

- Ерошкин 2008 — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
- Илюшенко 1993 — *Илюшенко М. П.* История делопроизводства в дореволюционной России. М.: РГГУ, 1993. 79 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 1. Элиста: ГУ ИД «Герел», 2009. 848 с.
- Команджаев, Имирдыкова 2019 — *Команджаев А. Н., Имирдыкова Д. Ю.* Калмыцкое управление в системе государственных органов Российского государства в XIX веке // Региональная Россия: история и современность: мат-лы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 12 декабря 2019 г.). Комсомольск-на-Амуре: АГПГУ, 2019. С. 183–190.
- Красникова 2022 — *Красникова Ю. Н.* Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 451–469.
- Лиджиева 2016 — *Лиджиева И. В.* Местное самоуправление калмыков в XIX – нач. XX вв. (историко-этнографический аспект: Монография / И. В. Лиджиева; отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 336 с.
- Лиджиева, Когданова 2018 — *Лиджиева И. В., Когданова Б. В.* Делопроизводственная практика управления калмыцким народом // *Oriental Studies*. 2018. Т. 36. № 2. С. 29–37. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-29-37
- Максимов 1975 — *Максимов К. Н.* Государственные учреждения калмыцкой автономной области в 1920–1935 гг. (источниковедческий и историографический обзор) // Ученые записки. Вып. 12: Серия историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1975. С. 54–72.
- Максимов 2000 — *Максимов К. Н.* История национальной государственности Калмыкии: Монография. М.: Профиздат, 2000. 312 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Максимов 2021 — *Максимов К. Н.* Организация управления калмыцким народом в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // Кочевая цивилизация: исторические исследования. 2021. № 1. С. 54–65.
- Yeroshkin N. P. Government Agencies of Prerevolutionary Russia: A History. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2008. 710 p. (In Russ.)
- Ilyushenko M. P. Records Management in Prerevolutionary Russia: A History. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1993. 79 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Imirdykova D. Yu. Kalmyk Governance Committee as part of nineteenth-century Russia's administrative system. In: Regional Russia — Past and Present. Conference proceedings (Komsomolsk-on-Amur, 12 December 2019). Komsomolsk-on-Amur: Amur State University of Humanities and Pedagogy, 2019. Pp. 183–190. (In Russ.)
- Krasnikova Yu. N. Evolution of office work in state institutions of Russian Empire in first half of 19th century (On example of Department of Appanages). *Nauchnyi dialog*. 2022. Vol. 11. No. 4. Pp. 451–469. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-451-469
- Lidzhieva I. V. Kalmyk Local Self-Governance, Eighteenth to Early Twenty Centuries: Historical and Ethnographic Aspects. Monograph. K. Maksimov (ed.). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 336 p. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V., Kogdanova B. V. The Administrative Office of the Kalmyk People: Records management practices. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 29–37. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-29-37
- Maksimov K. N. Public agencies of Kalmyk Autonomous Oblast, 1920–1935: Perspectives from source studies and historiography. In: Scholarly Notes. Vol. 12: Series 'History'. Elista: Kalmykia Research Institute of Language, Literature and History, 1975. Pp. 54–72. (In Russ.)
- Maksimov K. N. History of Kalmykia's Statehood. Monograph. Moscow: Profizdat, 2000. 312 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Organization of the management of the Kalmyk people at the end of the XVIII – the first quarter of the XIX centuries. *Nomadic civilization: historical research*. 2021. Vol. 1. No. 1. Pp. 54–65. DOI: 10.53315/2782-3377-2021-1-1-54-65

- Манджикова 2022а — Манджикова Л. Б. Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 70–87. DOI: 10.22162/2587-65032022-2-22-70-87
- Манджикова 2022б — Манджикова Л. Б. Документы Комиссии калмыцких дел как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в XIX в. (на примере рассмотрения прошения калмыцкого владельца Э. Ц. Кичикова о дозволении носить бронзовую медаль) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 1126–1135. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1126-1135
- Манджикова 2023а — Манджикова Л. Б. О порядке рассмотрения наградных материалов за оспопрививание в дореволюционной Калмыкии XIX в. (на примере архивного дела № 141 фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 602–615. DOI: 10.22162/26190990-2023-67-3-602-615
- Манджикова 2023б — Манджикова Л. Б. Архивные документы фонда И-3 «Совет калмыцкого управления. 1836–1848 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации деятельности государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии // *Монголоведение*. 2023. Т. 15. № 4. С. 683–699. DOI: 10.22162/25001523-2023-4-683-699
- Манджикова 2023в — Манджикова Л. Б. Архивный фонд И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в первой половине XIX в. (на примере рассмотрения проекта об оспопрививании в калмыцких улусах, разработанного инспектором Соломоном в 1832 г.) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2023. Т. 10(3). С. 398–409.
- Манджикова 2023г — Манджикова Л. Б. Документы секретного делопроизводства Совета Астраханского калмыцкого управления (1836–1848 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 3. С. 92–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-92-110
- Мучиряева 2014 — Мучиряева Е. Н. К вопросу о деятельности Управления калмыцкого народа по учету и статистике в 1873–1892 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 27–36.
- Mandzhikova L. B. Collection И-2 ‘Kalmyk Affairs Commission, 1825–1836’ (National Archive, Elista) as a source in the history of government agencies and pre-revolutionary Kalmykia: Some issues of records management revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 2. Pp. 70–87. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-65032022-2-22-70-87
- Mandzhikova L. B. Documents of the Kalmyk Affairs Commission as a source for the study of 19th-century Kalmykia’s records keeping and management procedures: One petition by the Kalmyk nobleman E. Ts. Kichikov requesting a permission to wear the bronze medal analyzed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 1126–1135. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1126-1135
- Mandzhikova L. B. Medal awarding procedures for smallpox vaccination in nineteenth-century Kalmykia: Analyzing File no. 141 of Collection И-2 ‘Kalmyk Affairs Commission’ at the National Archive of Kalmykia. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 602–615. (In Russ.) DOI: 10.22162/26190990-2023-67-3-602-615
- Mandzhikova L. B. Archival documents of Fund И-3 “Council of Kalmyk Administration. 1836–1848”. The National Archive of the Republic of Kalmykia as a source for studying the organization of activities of state institutions in pre-revolutionary Kalmykia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023. Vol. 15. No. 4. Pp. 683–699. (In Russ.) DOI: 10.22162/25001523-2023-4-683-699
- Mandzhikova L. B. Archive Fund И-2 «Kalmyk Affairs Commission» of the National Archive of the Republic of Kalmykia as a source for studying the organization of office work and document management in Kalmykia in the first half of the XIX century (By the example of consideration of the project on smallpox vaccination in Kalmyk Ulus, developed by inspector Solomon in 1832). *Humanities and Law Research*. 2023. Vol. 10. No. 3. Pp. 398–409. (In Russ.) DOI: 10.37493/2409-1030.2023.3.5
- Mandzhikova L. B. Documents of secret paperwork of the Council of the Astrakhan Kalmyk Administration (1836–1848). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023. No. 3. Pp. 92–110. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-92-110
- Muchiryaeva E. N. On the Chief Administration of Kalmyk People within accounting and statistics between 1873–1892. *Oriental Studies*. 2014. Vol. 7. No. 4. Pp. 27–36. (In Russ.)

- Оконова 2016 — Оконова Л. В. Повинности калмыцкого народа как источник по изучению социально-демографической ситуации Калмыцкой степи Астраханской губернии [электронный ресурс] // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. № 123(09). 2016. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/09/pdf/111.pdf> (дата обращения: 02.10.2024).
- Положение 1848 — Положение об управлении калмыцким народом. 23 апреля 1847 г. (№ 21144) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (1825–1881). Т. XXII. Ч. 1. СПб.: Тип. II. Отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1848. С. 349–372.
- Фонды 2002 — Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / сост.: В. З. Атуева и др. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 205 с
- Шепелев 2007 — Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство-СПб., 2007. 461 с.
- Шушунова 2012 — Шушунова Е. В. Реформа министерского делопроизводства в первой половине XIX столетия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2012. № 2(18). С. 55–59.
- Okonova L. V. The source to study the socio-demographic situation in the Kalmyk steppes of Astrakhan province is based upon the duties of the Kalmyk people. *Scientific Journal of KubSAU*. 2016. No. 123 (09). Available on: <http://ej.kubagro.ru/2016/09/pdf/111.pdf> (accessed: 2 October 2024). (In Russ.)
- Governance Regulations for the Kalmyk People. 24 November 1834 (no. 7560a). In: Tsyuryumov A. V. et al. (comps., eds.) *Kalmykia's State Building, Seventeenth to Twenty First Centuries. Collected documents and materials*. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 162–193. (In Russ.)
- Atueva V. Z. et al. (comps.) *Collections of Kalmykia's National Archive: 1713–1993*. Second edition, rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 205 p. (In Russ.)
- Shepelev L. E. *Russia's Government under Alexander I and Nicholas I*. St. Petersburg: Iskustvo-SPb., 2007. 461 p. (In Russ.)
- Shushunova E. V. The reform of ministerial office work in the first half of the XIX centuries. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. No. 2(18). Pp. 55–59. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 822–834, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC294.311+930.253

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-822-834

Курсовые работы студентов Казанской духовной академии как источник изучения буддизма (по материалам Государственного архива Республики Татарстан). Часть 2

Александра Тагировна Баянова¹

- ¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-7718-802X. E-mail: [ale-bayanova\[at\]yandex.ru](mailto:ale-bayanova[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Баянова А. Т., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья является продолжением опубликованной в предыдущем номере журнала исследования, посвященного анализу научных сочинений студентов Казанской духовной академии. *Материалами* исследования послужили 62 архивных документа описи 2 фонда 10 «Казанская духовная академия», хранящиеся в Государственном архиве Республики Татарстан и впервые вводимые в научный оборот. В ходе изучения архивных источников применялся метод классификации и описательного анализа. Это позволило охарактеризовать особенности архивных источников из исследуемого фонда. *Результаты.* Работы по буддизму из описи 2 фонда 10 «Казанская духовная академия» по содержанию исследуемых тем разделены на 6 групп: 1) о сущности и различных систем буддийского вероучения (16 дел); 2) сравнительный анализ христианского и буддийского вероучений (19 дел); 3) анализ и критический разбор буддийских текстов (11 дел); 4) переводы христианских текстов на калмыцкий язык (3 дела); 5) переводы христианских текстов на калмыцкий язык (9 дел); 6) отзывы, рецензии профессоров на работы студентов Казанской духовной академии (4 дела). Рассмотрены и проанализированы по разделам все архивные документы данной описи. Материалы, освещающие различные аспекты буддизма, и собственно переводы буддийских религиозных текстов представляют несомненный интерес. *Выводы.* Обращение к теме буддизма в работах студентов Казанской духовной академии было продиктовано практическими интересами. Миссионерская деятельность среди калмыков требовала тщательного изучения буддийских религиозных текстов и умения ориентироваться в стройной системе буддийского вероучения. Для этого на кафедрах Казанской духовной академии было введено обучение предметов, которые нужны были для успешного изучения языка и догматов буддизма. Качество написания курсовых работ, содержание тем, взятых студентами для исследований, использование трудов отечественных и западно-европейских ученых, исследовавших историю и различные аспекты буддизма, свидетельствуют о высоком качестве обучения в Казанской духовной академии. Сформировавшаяся в стенах Казанской духовной академии замечательная когорта научной профессуры сделала многое для студенческого сообщества, занимавшегося изучением буддизма. Созданная научная школа сравнительного религиоведения позволяла брать на вооружение теоретические и методические основы европейских религиозных учений и сравнительного богословия, изучать буддийские тексты, проводить огромную работу по их переводу и проводить уникальные научные исследования, не имеющие аналогов в богословской науке.

Ключевые слова: архив, архивный документ, буддизм, христианство, Казанская духовная академия, миссионерство

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям «Подготовка к изданию трех дел описи 2 фонда 10 «Казанская духовная академия».

Для цитирования: Баянова А. Т. Курсовые работы студентов Казанской духовной академии как источник изучения буддизма (по материалам Государственного архива Республики Татарстан). Часть 2 // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 822–834. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-822-834

Term Papers by Students of Kazan Theological Academy as a Buddhist Learning Source: Analyzing Materials from the State Archive of Tatarstan. Part 2

*Aleksandra T. Bayanova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bayanova A. T., 2024

Abstract. *Introduction.* The article continues to analyze research essays authored by students of Kazan Theological Academy. *Materials.* The study examines a total of 62 newly introduced archival documents from Catalogue 2 of Collection 10 ('Kazan Theological Academy') at the State Archive of Tatarstan. The classification method and that of descriptive analysis have proved instrumental enough in identifying certain features inherent to archival sources of the investigated collection. *Results.* Works on Buddhism from Catalogue 2 of Collection be divided into six thematic sections, namely: 1) on essentials and various systems of the Buddhist doctrine — 16 files; 2) comparative analyses of Christian and Buddhist faiths — 19 files; 3) analyses and critical insights into Buddhist texts — 11 files; 4) Russian-to-Kalmyk translations of Christian texts — 3 files; 5) conversion of Kalmyks to Christianity — 9 files; 6) reviews and comments by professors on the aforementioned works — 4 files. All archival documents of the specified catalogue have been duly reviewed and analyzed. Materials covering various aspects of Buddhism and translations of Buddhist religious texts proper are of undoubted interest. *Conclusions.* The paper resumes the appeals to the theme of Buddhism were fuelled by practical concerns. Missionary activities among Kalmyks required thorough knowledge of Buddhist religious texts and a deep understanding of the harmonious Lamaist system. To facilitate these, departments of Kazan Theological Academy would introduce disciplines helpful in learning the target language and dogmas of Buddhism. The quality of term papers, their thematic contents, use of works authored by leading Russian and Western European scholars with expertise in the history and various aspects of Buddhism attest to decently high training standards at Kazan Theological Academy. The remarkable cohort of brilliant scholars within the Academy's walls contributed a lot to that students became engaged in the study of Buddhism. The shaped school of comparative religious studies made it possible to adopt theoretical and methodological foundations of European religious teachings and comparative theology, explore Buddhist texts, undertake enormous translation and research efforts that have no analogues in Russian theological science to date.

Keywords: archive, archival document, Buddhism, Christianity, Kazan Theological Academy, missionary

Acknowledgements. The reported study was granted by Buddhist Education and Research Foundation, project name 'Catalogue 2 of Collection 10 'Kazan Theological Academy': Preparing Three Archival Units for Publication'.

For citation: Bayanova A. T. Term Papers by Students of Kazan Theological Academy as a Buddhist Learning Source: Analyzing Materials from the State Archive of Tatarstan. Part 2. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 822–834. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-822-834

1. Введение ко второй части статьи

Данная статья является продолжением ранее опубликованной статьи, посвященной научным работам студентов Казанской духовной академии (далее — КДА). В первой части статьи была дана общая характеристика работ по буддизму и рассмотрены первые две группы из шести тем, исследованных студентами.

4.3. Анализ и критический разбор буддийских текстов

К данному блоку относятся 11 работ. Две работы посвящены анализу одного и того же текста: сочинение студента 29 курса К. Данилевского «Изложение религиозно-нравственной системы буддизма по „Тонилху-ин Чимэк“ с приложением русского перевода этой книги» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1225] и «Сравнительный анализ монгольского и калмыцкого текстов „Тонилху-ин Чимэк“ и разбор содержания этого сочинения» В. Машкова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1231].

Шастра «Тонилху-ин чимэк» (на калмыцком языке известна как «Тоньлхин чимг кемэх шастр» («Шастра под названием „Спасения украшение“»)) — одно из выдающихся произведений в буддийской литературе, которое изучали на третьем курсе КДА как классический труд. Лекции по данному произведению читал профессор В. В. Миротворцев [Успенский 1994: 13]. О том, как важна и ценна эта шастра, можно судить по словам профессора А. М. Позднеева, утверждавшего, что «издание текста и перевода сочинения „Тонилху-ин чимэк“ может быть почитаемо, и не безосновательно, гораздо более интересным и полезным, чем текст и перевод Санан-Сэцэна в издании Шмидта¹» [Позднеев 1880: 47]. Обращение студентов к этому произведению было не случайным: оно являлось руководством к усвоению и изучению «основных правил буддийской догматики и этики» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1225. Л. 1об.].

¹ Речь идет о переводе на немецкий язык Я. И. Шмидтом памятника монгольской истории XVIII в. "Эрдэнийн тобчи" Саган Сэцэна [Schmidt 1829].

Первый автор начинает свою работу с изложения системы буддизма на основе текста „Тонилху-ин чимэк“. Далее прилагается русский перевод буддийской шастры, сделанный К. Данилевским. Его предваряет небольшое предисловие, в котором он дает некоторые пояснения к тексту. При работе над переводом текста, как утверждает К. Данилевский, он старался передать мысли и выражения монгольского текста «как можно ближе к подлиннику», с одной стороны, а с другой — «как можно более яснее, понятнее и удобнее для чтения» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1225. Л. 29], соединить же эти две цели оказалось делом сложным. Перевод текста снабжен примечаниями, насчитывающих 123 позиции. Это своего рода глоссарий, где даются подробные разъяснения к различным терминам, именам собственным, географическим объектам и т. д. К примеру, к слову «бодисаттва» он дает такое примечание: «Бодисаттвами (по переводу: „имеющие сущность боди“ ... называются у буддистов те существа, которые проходят перед званием Будды период усовершенствования. Учение о бодисаттвах явилось еще в хиньяне (древний период буддизма), но хиньяна не имела вполне ясного и определенного понятия об этих существах. Она говорила о них, как только о состоянии существ перед последним рождением. Полное учение о бодисаттвах развилось в махаяне, где определены были свойства бодисаттв и указаны их степени (см. В. П. Васильев. Буддизм. Ч. 1. С. 98, 124–125)²» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1225. Л. 54об.].

Тема работы В. Машкова «Сравнительный анализ монгольского и калмыцкого текстов „Тонилху-ин Чимэк“ и разбор содержания этого сочинения» интересна тем, что студентом анализируется и сравнивается текст шастры, изложенный на двух языках — калмыцком и монгольском. Он широко использует литературу на русском и иностранных языках, посвященную изучению буддийского учения. Введение и подстроч-

² Речь идет о книге В. П. Васильева «Буддизм, его догматы, история и литература» [Васильев 1857].

ные примечания к переводу объяснительного характера, обстоятельные истолкования всех встречающихся терминов свидетельствуют о том, что студент В. Машков обладал широким диапазоном навыков как в области переводоведения, так и знанием монгольского и калмыцкого языков в совершенстве. Автор легко разбирается в грамматических и синтаксических конструкциях языков, умеет выделять специфические особенности каждого из языков, что не всегда смогут сделать даже носители этих языков. Это свидетельствует о высоком уровне преподавания языков в КДА.

Студент 29 курса Д. Знаменский написал курсовое сочинение «Наложение и разбор космологической системы буддистов с приложением русского перевода „Иртинчу-ин толи“» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 499]. Буддийская космология подробно и обстоятельно описана во многих источниках [Ковалевский 1837; Schmidt 1824; Pallas 1776; и др.]. Д. Знаменский, судя по его работе, изучил все существовавшие в тот период и доступные ему работы по космологии буддизма, выявил противоречия, встречающиеся в источниках, и представил довольно полное изложение космологической системы, опираясь на первоисточник — буддийский трактат «Йиртмжин толи».

Иеродьякон Вениамин (Салабашев), выпускник 54 курса КДА, представил работу «Разбор буддийской книги „Le lotus de la bonne loi“ (стр. 1–283) par M. E. Burnouf. Paris, 1852 an)» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1291]. «Лотосовая сутра» (букв. «Сутра белого лотоса высшего учения») является одной из наиболее известных и особо чтимых сутр, текст которой был переведен на французский язык с санскритского французским профессором Бюрнуфом¹. Автор дает краткое изложение книги и полемизирует с ним по поводу некоторых догм в буддизме, подчеркивая, что это «разбор с христианской точки зрения». К примеру, цель христианина — достичь «единения с Богом», стремление «к вечной и блаженной жизни», а у буддиста, по Э. Бюрнуфу, — «погружение в великую ми-

ровую ночь», стремление «к покою, нирване» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1291. Л. 259], и подобные сравнения имеются по многим пунктам. Работу Э. Бюрнуфа он тоже оценивает с точки зрения того, есть ли там материал, который мог бы выступить «основой при критической оценке буддийского учения». Из этого мы видим, что все работы студентов КДА преследуют одну цель — развенчивание буддийской идеологии. Как пишет в своей работе В. Салабашев, книга Э. Бюрнуфа, если ее полностью перевести на русский язык, не представляет большого интереса для исследователей буддизма из-за отсутствия материалов, послуживших объектом критики [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1291. Л. 6].

Перевод буддийского текста из сочинения студента 58 курса К. Ястребова «Учение ламаизма по монгольскому сочинению „Необходимая эссенция наставлений, фундамент слышания, сердце смысла-слова о пути к покою, порядке пути к боди“ и его критический разбор» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1331. 361 л., 83 л.] является отрывком монгольского сочинения «Бодимур» — одного из основополагающих сочинений буддийской литературы, в котором заложено полное теоретическое сочинение буддийской религиозной системы. Критический анализ «Бодимура» ранее был сделан архимандритом Гурием [Гурий 1915]. Данный же перевод осуществлен К. Ястребовым в 1917 г. Рассуждения студента о «Бодимуре» занимает 361 страницу, сам же перевод сутры небольшого объема — 83 листа рукописного текста. Ввиду того, что учебный 1917 год был «сокращенным и тревожным» из-за революционных событий, К. Ястребову не удалось должным образом закончить «разработку взятого вопроса». Для нас представляла бы интерес третья часть его работы, где он должен был поместить «свои наблюдения и впечатления во время своих специальных поездок по хурулам Калмыцкой степи», но подробно не описал их из-за сокращения сроков учебы в 1917 г. [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1331. Л. 360]. Но главную задачу, как утверждает К. Ястребов, выполнил: буддийское учение он изложил не только по «Бодимуре», но и «со значительными дополнениями из других

¹ Эжен Бюрнуф (1801–1852) — французский ученый, востоковед, крупнейший исследователь буддизма XIX в., автор перевода «Лотосовой сутры» («Le lotus de la bonne loi» [Burnouf 1852].

источников», доказал, что это учение «носит такой характер, что видны все недочеты, ложность и внутреннее противоречие этой религии» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1331. Л. 360–361].

«Буддийское Евангелие Карла Зайденштюкера в переводе с немецкого» является приложением к курсовому сочинению, авторство которого не установлено [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1403. Л. 251–399]. В содержании к сочинению дан план изложения работы: оно состояло из двух частей. Часть 1 содержала три главы: 1) Жизнь и деятельность Будды. Общий характер его учения; 2) Буддийское мировоззрение. Четыре истины и буддизм хинаяны; 3) Буддизм махаяны. Вторая часть состояла из четырех глав: 1) Сущность зла и его происхождение; 2) Спасение. Дело Христа и вечная жизнь; 3) Мораль буддийская и христианская; 4) Смысл и значение страданий. В деле находится только приложение (С. 251–399), которое является переводом с немецкого вышеуказанного труда. В работе было также введение «Религиозно-нравственное состояние и пессимизм в Индии до Будды» (С. 1–37), небольшое заключение на 4 страницы и список источников, использованных при написании сочинения.

Известный индолог, переводчик, писатель Карл Зайденштюкер является пионером развития буддизма в Германии, точнее одного из его течений — пали-буддизма. В 1903 г. он основал «Буддийское миссионерское общество Германии», был редактором основанных им журналов «Der Buddhist», «Buddhistische Welt». Им написан ряд работ по буддизму, некоторые из которых писал под псевдонимом Бруно Фрейданк, Цонг Ка-Па. Самый известный труд «Buddhistische Evangelien» [Seidenstücker 1909] является подборкой текстов из священных книг буддистов. В книге 75 небольших текстов, которые поясняют многие понятия, имеющиеся в буддийской философии: сансара, нирвана, высшее приобретение, пороки и добродетели, бренность и страдание и т. д. Перевод осуществлен качественно, с учетом характерных особенностей литературного изложения текста, читается свободно и легко, автор хорошо владеет немецким языком.

Работы студента 44 курса Д. Афанасьева «Религиозно-нравственное учение ламаизма по книге „Тарба-Ченбо“ (перевод и изъяснения сановных мыслей)» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1206. Л. 286], И. Подгорбунского (29 курс) «Нравственное учение буддизма по монгольской книге „Улигер-ун далай“ с приложением ее русского перевода» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1242. Л. 427], иеромонаха Викентия (Буланова) (59 курс) «Учение буддизма о карме по монгольскому учению „Улигер-ун-Ном“ и его критический разбор» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1302. Л. 315], М. Малиновского «Буддийское учение о нирване и его критический разбор» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1385. Л. 121] написаны в таком же ключе: опираясь на источники и на труды классиков буддизма и ламаизма, авторы делают «критический разбор», главная цель которого развенчивание постулатов религии. Следует отметить, что все вышеуказанные буддийские тексты были для калмыков очень ценны и пользовались популярностью среди верующих. Как описывает калмык станицы Денисовской Сальского округа Пурцак Манджинов, «каждый вечер ко мне приходили целыми семьями» и «просили почитать им „Тарба чэнбо“ или „Улигэрийн ном“, я читал, а они слушали и после сего кормили меня обедом, другие приносили чашку проса, третьи — кусочек сала, или масла», «больше всего народ любит „Улигэрийн ном“ и „Улигэрийн далай“; „Тарба-чэнбо“ нравится только старикам» [Позднеев 2017: 74].

4.4. О переводах христианских текстов на калмыцкий язык

Проблема христианского просвещения и необходимости перевода христианских текстов глубоко сознавалась как государством, так и самими адептами православия. Петр I, ставя задачу постановки миссионерского дела среди калмыков, подкрепил ее указом, где повелевал «склонять владельцев и законников их в христианство ученьем и дачею, и книги нужные перевести на их язык» [ПС ЗРИ 1830: 207] и «приискать таких учителей, которые могли бы калмыцкого народа людей к благочестию приводить, а как такие учителя приисканы будут, доложить о них

Его Императорскому Величеству» [ПС ЗРИ 1830: 278].

По теме переводов христианских текстов на калмыцкий язык имеются три архивных документа: выпускная работа иеродьякона Амфилохия «Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык как средство миссионерского воздействия» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 339], исследование студента 4 курса М. Загоскина «О переводе священного писания на монголо-калмыцкий язык» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 100] и студента 2 курса иеромонаха Викентия (Буланова) «Опыт сравнительного терминологического монголо-калмыцкого словаря (по симфонии на Ветхий и Новый Завет Лопухина)» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1394. Л. 48]. Все три работы представляют интерес как по содержанию, так и по тем проблемам, которые исследуют авторы.

Иеродьякон Амфилохий (1885–1937), в миру Александр Яковлевич Скворцов, окончив КДА, вновь поступил на миссионерское отделение академии. Выпускная работа была высоко оценена: ему была присуждена премия, как профессорский стипендиат он был оставлен на кафедре истории и обличения ламаизма и монгольского языка в качестве доцента. Будучи студентом КДА, он направлялся на период летних каникул в калмыцкие степи, где укреплял навыки в знании языка и изучал деятельность миссионеров среди калмыков. В течение двух лет он изучал тибетский язык и богословскую литературу в Монголии.

В своей работе «Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык как средство миссионерского воздействия» Амфилохий ратовал за необходимость переводов библейских текстов на родной язык инородцев, так как, по его мнению, именно язык составляет сущность духовной природы человека и в целом народа и является «самым сильным средством к перевоспитанию и образованию», которое поможет «двинуть народ как массу по христианскому пути» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 35]. Он считал, что успехи миссионерского дела будут незначительны, если не говорить с инородцами на их языке и их понятиями: «Язык является той дверью, через которую долж-

ны быть вводимы христианские понятия» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 35].

Иеродьякон Амфилохий приводит примеры, когда чтение христианских текстов на родном языке производило «коренную переломку во всем настроении инородцев» и приходит к выводу, что переводы имеют исключительно важное значение в деле воспитания инородцев в духе христианства и являются единственным средством для усвоения христианских догм, с которых надо начинать миссионерскую деятельность: «Миссия без переводов — это здание на песке, которое при ветре и наводнении должно скоро разрушиться» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 39, 42].

В работе автор делает большой экскурс в историю переводческой деятельности миссионеров в калмыцкой степи, начиная с Никодима Ленкевича, одного из первых переводчиков священных текстов на калмыцкий язык, и немецких колонистов-гернгутеров. Отдельные выдержки из его работы были впоследствии опубликованы в 1914 г. в «Православном благовестнике». Как считает Амфилохий, «из всего количества людей, населяющих землю, едва только одна четвертая часть верует в Иисуса Христа, другие три четверти находятся во тьме язычества и лжи» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 5].

В курсовой работе студента 4 курса М. Загоскина «О переводе священного писания на монголо-калмыцкий язык» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 100] указываются типичные ошибки в переводе религиозных текстов на калмыцкий язык. Прежде всего, эти переводы были осуществлены на язык, который в то время не был в обиходе калмыков (монголов). Как утверждает автор, при переводе применялся «неправильный, старокнижный язык» вместо живого, «чистого языка народного» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 2]. Вследствие этого тексты были малопонятны читателю. Это объясняется тем, что переводчики владели классическим в нашем понимании языком, который в повседневной речи калмыков (монголов) не употреблялся. Но одними из главных ошибок были неточность и несоответствие перевода подлиннику, поэтому «... изменение точного смысла Священного писания

и учения церкви влечет за собою неправильное понимание истин святой веры и нередко уклонение в иноблагочестивании» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 2]. Автор ставит проблему перевода безэквивалентной лексики: «...мы часто не находим в других языках слов, которые бы выражали известное наше понятие во всей полноте его значения, поэтому иногда два слова ... могут быть переводимы одно другим, а в другом не могут» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 3].

Автор ставит вопрос о возможности точного и дословного перевода христианских религиозных текстов, о существовании правил, которые помогли бы избежать ошибок в перевод. Предметом его дальнейших рассуждений и стали вопросы теории перевода и главнейших приемов при переводе библейских и церковных слов. В своей работе он опирался на перевод Нового завета, осуществленный Я. И. Шмидтом¹, считая, что он первым проложил путь в столь важном и трудном деле перевода христианских терминов. Для передачи смысла этих слов, как считает М. Загоскин, Я. И. Шмидт использовал четыре средства: 1) многие слова подлинного текста оставлял без перевода; 2) употреблял «слова тибетские и санскритские»; 3) «соединял несколько слов для выражения одного понятия»; 4) «давал словам ... новое значение — евангельское» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 506.]. По сути, он назвал современные способы перевода с одного языка на другой: транслитерацию, приближенный перевод, описательный перевод, калькирование.

В буддийских рукописях при переводе на монгольские языки, замечает М. Загоскин, используется много заимствований из санскритского и тибетского языков. При переводе же христианских текстов такие заимствования недопустимы, так как «народ монгольский живет большей частью среди русских» и «за пояснением непонятого ему слова» прибегает к русскому языку, к тому же кочевой народ в большинстве своем «неученый», не знаком не только с вышеуказан-

ными языками, но и европейскими тоже» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 6–606.].

М. Загоскин считает, что переводчик должен обладать исключительными знаниями и тонкостями языка, на который будет осуществлен перевод, уметь «соотносить понятия одного народа с понятиями другого и находить в языке слова», передающие более полно и точно их смысл и основывающиеся на «аналогии или сходстве значения слова в живой речи с тем значением, какое намерен дать оному переводчик» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 806.].

Далее в своей работе М. Загоскин представляет опыт перевода некоторых слов: *бог, благодать, таинство, откровение, святой дух, творец, троица, воскресение* и т. д.

В заключение своей 90-страничной работы М. Загоскин после рассуждений приходит к выводам, касающимся перевода христианских текстов. Они состоят из двух пунктов: 1) А. — касательно перевода библейских и церковных слов, 2) Б. — касательно собственно перевода. В пункте А он указывает 5 подпунктов: по возможности избегать употребления иностранных слов; применение новых слов возможно только в необходимых случаях и заимствовать их «из языка славяно-русского»; не составлять новые слова и обороты из монгольского языка, если они не дают «ясного и прямого смысла, отвечающего переводимому слову»; один из лучших способов перевода слов «аналогический, основанный на примере писателей богодухновенных»; в понимании значения слов следовать изъяснениям, принятым церковью [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 4406.]. Касательно собственно перевода автор считает, что он не должен быть «ни перифрастическим, ни строго буквальным», но должен точно и верно соответствовать буквальному смыслу подлинника при соблюдении языковых норм языка, на который осуществляется перевод. Что касается перевода на монгольский язык, то язык перевода должен быть «чистый и правильный», язык «позднейших по времени монгольских произведений, а не старокнижный» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 4406.].

В конце сочинения перед «Примечаниями» дана короткая оценка работы настав-

¹ Шмидт Я. И. (1779–1847) — востоковед, академик Императорской академии наук (1829), один из основателей отечественного монголоведения, один из первых занялся переводами христианских текстов на калмыцкий язык [Schmidt 1820; Schmidt 1824].

ником: «Весьма хорошо. Читал бакалавр Алексей Бобровников» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498. Л. 45].

Грамотное и стройное изложение материала в работе свидетельствует о широких познаниях выпускника Казанской духовной академии не только в области богословских дисциплин, но и в языкознании, переводоведении, этнографии и т. д. Позднее, когда М. Загоскин отказался от духовной карьеры, поистине энциклопедические знания позволили ему заняться педагогической и журналистской деятельностью, он работал инспектором классов в Иркутском военном училище, с 1859 г. был назначен редактором газеты «Иркутские губернские ведомости».

Курсовую работу «Опыт сравнительного терминологического монголо-калмыцкого словаря (по симфонии на Ветхий и Новый Завет Лопухина)» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1394. Л. 48] иеромонах Викентий (Буланов) написал, будучи студентом 2 курса КДА. В небольшой 48-страничной работе он извлек из «Симфонии на Ветхий и Новый Завет» [Симфония 1900] 59 слов на букву «З» и рассмотрел и сравнил переводы этих слов в христианских текстах у архиепископа Нила¹, А. И. Шмидта, А. М. Позднеева², Э. Сталибраса и В. Свана³. К примеру, слово «завтра» переводится у Э. Сталибраса и В. Свана как «манагар эдур» «урлугэ эдур» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1394. Л. 13об.], у Я. И. Шмидта — «манагар» [Schmidt 1820: 9; Schmidt 1821: 119], «ирэху эдур» [Schmidt 1820: 34], «ирекү өдөр» [Schmidt 1820: 34], А. М. Позднеева — «мангдаур» [Позднеев 1887: 30], у архиепископа Нила — «урлугэ эртэ» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1394. Л. 13об.].

¹ Нил, архиепископ (1799–1874) — архиерей Русской православной церкви, исследователь буддизма. Перевел на монгольский язык ряд христианских богослужебных текстов: «Начатки Христианского учения» (1858), «Служебник» (1858), «Требник» (1858), «Часослов» (1861) и т. д.

² Позднеев А. М. (1851–1920) — востоковед, исследователь письменных памятников калмыков и монголов. В 1892 г. перевел по заказу Библийского общества «Новый завет» на калмыцкий язык [Позднеев 1892; Позднеев 1887].

³ Э. Сталибрас и В. Сван — английские миссионеры, перевели на монгольский язык «Святое писание» [Вагин 1871: 73].

Далее он обращается к переводам в калмыcko-русских словарях [Ковалевский 1844; Голстунский 1893; Позднеев 1911], где даны эти слова, и делает анализ возможного употребления того или иного слова.

4.5. Обращение калмыков в христианство и миссионерская деятельность

Подготовка студентов к миссионерской деятельности являлась одной из главных задач в учебном процессе КДА. С этой целью указом Священного синода от 24 июня 1870 г. за № 1408 вводилось «преподавание миссионерских предметов — противомусульманского и противобуддийского с относящимися к оным языками» [Терновский 1892: 28]. Такая подготовка позволяла успешно изучать язык, «догматы вер христианской и ламайской, чтобы каждый миссионер мог выставить преимущество учения христианского» [Орлова 2006: 91], что собственно и подтверждают курсовые сочинения студентов КДА.

В данной описи имеется также 8 курсовых работ, касающихся темы миссионерской деятельности. Девятая — «Об усилении миссионерами христианского вероучения среди секты Будды» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2188. Л. 28] является отрывками из дневника студента И. Иванова, совершившего поездку в Агинский дацан.

В данных работах рассматриваются вопросы государственной политики христианизации и внешних отношений («Эпоха императрицы Екатерины II в отношении к русским инородцам» М. Гаврилова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1306. Л. 124], «О взаимных отношениях между монгольскими ламами и русскими митрополитами и о значении сего для России» В. Карашева [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 436. Л. 45]), аспекты истории миссионерской деятельности среди калмыков («История распространения христианства среди калмыцкого народа и современное религиозно-нравственное состояние крещеных калмыков европейской России» В. Рубилина [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 245], «Православная миссия среди астраханских калмыков за последние 40 лет» Н. Андреева [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. Л. 135], «Мероприятия русского правительства в отно-

шении к крещеным и некрещеным калмыкам» А. Дмитриевского [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 311]); анализируются факторы, препятствующие процессу христианизации калмыков («О причинах, затрудняющих обращение калмыков в христианство» Ф. Крылова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 184–225], «Протоиерей Пармен Смирнов и его деятельность среди калмыков Астраханской губернии» А. Наконечнева [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1085. Л. 185]).

Во многих работах миссионерская деятельность часто заменяется словом «противоламайская», что подразумевает не насаждение христианства, а скорее борьба с буддизмом. Они приходят к мысли, что частичные изменения в деле миссионерства не приведут к успеху, необходимы коренные реформы. Помимо переводов христианских текстов, создания школ необходимо, как утверждает в своей работе А. Дмитриевский, «в целях наилучшего устройства миссионерского дела» создание православных монастырей в центрах калмыцких кочевий, что вызовет у калмыка большее уважение к нему, чем к существующим миссионерским станам «с их священниками, ведущими брачную жизнь и не ограничивающими себя никакими, чисто иноческими обетами». Необходимо ежедневное богослужение, сопровождаемое чтением «апостола и евангелия, а также проповедью на калмыцком языке» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 306об.].

В работе Ф. Крылова указываются четыре причины, затрудняющие процесс христианизации. Во-первых, сама религия, возникшая за много столетий до появления христианства: «шаманское религиозное верование калмыков суть произведение народной», что составляет затруднение для «успеха проповеди евангельской», так как порожденное народом это верование полностью приспособлено к его жизни, «пришлось по его понятиям, по его взгляду на предметы, удовлетворяют его стремлениям» и расстаться с этим, все равно, что «расстаться с проводимой им жизнью и подчиниться новым условиям» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 199]. Второй причиной он называет кочевой быт: минимум удобств и вещей, отсутствие желания «все обустроить и усовершенствовать»,

богатство калмыка, его пища и одежда заключается в его многочисленных стадах, которые требуют забот и усилий, но «сама природа доставляет его табунам все нужное» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 203об.] и расстаться «со своими степями, со своим улусом, со своими табунами, со своею кибиткой для калмыка то же, что расстаться с жизнью» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 208]. В-третьих, как отмечает Ф. Крылов, это «препятствие со стороны языка» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 209], на котором миссионер должен разговаривать с буддистом: калмык в обычной жизни пользуется разговорным языком, книжной речи он не понимает, и передать смысл русской религиозной лексики практически невозможно, а парафразы не всегда точно передают смысл христианских понятий. Четвертая причина кроется в нежелании принять христианство улусными владельцами и буддийскими священниками, так как они лишаются власти над своими подданными.

Ценные сведения о жизни и миссионерской деятельности П. Смирнова находим в работе студента 46 курса А. Наконечнева «Протоиерей Пармен Смирнов и его деятельность среди калмыков Астраханской губернии» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1085. Л. 185]).

О качестве и значимости курсовых работ свидетельствует и то, что, помимо книжных и рукописных источников на языке оригинала, при работе студенты использовали и архивные материалы. Так, например, В. Рубилин при работе над курсовой работой использовал дела Архива Астраханской духовной консистории, в которой он работал более двух месяцев, архива Святейшего правительствующего синода, архива Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества.

4.6. Рецензии и отзывы

В данном разделе 4 документа: «О сочинении студента 29 курса К. Данилевского на тему: «Изложение религиозно-нравственной системы буддизма по „Тонилху-инчимэк“ с приложением русского перевода этой книги» профессора В. В. Миротворцева [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1953. Л. 1], «О сочи-

нении студента 30 курса И. Попова на тему „Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения“» профессоров А. Я. Богородского и В. В. Миротворцева [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1971. Л. 1], «О сочинении В. Лузина «Христианство и буддизм» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2039. Л. 2] профессора Волкова и «О сочинении иеромонаха Василия «Христианство и буддизм: апология христианства» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2102] профессора А. Гусева.

Двухстраничный отзыв профессора В. В. Миротворцева датирован 12 мая 1888 г. Экстраординарный профессор В. В. Миротворцев работал на кафедре истории и обличения ламайства и монгольского языка с бурятским наречием с 1884 по 1891 гг. и был одним из выдающихся преподавателей КДА, преподавал монгольско-калмыцкий язык. Рассмотрев работу, профессор отметил все ее достоинства: «с успехом выполнил переложение этого сочинения на русский язык», обширные примечания к переводу («почти все темные места и буддийские термины уяснены»), использование трудов ученых, занимавшихся исследованием истории буддизма, стройное и логическое изложение религиозной системы буддизма. Из недостатков отметил то, что автор не указывает время и место появления этого буддийского сочинения, отсутствуют критические замечания по различным аспектам буддизма, описанные в «Тонилху-инчимэк». В конце своего отзыва профессор пишет: «Принимая во внимание достоинства перевода с обширными примечаниями и умелое изложение религиозной системы буддизма по избранной буддийской книге, я нахожу сочинение Данилевского достаточным для степени кандидата богословия» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1953. Л. 1об.].

На работу И. Попова «Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения», которая подробно описана в первой части данной статьи, написаны две рецензии профессорами А. Я. Богородским и В. В. Миротворцевым [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1971. Л. 4].

Профессор Я. А. Богородский закончил КДА в 1868 г. в степени магистра, преподавал на кафедре древней гражданской истории. В 1883 г. стал доктором богословия,

защитив диссертацию на тему «Еврейские цари», за которую был награжден премией, учрежденной митрополитом Московским и Коломенским Макарием, и по представлению ректора был утвержден в степени доктора. К сожалению, отзыв профессора Я. А. Богородского плохо сохранился. Весь двухстраничный текст отзыва построен на полемике с автором сочинения. Я. А. Богородский пишет, что И. Попов утверждает, что, кроме знания языка, традиций и обычаев буддистов, надо изучить и основы ламайского вероучения. Он в принципе согласен с этим, но, изучив его сочинение, не может понять, если будет заниматься миссионерской деятельностью, где «лежат антипатии и симпатии» ламаита, о чем нужно говорить с ним, «чтобы настроить струны его сердца» и «о чем следует помолчать до времени, чтобы не раздражать его», поэтому автор должен «дать в этом случае некоторые указания и разъяснения [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1971. Л. 1об.]. Профессор В. В. Миротворцев в своем отзыве указывает на «крайний недостаток европейских источников», но вместе с тем отмечает, что студент «много потрудился при переводах» трудов Санан-Сэцэна и находит «труд г. Попова удовлетворительным для степени кандидат богословия» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1971. Л. 1об.].

Благосклонно отнесся к сочинению студента В. Лузина «Христианство и буддизм» профессор А. Волков [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2039. Л. 1], преподававший на кафедре истории философии в КДА. Профессор отметил, что критический разбор обстоятелен, выдержан, очень подробно описаны и проанализированы религиозные системы обоих верований. Особо отметил преподаватель использование многочисленных источников на европейских языках. В конце отзыва А. Гусев пишет, что работа отца Василия достойна степени кандидата богословия [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2039. Л. 1об.].

Отзыв на работу иеромонаха Василия «Христианство и буддизм: опыт апологии христианства» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2102. Л. 2] было доверено написать профессору А. Гусеву, который после защиты диссертации «Нравственный идеал буддизма в его

отношении к христианству» был удостоен степени магистра и направлен в КДА преподавателем догматического и нравственно-богословия, где ему было предоставлено право рецензировать многие работы студентов по буддизму [Терновский 1892: 382]. Профессор отметил в своем отзыве, что иеромонах Василий перечитал массу литературы по исследуемой теме, извлек из нее все нужное и систематизировал и логически изложил в своей работе. Излишнее дробление на главы и отделы (в работе 8 глав, каждая из которых делится на несколько отделов) и «крайняя растянутость» изложения, а вследствие этого большой объем сочинения несколько затрудняли восприятие. Вместе с тем А. Гусев отмечал «редкое трудолюбие, обнаруженное автором, и многие достоинства его сочинения» и считал его работу «вполне заслуживающим степени кандидата богословия, а после достаточной обработки и степени магистра богословия» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 2102. Л. 2].

5. Заключение

Качество написания курсовых работ, содержание тем, взятых студентами для исследований, использование трудов отечественных и западно-европейских ученых, исследовавших историю и различные аспекты буддизма, свидетельствуют о том, что в середине XIX – начале XX в. Казанская духовная академия стала одним из передовых духовных учебных заведений Российской империи, где сформировалась и выделилась талантливая плеяда научной профессуры и

студенческого сообщества, занимавшаяся изучением буддизма, создалась научная школа сравнительного религиоведения. Взяв на вооружение теоретические и методические основы европейских религиозных учений и сравнительного богословия, студенты КДА скрупулезно изучали исторические документы и первоисточники, проводили огромную работу по переводу религиозных буддийских текстов и научные исследования, которые не имеют аналогов в богословской науке.

Все курсовые работы написаны по одному принципу: во введении дается краткий обзор по исследуемой теме, в некоторых случаях историография вопроса, затем раскрывается слабость и противоречивость буддийского учения и в конце логических рассуждений автор переходит к указанию превосходства христианских догм. Логика в критике достаточно убедительна и сильна. Все работы отличает обстоятельность и вдумчивость. Предмет исследования ясно осмысливается и тщательно изучается авторами. Для нас представляет интерес также собственно рукописи и переводы студентами КДА буддийских текстов на русский язык, переводы западно-европейских исследователей с языка оригинала.

К сожалению, революционные события в России прервали научные исследования старейшего духовного заведения, но научное наследие в виде исследовательских работ студентов Казанской духовной академии сохранилось и ныне представляет интерес и требует дальнейшего изучения.

Источники

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан.

Sources

State Archive of the Republic of Tatarstan.

Литература

Баянова 2016 — Баянова А. Т. Особенности перевода безэквивалентной лексики на немецкий язык (на примере текстов калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) // *Oriental Studies*. 2016. Т. 9. № 4. С. 103–111.

Вагин 1871 — Вагин В. И. Английские миссионеры в Сибири // *Известия Сибирского отдела Императорского Русского географического общества*. Т. I. № 4–5. Иркутск: Тип. Н. Н. Синецына. 1871. С. 69–77.

References

Bayanova A. T. The peculiarities of translation of Kalmyk non-equivalent vocabulary into German (Evidence from Kalmyk fairy tales recorded by G. J. Ramstedt). *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 4. Pp. 103–111. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-26-4-103-111

Vagin V. I. English missionaries in Siberia. *Izvestiya Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1871. Vol. 1. No. 4–5. Pp. 69–77. (In Russ.)

- Васильев 1857 — Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. Общее обозрение. СПб.: Имп. АН, 1857. 356 с.
- Голстунский 1893 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. Т. 3. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1893. 491 с.
- Гурий 1915 — *Гурий.* Бодимур и его критический разбор // Православный благовестник. 1915. № 5–6. С. 57–105; № 7–8. С. 167–180; № 9. С. 98–118; № 10. С. 94–119; № 11. С. 66–89; № 12. С. 63–89.
- Ковалевский 1837 — *Ковалевский О. М.* Буддийская космология. Казань: Университетская тип., 1837. 167 с.
- Ковалевский 1844 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1. Казань: Университетская тип., 1844. 594 с.
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков (середина XVII – начало XX в.). М.: Вост. лит., 2006. 205 с.
- Позднеев 1880 — *Позднеев А.* Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1: Народные песни монголов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 347 с.
- Позднеев 1887 — *Позднеев А. М.* Новый Завет Господа и Спаса нашего Иисуса Христа с греческого подлинника на калмыцкий язык: Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. СПб.: Депо Великобританского и иностранного библейского общества, 1887. 587 с.
- Позднеев 1892 — *Позднеев А. М.* Краткая священная история Нового завета. СПб.: М-во гос. имуществ, 1892. 33 с.
- Позднеев 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 366 с.
- Позднеев 2017 — А. М. Позднеев (1851–1920) в память о Бакши-ламе донских калмыков Менке Борманжинове (1855–1919) (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН) / подготовка к изданию, предисловие и коммент. С. С. Сабруковой // *Mongolica-XIX: сб. научных статей по монголоведению.* СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 68–75.
- ПС ЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VII. 1723–1727 (4137–5219). СПб.: Тип. II Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 925 с.
- Симфония 1900 — Симфония на Ветхий и Новый Завет: подробный алфавитный указатель слов и текстов на все канонические книги св. Писания. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1900. 1616 с.
- Vasilyev V. P. Buddhism, Its Tenets, History and Literature. Pt. 1: A General Review. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1857. 356 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 3. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1893. 491 p. (In Mong. and Russ.)
- Gury [Rev.]. B odemer and his critical analysis. *Pravoslavnyi blagovestnik*. 1915. No. 5–6, pp. 57–105; no. 7–8, pp. 167–180; no. 9, pp. 98–118; no. 10, pp. 94–119; no. 11, pp. 66–89; no. 12, pp. 63–89. (In Russ.)
- Kowalewski O. M. Buddhist Cosmology. Kazan: Imperial Kazan University, 1837. 167 p. (In Russ.)
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 1. Kazan: Imperial Kazan University, 1844. 594 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Orlova K. V. Christianization of Kalmyks, Mid Seventeenth to Early Twentieth Centuries: A History. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 205 p. (In Russ.)
- Pozdnev A. Folk Literary Narratives of Mongols. Vol. 1: Folk Songs. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 347 p. (In Russ. and Mong.)
- Pozdnev A. M. The New Testament: A Greek-to-Kalmyk Translation of the Four Gospels. St. Petersburg: British and Foreign Bible Society, 1887. 587 p. (In Kalm.)
- Pozdnev A. M. The New Testament: A Concise Holy History. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1892. 33 p. (In Russ.)
- Pozdnev A. M. Kalmyk-Russian Dictionary: A Russian-Language Learning Supplement for Kalmyk Primary Schools. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 366 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Pozdnev A. M.] A. M. Pozdnev (1851–1920) in memory of Menko Bormanzhynov — the Bakshi Lama of the Don Kalmyks (1855–1919) (From the documents in the archives of Orientalists in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Science). *Mongolica*. 2017. Vol. 19. Pp. 68–75. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [from the Year 1649]. Vol. 7: 1723–1727 (4137–5219). St. Petersburg: H.I.M. Own Majesty's Chancellery (Second Department), 1830. 925 p. (In Russ.)
- Symphony for the Old and New Testaments: A Detailed Alphabetical Index of Words and Texts to All Canonical Books of the Holy Scriptures. St. Petersburg: A. Lopukhin, 1900. 1616 p. (In Russ.)

- Терновский 1892 — *Терновский С.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870–1892. Казань: Тип. Имп. университета, 1892. 652 с.
- Успенский 1994 — *Успенский В. Л.* Монголо-ведение в Казанской духовной академии // *Mongolica*—III. Из архивов отечественных монголоведов XIX – начала XX вв. СПб.: Фанн, 1994. С. 11–19.
- Burnouf 1852 — *Burnouf M. E.* Le Lotus de la bonne loi. Paris: Imprime par autorisation gouvernement, 1852. 897 p.
- Pallas 1776 — *Pallas P. S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Bd. 1. St. Petersburg: Kayserliche Akademie der Wissenschaften, 1776. 232 s.
- Schmidt 1820 — Das Evangelium Matthaei in die Kalmükische Sprache / übers. von I. J. Schmidt. St. Petersburg, 1820. Кол-во стр
- Schmidt 1824 — *Schmidt I. J.* Vorschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter. Mit zwei Tafeln in Steindruck. St. Petersburg: Gedruckt bei Karl Kray, 1824. 287 s.
- Schmidt 1829 — Schmidt I. J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt. St. Petersburg: Gedruckt bei Gretsche, 1829. 510 s.
- Seidenstücker 1909 — *Seidenstücker K.* Buddhistische Evangelien. München: Schatzkammerverlag Fändrich, 1909. 283 s.
- Ternovsky S. Kazan Theological Academy, 1870–1892: A Historical Account of Its State and Activity after the Reorganization. Kazan: Imperial Kazan University, 1892. 652 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Mongolian studies at Kazan Theological Academy. *Mongolica*. 1994. Vol. 3. Pp. 11–19. (In Russ.)
- Burnouf M. E. Le Lotus de la bonne loi. Paris: Imprime par autorisation gouvernement, 1852. 897 p. (In Fr.)
- Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1776. 232 p. (In Germ.)
- Schmidt I. J. Das Evangelium Matthaei in die Kalmükische Sprache. St. Petersburg, 1820. (In Kalm.)
- Schmidt I. J. Vorschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter. St. Petersburg: K. Kray, 1824. 287 p. (In Germ.)
- Schmidt I. J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt. St. Petersburg: Gretsche, 1829. 510 p. (In Germ. and Mong.)
- Seidenstücker K. Buddhistische Evangelien. München: Fändrich, 1909. 283 p. (In Germ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 4, Pp. 835–848, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК/ UDC 575.174

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848

Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 1: дербеты

Санал Владимирович Джагрунов¹, Алексей Александрович Булуктаев²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0009-0002-8512-053X. E-mail: [sanal.dzhagrunov\[at\]gmail.com](mailto:sanal.dzhagrunov[at]gmail.com)

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-2329-465X. E-mail: [buluktaev89\[at\]mail.ru](mailto:buluktaev89[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Джагрунов С. В., Булуктаев А. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Настоящая работа продолжает изучение вопросов о происхождении отдельных ойратских (калмыцких) предковых линий, исторически соотносимых с наиболее влиятельными родами и племенами, с применением современных естественнонаучных инструментов. *Цель* исследования — провести анализ субклада мужской половой хромосомы C2-F1067 у калмыков и сформулировать выводы о его этноисторических корнях у ойратов (и смежных групп), прежде всего в связи с его фиксируемой связью с аристократическим родом *цорос* (чорос). В первой публикации рассмотрены образцы «цоросовского» субклада C2-F1067 (DYS385=11-11) у калмыков-дербетов с учетом вновь вводимых сведений этнографического характера. *Материалами* исследования выступили 62 выявленных STR-гаплотипа указанного субклада у дербетов, полученных в ходе исследования с применением наборов Yfiler® Plus PCR Amplification Kit, Yfiler® PCR Amplification Kit, а также COrDIS Ystr. *Результаты.* Исследование показало, что носителями указанного субклада являются представители дербетовских родов, в наименовании которых доминируют лексические элементы «цорос», а также те, что указывают на аристократические корни основателей данной линии: саядюд (калм. *сээдүд* 'лучшие, знатные'), зяяснгюд (калм. *зээсгүд* 'представители дворянского сословия'), нойнахн (калм. *нойн* 'князь'). Выявлены инварианты STR-гаплотипов данного субклада, преимущественно маркирующие туктунов и бурулов, что вновь свидетельствует о древности данных родовых объединений дербетов по сравнению с шабинерами и абганерами. Зюны же оказываются достаточно свободным от цоросов элементом в структуре дербетов и претендуют на роль изначальных носителей данного племенного имени («дорбен») из числа древней ойратских групп. Находят доказательства и сообщения о патрилинейном родстве аристократии абганеров, туктунов и бурулов. Наконец, с учетом предшествующих изысканий в этом направлении настоящее исследование окончательно отождествляет «монгольский» субклад C2-F1067 со значением по *DYS385=11-11* — с ойратским родом *цорос* (чорос).

Ключевые слова: цорос, чорос, калмыки, дербеты, ойраты, субклад, STR-гаплотипы, C2-F1067

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4). Лабораторное оборудование и реагенты приобретены в рамках субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Авторы выражают благодарность всем участникам исследования, а также И. Б. Улюмджиеву, Д. Н. Каруеву, О. Л. Минаеву и другим за помощь в организации сбора образцов.

Особые слова признательности выражаем дирекции в лице В. В. Кукановой, Э. П. Бакаевой, А. Т. Баяновой, Г. М. Манжиковой, благодаря систематическим организационным усилиям которых настоящие исследования успешно реализуются на базе КалмНЦ РАН.

Для цитирования: Джагрунов С. В., Булуктаев А. А. Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 1: дербеты // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 835–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848

Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing Origins of the Tsoros (With Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 1: The Dorbet

Sanal V. Dzhagrunov¹, Aleksey A. Buluktaev²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

0009-0002-8512-053X. E-mail: sanal.dzhagrunov[at]gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Biology), Senior Research Associate

0000-0002-2329-465X. E-mail: buluktaev89[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A., 2024

Abstract. Introduction. The work provides further insights — with the aid of contemporary scientific tools — into origins of different Oirat (Kalmyk) patrilineages historically associated with most influential clans and tribes. **Goals.** The study attempts an analysis of the Y-chromosomal subclade C2-F1067 among Kalmyks and conclude as to ethnohistorical roots of the latter among Oirats (and related groups), in particular with due regard of its traced connection to the nobility clan *Tsoros* (*Choros*). Part 1 shall examine identified samples of the ‘Tsoros’ subclade C2-F1067 (DYS385=11-11) among Kalmyk Dorbets with reference to the newly introduced ethnographic data. **Materials and methods.** The paper analyzes a total of 62 STR-haplotypes of the specified subclade identified with the aid of Yfiler® Plus PCR Amplification Kit, Yfiler® PCR Amplification Kit, and COrDIS Ystr. **Results.** The study reveals bearers of the subclade are largely representatives of Dorbet clans with the onymic element ‘Tsoros’, as well as ones attesting to their aristocratic roots, such as ‘*säädüü*’ (Kalm. *cäädγd* ‘best, noble ones’), ‘*zääsngüü*’ (*зээсн* ‘nobleman’), ‘*noinakhn*’ (*нойн* ‘prince’). Certain variants of Y-STR-haplotypes inherent specifically to the *Tugtun* and the *Buurul* Dorbets have been outlined, which attests to these are older clan associations as compared to the *Shabinar* and the *Abganar*. The *Zün* prove to be an association somewhat free from the *Tsoros* within the Dorbet, and may claim to have been the original *Dorbet* (*Dörbän*) among initial medieval Oirat groups. We also find evidence confirming messages about patrilineal kinship between the nobility of the *Abganar*, *Tugtun*, and *Buurul*. Finally, with due account of preceding research endeavors in this field the paper resumes the ‘Mongol’ Y-chromosomal subclade C2-F1067 with *DYS385=11-11* be associated with the Oirat clan *Tsoros* (*Choros*).

Keywords: Tsoros, Choros, Kalmyks, Dorbets, Oirats, subclade, Y-STR-haplotypes, C2-F1067

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’. The laboratory equipment and consumables were funded by federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist (project ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Com-

prehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews'). Authors extend gratitude to all test-takers, as well as to I. B. Ulyumdzhiyev, D. N. Karuev, O. L. Minaev and others for their hearty assistance in research arrangements. Words of particular gratitude be expressed to the Directorate represented by V. V. Kukanova, E. P. Bakaeva, A. T. Bayanova, G. M. Manzhikova whose systemic organizing efforts have successfully made the present studies at KalmSC RAS possible.

For citation: Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A. Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing Origins of the Tsoros (With Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 1: The Dorbet. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 835–848. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848

1. Введение

Вопрос происхождения ойратов (калмыков) вообще и их отдельных крупных родоплеменных объединений в частности весьма сложен и запутан, как по сию пору нет и единства исследователей в интерпретации самого термина «ойрат». Настоящее исследование посвящено вопросу происхождения ойратского рода *цорос* (*чорос*), попытка раскрытия какового в основном будет предпринята во второй части публикации. Первая же часть будет посвящена обработке и анализу выявленных Y-STR-гаплотипов «цоросовского» субклада [Adamov, Volkov 2012] C2-F1067 в калмыцких образцах дербетов (наряду с зюнгарами / джунгарами традиционно соотносимых с родом *цорос*), выявлению закономерностей распределения отдельных предковых линий (в случае обнаружения таковых), трактовке результатов с учетом вновь вводимых в научный оборот данных этнографического характера (родословных, семейных преданий).

2. Материалы и методы

В настоящей работе для генетического анализа были отобраны карты-хранения ДНК «Биохран» с образцами капиллярной крови, а также образцы венозной крови. Все молекулярно-генетические исследования выполнены в блоке генетических исследований Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН) (г. Элиста). Процедуры выделения ДНК, постановка на ПЦР и электрофорез проводили в соответствии с протоколами. Принадлежность гаплотипов к той или иной гаплогруппе оценивали с помощью онлайн-программы «Y-DNA Haplogroup Predictor – NEVGEN».

ПЦР-амплификация осуществлялась с применением наборов Yfiler® Plus PCR

Amplification Kit, Yfiler® PCR Amplification Kit, а также COrDIS Ystr по мере наличия соответствующих расходных материалов. Для целей публикации и анализа за основу взяты STR-локусы из набора Yfiler® PCR Amplification Kit с присовокуплением данных по DYS447 (для образцов, первоначально обработанных набором COrDIS Ystr), DYS449 и DYS576, показавших наиболее существенные вариативные значения при рассмотрении обозначенного субклада. Данные по значениям STR-локусов выявленных дербетовских образцов «цоросовского» субклада C2-F1067 приводятся в Приложении 1.

Методология этноисторического исследования представлена междисциплинарным подходом, с применением техник системного анализа, сравнительно-сопоставительного метода, а также метода исторической реконструкции.

3. Исследование КалмНЦ РАН

Из числа протестированных в период проведения исследования на базе КалмНЦ РАН (апрель 2021 г. – февраль 2022 г., апрель – сентябрь 2024 г.) 375 мужчин идентифицировали себя как «торгуты», 478 — как «дербеты», 34 — как «хошуты», 128 — как «бузавы», 31 — как «зюнгары». «Цоросовский» субклад был выявлен в 81 образце, подробное структурное описание которых в разрезе субэтнотетов, родовых объединений и собственно родов будет представлен в настоящей и последующей публикациях.

3.1. Бага-дербеты

Как и ожидалось, максимальных значений в абсолютном выражении исследуемый субклад достигает в популяции волжских дербетов, из которых 443 — бага-дербеты (калм. *бах дөрвд*) и 35 — ики-дербеты

(калм. *ик дөрвд*): в сумме 62 из 81 носителя «цоросовского» субклада, а с учетом еще 5 бузавов ясуна *бага-бурул* (прямая связь с дербетами-бурулами; данные бузавских образцов будут представлены и рассмотрены дополнительно) — 67 из 81. Настоящий факт объясняется тем, что род *цорос* (чорос) составлял аристократию дербетов [Лунный свет 2003: 89, 133–134] по меньшей мере с XV в., когда под их властью сформировалось племенное объединение элэтов, которое в первой половине XVII в. разделилось на дербетов и джунгаров [Письменные памятники 2016: 227–228].

Традиционно бага-дербеты подразделяются на 5 крупных родовых объединений: туктуны (калм. *тугтн*), бурулы (калм. *буурл*), зюны (калм. *зүн*), абганеры (калм. *авһнр*), шабинеры (калм. *шэвнр*) [Митиров 1998: 323–324]. Настоящим исследованием охвачены все указанные объединения в количестве 440 человек (еще три бага-дербета не смогли указать свою родословную).

3.1.1. Абганеры

Дербеты-абганеры представлены 69 образцами в составе следующих родов (родовых групп): аавихн — 8 чел., асмуд — 12 чел., барун — 13 чел., кётчнр — 9 чел., нойнахн — 14 чел., а также хавчн — 13 чел.

Рассматриваемый субклад был выявлен в 12 образцах абганеров в следующих родах (родовых группах) и арванах (торелях): асмуд > гальджигюд — 3 чел., асмуд > цядрмюд — 1 чел., барун > ишткюд — 2 чел., барун > шонхрмуд — 2 чел., барун > зяяснгюд — 1 чел., нойнахн > асмуд — 1 чел., нойнахн > нойн-хоонуд — 2 чел. При ближайшем рассмотрении 2 из 3 гальджигюдов оказались родственниками в 3-м (4-м) колене: Ханшг — его сын Нагаджур — его сыновья Ярм и Павлу; Павлу — его сын Бадма — его сын Бадма — его сын А. [ПМА 2024: Инф. 14]; Ярм — его сын Михаил — его сын Н. [ПМА 2024: Инф. 15]. Эти два участника не смогли указать степень родства с третьим, который сообщил весьма ценные данные о своей линии до 9-го колена, раскрывающие происхождение данного рода в целом. При этом настоящим исследованием разрешен вопрос о старшинстве братьев Ярм и Павлу: при значении DYS576=19 у потомка Павлу

и третьего гальджигюда — Ярма можно рассматривать как младшего брата, у которого проявилась одношаговая мутация по указанному локусу (DYS576=20). В общем же линию Павлу и Ярма выделяет от стволовой — значение по DYS447=26 при условно эталонном значении DYS447=27.

Третий гальджигюд показал следующее преемство мужских предков: Чон Амулн — его сын Улан Хён — его сын Гаальджи (имя-эпоним) — его сын Кедют — его сын Гюсяря — его сын Нимя — его сын Халга — его сын Соса — его сын Баатр — его сын Д. (А., 1964 г. р.) [ПМА 2024: Инф. 1]. Вызывает интерес имя первопретка Чон Амулн, явно созвучное Чоно Омолгону, почитавшемуся бузавами ясуна *bah буурл* в качестве их родоначальника [Алексеева, Борманджинов 1999: 12], что вкупе со специфическим значением DYS449=28 может указывать на фактическое родство данных линий. При расчетной длине поколения для мужских предковых линий в 31 год [Fenner 2005: 421] устанавливается, что Чон Амулн родился ок. 1680–1690-х гг. в дербетовском родовом объединении *буурл*.

Наконец отметим, что именно значение DYS449=28 в подавляющем большинстве маркирует бурулов (9 дербетов-бурулов, 4 донских бага-бурула и 3 гальджигюда устанавливаемого бурульского происхождения) — 16 из 18 образцов (кроме шар-меркита из ст. Власовской и цороса из аймака Салын-Тугтун). При этом в свете вышеозначенных сведений фиксируемые в рамках данной группы 4 случая со значением DYS576=20 следует отнести к случайным одношаговым мутациям. Не меньший интерес вызывает «цоросовский» результат представителя рода *зяяснгюд* из абганер-барунов, который указал на прямое происхождение по мужской линии от зайсанга Джаба Кутузова [ПМА 2024: Инф. 2]: Кутуз — его сын Джаб — его сын Бадма — его сын Бюрчи — его сын Лиджи — его сын Б. — его сын М. Еще один сын Джаба Кутузова — Дорджи-Джаб Кутузов (1850–1889) при рассмотрении сюжета о зайсангах Джова-Дорджи и Эмген-Убуши в калмыцком фольклоре отождествляется Э. П. Бакаевой с первым из двух (различая во втором Эмген-Убуши

Дондукова, 1840–1902) [Бакаева 2022: 350, 352]. Особое внимание тут привлекает и сюжетная линия противопоставления двух аймачных правителей «на уровне проявления локальной этнической идентификации» внутри дербетов: Д.-Д. Кутузов как зайсанг абганер-кетчинеров – и Э.-У. Дондуков как зайсанг зюнов-чоносов [Бакаева 2022: 360]. Наши данные позволяют несколько расширить взгляд на данный аспект: по приводимой Г. М. Борликовым родословной таблице [Борликов 2018: 195] Эмген-Убуши Дондуков происходил из той же мужской предковой линии, что и участник нашего исследования, показавший «ойратский» Y-субклад R2a-M124 [Джагрунов и др. 2023: 831–832], предварительно отождествляемый нами со средневековыми ойратами-дорбенами. Более подробно настоящий вопрос будет рассмотрен ниже в разделе о дербетах-зюнах.

В целом отметим, что за вычетом 3 гальджигюдов 9 абганеров показывают стандартное значение по DYS449=27, а 7 из 9 — стандартное же значение по DYS476=19 (в том числе образец потомка абганеровского зайсанга Джаба Кутузова). А. Г. Митиров устанавливает, что абганеры составляли «как бы личное владение у дербетовских нойонов» [Митиров 2002: 36] Тундутовых, образовались они уже в пределах России (остальные четыре родовых объединения пришли из Джунгарии) [Митиров 2002: 37], и пребывание Джаба Кутузова в должности аймачного зайсанга родового владения нойонов свидетельствует о том, что он «должен был приходиться им достаточно близким родственником» [Митиров 2002: 91].

Интересны в этой связи образцы нойн-хоонудов с условно стандартными значениями по DYS449=27 и DYS576=19. А. Очир сообщает, что у кобдосских олётвов чоросы (цоросы) делятся на «нойн и ноха», т. е. сохранивших привилегированное положение и утративших его к началу XX в. соответственно [Очир 2016: 242]. На аналогичные ветви подразделяются и калмыцкие хоонуды абганеровской родовой группы *нойнахн* — «нойн хоонуд и ноха хоонуд» [ПМА 2021: Инф. 1]. «Цоросовские» результаты протестированных нойн-хоонудов могут быть объяснены сообщением того же А. Очира о происхожде-

нии баятской патронимической группы *ноён хоноц* [Очир 2016: 243].

Обращает на себя внимание факт отсутствия «цоросовского» субклада среди полученных результатов у хапчинов, в каких-то У. Э. Эрдниев склонен видеть потомков эркетеней-хапчинов во главе с зайсангом Зунчи Мазановым, включенных в состав дербетов по итогам раскассирования первоначально-го Эркетеневского улуса (т. е. «природных» эркетеней) [Эрдниев 1985: 193] после трагических событий 1771 г.

К сожалению, сколько-нибудь существенных данных о причастности к цоросам, дербетовской аристократии или даже точной степени родства (кроме общих слов о родстве по умолчанию ввиду принадлежности к одному арвану) по оставшимся «цоросовским» образцам абганеров получить не удалось.

3.1.2. Бурулы

Дербеты-бурулы представлены 56 образцами в составе следующих родов (родовых групп): ики-бурул — 7 чел., бага-бурул — 4 чел., манджекин — 11 чел., джеджекин — 6 чел., кёвюд — 1 чел., а также ульдюнчр — 27 чел.

Рассматриваемый субклад был выявлен в 13 образцах бурулов в следующих родах (родовых группах) и арванах (торелях): ики-бурул > шюдюнчинер — 2 чел. и дашмуд — 2 чел., бага-бурул > хонграхн — 1 чел. и сядюд — 2 чел., джеджекин > сядюд — 3 чел., манджекин > сахлмуд — 1 чел. и 2 чел. не смогли указать свой под-род.

Как отмечалось выше, бурулы в целом характеризуются значением DYS449=28: из 13 9 дербетов-бурулов характеризуются данным признаком.

Исконно бурульскими считаются родовые группы (аймаки) *ики-бурул*, *бага-бурул*, *манджекин*, *джеджекин* и *кёвюд* [ПМА 2021: Инф. 2]. При этом сами представители групп *ульдюнчр* и *оргакин* отрицают свою причастность к «тавн буурл» [ПМА 2024: Инф. 3; ПМА 2024: Инф. 4], несмотря на давнее соседство (а также устоявшиеся матримониальные связи) с последними и пребывание (п. Оргакин) в административных границах собственно Ики-Бурульского района Калмыкии.

Примечателен образец шюдючинера (в анкете записано: «шүшнр») со значением DYS449=27 в связи с вопросом о родовой и исторической памяти калмыков. В анкете указано следующее преемство мужских предков: Церен-Даши — его сын Джанчип — его сын Иши-Джамба — его сын Корни — его сын Балта — его сын Муша — его сын А. — его сын Б. — его сын Э. — его сын Э. [ПМА 2024: Инф. 5]. Указанный Церен-Даши упоминается в числе двух ближайших лиц верховного дербетовского владельца конца XIX в. Галдан-Церена, имевших на него сильное влияние и активно препятствовавших планам царского правительства о воссоединении дербетовского улуса с основной массой калмыков [Пальмов 2007: 276]. Несмотря на уговоры чиновников именно Церен-Даши был оставлен «в улусех» по отъезду владельца в Петербург в 1764 г. [Пальмов 2007: 279]. Такое доверие в калмыцком обществе того времени можно потенциально объяснить близостью родства. Также сообщается, что на Таскиря и Церен-Даши имелись жалобы буруловских и туктуновских зайсангов [Пальмов 2007: 277], что было едва ли возможно в случае с «природными» владельцами, т. е. указанные лица априори выступают в некоторой оппозиции к собственно аристократии бурулов и туктунов. Совокупность этих данных может указывать на принадлежность Церен-Даши к линии потомков (возможно, побочной) Солом-Церена и, соответственно, ее внешнему характеру по отношению к собственно бурулам. Также примечательно, что отец указанного протестированного при жизни подчеркивал в частных беседах, что он «тоже цорос» [ПМА 2024: Инф. 6]. Отметим, что все протестированные манджекины и джеджекины показали «бурульское» значение по DYS449=28. О зайсанге Манджи нам известно, что по смерти старшего владельца дербетов Цебек-Убуши и последующем разделе улуса между представителями младших (боковых) ветвей «делами улуса фактически ведали зайсанги двух самых больших этнических групп улуса — туктунов и бурулов ... соответственно Талтай и Манджи» [Митилов 2002: 94]. При этом считалось, что туктуновские и буруловские зайсанги являлись

родственниками нойонов Дербетовского улуса [Митилов 2002: 95], в ведении которых находились абганеры.

3.1.3. Зюны

Дербеты-зюны представлены 109 образцами в составе следующих родов (родовых групп): ики-чонос — 16 чел., бага-чонос — 26 чел., ики-бухус — 28 чел., бага-бухус — 7 чел., бюдермис — 3 чел., хашханер — 13 чел., хончинер — 7 чел., шарнут-чонос — 9 чел.

Ранее нами уже отмечалось характерно минимальное присутствие «цоросовского» субклада у дербетов-зюнов, что объясняется наличием своей «природной» аристократии в рамках данной группы [Джагрунов и др. 2023: 831–832]. Тем не менее отдельные образцы фиксируются.

Рассматриваемый субклад обнаруживается в 3 образцах в составе следующих родов (родовых групп) и арванов (торелей): ики-бухус > буурл — 1 чел. и саядюд — 1 чел., шарнут-чонос > ээджинхн — 1 чел.

Родовое название «буурл» внутри зюновского аймака Ики-Бухус очевидно подразумевает внешнюю природу происхождения данного подразделения, наименование «саядюд» может указывать на принадлежность к аристократии дербетов вообще, ассоциируемой с цоросами.

Относительно тореля *ээджинхн* есть устное предание, согласно которому основателем рода стал усыновленный бездетной пожилой парой мальчик [ПМА 2023: Инф. 1], каковой мог быть представителем рода *цорос*, фиксируемого недалеко от кочевий шарнут-чоносов [Митилов 1998: 371].

Проведенная реконструкция бытования субклада R2a-M124 у калмыков вкупе с настоящим фактом преимущественной обособленности дербетов-зюнов от носителей «цоросовского» субклада указывает на возможность отождествления их со средневековым ойратским компонентом *дорбен* [Джагрунов 2023: 1552–1553].

В. П. Санчилов приходит к выводу, что дербеты и джунгары (зюнгары) «и есть потомки древних ойратов», поделенные между сыновьями Эсена-тайши после его гибели на две указанные группы [Санчилов 1990: 56–57]. Со своей стороны, мы склонны до-

пускать существование по меньшей мере двух исходных элементов (племен), мифологически отождествленных с образами Борте-Чино и Гоа-Марал [Козин 1941: 79, 83–86], что и объяснило бы такого рода разделение. Вопрос этот обширен, затрагивает вопрос о происхождении термина «ойрат» как такового и потому требует рассмотрения в отдельной публикации. Вместе с тем уже сейчас можно отметить, что, вероятно, именно зюны-«дорбены» могли дать основу для наречения улуса владельцев из рода цорос в междуречье Волги и Дона — собственно «дербетам».

3.1.4. Туктуны

Дербеты-туктуны представлены 100 образцами в составе следующих родов (родовых групп): догзмакин — 8 чел., ики-заргакин — 3 чел., каакнахн — 6 чел., манц гелнгуод — 4 чел., найтнахн — 12 чел., сарлахн — 3 чел., талтахн — 34 чел., цорос — 5 чел., шошолдахн — 1 чел., шунгурцахн — 5 чел., оргакин — 18 чел., также еще один человек из аймака Салын-Тугтун не смог указать свою родовую принадлежность.

Рассматриваемый субклад был выявлен в 19 образцах туктунов в следующих родах (родовых группах) и арванах (торелях): догзмакин > бёк алдр — 1 чел.; манц гелнгуод — 3 чел., найтнахн > саядюд — 2 чел. и 1 чел. неизв. подрод, талтахн > саядюд — 3 чел. и йоксюд — 1 чел.; цорос — 2 чел., шунгурцахн > орсуд — 1 чел. и тугчнр — 2 чел., оргакин > саядюд — 2 чел. и болтахн — 1 чел.

По внимательном рассмотрении «цоровских» STR-гаплотипов выясняется, что при значениях по DYS449=27 и DYS576=20 13 из 19 оказываются представителями дербетов-туктунов: 10 — бага-дербеты и 3 — ики-дербеты. В связи с изложенным считаем возможным в первом приближении считать это признаком туктунов в целом.

К числу образцов со значением DYS576=19 в структуре протестированных туктунов относятся все 3 найнтахина, все 3 шунгурцахина, а также 1 цорос и 1 догзмакин. Забегая вперед отметим, что по итогам исследования прямые мужские потомки собственно зайсанга Нойты отмечены «калмыцким» («ойратским») субкладом C2-M48

в его эталонном варианте (DYS19=16-17, DYS385=12-12).

Из 11 оставшихся туктунов со значением DYS576=20 6 претендуют на происхождение от Марзы (прадеда знаменитого зайсанга Талтая) [Митиров 1998: 364], из которых 3 талтахин-сяядюды и 3 манц-геленгюды. Потомки Марзы имеют характерное значение по DYF387S1=36–40 (при стандартном 36–39). Таким образом отмечается, что туктуны (как и бурулы) зачастую управлялись своими «природными» зайсангами.

Два манц-геленгюда указали на возможность выделения своего рода из талтахинов, но точных исторических обстоятельств такового привести не смогли. При этом оба они в родословии указывают Маштака (записано «Маштан») не братом Генден-Арши, а его сыном, таким образом ставя первого в позицию родного брата влиятельного зайсанга Талтая (а не его дяди) [ПМА 2024: Инф. 11; ПМА 2024: Инф. 12]. Все трое манц-геленгюда происходят от участника войны 1812 г. Иши-Джамбо (сына Маштака, внука Хончивы, двоюродного брата Талтая), а все трое талтахин-сяядюда — от Хургуна (сына Генден-Арши, внука Хончивы, родного брата Талтая).

В числе носителей «туктуновского признака» мы видим и оргакинов, изначально указываемых среди туктунов [Митиров 1998: 323], а позже (и теперь очевидно, что только административно) — уже в непосредственном соседстве с бурулами [Митиров 1998: 337].

3.1.5. Шабинеры

Дербеты-шабинеры представлены 106 образцами в составе следующих родов (родовых групп): бага-хурул — 16 чел., дунду-хурул — 52 чел., ики-хурул — 15 чел., башшин шемнр — 11 чел., богдахн — 6 чел., зёд — 4 чел., ики-манлан — 2 чел. Рассматриваемый субклад был выявлен в 9 образцах шабинеров в следующих родах (родовых группах) и арванах (торелях): бага-хурул > алтн нармахн — 1 чел. и унгюлгюд — 1 чел.; багшин шемнр > зёд — 1 чел., авгнр шемнр — 1 чел. и этясюд — 1 чел.; дунду-хурул > зёд — 1 чел. и ламин арвн — 1 чел.; богдахн > данглмуд — 1 чел.; зёд > авгнр — 1 чел.

Наиболее подробную родословную указал унгулгюд из Бага-Хурула: Унгулг — его сын Хар — его сын Джимба — его сын Ваньк — его сын Хар Лиджи — его сын Эренджен — его сын Мукабен — его сын Николай — его сын С. (1983 г. р.) [ПМА 2024: Инф. 7]. Он же сообщил, что в их семье традиционно почитается божественный покровитель рода (и всего Бага-Хурула) — «Баатр Гюнтк Дорджи Нойон», которого можно отождествить с нойоном Гунга-Дорджи, сыном Честеря, зятем и сподвижником Дондука-Омбо [Митиров 1998: 361; Пальмов 2007: 238]. При расчетной длине поколения для мужских предковых линий в 31 год [Fenner 2005: 421] устанавливается, что указанный Унгулг родился около 1730-х гг., т. е. примерно в тот же период, когда в 1735 г. Дондук-Омбо после долгого и жестокого противоборства был наконец объявлен «главным калмыцкого народа управителем» [Митиров 1998: 166] и когда в 1737 г. были основаны три хурула [ПМА 2024: Инф. 8].

3.2. Ики-дербеты

Из 35 калмыков, идентифицировавших себя как «ики-дербеты», «цоросовский» субклад был выявлен в 6 образцах по аймакам: Ики-Чонос — 1 чел., арван *хёёдюд* (калм. *хөөдүд*); 2-й Бага-Туттун — 3 чел., арваны *хонгшуд* и *хондлахн*; 2-й Ики-Туттун — 1 чел., род *туулахн*; Цорос — 1 чел., род *цорос*.

У 4 из 6 обнаруживается «туктуновское» значение по $DYS576=20$, причем 3 из них — собственно туктуны, а четвертый указал на цоросовское происхождение.

Оба хондлахины предоставили родословные до седьмого колена, но не обнаружили общности происхождения по мужской линии. При этом один из них указал, что наименования «хондлахн», «хонгшуд» и «оргакин» у ики-дербетов являлись в известной степени синонимами, т. е. обозначали смежные (если не общие по происхождению) группы [ПМА 2024: Инф. 9]. Он же рассказал поведанную ему отцом историю о том, что около 1890-х гг. проводился даже специальный обряд побратимства между хондлахины и хонгшудами — «когда менялись рубашками» [ПМА 2024: Инф. 9]. Второй хондлахин настоял, что хонгшуд и хондлахн просто долго проживали в непосредствен-

ной близости друг от друга, а с оргакинами по происхождению скорее связаны хондлахины [ПМА 2024: Инф. 10]. Представитель оргакинов из числа бага-дербетов подтвердил, что до самой депортации 1943 г. существовали устойчивые родственные связи с населением туктуновских аймаков ики-дербетов, там существовал «хотон Оргакин» (урочище Аргакин [Административно-территориальное устройство 2008: 495]), а построенный в начале XX в. «оргакиновский» хурул был известен во всей калмыцкой степи как один из самых богатых и красивых [ПМА 2024: Инф. 3]. В целом настоящие сведения вкупе с лабораторными данными еще раз подтверждают туктуновское происхождение оргакинов.

Интересна и история предков представителя 2-го Ики-Туктуна из рода туулахн. По семейному преданию предком протестированного по прямой мужской линии в четвертом колене оказался зайсанг Патинов (такая зайсангская фамилия действительно фиксируется в 1-м Ики-Туктуне [Административно-территориальное устройство 2008: 493]). После скоропостижной кончины супруга молодая женщина с малолетним сыном вернулась в дом отца Дока (Докура). Поскольку у последнего не оставалось мужских потомков, то он настоял, чтобы выросший внук образовал фамилию по его имени. Отец протестированного в советские годы рассказывал, что они «цаган яста» («белой кости», т. е. благородного происхождения) [ПМА 2024: Инф. 13]. Тут вновь отметим, что потомство «природного» зайсанга туктунов Патинова отмечено значением по $DYS576=20$, что подтверждает озвученные в разделе о туктунах (и бурулах) вывод: на базовом уровне они искони управлялись своими изначальными зайсангами, вышедшими из их же среды настолько рано, что установленные признаки получили широкое распространение в рамках заданных родовых объединений дербетов.

4. Заключение

По итогам рассмотрения Y-STR-гаплогрупп «цоросовского» субклада C2-F1067 у дербетов констатируется возможность выделения «туктуновского» и «бурульского»

инвариантов указанного субклада, что свидетельствует о древности данных двух родовых объединений волжских дербетов по отношению к абганерам и шабинерам.

Характерно, что указанные инварианты фиксируются в том числе у носителей родовых наименований «сяядюд», что говорит в пользу сохранения власти в рамках указанных групп их «природными» (изначальными) зайсангами, каковые в разные этапы истории нередко выступали в оппозиции даже к потенциальным представителям верховных нойонских линий. Последнее, в свою очередь, может свидетельствовать о сложении административной прослойки (и самих этих двух объединений вообще) задолго до прихода дербетов во главе с Солом-Церен-тайши на Волгу и, соответственно, до перехода верховной власти в Дербетовском улусе Калмыцкого ханства в руки его потомков.

Зюны же даже при значительном расширении выборки (по сравнению с 2021 г.) действительно оказываются условно свободным от присутствия цоросов объединением, с преобладанием Y-субклада R2a-M124 в своей внутренней структуре, что позволяет выделить их в отдельную группу, предварительно ассоциируемую нами с древнеойратским компонентом *дорбен*.

Интересен вывод о происхождении абганер-асмуд-гальджигюдов из среды бурулов и, в частности, бага-бурулов, что уста-

навливается на основе сравнения родословной легенды бузавов ясuna *бага-бурул*, собственно данных родословной гальджигюдов и, наконец, соответствующих значений по заданным STR-маркерам. Равно примечательны естественнонаучные данные, подтверждающие туктуновское происхождение оргакинов.

Находят доказательства и сообщения о патрилинейном родстве аристократии абганеров, туктунов и бурулов. Тут же отметим, что из 62 носителей «цоросовского» субклада 12 указали название родового подразделения «сяядюд» (калм. *сээдүд* «лучшие, знатные (о феодалах)»), 1 — «зяяснгюд» (*зээсн* «зайсан (представитель дворянского сословия)»), а еще у 2 в названии как рода, так и подрода фиксируется компонент «нойн» (*нойн* «князь») — и это согласуется с сообщениями о том, что цоросы составляли правящий клан дербетов и зюнгаров (джунгаров) [Лунный свет 2003: 89, 133–134].

Наконец, 3 человека с «цоросовским» субкладом однозначно указали в графе «род» собственно «цорос», а по отдельным протестированным получены сведения о том, что их предки также идентифицировали себя с цоросами. Совокупность приведенных данных с учетом предшествующих изысканий в этом направлении позволяет окончательно отождествить «монгольский» субклад C2-F1067 со значением по DYS385=11-11 — с ойратским родом цорос (чорос).

Полевые материалы С. В. Джагрунова

ПМА 2021: Инф. 1 — М. Д. А., муж., 1973 г. р., арван нойн-хоонуд (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2021: Инф. 2 — М. В. А., муж., 1939 г. р., арван му авгнр (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2023: Инф. 1 — Л. М. А., муж., 1975 г. р., торель джава ламинхн (запись 2023 г., г. Элиста).

ПМА 2024: Инф. 1 — С. А. Б., муж., 1964 г. р., арван гальджигюд (запись 2024 г., г. Элиста).

ПМА 2024: Инф. 2 — Л. М. Б., муж., 1977 г. р., арван зяяснгюд (запись 2024 г., г. Элиста).

ПМА 2024: Инф. 3 — Э. Б. К., муж., 1965 г. р., торель онкахн (запись 2024 г., г. Элиста).

Field Data of S. Dzhagrunov

Informant 2021-1: M. D. A., male, b. 1973, arvan *Noyn-Khoonud*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 2021-2: M. V. A., male, b. 1939, arvan *Mu Avgnr*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 2023-1: L. M. A., male, b. 1975, torel *Java Laminkhn*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2023. (In Russ.)

Informant 2024-1: S. A. B., male, b. 1964, arvan *Galjigüd*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)

Informant 2024-2: L. M. B., male, b. 1977, arvan *Zääsngüd*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)

Informant 2024-3: E. B. K., male, b. 1965, torel *Onkakhn*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)

- ПМА 2024: Инф. 4 — У. И. Б., муж., 1957 г. р., арван шоткуд (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 5 — А. Э. Э., муж., 1971 г. р., арван шюдючнр (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 6 — Т. В. М., муж., 1949 г. р., арван цорос (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 7 — Л. С. Н., муж., 1983 г. р., торель унгюлгюд (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 8 — М. Б. О., муж., 1986 г. р., арван му чонос (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 9 — Г. Р. К., муж., 1975 г. р., арван хондлахн (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 10 — М. С. К., муж., 1988 г. р., арван хондлахн (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 11 — М. М. Б., муж., 1954 г. р., род манц геленгюд (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 12 — С. К. Б., муж., 1958 г. р., род манц геленгюд (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 13 — Д. Ю. Э., муж., 1952 г. р., род туулахн (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 14 — П. А. Б., муж., арван гальджигюд (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 15 — Я. Н. М., 1968 г. р., арван гальджигюд (запись 2024 г., г. Элиста).
- Informant 2024-4: U. I. B., male, b. 1957, arvan *Shotkud*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2024-5: A. E. E., male, b. 1971, arvan *Shüdüchiner*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2024-6: T. V. M., male, b. 1949, arvan *Tsoros*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2024-7: L. S. N., male, b. 1983, torel *Ungülgüd*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2024-8: M. B. O., male, b. 1986, arvan *Mu Chonos*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2024-9: G. R. K., male, b. 1975, arvan *Khondlakhn*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2024-10: M. S. K., male, b. 1988, arvan *Khondlakhn*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2024-11: M. M. B., male, b. 1954, clan *Mants Gelengüd*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2024-12: S. K. B., male, b. 1958, clan *Mants Gelengüd*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 16: D. Yu. E., male, b. 1952, clan *Tuulakhn*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2024-14: P. A. B., male, arvan *Galjigüd*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2024-15: Ya. N. M., b. 1968, arvan *Galjigüd*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)

Литература

- Административно-территориальное устройство 2008 — Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год: справочник / сост. Г. А. Никитенко [и др.]. Ставрополь, 2008. [электронный ресурс] // Государственный архив Ставропольского края. URL: https://stavarhiv.ru/userfiles/file/2018/%D0%90%D0%A2%D0%94%202008%20_FR12.pdf (дата обращения: 14.09.2024).
- Алексеева, Борманджинов 1999 — Алексеева П. Э., Борманджинов А. Э. Об этническом составе донских калмыков. Элиста: КИГИ РАН, 1999. 41 с.
- Бакаева 2022 — Бакаева Э. П. История о зайсангах Джова-Дорджи и Эмген-Убуши в калмыцком фольклоре: прообразы и этнографическая специфика мотива соперничества // Новый филологический вестник. 2022. № 2(61). С. 346–366. DOI: 10.54770/20729316-2022-2-346

References

- Nikitenko G. A. et al. (comps.) Administrative and Territorial Divisions of Stavropol [Krai] from the Late Eighteenth Century to the Year 1920: A Reference Book. At: State Archive of Stavropol Krai (website). Available at: https://stavarhiv.ru/userfiles/file/2018/%D0%90%D0%A2%D0%94%202008%20_FR12.pdf (accessed: 14 September 2024). (In Russ.)
- Alekseeva P. E., Bormanshinov A. E. Revisiting the Ethnic Composition of the Don Kalmyks. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 1999. 41 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. The story of Zaisangs Jova-Dorji and Emgen-Ubushi in Kalmyk folklore: Prototypes and ethnographic specifics in the motif of rivalry. *New Philological Bulletin*. 2022. No. 2(61). Pp. 346–366. (In Russ.) DOI: 10.54770/20729316-2022-2-346

- Борликов 2018 — Борликов Г. М. Из глубины веков до дней сегодняшних. Элиста: НПП «Джангар», 2018. 224 с.
- Джагрунов 2023 — Джагрунов С. В. Дурбан, ойрат, сог-по: о Борте-Чино, Гоа-Марал и началах ойратской исторической общности (в свете данных по субкладу Y-хромосомы R2a-M124 у калмыков) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1550–1561. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1550-1561
- Джагрунов и др. 2023 — Джагрунов С. В., Булуктаев А. А., Намысов Б. С., Мацакова Д. И., Саянов В. Т., Адянова А. Б. Чонос, тайджиут, хашханер: в поисках общего знаменателя (по материалам STR-гаплотипов Y-хромосомы R2a-M124 у калмыков) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 826–846. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846
- Козин 1941 — Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol-un niguča tobčiyān*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников, предисл. Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с. (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. XXXIV).
- Лунный свет 2003 — Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм.; сост., ред., вступ. сл., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.: ил.
- Митиров 1998 — Митиров А. Г. Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Митиров 2002 — Митиров А. Г. Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Очир 2016 — Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Пальмов 2007 — Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / сост., вступит. ст. и примеч. А. М. Джалаевой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописым. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Санчиров 1990 — Санчиров В. П. «Илтэхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 137 с.
- Эрдниев 1985 — Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с., ил.
- Borlikov G. M. From the Depths of Past Centuries to Present Days. Elista: Dzhangar, 2018. 224 p. (In Russ.)
- Dzhagrunov S. V. Dörbän, Oirat, Sog-po: On Börtä-Čino, Qo'aï-Maral, and beginnings of the Oirat unity (In light of data on R2a-M124 Y-STR haplotypes of Kalmyks). *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 6. Pp. 1550–1561. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1550-1561
- Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A., Namysov B. S., Matsakova D. I., Sayanov V. T., Adyanova A. B. Chonos, Taichiud, Khashikhanar: In search of a common denominator (With evidence from R2a-M124 Y-STR haplotypes of Kalmyks). *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 826–846. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846
- Kozin S. A. The Secret History [of the Mongols]: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled 'Monggol-un niguča tobčiyān. Yuan chao bi shi'. Vol. 1: A Research Introduction, Translation, Texts, Glossaries. A. Barannikov (ed.), N. Poppe (foreword). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ. and Mong.)
- Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Texts. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats — Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. The Beginnings. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)
- Ochir A. Ethnonyms of Mongols: Insights into Genesis and Ethnic Composition of Mongolic Peoples. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 286 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Kalmyk Peoples within Russia's Borders: Historical Materials. A. Dzhalaeva (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. (comp., etc.) Seventeenth- and Eighteenth-Century Written Sources on Oirat History. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 270 p. (In Oir. and Russ.)
- Sanchirov V. P. Iletkhel Shastir as a Source on Oirat History. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: Essays in History and Ethnography. Third edition, rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)

- Adamov, Volkov 2012 — *Adamov D., Volkov V.* About C3d (M407) haplotype of the Teleut clan Choros // *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2012. Vol. 4. Is. 2. Pp. 17–21.
- Fenner 2005 — *Fenner J. N.* Cross-cultural estimation of the human generation interval for use in genetics-based population divergence studies // *American Journal of Physical Anthropology*. 2005. Vol. 128. Is. 2. Pp. 415–423.
- Adamov D., Volkov V. About C3d (M407) haplotype of the Teleut clan Choros. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2012. Vol. 4. Is. 2. Pp. 17–21. (In Eng.)
- Fenner J. N. Cross-cultural estimation of the human generation interval for use in genetics-based population divergence studies. *American Journal of Physical Anthropology*. 2005. Vol. 128. Is. 2. Pp. 415–423. (In Eng.)

Приложение

Таблица

Род / родовая группа	Арван, тёрл, отог, ясун	Указано число поколений предков	DY456	DY3389 I	DY3390	DY3389 II	DY458	DY519	DY3385a	DY3385b	DY3393	DY3391	DY439	DY5635	DY3392	GATA_H4	DY437	DY438	DY448	DY447	DY449	DY5576
Асмуд	Гальджигюд	5	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	26	28	19
Асмуд	Гальджигюд	4	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	26	28	20
Асмуд	Гальджигюд	9	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	12	22	11	11	14	10	21	27	28	19
Асмуд	Цяядрмюд	4	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	19
Барун	Ишткюд	3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	20
Барун > Ар барун	Ишткюд	2	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	12	14	10	21	27	27	20
Барун > Ар барун	Шонхрмуд	2	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Барун > Ар барун	Шонхрмуд	5	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Барун, Кётчнр	Зяяснгюд	6	15	13	23	29	18	15	11	11	14	10	11	23	11	11	14	10	21	27	27	19
Нойнахн	Асмуд	3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	19
Нойнахн	Нойн хоонуд	3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Нойнахн	Нойн хоонуд	3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	19
Бага буурл	Сяядюд	3	15	13	23	28	18	15	11	11	13	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	20
Бага буурл	Хонграхн	3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		28	19
Бага буурл	Хонграхн	3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Джеджекин	Сяядюд	3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	28	19
Джеджекин	Сяядюд	2	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		28	20
Ики буурл	Дашмуд	4	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Ики буурл	Джанчвахн > Дашмуд	5	15	13	24	28	17	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	11	11		28	18
Ики буурл	Шюдючнр	3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	28	19
Ики буурл	Шюдючнр	9	16	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Манджихн	Сахлмуд	3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		28	18
Манджихн		3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	28	19
Манджихн		2	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	28	19
Ики бухс	Буурл	3	15	13	23	28	17	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Ики бухс	Сяядюд	6	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	19
Шарнут чонос	Ээжинхн	2	15	13	23	28	19	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	19
Догзмахн	Бёк алдр	3	15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	19

Манц гелнгюд		8		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	20
Манц гелнгюд		6		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	12	22	11	11	14	10	21	27	27	20
Манц гелнгюд		7		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	20
Сяядюд	Найнтахн	2		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Сяядюд	Найнтахн	2		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Сяядюд	Найнтахн (Нойтахн)	3		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	21	11	11	14	10	21		27	19
Болтахн	Оргахн	5		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	20
Сяядюд	Оргахн	3		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	20
Сяядюд	Оргахн	3		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	20
Йоксюд	Оргахн	6		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	23	11	11	14	10	21	27	27	20
Сяядюд	Талтахн	8		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	20
Сяядюд	Талтахн	9		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	20
Сяядюд	Талтахн	9		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	20
Цорос	Цорос	4		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		28	19
Цорос	Цорос	3		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	12	14	10	21		30	20
Шунгурцахн	Орсуд	3		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	21	11	11	14	10	21		27	19
Шунгурцахн	Тугчнр	4		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Бага хурул	Алтн нармахн	3		15	13	23	28	19	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	18
Бага хурул	Унгюлгюд	8		15		23	28	19	16	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Багшин шевнр	Зёд	4		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	12	23	11	11	14	10	21		29	19
Багшин шевнр	Авгнр шевнр	6		15	13	23	28	18	15	11	11	14	11	11	22	11	11	14	10	21		27	20
Багшин шевнр	Эгясюд	3		15	13	23	28	19	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	19
Богдахн	Дангл(-муд)	5		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Зёд	Дунд хурл	4		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	19
Дунд хурл	Дунд хурл	4		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
Зёд	Авгнр	5		15	14	23	29	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	18
Бага тутгун	Хонгшуд (Оргакин)	4		15	13	23	28	17	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	20
Бага тутгун	Хондлахн	7		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	20
Бага тутгун	Хондлахн	7		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	19
Ики тутгун	Ахнуд >> Туулахн (Туула хотн)	3		15	13	23	27	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	20
Ики чонос	Хөөдюд	2		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	21	11	11	14	10	21		30	18
Цорос		4		15	13	23	28	18	15	11	11	14	10	11	22	11	11	14	10	21		27	20
Джеджекин	Сяядюд	6		15	13	23	28	18	15	11	12	14	10	11	22	11	11	14	10	ol	27	28	20
Шунгурцахн	Тугчнр	4		15	13	23	27	18	15	11	12	14	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 4, Pp. 849–869, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 572.025

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869

Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления (на примере вузов юга России)

Виталий Владимирович Ковалев¹, Александр Викторович Дятлов²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-8439-3117. E-mail: vitkovalev[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0001-5914-4744. E-mail: avdyatlov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ковалев В. В., Дятлов А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Классические университеты создавались и функционировали на протяжении веков как социальный институт воспроизводства культуры. Роль преподавателей в этом процессе была ведущей. Чтобы успешно выполнять указанную миссию, внутри университетов сформировалась профессиональная культура преподавательского сообщества, сохранение которой выступало гарантом социальной полезности высшего образования. Менеджеристские реформы радикально изменили внутренние характеристики университетов, сместив целевые ориентиры с науки, образования и воспитания на интеграцию в коммерческие ценности рыночных институтов. Это негативно отразилось на способности преподавательского сообщества поддерживать и передавать новым поколениям преподавателей свою профессиональную культуру. *Цель* исследования мы видим в определении взаимосвязи между менеджеристской моделью управления и деформацией профессиональной культуры преподавателей, что в конечном итоге приводит к усугублению асимметрии между центром и регионами. *Материалы и методы.* Исследование выстроено на основе использования двух основных источников информации: массового опроса и нормативных документов. Массовый опрос проводился в семи регионах юга России: Калмыкия, Краснодарский край, Крым, Ростовская область, Астраханская область, Ставропольский край, г. Севастополь. Всего в выборке оказались 951 преподаватель из девяти университетов. Для изучения нормативной базы менеджеристского управления использовались федеральные законы, постановления правительства и приказы Министерства науки и высшего образования России. Для прояснения некоторых аспектов воздействия менеджеризма на профессиональную культуру преподавателей обращались к данным государственной статистики, расположенным на официальном сайте Росстата. *Результаты.* В процессе исследования установлено, что менеджеристское управление разрушает профессиональную культуру преподавателей. У профессорско-преподавательского состава появляются чуждые его деятельности цели и система ценностей, в результате чего обычными практиками становятся участие в платных публикациях, заочных конференциях, публикации в «мусорных» журналах, завышение оценок обучающимся, лжеавторство, фальсификации эмпирических данных, плагиат и

т. п. *Выводы.* Источниками деформации профессиональной культуры преподавателей выступают нехватка ресурсов для достижения целей менеджеристского управления и потеря академическим сообществом своей субъектности, что делает преподавателей индифферентными к разрушению собственной профессиональной культуры. В конечном итоге слабая ресурсная база ведет к росту имитационных практик в профессиональной деятельности и, как следствие, усугублению асимметрии между центром и регионами.

Ключевые слова: профессиональная культура, преподаватели, менеджеристское управление, региональная асимметрия, профессиональное мышление, профессиональная компетентность, профессиональное мастерство, ресурсы, субъектность

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках госзадания «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Ковалев В. В., Дятлов А. В. Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления (на примере вузов юга России) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 849–869. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869

Professional Culture of Lecturers in the Face of Managerialism: The Case of South Russian Universities

Vitaly V. Kovalev¹, Alexander V. Dyatlov²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

 0000-0002-8439-3117. E-mail: vitkovalev[at]yandex.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

 0000-0001-5914-4744. E-mail: avdyatlov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Kovalev V. V., Dyatlov A. V., 2024

Abstract. Introduction. Classical universities had been created and functioned for centuries as a social institution of culture reproduction. The role of lecturers in the process used to be a leading one. In order to successfully fulfill the mission, a professional culture of the teaching community would take shape within universities, and the former's preservation was to guarantee the social usefulness of higher education. Managerialist reforms have dramatically changed the internal characteristics of universities and resulted in that target points were shifted from science, education and upbringing — towards the integration into commercial values of market institutions. This has had negative impacts on the teaching community's ability to maintain and transfer its professional culture to new generations of lecturers. *Goals.* The paper seeks to reveal the relationship between the managerialist agenda and the deformation of lecturers' professional culture, which further leads to aggravated asymmetries between the center and regions. *Materials and methods.* The study focuses on two sources of data — an opinion poll and documents. The opinion poll was conducted in seven regions of South Russia (Krasnodar Krai, Astrakhan Oblast, Stavropol Krai, Kalmykia, Rostov Oblast, Crimea and Sevastopol) and involved a total of 951 lecturers from nine universities. Federal laws, government decrees and orders of the Russian Ministry of Education and Science have been used to explore the regulatory framework of managerialism. Certain statistical data found on the official website of Rosstat prove most instrumental in clarifying some aspects of how managerialism influences lecturers' professional culture. *Results.* The work resumes managerialism does destroy the examined professional culture. The teaching personnel have to develop goals and a value system alien to their activity, which entails that participation in paid publications, extramural conferences, publications in 'rubbish' journals, grade inflation, false authorship, falsification of empirical data, plagiarism and other negative phenomena become the norm. *Conclusions.* The deformation arises from the lack of resources to achieve managerialist goals and the loss of academic community's subjectivity, which makes lecturers indifferent to the destruction of their own professional culture. Finally, the meager resource basis leads to an increase in imitational practices throughout professional activities, which entails further asymmetries between the center and peripheries.

Keywords: professional culture, lecturers, managerialism, professional thinking, professional competence, professional mastery, resources, subjectivity

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 122022700133-9 'Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Investigating the Dynamics of Socioeconomic Processes and Ecological Variability'.

For citation: Kovalev V. V., Dyatlov A. V. Professional Culture of Lecturers in the Face of Managerialism: The Case of South Russian Universities. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 849–869. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-849–869

1. Введение

Преподаватель как объект культуры попадает в сферу внимания антропологов не часто. Полагаем, тому есть вполне простые объяснения, проистекающие от особенностей эволюции самой антропологии. Возникнув еще в период Античности как область знания, фокусирующаяся на изучении духовных особенностей человека, в дальнейшем она трансформировалась в науку, нацеленную на сравнительное исследование традиционных обществ. Во всяком случае это верно применительно к социальной антропологии, в предметных границах которой написана данная статья. И в указанном качестве антропология оказалась в некотором роде индифферентна к исследованию социальных свойств объектов культуры, обладающих субъектностью. Подобные исследования полностью переместились в предметное поле узкоотраслевых наук: социологии, педагогики, психологии. Такое положение мы считаем ошибочным. Оно препятствует изучению социального поведения субъектов в ситуации так называемой трансплантации институтов [Полтерович 2001], когда традиционные паттерны социального действия приходят в противоречие с новой «нормальностью», возникающей в результате процессов глобализации.

Именно в подобном положении из-за применения менеджеристской модели управления оказались преподаватели российских университетов. Менеджеризм позиционируется как идеология эффективности. Его роль состоит в том, чтобы видоизменить традиционные формы профессиональной культуры преподавателя, переориентировав их на интеграцию в рыночную систему

ценностей. В настоящее время от вузовских работников требуется радикально изменить свое социальное поведение в сфере образовательной работы и научного творчества. Однако столь радикальная реформа порождает три поля социокультурного напряжения, потенциально способных разрушить действующую модель профессиональной культуры. Первое из указанных полей возникает на стыке неолиберальной природы менеджизма и отсутствия условий в умеренно консервативном российском социуме для позитивного восприятия идей нового государственного управления. Второе создается на институциональных границах экономики и образования, имеющих разные целевые ориентиры, нормы и ценностные ориентации, что объективно побуждает преподавателей либо к оппортунистическому поведению в отношении инициаторов реформ, либо к отказу от традиционной профессиональной культуры в пользу воспроизводства квазирыночных ценностей. Третье поле возникает из априори разной ресурсной обеспеченности центра и регионов. Нас, безусловно, в первую очередь интересует восточная часть юга России — Калмыкия и Астраханская область. Менеджеристское управление основывается на так называемой идеальной рациональности. Можно поставить вопрос о том, насколько она подходит для восточных регионов, где социальные интеракции работают по сложной комбинации традиционных и инновационных элементов. Менеджеризм ориентирован на устранение из системы высшего образования «слабых» с его точки зрения игроков, создавая невыполнимые условия нахождения на рынке. При таких обстоятельствах начинают работать

адаптационные механизмы, которые будут порождать квазирыночные культурные паттерны, способные разрушить традиционные формы профессиональной культуры. В обществах Востока, где консервативные элементы играют значимую роль, это может быть особенно разрушительным.

Заявленная проблематика неизбежно приводит к постановке вопроса о сомнительности положительных эффектов от менеджеристских преобразований.

Отталкиваясь от поставленной проблемы, цель исследования мы видим в определении взаимосвязи между менеджеристской моделью управления и деформацией профессиональной культуры преподавателей, что в конечном итоге приводит к усугублению асимметрии между центром и регионами.

2. Материалы и методы

Структура статьи в теоретической, эмпирической и аналитической частях концептуализируется на подходе Б. К. Малиновского к культуре как инструменту удовлетворения потребностей [Малиновский 2005]. Суть этой идеи состоит в наличии тесной взаимосвязи между ресурсными возможностями общества удовлетворять потребности социальных акторов и теми формами культуры, которые оказываются способными наиболее оптимально использовать имеющийся в обществе ресурсный потенциал для удовлетворения потребностей [Малиновский 2005: 45–51]. Уменьшение ресурсов влечет за собой негативные изменения в культуре. Мы предполагаем, что менеджеристское управление снижает ресурсный потенциал преподавателей, что ведет к деформации их профессиональной культуры.

Для проверки этой гипотезы проведен массовый опрос на тему «Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления». Объект исследования — преподаватели вузов юга России. Территориально выборка разделена на три кластера: Восток (Калмыкия и Астраханская область), Северный Кавказ (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), Крым (Республика Крым и г. Севастополь). В исследовании принимали участие

преподаватели Калмыцкого государственного университета (N=137), Астраханского государственного университета (N=105), Донского технического государственного университета (N=138), Ростовского медицинского государственного университета (N=59), Северокавказского федерального университета (N=218), Пятигорского государственного университета (N=113), Симферопольского университета экономики и управления (N=40) и Севастопольского государственного университета (N=99). Ещё один вуз из Краснодара (N=49) участвовал в опросе на началах полной анонимности. Общая выборка составила 958 преподавателей. Исследование проводилось на платформе Google Forms с последующим переводом и обработкой всей базы данных в программе SPSS-27. Время проведения опроса: сентябрь 2024 г. [ПМА 2024].

3. Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления

3.1. Обзор литературы. Построение концепции

Концептуально наше исследование разворачивается вокруг трех базовых понятий: профессиональная культура, профессиональная культура преподавателя и менеджеристское управление. Последний термин нам интересен, прежде всего, как содержательный контекст, в рамках которого изучается характер воздействия менеджеристских норм на профессиональную культуру преподавателей. Каждое из трех заявленных понятий достаточно обстоятельно рассмотрено представителями разных социогуманитарных наук. Научная традиция в совокупности включает в себя десятки тысяч работ самого разного жанра. Особенно в этом качестве примечателен термин профессиональная культура. Следовательно, в данном подразделе нам важна не столько полнота репрезентации уже имеющихся концепций, сколько создание своего собственного теоретического ракурса, через который будут интерпретированы эмпирические данные и выстроены итоговые выводы.

Профессиональная культура. Термин «профессиональная культура» вбирает в

себя смысловые оттенки, присущие понятиям «культура» и «профессия». Первый из них крайне затруднителен для полноценного и, тем более, краткого обоснования. И, пожалуй, следует отметить, что его однозначное определение, способное удовлетворить всем запросам, сделать невозможно. Но мы помним, что у нас имеется свой теоретический ракурс, который позволит сузить возможный спектр оценок. Анализ профессиональной культуры осуществляется через социальное поведение преподавателя. Это означает, что и само понимание культуры мы можем перенести в границы деятельностного подхода [Мигунова 2015]. Его фундаментальные основания разрабатывались в отечественной научной традиции В. Е. Давидовичем и Ю. А. Ждановым [Давидович, Жданов 1979], М. С. Каганом [Каган 2024], Э. С. Маркаряном [Маркарян 1969]. В работах указанных авторов отсутствует единый подход. В свое время между ними велись острые дебаты и заочная полемика. Но, делая редукцию понятия, вслед за Э. А. Баллером и Н. С. Злобиным [Баллер, Злобин 1970: 28], отметим, что под культурой мы будем понимать все духовные и материальные ценности, созданные в процессе человеческой деятельности.

Совершенно очевидно, что приведенное выше определение выступает скорее ориентиром для развертывания программы исследования, чем самодостаточной дефиницией. Категория «человеческая деятельность» должна быть операционализирована с выходом на понятие «профессиональная деятельность преподавателей», а «духовные и материальные ценности» максимально конкретизированы применительно к тому, чем занимаются преподаватели в процессе реализации своих функций, предписанных им требованиями доминирующей культуры.

Наиболее близко к антропологическому пониманию категория «профессия» разработана в трудах М. Вебера [Вебер 1990а; Вебер 1990б]. Анализируя две разновидности человеческой деятельности — науку и политику, социолог использует такие переменные, как призвание и профессия. Основная идея ученого состоит в том, что любые творческие виды деятельности требуют

не только инструментальных умений, но и призвания [Вебер 1990а: 644–706; Вебер 1990б: 707–735]. Поэтому профессиональная пригодность определяется и через соответствующий уровень квалификации, и посредством удостоверения необходимых ценностей, способностей, целевых ориентаций. В последнем случае речь идет о социальных ресурсах, приобретенных личностью в процессе предшествовавшего периоду выбора профессии социокультурного развития. Таким образом, призвание следует считать важнейшим источником обретения профессии и верификации ее значимости для развития культуры.

Профессиональная культура преподавателя. Существуют разные подходы к исследованию этого термина. Е. В. Везетиу делает акцент на научно-методической культуре [Везетиу 2024: 46–49], Р. Ю. Кондрашова и О. В. Поплавская — на роли самоменеджмента [Кондрашов, Поплавская 2022: 55–61], К. В. Воденко и И. И. Сальникова обращают внимание на развитие профессиональных компетенций [Воденко, Сальникова 2024: 212–221], А. Р. Галустов и Е. А. Наливайко — на способности продавать в условиях рынка результаты профессиональной деятельности [Галустов, Наливайко 2019: 30–34]. Этими интерпретациями содержание профессиональной культуры преподавателя не ограничивается. Изучаемая категория многогранна и содержит в себе огромный потенциал для реализации самых разных исследовательских программ. Что касается ракурса, заявленного в нашей статье, то наибольшие перспективы мы видим в применении подхода, предложенного к оценке профессиональной культуры преподавателя А. В. Лубским. Исследователь выделяет три предметных компонента: профессиональное мышление, профессиональную компетентность и профессиональное мастерство [Лубский 2017: 7–10].

Профессиональное мышление наиболее приближено к категории «культура». Оно тесно связано с представлениями о социальной значимости выбранной профессии и ее деонтологических характеристиках. Профессиональные ценности и цели, осознание полезности выполняемой работы осмыс-

ливаются преподавателем в координатах социальных ожиданий и производимых результатов. Следовательно, этика и рефлексивность — неотъемлемые атрибуты профессионального мышления. В европейской традиции университеты сложились как обязательные элементы воспроизводства культуры, что обязывает преподавателя осознавать этот статус и соответствовать ему в своих образовательных практиках [Лубский 2017: 7–9].

Профессиональная компетентность преподавателя — это, прежде всего, знания о преподаваемом им предмете. К работнику высшей школы требования предъявляются особенные. Необходим не просто набор познаний, приобретенных ситуативно для решения текущих образовательных задач, а умение видеть системный характер связей внутри преподаваемой отрасли знаний. Это является следствием и высокого интеллекта, и стремления постоянно учиться. Это особое проявление эрудиции, которая имеет не произвольный, а упорядоченный, строго выстроенный характер знаний. Они создаются на фундаментальных теоретических основаниях, а совершенствуются в процессе эмпирических практик. Профессиональная компетентность на первичном этапе формируется в период получения высшего образования, а далее развивается в течение всей жизни преподавателя. Нацеленность на регулярное самообразование — важнейший показатель способности быть частью академического сообщества [Лубский 2017: 9].

Профессиональное мастерство преподавателя выражается в умении трансформировать знания в значимые для высшей школы навыки, отрабатываемые в процессе преподавательской и научной деятельности. Это деятельностный компонент профессиональной культуры. Он складывается в аудиторных занятиях, при выполнении разного рода научных работ, коммуникации со студентами. Профессиональное мастерство возникает из практического опыта, который приобретается в исторически сложившихся практиках функционирования академического сообщества [Лубский 2017: 9–10].

В целом нужно отметить, что профессиональная культура преподавателя является

своего рода индикатором, посредством которого можно измерить способность отдельных сотрудников и всей образовательной организации выступать в роли социальной детерминанты воспроизводства культуры.

Менеджеристское управление. Менеджеризм нас интересует, в первую очередь, как система управления высшей школой, потенциально способная либо повысить, либо снизить профессиональную культуру преподавателя. В более широком смысле речь идет о сохранении университетами возможности осуществлять образовательную и научную деятельность таким образом, чтобы не терялась предписанная им функция воспроизводства культуры. Очевидно, что решение данной задачи предполагает необходимость выделения тех внутренних свойств менеджеристского управления, которые могут оказывать положительное или негативное воздействие на рассмотренные выше профессиональное мышление, профессиональную компетентность и профессиональное мастерство.

Менеджеризм в управлении университетами стал утверждаться как результат трансплантации тех практик, которые возникли в крупном корпоративном бизнесе. Его основная функция сводилась к повышению мотивации у персонала, индифферентного к конечным результатам труда компании. Он применялся с целью повысить мотивацию сотрудников, которые, будучи звеном в длинной цепочке производственного цикла, были отчуждены от конечной цели производства товара или услуги [Ковалев, Дятлов 2023: 27–28]. Чтобы решить эту проблему, была сделана фрагментация стратегических целей на целевые показатели (KPI). За счет этого фиксировалась локация персональной ответственности. Посредством KPI определялся минимальный пороговый барьер показателей, достижение которого подтверждало соответствие занимаемой должности [Ковалев, Дятлов 2023: 29]. Превышение минимальных значений позволяло рассчитывать на получение денежной премии и карьерный рост.

Данная технология была перенесена и в управленческие практики высшей школы [Ковалев, Дятлов 2023: 29–30]. Одновремен-

но с КРІ в университеты пришла ориентация на коммерциализацию и конкуренцию. Это не столько признаки менеджеризма, сколько перенос вместе с ним корпоративных ценностей в университетскую культуру, которой ранее они не были свойственны. Поэтому в управлении университетами коммерциализация и конкуренция стали определять основное содержание и объем КРІ.

Менеджеризм в системе высшего образования имеет несколько важнейших проявлений.

Экономический (коммерческий) аспект. Выражается в формуле «все вузы должны научиться зарабатывать деньги». Количество вузов в настоящее время резко увеличилось, что отразилось и на возможностях государства оказывать им надлежащую финансовую поддержку. Менеджеризм, как считают реформаторы, способен снять часть экономического бремени с государства [Явнова 2019: 106–107]. Это станет возможным, если университеты смогут монетизировать результаты своей деятельности. Те же, кто этой способности не проявят, перейдут в категорию неэффективных и потеряют государственное финансирование, как несостоятельные. Надо заметить, что под угрозой закрытия, прежде всего, оказываются именно региональные вузы. Их возможности монетизировать свою деятельность существенно меньше, чем у столичных вузов. Это обусловлено концентрацией финансовых потоков государства в Москве и Санкт-Петербурге. Одинаковые для столичных и региональных вузов «правила игры» можно считать фактором, способствующим еще большему возрастанию асимметрии возможностей.

Управленческий аспект. Идеальный менеджеристский университет не имеет устойчивой организационной структуры. Это площадка по исполнению государственного задания в форме КРІ. Его возглавляет руководитель (ректор, директор, но, фактически, менеджер, работающий на основе эффективного контракта). Что показательно, иные управленческие структуры (исключая коллегиальные) в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» как обязательные не упоминаются [Федеральный закон 2012]. Это оставляет широкие возможности для

всякого рода реформ, позволяющих снижать управленческий потенциал коллегиальных органов академического сообщества. Здесь важной представляется оценка субъектности академического сообщества. Ее снижение считаем важнейшим индикатором, указывающим на снижение ресурсного потенциала региональных университетов, а вместе с тем, и фактором, способствующим росту асимметрии между центром и регионами.

Конкурентный аспект. Все университеты превратились в соперников за выполнение государственного задания. Особенно это заметно через механизм нормативно-подушевого финансирования. Он вынуждает руководство вузов добиваться показателей любой ценой, так как от достижения порогового минимума зависит допуск к конкурсу по распределению контрольных цифр приема (КЦП). На показатели по КЦП также ориентированы все позиции ректорских эффективных контрактов. Конкуренция широко поощряется и между сотрудниками. Это обеспечивается с помощью индивидуального рейтинга преподавателей. Достижение минимальных пороговых барьеров гарантирует выход на конкурс по занятию вакантных должностей, а превышение должностного КРІ дополнительно позволяет претендовать на получение премиальных выплат. Таким образом, здесь причудливо сочетаются административная и рыночная компоненты. В эмпирической части работы следует проверить, влияет ли стимулирование конкуренции, в том числе через КЦП, на усиление асимметрии, возникающей между региональными и столичными университетами.

Нетрудно заметить, что отличительная особенность менеджеристского управления проявляется в максимальном стремлении к увеличению объема тех благ, которые традиционно создавались в университете. Более того, их рост становится залогом самого существования университета. Вуз, не способный воспроизводить множество научных инноваций, продавать их на рынке, сохранять свой контингент, проводить массу воспитательных мероприятий, просто перестанет финансироваться государством из-за прекращения доступа к конкурсу КЦП. Однако мы понимаем, что в

системе высшего образования культура не может отождествляться с простым воспроизводством материальных и духовных благ. Приведенное в начале статьи определение, безусловно, применимо лишь на первичной стадии исследования. После интеграции в категориальный аппарат таких понятий, как «профессия», «профессия преподавателя», «цели университета» и др., необходимо поставить вопрос о наличии объема ресурсов у профессорско-преподавательского состава, достаточного чтобы в условиях интенсификации труда сохранить стандарты качества профессиональной культуры.

У термина «ресурс» множество толкований [Степаненко 2018: 470], в том числе в антропологии. Но, поскольку мы опираемся на деятельностный подход, то можем предложить следующую дефиницию: это потенциальная возможность осуществлять образовательную и научную деятельность в границах и по стандартам сложившейся в академическом сообществе профессиональной культуры. В качестве видовых проявлений ресурсной базы профессорско-преподавательского состава (ППС) укажем на три разновидности, которые возможно измерить с помощью описанного выше инструментария: мотивационный, темпоральный и интеллектуальный.

И, наконец, в финальной части построения концепции выскажем гипотезу. Мы предполагаем, что ППС региональных вузов не обладает должным объемом ресурсов для выполнения менеджеристских показателей по образованию и науке. Поэтому любые действия, связанные с активизацией научной и образовательной деятельности за пределами ресурсообеспеченности, неизбежно ведут к нарушению профессиональных стандартов качества. Следствием этого становится деформация профессиональной культуры преподавателей, а вместе с ней и рост асимметрии возможностей между центром и регионами.

3.2. Влияние менеджери́зма на профессиональную культуру преподавателей

Для облегчения восприятия эмпирического раздела исследования сразу обозначим его структуру. Он состоит из трех частей (эм-

пирических индикаторов), которые связаны с категорией «профессиональная культура преподавателей», но также ориентированы на содержательные компоненты менеджеристского управления. Предметное пространство измеряется через оценку *целей* и *ценностей* (профессиональное мышление), установление ресурсообеспеченности (профессиональная компетентность) и определение *субъектности академического сообщества* (профессиональное мастерство).

Цели и ценности (профессиональное мышление).

Преподавателям было предложено оценить релевантность нескольких целей своей профессиональной деятельности: образовательной (94, 0 %), научной (65,5 %), воспитательной (44,1 %), финансовой (23,9 %), карьерной (10,8 %). Выявленные приоритеты показаны в процентах. Менеджеристские цели здесь представлены ориентацией на карьеру и материальный заработок. Показательно, что они оказались в числе наименее выбираемых.

Перед принятием ныне действующего закона об образовании в научном сообществе шли споры о характере работы преподавателя: оказывает ли он услугу или создает общественное благо? На самом деле, допустимы оба варианта. Вопрос лишь в том, какая действует модель управления образованием. В менеджризме принята концепция ориентации на клиента. Поэтому в официальных документах по-прежнему сохраняется термин «услуга» [Ковалев, Дятлов 2023: 29–30]. Проведенный опрос показал, что за пятнадцать лет менеджеристского управления высшей школой произошла некоторая трансформация оценки образования в сторону восприятия его как услуги. Так, мнения о том, что образование является рыночной услугой по развитию профессиональных компетенций придерживаются 27,0 % опрошенных [ПИМА 2024]. Прежнюю позицию, в соответствии с которой образование воспринимается как общественное благо в форме передачи социально значимых знаний и приобщения к культуре социума, разделяет 66,4 % опрошенных [ПИМА 2024]. Промежуточная точка зрения, по которой образование выступает услугой

в частном сегменте высшей школы и благом — в государственных вузах, значимой поддержки у респондентов не нашла (6,6 %) [ПМА 2024].

Несколько неоднозначные результаты были получены по ситуации с выбором между работой в вузе и переходом на более высокооплачиваемую работу. В рамках классической профессиональной культуры деятельность преподавателя позиционируется как призвание. Иными словами, это не просто профессия, а некий дар, образ жизни, подвижничество. Менеджеризм такими категориями не оперирует. Призвание не имеет значения. Профессия превращается в формальный инструмент, доступный каждому, овладевшему элементарными навыками профессионального мастерства. В менеджеристском управлении профессия — это источник заработка. Более того, не ориентированные на заработок должны быть вытес-

нены за пределы профессии, поскольку рассматриваются как фактор несостоятельности образовательной организации в целом. Такому менеджеристскому стандарту соответствуют лишь 12,5 % опрошенных, согласившихся с тем, что основная цель любой работы состоит в получении доходов. Гораздо больше, 37,2 % респондентов, работу в системе образования (науки) считают своим призванием [ПМА 2024]. Однако чаще выбирался средний между крайними позициями вариант: 50,3 % с сожалениями ушли бы на новую работу, если бы заработная плата была существенно выше [ПМА 2024]. Но, вполне вероятно, здесь проявляется не столько влияние менеджеризма, сколько неудовлетворенность доходами.

Результирующим по первому индикатору может служить вопрос об оценке тенденций на коммерциализацию высшего образования (см. табл. 1).

Таблица 1. «Поддерживаете ли Вы тенденцию на коммерциализацию высшего образования»

(только один вариант ответа), %

[Table 1. 'Do you support the trend towards commercialization of higher education?'

(only one answer afforded), %]

Поддерживаете ли Вы тенденцию на коммерциализацию высшего образования?	Ваша учёная степень?									
	Доктор наук			Кандидат наук			Без учёной степени			
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	
1. Да, в современных условиях образование является продаваемой услугой и должно приносить прибыль	3,3	5,7	24,0	7,8	6,5	3,0	6,6	10,8	6,6	7,9
2. Да, в условиях массовизации высшего образования государство не может оказать ему надлежащую поддержку	0,0	11,3	25,5	7,8	5,8	4,5	10,5	10,8	10,5	7,8
3. Только отчасти, я против коммерциализации государственных вузов, но за развитие частных университетов	30,0	43,4	25,5	51,9	45,2	53,7	50,0	54,7	50,0	49,3
4. Нет, коммерциализация мешает достижению целей высшего образования	66,7	39,6	25,0	32,5	42,5	38,8	32,9	23,7	32,9	35,0

Оба менеджеристских заданных значения выбрало всего лишь 15,7 % опрошенных. Коммерциализация государственных вузов воспринимается так же отрицательно, как и до реформ в высшем образовании. Ответы преподавателей региона Восток (Калмыкия и Астраханская область) показывают меньшую по сравнению с другими регионами поддержку коммерциализации высшего образования.

В целом можно отметить, что система ценностей и целевых ориентаций в профессиональной культуре преподавателей по сравнению с дореформенными временами сильно не изменилась. У работников вузов выработана устойчивая резистентность к инвазивным воздействиям со стороны экзогенных ценностей и чуждым классическому образованию целям.

В то же время управленческая модель осталась прежней, и вся система показателей ориентирована на рыночные или квазирыночные паттерны поведения. С этой точки зрения центральной проблемой считаем наличие у преподавателей надлежащего объема ресурсов для продуктивной работы в рамках менеджеристского управления.

Ресурсообеспеченность (профессиональная компетентность). Нашим информантам было предложено ответить на несколько вопросов, чтобы оценить свои возможности с точки зрения мотивации, интеллектуальной предрасположенности и наличия нужного объема времени.

Менеджеризм ориентирован на стимулирование профессиональной активности сотрудников. Его инициаторы полагают,

что преподаватели должны больше заниматься наукой и общественной работой, а также адаптировать результаты своей деятельности к потребностям рынка. Чтобы изменить профессиональные установки, стали применяться соответствующие инструменты: СМК, эффективные контракты, индивидуальные рейтинги и т. п. [Ковалев, Дятлов 2023: 28]. Лишь 24,3 % опрошенных посчитали, что все эти меры способны повысить уровень мотивации. Остальные респонденты выбирали заданные значения с отрицательными коннотациями. 31,8 % указали на то, что страх наказания не способен заставить работать эффективно, а 19,4 % сослались на доступность крупных денежных стимулов лишь для руководства. При этом наиболее популярным оказалось суждение *перечисленные меры, как правило, приводят лишь к имитации трудовой деятельности* (52,1 %) [ПМА 2024]. Это весьма показательно, так как отсюда мы впервые по результатам исследования выходим на источники деформации профессиональной культуры преподавателей. Чтобы как-то соответствовать требованиям руководства, преподаватели вынуждены имитировать результаты. Привычка к формальному исполнению обязанностей неизбежно ведет к снижению профессиональной компетентности.

Большая часть менеджеристских показателей связана с научной работой и ее монетизацией. В ходе опроса были выявлены соответствующие мотивационные установки. (см. табл. 2)

Таблица 2. «Есть ли у Вас внутренняя и устойчивая потребность заниматься научной деятельностью» (не более двух вариантов ответа), %

[Table 2. 'Do you have an internal and stable need to engage in research activity?' (two answers afforded), %]

Есть ли у Вас внутренняя и устойчивая потребность заниматься научной деятельностью?	Ваша учёная степень?									
	Доктор наук			Кандидат наук			Без учёной степени			
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Всего
1. Да, совмещение научной и образовательной деятельности улучшает качество моей преподавательской работы	86,7	74,1	62,5	37,2	37,1	54,5	37,2	39,5	29,0	42,4

2. Занимаюсь наукой время от времени, в основном для повышения показателей преподавательского рейтинга	3,3	20,4	25,0	50,6	42,9	31,8	39,7	36,4	37,1	38,5
3. Нет, я считаю неправильным навязывать каждому преподавателю обязательное участие в научной деятельности	10,0	9,3	12,5	22,4	28,7	15,2	34,6	31,3	35,5	26,4

Нетрудно заметить, что стремление включить буквально каждого преподавателя в орбиту функционирования науки работает только на примере докторов наук. Даже кандидаты и, тем более, не «остепененная» часть сообщества ППС в большинстве не ориентированы, не стремятся, не нацелены на научную деятельность. Показательно, что разница по включенности в науку между докторами и кандидатами наук особенно сильно заметна именно в Калмыкии

и Астраханской области. Следовательно, здесь можно ожидать наиболее ощутимых деформаций профессиональной культуры от принуждения ППС к научной работе.

Объяснение этому феномену следует искать под другой переменной, благодаря которой оценивается интеллектуальный ресурс профессорско-преподавательского состава. Разумеется, речь идет не об IQ, а о некоторой ментальной предрасположенности, выраженной через экспертную оценку (см. табл. 3).

Таблица 3. «Все ли преподаватели способны продуктивно заниматься наукой»
(не более трех вариантов ответа)

[Table 3. 'Are all lecturers able to engage in efficient research activities?' (three answers afforded), %]

Все ли преподаватели способны продуктивно заниматься наукой?	Ваша учёная степень?								
	Доктор наук			Кандидат наук			Без учёной степени		
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь
1. Нет, большинство преподавателей ориентировано на образовательную деятельность	58,6	57,4	71,4	52,2	49,0	46,3	46,8	48,2	54,8
2. Нет, в образовательных учреждениях наукой, имеющей социальную полезность, всегда занимались немногие	24,1	35,2	28,6	42,7	39,4	41,8	27,3	27,9	25,8
3. Нет, ученых, способных внести вклад в развитие науки, всегда было немного	51,7	37,0	42,9	43,9	38,7	40,3	31,2	34,5	19,4
4. Да, вслед за развитием массового образования и наука стала массовой	0,0	1,9	0,0	3,2	2,3	4,5	5,2	11,2	4,8
5. Да, для продуктивного занятия наукой нужно создать справедливое премирование за показатели	17,2	11,1	0,0	14,6	11,9	6,0	20,8	14,7	12,9
6. Да, большинство преподавателей имеют достаточный уровень способностей, чтобы вносить вклад в развитие науки	3,4	11,1	0,0	9,8	10,0	11,9	22,1	16,8	14,5

Оценивая полученные результаты, наиболее очевидный вывод представляется следующим. Преподавательский корпус в условиях массовизации образования формировался именно как сообщество по профессиональному обучению. Некоторая его часть была ориентирована на научную деятельность. В основном в период написания кандидатской диссертации. После защиты интерес к науке у большинства пропал. Между тем благодаря менеджизму преподавание как немонетарный вид деятель-

ности уходит в отчетах эффективности на задний план. Каждого сотрудника обязывают вносить свой вклад в обеспечение «эффективности» управления, прежде всего на поприще научной работы. Полученные данные свидетельствуют о том, что подобного рода установки не подкреплены ни реальными потребностями преподавателей, ни их возможностями.

Отчасти заявленная проблема объясняется отсутствием у преподавателей временного ресурса (см. табл. 4).

Таблица 4. «Достаточно ли у Вас рабочего времени для совмещения научной и образовательной работы» (не более двух вариантов ответа), %

[Table 4. 'Do you have enough working time to combine research and educational work?' (two answers afforded), %]

Достаточно ли у Вас рабочего времени для совмещения научной и образовательной работы?	Ваша учёная степень?									
	Доктор наук			Кандидат наук			Без учёной степени			
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	
1. Да, у меня на работе в основном созданы необходимые для этого условия	21,4	18,5	37,5	6,5	5,2	7,5	7,7	12,3	4,9	8,8
2. Да, если разумно использовать планирование всех видов работ	21,4	29,6	25,0	23,2	19,1	28,4	26,9	29,2	21,3	24,1
3. Нет, если не снизить учебную нагрузку, то научная деятельность будет формальной	53,6	57,4	50,0	56,8	56,6	58,2	50,0	37,4	45,9	51,5
4. Нет, нужно заниматься чем-то другим, для меня приоритет — образование	14,3	11,1	12,5	28,4	33,7	17,9	29,5	35,9	36,1	29,8

В каждой из трех выделенных академических групп имеется дефицит временного ресурса для научной работы. Чуть лучше, чем у других, обстоит дело у докторов наук. У них меньше аудиторная нагрузка и нет обязательств участвовать в мероприятиях по воспитанию студентов. Именно в этой группе образование менее всего рассматривается как приоритет по сравнению с наукой. И тем не менее дефицит времени воспринимается как значимый даже докторами наук, что, очевидно, вызвано обязательства-

ми публиковаться в большем объеме, чем это делают иные академические группы. В целом во всех категориях опрошенных наибольшей популярностью пользовалось заданное значение *если не снизить учебную нагрузку, то научная деятельность будет формальной* (51,5 % по медианной) [ПМА 2024].

Еще раз подчеркнем, респонденты убеждены в том, что если сохранять заданные эффективными контрактами темпы научной деятельности, то ее результаты будут лишь

внешне уподоблены требованиям высокой науки. Побочным продуктом такой практики станет устойчивая готовность подменять реальную науку внешней наукообразностью. В региональном аспекте Калмыкия и Астраханская область не сильно отличаются от северокавказского кластера. Чуть получше обстоят дела в Крыму, что, очевидно, объясняется менее сильным давлением со стороны администрации университетов.

В рамках менеджеристской парадигмы ситуация решается за счет материального стимулирования. Однако выплаты за науку в условиях гонки за количественными показателями едва ли помогут улучшить ее качество. Поэтому у руководства университетов на самом деле не так много возможностей, чтобы расширить ресурсный потенциал преподавателей. Постоянное давление на ППС выступает источником роста конфликтного напряжения. Неслучайно, что при ответе на вопрос о помощи со стороны администрации вуза наиболее популярным оказался выбор варианта *администрация напоминает мне работу коллег по выбиванию показателей из сотруddников* (45,3 %) [ПМА 2024].

Итак, реальный уровень ресурсообеспеченности преподавателей не соответствует амбициям руководства Министерства высшего образования и науки Российской Федерации. Чтобы добиться показателей управленческой эффективности, которые способны обеспечить устойчивый карьерный рост и высокие премиальные, единственным выходом становится искажение реальных результатов. Например, это достигается за счет искусственного роста не имеющих научной ценности публикаций. Благодаря денежным выплатам за эти образцы псевдонауки обеспечивается общий рост доходов ППС. Так, согласно данным Росстата, средняя заработная плата преподавателя в Астраханской области за 2023 г. составила 76 232 руб. [Средняя заработная 2023]. (В Калмыкии расчеты делались только по КалмГУ, и законодательная лазейка позволяет не обнародовать результаты при такой методике подсчета). Однако должностной оклад профессора Астраханского государственного университета всего лишь

38 000 руб., что заметно ниже доходов, декларируемых в ректорских отчетах, не говоря уже о доходах доцентов, старших преподавателей и ассистентов. Очевидно, что разница образуется за счет реальных и мнимых добавок за научную деятельность. Эта погоня за цифрами необходима для того, чтобы выполнить важнейший показатель эффективности в виде количественного роста доли ППС, чья заработная плата превышает среднюю по региону на 200 % (п. 2 Приложения к Приказу Министерства высшего образования и науки от 01.02.2022 № 92).

В ситуации, когда показатели становятся приоритетом по сравнению с реальными целями высшей школы, а ресурсов для достижения показателей не хватает, нормой выступает создание симулякров, не имеющих социальной полезности. Это легко проследить, если обратиться к практикам функционирования академического сообщества в университетах.

Субъектность академического сообщества (профессиональное мастерство)

Профессиональное мастерство преподавателей формируется, когда они участвуют в тех или иных исторически сложившихся академических практиках. Важнейшим условием этого следует считать наличие субъектности, т. е. свободы воли в принятии профессионально значимых решений. Если решения принимаются осмысленно, коллегиально, с пониманием возможных перспектив и осознанием личной ответственности, то можно говорить о высоком уровне профессиональной культуры. Во всяком случае на основе внешних проявлений субъектности.

Особое значение для университетов всегда имели разного рода комиссии и управления по отбору аспирантов, контролю за их поступлением, получением образования. Аспирантура — это институциональный инструмент подготовки научных кадров. Однако, по данным Росстата за 2023 г., от числа закончивших аспирантуру диссертации защитили только 11 % [Основные показатели 2024]. И это в условиях максимального благоприятствования именно для аспирантов, так как от их защит зависят показатели эффективности управления университетом. 32,3 % опрошенных нами

респондентов убеждены, что руководство диссертационных советов находится под давлением с целью снизить требования к аспирантским диссертациям ради выполнения количественных показателей. После перехода на новые индикаторы оценки эффективности (не по ВКР, а по диссертациям) тенденция будет только ухудшаться. Но даже в таких неблагоприятных для сохранения стандартов научного качества условиях состоявшихся защит, напомним, всего 11 %. Это означает, что подавляющее большинство поступающих в аспирантуру даже не ставят перед собой цель написать диссертацию. Возникает закономерный вопрос о

том, каким же образом они оказались в аспирантуре? Наиболее популярный ответ — 34,3 %, связывают поступление с нежеланием служить в армии [ПМА 2024]. Цифра эта, понятное дело, очень относительная и объясняет лишь часть проблем. В целом же можно констатировать крайне непрофессиональную работу органов, ответственных за отбор поступающих в аспирантуру.

В нашем анализе нельзя не затронуть деятельность экспертных комиссий, оценивающих заявки на гранты. Тем более, что переход к финансированию науки при помощи грантов задумывался именно как менеджерский инструмент (см. табл. 5)

Таблица 5. «Насколько объективно осуществляется отбор заявок на гранты»
(не более двух вариантов ответа), %

[Table 5. 'How objective are selection procedures for grant applications?' (two answers afforded), %]

Насколько объективно осуществляется отбор заявок на гранты?	Ваша учёная степень?									
	Доктор наук			Кандидат наук			Без учёной степени			Всего
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	
1. Эксперты оценивают заявки беспристрастно и выбирают наиболее лучшие	17,2	13,5	25,0	19,9	10,4	16,4	21,8	24,1	25,4	17,9
2. Большая часть заявок отбирается заранее по договорённости с руководством фондов	37,9	36,5	37,5	32,1	24,7	32,8	19,2	15,4	20,6	24,8
3. Руководство фондов коррумпировано, и это препятствует справедливому отбору заявок	17,2	11,5	12,5	9,6	5,5	14,9	14,1	5,1	7,9	8,3
4. Выиграть конкурс участникам из региональных вузов практически невозможно	37,9	53,8	12,5	37,2	28,6	19,4	12,8	12,3	11,1	24,8
5. Затрудняюсь ответить	24,1	17,3	25,0	25,6	45,1	34,3	42,3	51,3	42,9	39,9

Гранты пришли на смену прямому финансированию науки. Они как бы отражают в себе все признаки коммерциализации и конкурентности, на которых основывается корпоративный менеджизм. Когда их вводили, предполагалось, что на основе честной конкуренции финансирование будут

получать те научные коллективы, которые разрабатывают актуальные и научно обоснованные заявки. Однако в реальной практике все сложилось несколько не так, как задумывалось. Гранты превратились в дополнительный фактор возрастания ресурсного неравенства. В настоящее время они

выделяются, преимущественно, на столичные университеты. Далее по списку приоритетов идут федеральные вузы. Собственно, региональные, к числу которых относятся Калмыцкий и Астраханский государственные университеты, получают финансовые ресурсы по остаточному принципу. В итоге справедливое финансирование науки подменяется принципом теневого распределения ресурсов, что существенным образом снижает и без того небольшую ресурсную базу региональных вузов, усиливая асимметрию между центром и регионами. Подобного рода практики обосновываются тем, что якобы в регионах отсутствует научная жизнь и нет смысла тратить деньги на провинциальную науку [Ковалев и др. 2022: 210–211]. Данная позиция крайне сомнительна, но, если она принимается за аксиому, тогда следует отказаться от менеджеристского управления и перестать оценивать эффективность по тому, что, как утвержда-

ют, не существует. Нам представляется, что руководство региональных вузов было бы радо узнать, что теперь они не центры мировой науки, а образовательные организации, реализующие профессиональную подготовку. Подобное разрешение проблемы сделало бы сложившуюся асимметрию менее значимой, так как вузы стали бы заниматься тем, к чему они изначально были предназначены — осуществлять профессиональную подготовку студентов.

В контексте сказанного представляется интересным установить, выполняют ли преподаватели надлежащим образом функцию контроля над процессом усвоения профессиональных знаний, умений и навыков (см. табл. 6).

В первую очередь предлагаем обратить внимание на строку 1 в табл. 6. В ней отражается такая форма девиации, как завышение оценок из-за привязки штатного расписания университета к контингенту обучающихся. Почти половина докторов наук и более трети

Таблица 6. «Существует ли практика завышения оценок обучающимся»
(любое количество ответов), %

[Table 6. 'Is there grade inflation?' (any number of answers), %]

Существует ли практика завышения оценок обучающимся?	Ваша учёная степень?									
	Доктор наук			Кандидат наук			Без учёной степени			Всего
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	
1. Да, низкие оценки не выгодно ставить из-за привязки объёма ставок к контингенту обучающихся	35,7	48,1	62,5	38,0	34,0	47,1	38,2	23,1	30,2	34,2
2. Да, оценки часто завышаются по просьбам студентов	14,3	11,1	25,0	11,4	17,5	16,2	10,5	13,8	19,0	15,0
3. Да, оценки иногда завышаются ради рейтинга преподавателей	7,1	11,1	0,0	8,2	13,1	11,8	6,6	11,3	12,7	13,9
4. Да, оценки завышаются ради роста показателей по качеству образования	25,0	20,4	12,5	21,5	13,6	13,2	13,2	8,7	20,6	15,2
5. Да, оценки завышаются из-за давления руководства	21,4	27,8	0,0	13,3	19,1	25,0	14,5	12,8	23,8	17,7
6. Нет, оценки в основном отражают реальный уровень знаний студентов	46,4	31,5	25,0	44,3	49,5	35,3	51,3	63,1	50,8	49,7

кандидатов видят в этом значимый фактор, ведущий к искажению результатов учебной работы. С 2015 г. распределение преподавательских ставок отделили от аудиторной нагрузки и связали с объемом контингента [Ковалев, Дятлов 2023: 29]. Следующим логическим шагом стало введение подушевого финансирования. Смысл данной реформы состоял в том, чтобы вынудить вузы конкурировать между собой за студентов. В теории «сильные» вузы сохраняют контингент (и объем финансирования), «слабые» — теряют. На практике же потери везде минимальные. Так называемые «слабые» вузы просто перестали отчислять академических должников. В итоге оказался потерян один из важнейших стимулов обучения — страх перед отчислением. Как следствие, образовательный процесс упрощается до демонстрации «презентаций», отождествляется с развлечением обучающихся, переходит в имитационную плоскость, а менеджизм деформируется из управления эффективностью в управление показателями.

Значительная часть докторов наук, многие из кандидатов, как правило, проявляют лояльность руководству. Однако в отношении некоторых представителей ППС приходится применять прямое давление. Примером тому может служить следующая запись респондента, который воспользовался опцией открытого вопроса: «поставила я давно много троек. Так проректор ... давил, чтобы поставила им 4 и 5. Потому что, говорит, туркмены на стипендию рассчитывают и заберут свои документы из вуза. А вы перейдете на ГПХ» [ПМА 2024]. Масштаб данной проблемы можно увидеть в распределении ответов по пятой строке табл. 6.

В теоретической части работы мы ставили вопрос о том, влияет ли нормативно-подушевое финансирование и тесно связанное с ним КЦП на снижение ресурсной базы и возникновение асимметрии между центром и регионами. Теперь на него можно дать положительный ответ. Безусловно, здесь имеет место прямая связь. Во-первых, снижается уровень профессиональной культуры преподавателей, так как они понуждаются к совершению действий, разрушающих профессиональную этику. Во-вторых, из-за снижения качества профессиональной под-

готовки студентов регионы получают все меньше и меньше подготовленных кадров, что в перспективе повлияет и на показатели социально-экономического развития.

Делая вывод о субъектности ППС, можно сказать, что в сложившихся академических практиках решения нередко принимаются не осмысленно, с нарушением принципа коллегиальности, без понимания возможных перспектив и с отказом от личной ответственности. Профессора и доценты отстраняются от результатов своего труда, превращаясь в обычных наемных работников с краткосрочными контрактами. При таких обстоятельствах едва ли можно считать, что опытные преподаватели сохраняют свое профессиональное мастерство. И точно можно быть уверенным, что молодые преподаватели его не сформируют.

Некоторые прямые указания в поддержку этого тезиса мы получили по результатам нашего опроса. Так, 37,2 % опрошенных считают, что рост публикационной активности является лишь имитацией научной деятельности. 31,2 % также не видят позитивного смысла в валовом производстве науки, но вынуждены следовать «правилам игры». Показательно, что рассчитывают заработать на публикациях лишь 9 % опрошенных, из которых подавляющее большинство молодые преподаватели без ученой степени (24–30 лет). Более половины докторов наук (50,3 %) и свыше трети кандидатов (34,4 %) считают, что качество учебной литературы существенно снизилось после того, как за ее выпуск стали начислять баллы в рейтинг научно-педагогических работников. Дополнительно к этому 27,8 % докторов и 21,8 % кандидатов наук убеждены, что у нее имеются существенные недостатки. 50,2 % респондентов согласились с мнением, что вследствие давления количественных показателей реальная наука заменяется имитацией. Оппозиционной же точки зрения придерживаются лишь 16,1 % опрошенных, а по мнению 33,7 %, количественные показатели превратились в имитацию именно из-за того, что их стали использовать как инструмент внешнего стимулирования [ПМА 2024].

Представленные данные раскрывают истоки банкротства менеджизма: он

объективно по своей природе порождает искажения культурных паттернов профессиональной деятельности преподавателей. Обычно мы стараемся избегать прямых

вопросов, но в завершающей части анкеты посчитали необходимым выяснить экспертную оценку состояния профессиональной культуры (см. табл. 7).

Таблица 7. «Изменилось ли состояние профессиональной культуры преподавателей после того, как эффективность управления стала оцениваться на основе количественных показателей» (не более двух вариантов ответа), %

[Table 7. 'Has the professional culture of lecturers changed after the introduction of quantitative evaluation indicators?' (two answers afforded), %]

Изменилось ли состояние профессиональной культуры преподавателей после того, как эффективность управления стала оцениваться на основе количественных показателей?	Ваша учёная степень?								
	Доктор наук			Кандидат наук			Без учёной степени		
	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь	Калмыкия и Астраханская область	Северный Кавказ	Крым и Севастополь
1. Академическое сообщество стало более ответственным и дисциплинированным	6,9	0,0	33,3	15,5	9,5	16,4	17,4	29,5	24,6
2. Преподаватели и ученые повысили свои профессиональные качества	13,8	10,2	16,7	20,3	13,2	19,7	18,8	24,6	32,8
3. Преподаватели и ученые утратили свою самостоятельность и потеряли свободу воли в принятии академических решений	51,7	57,1	16,7	52,0	56,9	57,4	55,1	39,3	37,7
4. Состояние профессиональных качеств ученых и преподавателей ухудшилось	44,8	55,1	50,0	31,1	35,9	29,5	30,4	19,7	14,8

Большая часть опрошенных выбрала негативный сценарий трансформации профессиональной культуры. Особенно это заметно в академической группе «доктора наук». Их негативное отношение к последствиям от проводимых реформ оказалось настолько сильным, что респонденты не приняли во внимание, что по внешним проявлениям профессорско-преподавательский состав, действительно, стал более дисциплинированным, чем в «90-е» или «нулевые» годы. Отказ признавать рост дисциплины, очевидно, связан с тем, что для становления профессионального мышления, компетентности и мастерства требуется нечто большее, чем готовность по команде руководства писать статьи или строго следовать расписанию во время аудиторных занятий. Не-

обходимы постоянное самосовершенствование, полноценная работа всех структур академического сообщества, приоритетная нацеленность на интересы науки и образования. Если же отталкиваться от реальных практик, ставших устойчивыми после менеджистских реформ, то основными двумя акцентами в деятельности профессорско-преподавательского состава выступают рост показателей и, как особая проблема, рост финансовых показателей. Если бы сторонний наблюдатель случайно оказался на заседании ученого совета какого-нибудь государственного вуза, он едва ли смог бы догадаться, что вокруг него находятся профессор и доценты. Напротив, он был бы убежден, что его окружают эффективные менеджеры, обеспокоенные вопросом роста

финансовой состоятельности какой-то коммерческой организации. Трудно представить, как в таких условиях может развиваться профессиональная культура.

4. Заключение

Независимо от того, что является объектом управления, управленческая деятельность имеет общие элементы, посредством которых можно оценить ее эффективность. В управление входит четкое понимание цели, наличие ресурсов для ее достижения, надежная система контроля за использованием ресурсов, социальная значимость производимого продукта. Если посмотреть на то, как эффективные менеджеры от науки и образования интегрируют свое управление в перечисленные элементы и оценить их воздействие на профессиональную культуру преподавателей, то результаты окажутся несколько обескураживающими.

Прежде всего, менеджеризм определяет для преподавателей экзогенные образованию и науке цели. И вопрос не только в самом менеджеризме, но и в его российских особенностях. На этапе изначального замысла предполагалось, что академическое сообщество просто чуть увеличит интенсивность труда за счет неиспользованных внутренних ресурсов. Стимулом к этому должны были выступить поощрительные выплаты. Однако в ходе исполнения началась настоящая гонка за показателями. Ее участники забыли о том, что количество не может жить в отрыве от качества. Это две взаимосвязанные категории. В результате реальные цели оторвались от целевых показателей, а преподаватели стали привыкать к мысли, что работа с низким уровнем качества не только допустима, но и позволяет рассчитывать на дополнительные выплаты. Во многом это также стало следствием коммерциализации тех отношений, которые никогда не были и не могут быть по своему внутреннему содержанию составной частью рыночных институтов.

Одним из главных факторов, снижающих уровень профессиональной культуры преподавателей, выступает отсутствие достаточного объема ресурсов для достижения менеджеристских целей. Целевые по-

казатели определяются волонтаристским способом, без основательного научного измерения реальных возможностей преподавателей из региональных университетов. То, что устанавливается в качестве критериев эффективности, не может быть достигнуто с имеющейся ресурсообеспеченностью. Выполнение плановых показателей возможно только за счет отказа от исторически выработанных эталонов качества профессионального мышления, компетентности и мастерства. В новых условиях профессиональная культура приносится в жертву лжеэффективности. Нормой стали платные публикации, заочные конференции, «мусорные» журналы (в том числе в базах Scopus и Web of Science), завышение оценок обучающимся, лжеавторство, фальсификации эмпирических данных, плагиат (включая возможности нейросетей) и т. п. Честные ученые и преподаватели сильно рискуют оказаться в когорте неэффективных — следовательно, уволенных. Поэтому считается, что все перечисленные выше практики есть не что иное, как адаптация к новым условиям работы. Закономерным итогом таких изменений в профессиональной культуре следует полагать еще большее снижение ресурсной базы региональных университетов, так как с каждым годом количество сотрудников, способных к реальной работе, когда она оказывается затребованной, становится все меньше и меньше.

Наверное, сдерживающим фактором для распространения перечисленных тенденций могло бы стать сопротивление академического сообщества. В самом деле, ведь по-прежнему функционируют кафедры, ученые и диссертационные советы, редколлегии журналов, экзаменационные комиссии и др. Однако опрос показал, что преподаватели в условиях менеджеристского управления потеряли свою субъектность. Страх быть неэффективным передается по всем уровням управленческой цепочки, достигая преподавателя как рядового исполнителя «государственного задания». В менеджеристской модели управления выборы по конкурсу из простой формальности превратились в инструмент принуждения сотрудников к совершению действий, кото-

рые противоречат профессиональной этике. Именно этот инструмент, с одной стороны, обеспечивает лояльность руководству, а с другой, превращает в имитацию работу кафедр, редколлежий, диссертационных советов. По причине недостаточного объема ресурсов другого способа адаптации к управленческой ситуации у преподавателей нет.

И, наконец, итогом такой деятельности становится выпуск «продукта», который не обладает свойствами социальной полезности. Резко снизилось качество образования, научной работы, воспитательных усилий. Но, самое главное, руководство подобный итог устраивает. Отчеты складываются из количественных единиц. И администрация университетов лишь по формальным основаниям может нести какую-то ответственность за качество. В реальности качество всегда оценивалось самими преподавателями, так как только они, а не менеджеры, способны его установить. В настоящее же время все академические институты, которые раньше в коллегиальной форме оценивали результаты научного или образовательного процесса, превратились в ресурс для воспроизводства отчетных единиц. При таких обстоятельствах профессиональная культура препода-

вателей находится в состоянии деформации, итогом которой следует ожидать дальнейшее снижение их ресурсных возможностей.

Если же принять во внимание, что университеты решают задачи по социально-экономическому развитию регионов, то в будущем можно ожидать общего снижения ресурсного потенциала юга России, включая его восточные окраины — Калмыкию и Астраханскую область. Эмпирическое исследование показало, высшая школа в Элисте и Астрахани испытывает те же затруднения, что и в других регионах. Она поставлена в такие институциональные рамки, в условиях которых ее выживание становится возможным лишь благодаря адаптации в форме воспроизводства деформированной профессиональной культуры, не способной обеспечивать региональное развитие профессиональными кадрами. Преподаватели в университетах Элисты и Астрахани вынуждены выполнять показатели по науке в ущерб своей прямой обязанности осуществлять профессиональное обучение. Последнее оказывается на периферии их внимания. Негативные результаты следует ждать уже в краткосрочной перспективе, а вместе с ними и усиление асимметрии в развитии между центром и регионами.

Полевые материалы авторов

ПМА 2024 — опрос на тему «Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджистского управления». Участники: 958 преподавателей 9 вузов 7 субъектов РФ: Калмыкии, Астраханской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, Крыма и г. Севастополь (сентябрь 2024 г.)

Authors' Field Data

Professional Culture of [University] Lecturers in the Face of Managerialism. Opinion poll attended by 951 lecturers representing 9 universities from 7 federal subjects of Russia: Kalmykia, Astrakhan and Rostov Oblasts, Krasnodar and Stavropol Krai, Crimea and Sevastopol (September 2024). (In Russ.)

Литература

- Баллер, Злобин 1970 — Баллер Э. А., Злобин Н. С. Культура. Творчество. Человек. М.: Молодая гвардия, 1970. 272 с.
- Вебер 1990а — Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденоко. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
- Вебер 1990б — Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденоко. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

References

- Baller E. A., Zlobin N. S. Culture. Creativity. Man. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1970. 272 p. (In Russ.)
- Weber M. Politics as a vocation and profession. In: Weber M. Selected Writings. Yu. Davydov (comp., ed., etc.), P. Gaidenko (foreword). Moscow: Progress, 1990. Pp. 644–706. (In Russ.)
- Weber M. Science as a vocation and profession. In: Weber M. Selected Writings. Yu. Davydov (comp., ed., etc.), P. Gaidenko (foreword). Moscow: Progress, 1990. Pp. 707–735. (In Russ.)

- Везетиу 2024 — *Везетиу Е. В.* Научно-методическая культура как разновидность профессиональной культуры преподавателя вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82–2. С. 46–49.
- Воденко, Сальникова 2024 — *Воденко К. В., Сальникова И. И.* К проблеме профессиональной культуры современного ученого // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2024. Т. 49. № 2. С. 212–221. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-212-221
- Галустов, Наливайко 2019 — *Галустов А. Р., Наливайко Е. А.* Маркетинговая культура преподавателя вуза в структуре его профессиональной компетентности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 5. С. 30–34.
- Давидович, Жданов 1979 — *Давидович В. Е., Жданов Ю. А.* Сущность культуры. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1979. 264 с.
- Каган 2024 — *Каган М. С.* Философия культуры. М.: Юрайт, 2024. 353 с.
- Ковалев и др. 2022 — *Ковалев В. В., Молдобаев Т. Ш., Молитвин М. Н., Суязов В. В.* Анализ эффективности программ поддержки российских университетов (2010–2020) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2022. Т. 38. № 2. С. 208–234. DOI: 10.21638/spbu05.2022.203
- Ковалев, Дятлов 2023 — *Ковалев В. В., Дятлов А. В.* Идеология менеджериализма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение // Вестник университета. 2023. № 7. С. 24–32. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32
- Кондрашова, Поплавская 2022 — *Кондрашова Р. Ю., Поплавская О. В.* Профессиональная культура преподавателя высшей школы // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2022. № 1. С. 55–61.
- Лубский 2017 — *Лубский А. В.* Методология социального исследования. М.: Инфра-М, 2017. 154 с.
- Малиновский 2005 — *Малиновский Б. К.* Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
- Мигунова 2015 — *Мигунова М. Г.* Деятельностный подход к пониманию культуры // Kant. 2015. № 4. С. 37–40.
- Маркарян 1969 — *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван: АН Армянской ССР, 1969. 228 с.
- Основные показатели 2024 — Основные показатели подготовки кадров высшей квалификации, научных кадров в докторантуре по Российской Федерации [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 4.04.2024. Образование. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education> (дата обращения: 25.09.2024).
- Vezetiu E. V. Research and methodological culture as a type of professional culture for university lecturers. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2024. No. 82–2. Pp. 46–49. (In Russ.)
- Vodenko K. V., Salnikova I. I. On the problem of professional culture of a modern scientist. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2024. Vol. 49. No. 2. Pp. 212–221. (In Russ.) DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-212-221
- Galustov A.R., Nalivayko E.A. The marketing culture of the teacher of higher education institution in structure of his professional competence. *Economic and Humanitarian Studies of Regions*. 2019. No. 5. Pp. 30–34. (In Russ.)
- Davidovich V. E., Zhdanov Yu. A. The Essence of Culture. Rostov-on-Don: Rostov State University, 1979. 264 p. (In Russ.)
- Kagan M. S. Philosophy of Culture. Moscow: Urait, 2024. 353 p. (In Russ.)
- Kovalev V. V., Moldobaev T. Sh., Molitvin M. N., Suyazov V. V. Analysis of the efficiency of support programs for Russian universities (2010–2020). *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2022. Vol. 38. No. 2. Pp. 208–234. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu05.2022.203
- Kovalev V. V., Dyatlov A. V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare. *Vestnik Universiteta*. 2023. No. 7. Pp. 24–32. (In Russ.) DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32
- Kondrashova R. Yu., Poplavskaya O. V. Professional culture of a higher school teacher. *Volgograd Journal of Medical Research*. 2022. No. 1. Pp. 55–61. (In Russ.)
- Lubsky A. V. Social Survey Methodology. Moscow: Infra-M, 2017. 154 p. (In Russ.)
- Malinovsky B. K. A Scholarly Theory of Culture. Moscow: OGI, 2005. 184 p. (In Russ.)
- Migunova M. G. Activity approach to understanding culture. *KANT*. 2015. No. 4. Pp. 37–40. (In Russ.)
- Markaryan E. S. Essays in the Theory of Culture. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences, 1969. 228 p. (In Russ.)
- Key training parameters of Russian post-doctoral programs for top-qualification and scholarly personnel. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Posted on 4 April 2024. Education. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education> (accessed: 25 September 2024). (In Russ.)

- Полтерович 2011 — Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2011. № 3. С. 24–50.
- Средняя заработная 2023 — Средняя заработная плата преподавателей образовательных организаций высшего профессионального образования государственной и муниципальной форм собственности по субъектам Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года [электронный ресурс] // Федеральная служба госстатистики. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Таблица 1-м (дата обращения: 26.09.2024).
- Степаненко 2018 — Степаненко И. Ю. Концепция ресурсов и ее объяснительные возможности // Педагогический журнал. 2018. Т. 8. № 5А. С. 467–476.
- Федеральный закон 2012 — Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [электронный ресурс] // Российская газета. 2012. 30 декабря. URL: <https://rg.ru/documents/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 25.09.2024).
- Явнова 2019 — Явнова И. И. Социальная политика консервативного правительства Маргарет Тэтчер (80-е гг. XX века) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 105–109. DOI: 10.30853/manuscript.2019.12.19
- Polterovich V. M. Transplantation of economic institutions. *Economics of Contemporary Russia*. 2011. No. 3. Pp. 24–50. (In Russ.)
- Average wages of lecturers employed by federal and municipal universities across federal subjects of Russia in January-December 2023. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tablitsa 1-m (accessed: 26 September 2024). (In Russ.)
- Stepanenko I. Yu. The concept of resources and its explanatory possibilities. *Pedagogical Journal*. 2018. Vol. 8. No. 5A. Pp. 467–476. (In Russ.)
- Federal Law of 29 December 2012 no. 273-ФЗ on Education in the Russian Federation. On: Rossiyskaya Gazeta. Posted on 30 December 2012. Available at: <https://rg.ru/documents/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (accessed: 25 September 2024). (In Russ.)
- Yavnova I. I. Social policy of Margaret Thatcher's Conservative government (The 1980s). *Manuscript*. 2019. Vol. 12. No. 12. Pp. 105–109. (In Russ.) DOI: 10.30853/manuscript.2019.12.19

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 870–882, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81.272

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-870-882

Дискурсы конструирования исторической памяти о местнорусских в Монголии

Айса Николаевна Биткеева^{1,2}, Александр Викторович Исаков³

- 1 Институт языкознания РАН (д. 1/1, пер. Большой Кисловский, 125009 Москва, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра
- 2 Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (д. 25а, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0003-3765-2144. E-mail: [an.bitkeeva\[at\]iling-ran.ru](mailto:an.bitkeeva[at]iling-ran.ru)
- 3 Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник
 0000-0003-3416-9683. E-mail: [alexandr_isakov98\[at\]vk.com](mailto:alexandr_isakov98[at]vk.com)

© КалмНИЦ РАН, 2024

© Биткеева А. Н., Исаков А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Местнорусские Монголии — диаспорная группа русских, образовавшаяся в результате миграций в Монголии в середине XIX – начале XX в. В статье рассматриваются сюжеты исторической памяти русского старожильского населения Монголии, записанные в ходе полевого исследования этнической группы русских Монголии в августе 2023 г. *Цели и задачи.* В статье рассматриваются основные дискурсы конструирования исторической памяти, в рамках которых формировалась группа местнорусских Монголии. Историческая память местнорусских интересна как отражение этапов формирования диаспоры, ее этнокультурного контекста и самоидентификации. *Методы исследования.* Основным методом получения знаний об этнокультурной и языковой специфике этнической группы являются развернутые автобиографические нарративы. Нарратив понимается нами как реконструкция, целью которого является не демонстрация настоящего положения дел, а воссоздание опыта прошлого с интерпретацией реальности. В основе анализа в статье представлен *материал*, полученный в ходе полевого исследования русского старожильского населения Монголии авторами статьи в августе 2023 г. Были записаны 17 автобиографических интервью у разных социальных групп местнорусских, проживающих в Улан-Баторе, Дархане и Дзун-Харе в Монголии в ходе полевого исследования в 2023 г. *Выводы.* Русское старожильское население Монголии конструирует образ диаспоры как сообщества, которое вынужденно, в силу непреодолимых обстоятельств, оказалось оторвано от своей родины — России, но все время сохраняло ей верность даже вопреки отвержению и дискриминации. Заметим, что дискурс отвергнутой диаспоры имеет не только символическое значение, связанное с реабилитацией местнорусских после очернения их истории мифом о «семёновцах», но и вполне практический смысл, апеллируя к своему патриотизму, местнорусские стремятся добиться улучшения своего юридического статуса в Монголии, большей поддержки со стороны России, расширения гражданских прав.

Ключевые слова: русское старожильческое население, диаспора, историческая память, коллективная травма, Монголия

Благодарности. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)» (№ 23-18-00478, <https://rscf.ru/project/23-18-00478/>).

Для цитирования: Биткеева А. Н., Исаков А. В. Дискурсы конструирования исторической памяти о местнорусских в Монголии // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 870–882. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-870-882

Russian Diaspora in Mongolia: Discourses of Historical Memory Construction

Aysa N. Bitkeeva^{1,2}, Alexander V. Isakov³

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Head of Research Center

² Gorky Institute of World Literature of the RFI (25A/1, Povarskaya St., 121069 Moscow, Russian Federation)
Leading Research Associate

 0000-0003-3765-2144. E-mail: an.bitkeeva[at]iling-ran.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-3416-9683. E-mail: alexandr_isakov98[at]vk.com

© KalmSC RAS, 2024

© Bitkeeva A. N., Isakov A. V., 2024

Abstract. Introduction. Russians of Mongolia are a diaspora that formed as a result of migrations in the mid-nineteenth to early twentieth centuries. The article considers patterns and plots of Russian historical memory in Mongolia traced in narratives recorded during a field study of the specified ethnic group in August 2023 within a corresponding project funded by Russian Science Foundation (reg. no. 23-18-00478). **Goals.** The paper considers some key discourses of historical memory construction that largely shaped the Russian diaspora in Mongolia. The historical memory of Mongolia's Russians is interesting as a reflection of the group's formation stages, its ethnocultural contexts and self-identification trends. **Methods.** The main tool of obtaining data on ethnocultural and linguistic features of the ethnic group are detailed autobiographical narratives, the latter be understood as reconstructions aimed not at demonstrating the actual state of affairs but rather at reconstituting reinterpreted experiences of the past. So, the analysis focuses on materials collected during the aforementioned field study. A total of 17 autobiographical interviews were recorded across different social groups of Mongolia's Russians — in Ulaanbaatar, Darkhan, and Züünkharaa. **Results.** The Russians of Mongolia tend to construct an image of the diaspora as a community that had been forced to stay cut off from homeland Russia as a result of insurmountable circumstances, and that remained as faithful despite the experienced rejection and discrimination. It is noteworthy the discourse of somewhat rejected diaspora has not only symbolic meanings associated with the rehabilitation of Mongolia's Russians after their history was defamed with the 'Semyonovtsy' myth — but also pursues a completely practical goal: appealing to their patriotism Russians strive to achieve an improvement in their legal status in Mongolia, get support from Russia, and expand their civil rights.

Keywords: Russian diaspora, Mongolia, historical memory, collective trauma

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00478 'Russians of Mongolia: A Comprehensive Study of Culture in a Foreign Ethnic Environment (Folklore, Ritual Traditions, Language)'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-18-00478/>.

For citation: Bitkeeva A. N., Isakov A. V. Discourses of historical memory construction of Russian diaspora in Mongolia. *Oriental Studies*. 2023; 17 (4): 870–882. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-870-882

1. Введение

Местнорусские Монголии — этническая группа русских, появившаяся в середине XIX – начале XX в. Характер ее формирования, исторического опыта, социальной и духовной жизни представляет значительный интерес в плане изучения адаптационных этнокультурных и языковых механизмов, трансформации фольклорных и обрядовых традиций в иноэтническом и иноязычном окружении. Актуальность исследования определяется, прежде всего, фактическим отсутствием материалов по культуре и языку постоянно проживающих в Монголии русских, предки которых эмигрировали из России в начале XIX–XX в.

В основе анализа в статье представлен материал, полученный в ходе полевого исследования русского старожильского населения Монголии авторами статьи в августе 2023 г. Были записаны 17 автобиографических интервью у разных социальных групп местнорусских, проживающих в Улан-Баторе, Дархане и Дзун-Харе в Монголии.

В настоящее время численность этнических русских, называемых «местнорусскими», родившихся и проживших всю жизнь в Монголии, как и их родители, около 1 600 человек, согласно переписи населения Монголии 2020 г. [National Report 2021]. Основным местом проживания сегодня «местнорусского» населения в Монголии является столица страны — Улан-Батор, в «советские» времена они проживали в небольших станционных поселках вдоль железной дороги «Улан-Батор – Наушки», Дархане, Сухэ-Баторе, в Дзун-харе и ряде других небольших поселениях на севере и северо-западе страны, сегодня здесь проживает несколько семей русского старожильского населения Монголии. В Улан-Баторе местнорусские проживают компактно в районе «Жуковка» (по названию находящегося здесь памятника маршалу Г. К. Жукову). Именно последнее обстоятельство — компактность расселения — способствует некоторой культурной автономии «местнорусских» и по-

зволяет им сохранять характерные для них элементы быта и культуры.

Проанализируем основные дискурсы конструирования этнической группы и, в частности, их исторической памяти, поскольку историческая память определяет образ и условия жизни группы, определяет их будущее.

2. Методика исследования

2.1. Методика «Memory studies»

Отправной точкой исследований исторической коллективной памяти сегодня часто называют работу М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» [Хальбвакс 2007]. Именно в ней была впервые развернуто обоснована идея о том, что память — явление социальное, и представления людей о своем прошлом и прошлом своей группы предопределяются социокультурным контекстом. Современные же исследования исторической памяти главным образом связаны с теоретическими работами немецких исследователей Я. и А. Ассманов. Я. Ассман в своей программной работе [Ассман 2014] представил теорию культурной памяти, функционирование которой тесно связано с нарративами. Этническая и политическая идентичность сообществ базируется на нарративах, которые, в частности, формируют общие представления группы о своем прошлом [Ассман 2014: 139–176]. На примерах из новейшей истории А. Ассман разработала ряд тем, связанных с памятью и идентичностью: соотношение индивидуальной, социальной, коллективной и культурной памяти; память и культурная травма; память и чувство коллективной ответственности; конфликты в области памяти о прошлом; память и мемориальная политика и др. [Ассман 2014; Ассман 2016]. В указанных концептуальных рамках выстроено представленное исследование дискурсов исторической памяти местнорусских Монголии.

2.2. Нарративный анализ

Основным методом получения знаний об этнокультурной и языковой специфике этнической группы являются развернутые

автобиографические нарративы. Нарративный анализ продуктивен тем, что, не имея письменных источников и свидетельств отношения самих народов к тем или иным событиям, например, XIX – начала XX в., узнаем из рассказов, сохранившихся в памяти народа, через нарративы памяти, нарративы истории, биографические нарративы. Нарратив понимается нами как реконструкция, целью которого является не демонстрация настоящего положения дел, а воссоздание опыта прошлого с интерпретацией реальности. С одной стороны, нарратив включает план реальных событий, которые можно оценить объективно, с другой стороны, нарратив рассказывается через призму субъективной оценки, а значит, обладает «ландшафтом сознания» [Bruner 2004: 689].

Существует точка зрения, что конструирование этнической группы, ее идентичности происходит во взаимодействии трех дискурсов — научного, правового, политического [Соколовский 2013]. Правовой дискурс признает или не признает группы как самостоятельные единицы, отсеивает «неправильные» идентичности, «неэтнические» от этнических. Политический дискурс в зависимости от политической выгоды или политических рисков выстраивает официальные перечни и официальные категории этнических групп. Научный дискурс создает официальную категоризацию языков и культур [Соколовский 2013]. Однако немаловажным является самоопределение и представление о себе, своей истории, этнокультурной, языковой составляющей самими представителями этнической группы, это так называемый self-дискурс. Значительная часть анализа в данной статье отводится анализу этого дискурса.

3. Научный дискурс

История русского старожильского населения Монголии мало изучена, больше всего мы знаем о ее ранних этапах — дореволюционном и постреволюционном. Хотя интерес к этнической группе местнорусских существовал всегда, начиная с XIX в. Первые сведения о них мы находим в небольших статьях и сообщениях путешественников — Г. Н. Потанина, П. К. Козлова,

А. Свечникова [Потанин 1883; Козлов 1911; Свечников 1912], в книге И. М. Майского «Современная Монголия» [Майский 1921; Майский 1960], последний был свидетелем начала формирования группы русских в Монголии, оказавшись в стране, в ее первые годы независимости от Китая, что отражено в этнографических описаниях быта русских, контактов и взаимоотношений с монголами и китайцами и др.

Существует ряд тематических исследований жизнедеятельности русского населения Монголии. Так, исследователи рубежа XX–XXI вв. занимались изучением русско-монгольских дореволюционных связей в торговле — Е. М. Даревская, Н. Е. Единархова, А. В. Старцев [Даревская 1994; Единархова 2008; Единархова 2015; Старцев 2003] и др., использованием русского языка в промышленной и образовательной сфере Монголии Г. А. Дырхеева, Э. Саранцацрал, Ч. С. Цыбенова [Дырхеева и др. 2023]. В последние годы появились работы о русских в Монголии социо-исторического и культурологического плана: А. В. Михалева [Михалев 2011; Михалев 2015], Д. Б. Сундуевой [Сундуева 2014], Лувсанбалдан Одонтуяа [Лувсанбалдан 2023], Л. С. Дампиловой [Дампилова 2023], О. В. Бураевой и Д. Наранцэцэг [Бураева, Наранцэцэг 2019].

В истории жизни «местнорусских» Монголии можно выделить как минимум три периода, три волны миграций, определивших неоднородный социальный и этнический состав диаспоры.

Первые русские поселенцы появились в Монголии после подписания Россией Тяньцзиньского и Пекинского договоров с Китаем в период с 1858–1861 гг. В числе первых русских переселенцев были алтайские староверы, гонимые на родине за свои религиозные убеждения, они селились в основном в западных районах Монголии и представляли одну часть русской колонизации в Монголии в тот период. По свидетельствам русских путешественников и одновременно исследователей Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, Н. М. Пржевальского, отдельные группы русских из староверов (семейских) и беглых крестьян селились в долинах рек Селенги, Онона, Орхона, Тэса.

Другой струей первой русской переселенческой волны, вызванной открывшейся с 1860 г. первой русской торговлей, были русские купцы, селившиеся в основном в Северной Монголии, ближе к торговому пути. По свидетельству И. М. Майского, до конца XIX в. число русских торговцев поселенцев росло медленно и составляло примерно 300–400 чел. [Майский 1921: 87]. Как писал И. М. Майский, в противоположность китайцам, русские колонисты из торговой среды устраивались на этой территории основательно: селясь в пределах Автономной Монголии, русский торговец заводил целое хозяйство [Майский 1921: 87].

Активное формирование русского населения в Монголии началось в начале XX в., после обретения Монголией независимости от Китая и эмиграции русских по окончании Гражданской войны из пограничных районов Забайкалья и Прибайкалья, в 1910 г. число русских в Урге составило 600 чел., в Улясутае и Кобдо — по 40–50 чел. После переворота 1912–1919 гг. в Монголии численность русских увеличилась с 1,5 тыс. чел. до 5 тыс. человек [Майский 1921: 87–88].

Вторая волна миграции русского населения в Монголию возникла в революционные годы и связана с белогвардейским движением.

Третья волна миграции русских в Монголию произошла в 1930-е гг. из-за коллективизации и голода русских переселенцев с пограничных территорий СССР в Монголию, в результате появились русские деревни на реках Еро, Селенга, Онон, Хаара.

В бассейне реки Еро действовали советско-монгольские золотодобывающие концессии. В 1930-е гг. приисковые рабочие вывозили свои семьи из Забайкалья в Северную Монголию, что положило начало появлению русских поселений Бельчир, Ибициг, Шарагол, Жаргалантуй, Шамар. Русские поселения тяготели к поселку Корнаковке — бывшей усадьбе кяхтинского купца И. И. Корнакова, где поселились еще в конце XIX в. забайкальские старообрядцы.

Вблизи Кяхты и Забайкалья большая часть семей русско-китайских браков. Большая часть русских семей жила в Алтан-Булаке. В 1938 г. по решению Монгольского

правительства жителей Алтан-Булака, в основном смешанные русско-китайские семьи, переселили вглубь страны для поднятия земледелия в Центральный аймак сомон Жаргалантуй в 120 км к северу от города Улан-Батор [Маслов 2009: 64–65]. Некоторые семьи проработали в этом совхозе до конца 1960-х гг. Потребность получения образования стала причиной переселения большого количества местнорусских в Улан-Батор, где была на тот момент единственная русская школа.

В 1950–1960 гг. русская диаспора формировалась в основном из потомков старообрядцев, проживавших в деревнях, из советских граждан русско-китайских семей. Подавляющее большинство местнорусских, уже в советское время имевших паспорта граждан СССР, выехали в 1990-е гг. в Россию, многие оказались в странах Западной Европы, в первую очередь женщины, выходявшие замуж за специалистов из ГДР и Югославии, работавших в МНР в 1980–1990-е гг. [Веретнова 2019]. Такая разбросанность не способствует сохранению традиционной культуры и языка. Тем не менее предварительные наблюдения показывают, что современное сообщество «местнорусских» сохраняет определенную гомогенность и внутренние связи, дающие возможность сохранности и передачи определенных внутрисемейных и общинных традиций.

Сегодня русская диаспора Монголии в основном двуязычна, большинство владеет прекрасно и русским, и монгольским языками, свободно переключаясь в зависимости от коммуникативной ситуации. Очевидно, что полная адаптация и естественная интеграция в монгольское сообщество произошли в 1960-х гг., сформировался контактный билингвизм, владение монгольским языком и использование его в повседневной общественной жизни при сохранении русского языка, в семейном общении русский язык выступает как функционально первый. В третьем поколении возникают матримониальные отношения в браке с монголами. В основном доминирует литературная форма русского языка, с лексической специфич-

кой забайкальского говора. Фонетические особенности русского языка местнорусских Монголии специфичны в плане фонетической интерференции со стороны монгольского языка. У молодого поколения местнорусских очевидны активные ассимиляционные процессы в языковом плане, активный переход на монгольский язык. Сказывается влияние монгольского языка в основном и на уровне лексических заимствований. Поскольку в жизни русской диаспоры Монголии в самом начале ее формирования сильный был китайский компонент, у многих отцы были китайского происхождения, поэтому до сих пор можно услышать элементы маймачинского говора, в основном в речи старшего поколения местнорусских [ПМА 2023].

В третьем поколении местнорусских частотны матримониальные отношения в браке с монголами, сохранение религиозных православных практик при симбиозе с буддийскими и шаманскими элементами.

Очевидно, что здесь проявляется стандартный механизм адаптации диаспоры, тем более в иноязычной и иноэтничной среде, когда в третьем поколении этнокультурные элементы постепенно угасают и замещаются элементами доминирующей группы.

4. Политический и правовой дискурсы

Развитие этнической группы местнорусских шло параллельно и обособленно в силу политических, идеологических контекстов. На протяжении 1920–1950-х гг. они находились в относительной культурной и социальной автономии, участвовали в хозяйственно-экономической жизни МНР, не отделяли себя от исторической родины (многие из них воевали на фронтах Великой Отечественной войны) [Память... 2010]. После 1957 г. «местнорусские» оказались в определенной идеологической и социальной изоляции: негативное отношение со стороны официальных представителей СССР обусловило к ним и соответствующее отношение со стороны приезжавших в МНР специалистов из СССР, произошла естественная консервация этнокультурных и языковых моментов, кроме того, сказывалась относительная компактность проживания.

Исследователи отмечают нелояльность представителей диаспоры советскому государству, что стало заметно в 1960-х гг. «когда в Монголию в массовом порядке стали прибывать советские войска и специалисты для укрепления основ социалистического строя и защиты от «китайских империалистов» [Михалев 2011: 183]. Таким образом, «местнорусские попадали в категорию „коренных народов“, не сопричастных сообществу специалистов» [Михалев 2011: 183], что и определило идеологический дискурс местнорусской диаспоры в недружественном образе. Очевидно, что здесь проявляется стандартный механизм адаптации диаспоры, тем более в иноязычной и иноэтничной среде, когда в третьем поколении этнокультурные элементы постепенно угасают и замещаются элементами доминирующей группы.

Сообщество местнорусских до недавнего времени не имело возможности публично представлять собственную версию своего прошлого. Их история была сочинена государством, которому понадобился нарратив о предателях-«семёновцах», и самим местнорусским оставалось только принять эту навязанную им историю как данность: не они сами, но некто другой создавал их историю и образ их группы. Думается, что А. В. Михалев удачно подобрал теоретический ключ к исследованию идентичности и культурной памяти местнорусских, предложив рассматривать их как сообщество-субалтерн [Михалев 2011: 184]. Такие сообщества лишены собственного голоса в культурном пространстве: за них говорят представители доминирующих групп, в то время как самим субалтернам отведено подчиненное положение.

Анализируя процесс трансформации статуса местнорусского населения Монголии во второй половине XX в., А. В. Михалев отмечает, что политический статус группы определяется исходя из трех ключевых маркеров: гражданства, лояльности к государству исхода, наличия / отсутствия гражданских прав [Михалев 2011: 183].

Этнокультурное самосознание местнорусской диаспоры формировалось в контексте противоречивых нарративов о

ее происхождении и истории. Современные исследования исторической памяти все больше внимания уделяют таким случаям, когда образ прошлого становится предметом явной или скрытой дискуссии и инструментом формирования альтернативных моделей идентичности [Ассман 2014; Ассман 2016]. В современных представлениях местнорусских об истории своей группы изначально заложено противостояние доминирующего (внешнего) и репрессированного (внутреннего) образа своего прошлого. Эта позиция объясняет языковые установки и языковые идеологии группы. Через эту проекцию следует анализировать нарративы местнорусских Монголии о своем прошлом.

5. Self-дискурс (дискурс самопрезентации)

Источники изучения self-дискурса местнорусских Монголии можно разделить на публичные высказывания и интервью, записанные в ходе полевых исследований. Публичные высказывания в свою очередь включают в себя выступления в СМИ (например, «Ургинские ведомости»), открытые письма, художественные тексты. Последняя категория представлена одним известным нам текстом — романом Анжелики Веретновой «Белая монголка» [Веретнова 2019]. Предварительный анализ и сопоставление публичных высказываний и полевых материалов показал наличие в текстах обеих групп общих тем, мотивов, идей. Следовательно, изучение исторической памяти в self-дискурсе местнорусских Монголии на материале источников различного происхождения довольно продуктивен.

Выделяются «общие места» нарративов об истории диаспоры, семьи и личной биографии:

- Кто мы? («мы не семёновцы»);
- дискриминация («оценки в школе всегда были на балл ниже»);
- Великая Отечественная война («воевали вместе со всеми»);
- противоречивый постсоветский период («ни Россия, ни Монголия не признают нас полноценными гражданами»).

7. Нарратив «Кто мы?».

В советской Монголии местнорусские практически были лишены голоса в публичном дискурсе о собственном прошлом. В постсоветский же период их высказывания о происхождении и истории своего сообщества становятся явно диалогичными в том смысле, в каком говорил о диалоге и диалогизме М. М. Бахтин [Бахтин 2002: 220]: сказанное слово непременно подразумевает иную точку зрения, а конкретно в данном случае — точку зрения внешних дискурсов, которые продуцировались и продуцируются советским, российским и монгольским государствами, СМИ, политиками и учеными. В публичных выступлениях и исследовательских интервью представители местнорусской диаспоры часто апеллируют к этим внешним дискурсам: вспоминают советский миф о местнорусских-«семеновцах», спорят с позицией российских и монгольских властей относительно статуса местнорусских, критикуют статьи ученых и телепередачи о себе [ПМА 2023]. Таким образом, их нарратив о своем прошлом в значительной мере строится как ответ другим нарративам, которые видятся им неправильными, несправедливыми, недостоверными.

Сегодня формальные барьеры для самовыражения местнорусских сняты, но публичных высказываний о прошлом местнорусских, принадлежащих самим представителям этого сообщества, за весь постсоветский период было сделано не так много. Главным образом это немногочисленные публикации в прессе и открытые письма, обращенные к представителям монгольской и российской власти. Напомним, что есть одно художественное произведение, представляющее историю местнорусских, — роман А. Веретновой «Белая монголка» [Веретнова 2019]. Основным же источником для изучения self-дискурса местнорусских являются интервью, проведенные учеными в ходе полевых исследований.

Важная черта нарративов, которые воспроизводят сегодня местнорусские — протест против внешнего дискурса о диаспоре, с которым они не согласны. Рассказывая о своем прошлом, современные местнорусские оспаривают те представления, которые

были созданы о них во «внешнем мире», стремятся утвердить иную, собственную версию своей истории.

Важнейшим предметом этого «заочного спора» выступает история происхождения диаспоры. Как уже было отмечено, в советское время распространялся нарратив, согласно которому местнорусские — это потомки участников Гражданской войны, выступавших против советской власти. Их миграция в Монголию объяснялась желанием предателей Родины скрыться от возмездия. Между тем семейные истории местнорусских, которые можно услышать от них сегодня, совершенно аполитичны и не связывают происхождение диаспоры с каким-либо организованным выступлением против Советской России. Отвечая на вопрос, как их предки оказались в Монголии, местнорусские чаще всего говорят о голоде, нестабильности, которые наступили в годы революции, что и заставило их предков мигрировать в поисках лучшей жизни [ПМА 2023]. При этом не идет речи об отъезде из России — в те годы, как в один голос утверждают многие люди, граница между Россией и Монголией не была обозначена, поэтому русские, переселявшиеся на новые земли, не думали, что они покидают свою родину. Уже позднее им пришлось столкнуться с осознанием того, что они теперь — за границей, и принять это как данность [ПМА 2023].

Семейная память сохранила некоторые подробности того, как русские переселенцы переживали тяжелые годы и приспосабливались к жизни на новом месте. Одна из таких подробностей, которая роднит семейные нарративы многих местнорусских, — это браки русских женщин с китайцами. Китайцы, занимавшиеся торговлей и земледелием, обеспечивали своим русским женам и их детям сытую жизнь [ПМА 2023]. Тем не менее наличие в родословной «китайской крови» не стало для местнорусских поводом причислить себя к китайцам: материнская линия оказывается для них важнее. Как сообщают респонденты в устных рассказах, сами русские жены способствовали ассимиляции китайцев, давали им русские имена и не позволяли говорить с детьми по-китай-

ски [ПМА 2023]. В современных выступлениях местнорусских встречаются высказывания, подчеркивающие, что браки с китайцами и монголами незначительно повлияли на облик диаспоры, — тем самым, вероятно, оспаривается мнение о недостаточной «русскости» местнорусских, которое выражают некоторые сторонние наблюдатели [Матвеев 2007: 5].

Попытки связать историю местнорусских с белым движением и в особенности с атаманом Г. М. Семёновым обычно встречают резкий отпор. Такие высказывания воспринимаются как попытка заклеить местнорусских подобно тому, как это было сделано в советское время. Например, Л. М. Матвеев в «Ургинских ведомостях» так высказывается о статье А. Трубача, где присутствовала мысль о «белом» происхождении местнорусской диаспоры: «Почему он и некоторые господа из России называют колонистов белоэмигрантами? Могут назвать белогвардейцами, унгерновцами, николаевцами и пр. Считалось, чем больше грязи, тем лучше. Это от безграмотности, от незнания истории России и Монголии» [Матвеев 2007: 5]. Довольно часто местнорусские, оспаривая свое прозвище «семёновцы», апеллируют к истории: «здесь семёновцев никогда не было» [ПМА 2023]. Обозначая «белоэмигрантскую» версию своей истории как неправдивую, местнорусские отсылают к своему альтернативному нарративу, где образование диаспоры не связано с политическим противостоянием.

Однако порою можно заметить, что и «белоэмигрантская» версия происхождения диаспоры может быть чем-то привлекательна для местнорусских. Некоторые из них — те, кто озабочен положением своей диаспоры в мире «русского зарубежья» — в интервью акцентируют внимание на том, чем отлична диаспора местнорусских от «классической» русской эмиграции [ПМА 2023].

В массовом сознании русское зарубежье в первую очередь ассоциируется со статусными эмигрантами, которые покинули Россию в советское время по мотивам политического несогласия с новой властью [ПМА 2023]. Предки местнорусских по своему социальному статусу и мотивам миграции заметно

отличались от «привилегированной» части русской эмиграции, которая стала для большинства россиян «лицом» русского зарубежья. «Мы не дворяне, мы крестьяне», — так резюмировала это отличие одна из наших информанток [ПМА 2023]. На этом фоне особенно интересно выглядит вышеупомянутый роман А. Веретновой «Белая монгол-ка», где история местнорусских — вопреки господствующей в их сообществе тенденции — связывается с политическим противостоянием эпохи Гражданской войны. В этом романе предки местнорусских — забайкальские казаки — участвуют в войне на стороне барона Р. Ф. Унгерна, а потом укрываются в Монголии от советской власти. Местнорусские здесь представлены именно как сообщество, вынужденное покинуть родину из-за политических разногласий с новой властью. По-своему А. Веретнова интерпретирует даже мотив прадедушки-китайца, который стал мужем русской казачки в Монголии. Этот прадедушка в романе оказывается вовсе не китайцем, а бурятским казаком, вместе с товарищами воевавшим под началом Р. Ф. Унгерна. После установления советской власти в Монголии ему приходится сменить имя и выдавать себя за китайца, чтобы избежать возмездия за участие в антисоветской борьбе. Такая интерпретация происхождения местнорусских позволяет А. Веретновой включить их историю в большой нарратив о русской эмиграции начала XX в., героями которого являются патриоты «старой России», вынужденные бежать от новой несправедливой к ним власти.

6. Нарратив дискриминации

Память о советском периоде в сообществе местнорусских пронизана двумя сквозными мотивами: с одной стороны, это никогда не прерывавшаяся связь с исторической родиной — Советским Союзом, а с другой — постоянная дискриминация, непризнание их со стороны этой родины.

Обращают внимание на уязвимое правовое положение местнорусских в первые десятилетия их проживания в Монголии: им не давали монгольское гражданство, но и полноправными советскими гражданами они не были. Тем не менее местнорусские

сохраняли верность России и постепенно вовлекались в строительство нового социалистического общества в Монголии под эгидой СССР, — например, участвовали в организации колхозов. Тем обиднее воспринимается удар, нанесенный по семьям местнорусских в годы репрессий, которые настигли их наравне с жителями Советского Союза. Это событие описывается как один из моментов отвержения со стороны исторической родины: «никаких заслуг перед Отечеством не признавали» [Матвеев 2007: 7].

7. Нарративы Великой Отечественной войны

«Великая Отечественная война в памяти местнорусских, как и у жителей России, занимает особенное место. Они гордятся участием своих предков в этой войне, тем, что они защищали свою родину, хоть и не жили на ее территории. Такие коммеморативные практики, как ношение георгиевской ленточки, проведение шествий «Бессмертного полка», выпуск книг памяти [Память... 2010], распространены среди местнорусских Монголии так же, как и в России. При этом факт участия местнорусских в войне может использоваться и для упрека советской и российской власти в том, что патриотизм местнорусских оставался безответным чувством. «Наши бабушки отправляли своих мужчин воевать за СССР во время Великой Отечественной войны, не ожидая награды, считая своим нормальным, истинным гражданским долгом такой шаг. Несмотря ни на что, даже вопреки всем ограничениям, мы были верны советскому паспорту», — пишет А. Веретнова [Веретнова 2019: 167; ПМА 2023].

8. Нарратив о противоречивом постсоветском периоде

Случаи позитивного внимания со стороны исторической родины очень ценятся местнорусскими, чья жизнь пришлась на вторую половину XX в. Так, с добром вспоминают они участие в строительстве и дальнейшую работу на Улан-Баторской железной дороге (которая была совместным советско-монгольским предприятием), основание русских селений вдоль этой дороги,

крупнейшим из которых стала Дзун-Хара, где и сейчас сохраняется русская диаспора. Положительно оценивают деятельность посла СССР В. М. Молотова, который первым среди официальных лиц стал уделять внимание местнорусской общине [ПМА 2023].

Вместе с тем респонденты часто вспоминают случаи дискриминации в школах и других советских учреждениях. Наши собеседники, чье детство пришлось на позднесоветские годы, рассказывают похожие друг на друга истории о том, как в советской школе их — детей местнорусских — недолюбливали учителя и все время занижали оценки [ПМА 2023]. Наглядный пример стигматизации местнорусских в школе приводит в своем романе А. Веретнова: детей командированных советских граждан принимали в комсомол, монгольских детей — в ревсомол (аналог комсомола в Монголии), а дети местнорусских не имели права вступить ни в одну из этих организаций [Веретнова 2019: 142]. Отдельную категорию составляют рассказы о предвзятом отношении советских специалистов, командированных в Монголию, к местнорусским: «Специалисты из СССР презирали нас, говорили: „белогвардейцы“, „семеновцы“. Раньше им нельзя было на местных жениться. Говорили, что, мол, и оружие есть у нас, и пулеметы» [Сундеева 2014: 108].

Период постсоветских преобразований в памяти местнорусских отпечатался столь же противоречиво: с одной стороны, пришел конец советским практикам дискриминации «семеновцев», поскольку сам нарратив о борьбе с врагами советской власти после распада СССР стал не актуален, но в то же время российское государство с точки зрения местнорусских все так же не проявляет достаточного внимания к нуждам диаспоры. В результате многие местнорусские уезжают из Монголии, а оставшиеся все чаще вступают в смешанные браки, и их дети теряют русскую идентичность. В таком контексте советский период уже начинает восприниматься как «золотой век» диаспоры, когда русские, несмотря на все проблемы, имели возможность сохранять свой язык и культуру благодаря многочисленному сплоченному сообществу.

Сохраняющееся уже целый век противоречие между интересами местнорусских и реальной политикой российского государства поддерживает воспроизводство нарративов об отвергнутой диаспоре. Активист местнорусского сообщества В. А. Дунаев в письме к российскому послу И. К. Азизову в 2019 г. задает показательный риторический вопрос: «То, что мы смогли сохранить преданность гражданству России, сохранили русскую культуру — это ничего не значит?!» [Дунаев 2019]. В том же духе резюмирует историческую судьбу местнорусских А. Веретнова: «А мы — уже несколько поколений, рожденных в Монголии, — упорно говорили и думали на русском; вставляли в очередь за советскими паспортами; пекли куличи на Пасху; варили борщи, окрошку; пили квас из чайного гриба; пели на празднованиях русские народные песни; хоронили родных на русском кладбище по русским обычаям; и учили русскому языку, русской культуре своих детей. Считали себя русскими, несмотря на нашу смешанную кровь, на непохожесть на чистых по крови славян. Болели за СССР, потом за Россию в сезон Олимпийских игр, были патриотами СССР, потом России. Переживали за политиков, хотя не имели права принимать участия в выборах. Наши бабушки отправляли своих мужчин воевать за СССР во время Великой Отечественной войны, не ожидая наград, считая своим нормальным, истинным гражданским долгом такой шаг. Несмотря ни на что, даже вопреки всем ограничениям, мы были верны советскому паспорту, а потом российскому» [Веретнова 2019: 167].

9. Заключение

Современный self-дискурс местнорусских Монголии во многом основан на полемике с внешними дискурсами о диаспоре, которые экзотизируют местнорусских, представляя их предателями-белогвардейцами, метисами, «неправильными русскими» и т. д. В ответ на это местнорусские конструируют образ своей диаспоры как сообщества, которое вынужденно, в силу непреодолимых обстоятельств оказалось оторвано от своей родины — России, но все

время сохраняло ей верность даже вопреки отвержению и дискриминации. Заметим, что дискурс отвергнутой диаспоры имеет не только символическое значение, связанное с реабилитацией местнорусских после очернения их истории мифом о «семеновцах», но и вполне практический смысл:

апеллируя к своему патриотизму, местнорусские стремятся добиться улучшения своего юридического статуса в Монголии, большей поддержки со стороны России, расширения гражданских прав. Впрочем, эти проблемы достойны отдельного, более глубокого исследования.

Полевые материалы авторов

ПМА 2023 — Полевое исследование русско-го старожильского населения Монголии: 17 автобиографических интервью (запись в августе 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

Authors' Field Data

Field study of Mongolia's native Russians: A total of 17 autobiographic interviews (Rec. in August 2023, Mongolia: Ulaanbaatar, Darkhan, Züünkharaa).

Литература

- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман 2016 — *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 223 с.
- Бахтин 2002 — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
- Бураева, Наранцэцэг — *Бураева О. В., Наранцэцэг Д.* Русские в Монголии: свидетельство А. И. Маслова // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 167–176.
- Веретнова 2019 — *Веретнова А.* Белая монгол-ка. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. 244 с.
- Дампилова 2023 — *Дампилова Л. С.* Сохранность и трансформация фольклорных традиций бурят России, Монголии, Китая. Иркутск: Оттиск, 2023. 216 с.
- Даревская 1994 — *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – нач. XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 396 с.
- Дунаев 2019 — *Дунаев В. А.* Ответ ветерана русской общины В. А. Дунаева послу РФ в Монголии И. К. Азизову [электронный ресурс] // Монголия сейчас. 01.09.2019. URL: <http://www.mongolnow.com/otvet-veterana-russkoj-obshhiny-dunaeva-v-a-poslu-rf-v-mongolii-azizovu-i-k/> (дата обращения: 05.05.2024).

References

- Assmann J. C. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. M. Sokolskaya (transl.). Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2004. 368 p. (In Russ.)
- Assmann A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. B. Khlebnikov (transl.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2014. 328 p. (In Russ.)
- Assmann A. Another Dissatisfaction with Memorial Culture. B. Khlebnikov (transl.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2016. 223 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Collected Writings. In 7 vols. Vol. 6: Issues of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works of the 1960s–1970s. Moscow: Russkie Slovarei; Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2002. 800 p. (In Russ.)
- Buraeva O. V., Narantsetseg D. Russians in Mongolia: Evidence of A. I. Maslov. *Modern Scientific Thought*. 2019. No. 6. Pp. 167–176. (In Russ.)
- Veretnova A. The Fair-Skinned Mongolian Woman. Yekaterinburg: Izdatelskie Resheniya, 2019. 244 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S. Buryats in Russia, Mongolia, China: Preservation and Transformation of Folklore Traditions. Irkutsk: Ottisk, 2023. 216 p. (In Russ.)
- Darevskaya E. M. Siberia and Mongolia, Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries: Essays on Russian-Mongolian Contacts. Irkutsk: Irkutsk State University, 1994. 396 p. (In Russ.)
- Dunaev V. A. Veteran of Russian community V. Dunaev responds to remarks by Russian Ambassador I. Azizov. On: Mongoliya Seychas. Posted on 1 September 2019. Available at: <http://www.mongolnow.com/otvet-veterana-russkoj-obshhiny-dunaeva-v-a-poslu-rf-v-mongolii-azizovu-i-k/> (accessed: 5 May 2024). (In Russ.)

- Дырхеева и др. 2023 — Дырхеева Г. А., Саранца-црал Э. Цыбенова Ч. С. Русский язык в Монголии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2023. 199 с.
- Единархова 2008 — Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев. Иркутск: Репроцентр А1, 2008. 136 с.
- Единархова 2015 — Единархова Н. Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. 163 с.
- Козлов 1911 — Козлов П. К. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901 гг.). СПб.: Тип. Глав. управл. уделов, 1911. 160 с.
- Лувсанбалдан 2023 — Лувсанбалдан Одонтуйа. Двухязычие и русская диаспора Монголии // *Studie a články*. 2023. № 53–54. С. 32–46.
- Майский 1921 — Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во, Иркутск. отд., 1921. 472 с.
- Майский 1960 — Майский И. М. Монголия накануне революции. 2-е изд., перераб. М.: Вост. лит., 1960. 310 с.
- Маслов 2009 — Маслов А. И. Русские в Монголии. Улан-Батор: Мөнхийн Үсэг групп ХХК, 2009. 208 с.
- Матвеев 2007 — Матвеев Л. М. Русская колония в Монголии // *Ургинские ведомости*. 2007. № 10–11. С. 5–10.
- Михалев 2011 — Михалев А. В. Политический статус местнорусского населения Монголии (1966–2000 гг.) // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 8. С. 180–185.
- Михалев 2015 — Михалев А. В. Создавая врага: «местнорусские» в Монголии // *Обозреватель – Observer*. 2015. № 9 (308). С. 105–119.
- Память...2010 — Память... В честь 65-летнего юбилея победы в Великой Отечественной войне. Улан-Батор: [б. и.], 2010. 76 с.
- Потанин 1883 — Потанин Г. Н. Очерки Северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 г. по поручению Имп. рус. геогр. о-ва чл. сотр. одного Г. Н. Потаниным. Вып. 1–4. Вып. 3: Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.-з. Монголии. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1883. 372 с.
- Свечников 1912 — Свечников А. П. Русские в Монголии: Наблюдения и выводы. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1912. 150 с.
- Соколовский 2013 — Соколовский С. В. Этнические феномены // *ПостНаука*. 27.05.2013. URL: <https://postnauka.org/video/12898> (дата обращения: 20.05.2024).
- Старцев 2003 — Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – нач. XX в.). Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. 305 с.
- Dyrkheeva G. A., Sarantsatsral E., Tsybenova Ch. S. Russian in Mongolia. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2023. 199 p. (In Russ.)
- Yedinarkhova N. E. Russian Consulate to Urga and Ya. P. Shishmarev. Irkutsk: Reprotsentr A1, 2008. 136 p. (In Russ.)
- Yedinarkhova N. E. Kyakhta and Its Trade, 1840s–1860s. Irkutsk: Ottisk, 2015. 163 p. (In Russ.)
- Kozlov P. K. The Three-Year Travel through Mongolia and Tibet, 1899–1901. St. Petersburg: Chief Directorate of [Russian] Appanages, 1911. 160 p. (In Russ.)
- Odontuya L. Bilingualism and the Russian diaspora in Mongolia. *Studie a články*. 2023. No. 53–54. Pp. 32–46. (In Russ.)
- Maisky I. M. Contemporary Mongolia. Irkutsk: State Publ. House, 1921. 472 p. (In Russ.)
- Maisky I. M. Mongolia on the Revolution's Eve. Second edition, rev. Moscow: Oriental Literature Press, 1960. 310 p. (In Russ.)
- Maslov A. I. Russians in Mongolia. Ulaanbaatar: Munkhiin Useg, 2009. 208 p. (In Russ.)
- Matveev L. M. Russian colony in Mongolia. *Urginskie vedomosti*. 2007. No. 10–11. Pp. 5–10. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Political status of local Russians in Mongolia (1965–2000). *Buryat State University Bulletin*. 2011. No. 8. Pp. 180–185. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Creating the enemy: “Mestnorusskie” (local Russians) in Mongolia. *Обозреватель–Observer*. 2015. No. 9 (308). Pp. 105–119. (In Russ.)
- The Memory: Celebrating the 65th Anniversary of the Great Victory. Ulaanbaatar, 2010. 76 p. (In Russ.)
- Potaniin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: [Summarizing] Outcomes of the 1876–1877 Travel Undertaken on Instructions from Imperial Russian Geographical Society. Vol. 1–4. Pt. 3: Travel Notes and Materials on Physical Geography and Topography. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co., 1883. 372 p. (In Russ.)
- Svechnikov A. P. Russians in Mongolia: Observations and Conclusions. St. Petersburg: Energiya, 1912. 150 p. (In Russ.)
- Sokolovsky S. V. Ethnic phenomena. On: PostNauka. Posted on 27 May 2013. Available at: <https://postnauka.org/video/12898> (accessed: 20 May 2024). (In Russ.)
- Startsev A. V. Russian Trade in Mongolia, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Barnaul: Altai State University, 2003. 305 p. (In Russ.)

- Сундужева 2014 — *Сундужева Д. Б.* Нарративная история и «жизненный мир» русской общины Монголии // *Дискуссия*. 2014. № 10 (51). С. 101–112.
- Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Bruner 2004 — *Bruner J.* Life as Narrative // *Social Research* 71. No. 3. 2004. Pp. 691–710.
- National Report 2021 — National Report: 2020 Population and housing census of Mongolia. 2021-02-08 // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. National Statistics Office of Mongolia. URL: <https://1212.mn/en/statistic/file-library/view/47811341> (дата обращения: 05.05.2024).
- Sundueva D. B. Narrative history and «life world» of Russian community in Mongolia. *Diskussiya [Discussion]*. 2014. No. 10 (51). Pp. 101–112. (In Russ.)
- Halbwachs M. The Social Frameworks of Memory. S. Zenkin (transl., foreword). Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2007. 348 p. (In Russ.)
- Bruner J. Life as narrative. *Social Research*. 2004. Vol. 71. No. 3. Pp. 691–710. (In Eng.)
- 2020 Population and Housing Census of Mongolia: National Report. On: National Statistics Office of Mongolia. Posted on 8 February 2021. Available at: <https://1212.mn/en/statistic/file-library/view/47811341> (accessed: 5 May 2024). (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 883–901, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.156

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-883-901

Названия молочных продуктов у народов Урало-Поволжья (лингвогеографический аспект)

Римма Талгатовна Муратова¹, Ильдар Радикович Вильданов²

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0003-4223-0675. E-mail: bairima[at]yandex.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник
 0000-0001-6312-3241. E-mail: ildar.vildanov.89[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Муратова Р. Т., Вильданов И. Р., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению названий молочных продуктов у народов Урало-Поволжья. *Цель* исследования — выявить общие (характерные для народов Урало-Поволжья в целом), генетические (характерные для конкретной языковой семьи: тюркской, финно-угорской), ареальные (характерные для определенного ареала языков) особенности в происхождении, развитии и функционировании лексем, относящихся к названиям молочных продуктов. Научная новизна исследования заключается в применении возможностей цифровых технологий в изучении лексики материальной культуры, а именно лингвистической платформы LingvoDoc, позволяющей не только производить ввод, систематизацию, хранение языковых данных, но и осуществлять автоматизированный поиск и анализ информации по необходимым опциям, а также свободной геоинформационной системы QGIS Desktop, в которой можно создавать лингвистические карты. Актуальность решения обозначенной проблемы обусловлена тем, что названия молочных продуктов в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья ранее не были исследованы в рамках комплексного стандартизированного описания. *Материалы и методы.* В качестве источников послужили исследования по этнографии народов Урало-Поволжья, этимологические, лексикологические, лексикографические изыскания по тюркским и финно-угорским языкам. Теоретико-методологической базой исследования выступили труды, посвященные языковым контактам народов Урало-Поволжья, а также работы по изучению лексики пищи и молочных продуктов. В исследовании были применены следующие методы исследования: сравнительно-исторический метод, методы лексико-семантического анализа и лингвистического картографирования. *Результаты.* Выявлено, что нет исконных названий, восходящих к общим корням, в обозначении названий молочных продуктов в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья. В этимологии названий молока, масла, сливок можно проследить генетические особенности: в тюркских языках восходят к общему корню названия молока, сливок, в финно-угорских — названия масла. Названия сливочного, топленого масел, творога во всех исследуемых языках даны по мотивационным признакам. На-

блюдаются ареальные явления в обозначении некоторых продуктов (например, в обозначении простокваши и творога выделяется марийско-чувашское единство). Исконные названия айрана и кумыса есть только в тюркских языках, в финно-угорских они являются заимствованиями из тюркских.

Ключевые слова: Урало-Поволжье, лингвогеография, тюркские язык, финно-угорские языки, названия молочных продуктов

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Электронный атлас лексики материальной культуры народов Урало-Поволжья» (№ 24-28-01562, <https://rscf.ru/project/24/-28-01562/>.)

Для цитирования: Муратова Р. Т., Вильданов И. Р. Названия молочных продуктов у народов Урало-Поволжья (лингвогеографический аспект) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 883–901. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-883-901

Dairy Terms in Languages of the Ural-Volga Region: A Linguistic Geographical Aspect

Rimma T. Muratova¹, Ildar R. Vildanov²

- 1 Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate
 0000-0003-4223-0675. E-mail: bairima[at]yandex.ru

- 2 Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Junior Research Associate
 0000-0001-6312-3241. E-mail: ildar.vildanov.89[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Muratova R. T., Vildanov I. R., 2024

Abstract. Introduction. The article deals with names of dairy products used by peoples inhabiting the Ural-Volga Region. **Goals.** The study seeks to identify general (characteristic of the Ural-Volga peoples at large), genetic (characteristic of a specific language family — Turkic or Finno-Ugric), and areal (characteristic of a certain language area) features pertaining to origins, development and functioning of lexemes denoting dairy products. Our efforts involve the use of digital technologies in the study of material culture-related vocabulary, namely the LingvoDoc platform which makes it possible not only to upload, systemize, and store language data but also to conduct automated searches and analyses according to required options, including mapping of lexical materials. The fact names of dairy products in the Turkic and Finno-Ugric languages of the Ural-Volga Region have remained understudied never to enjoy any standardized description makes the work relevant enough. **Materials and methods.** The paper examines studies on ethnography of the Ural-Volga peoples, etymological, lexicological, lexicographical insights into the Turkic and Finno-Ugric languages. In terms of theory and methodology, the study rests on writings dealing with linguistic contacts across the specified region, as well as works discussing food and dairy vocabularies. The work employs a variety of research methods, including the comparative historical one and those of lexical semantic analysis and linguistic mapping. **Results.** It has been revealed that there are no original names ascending to common stems for dairy terms across the Turkic and Finno-Ugric languages of the Ural-Volga Region. However, in etymologies of names for milk, butter, cream some genetic features can still be traced: in Turkic languages, such names do stem from a common root that stands for milk and cream, while in Finno-Ugric languages — it is about the lexeme for butter. Terms for butter, ghee, and cottage cheese in all the examined languages tend to meet motivational characteristics. There are also some areal phenomena in designations of yogurt and cottage cheese (for example, these in Mari and Chuvash attest to certain affinities between the languages). Finally, original names for *ayran* and *kumis* are available only in Turkic languages, and only loanwords be observed in Finno-Ugric ones.

Keywords: Ural-Volga Region, linguistic geography, Turkic languages, Finno-Ugric languages, names of dairy products

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 24-28-01562 ‘Peoples of the Ural-Volga Region: A Digital Atlas of Material Culture Vocabulary’. Available at: <https://rscf.ru/project/24/-28-01562>.

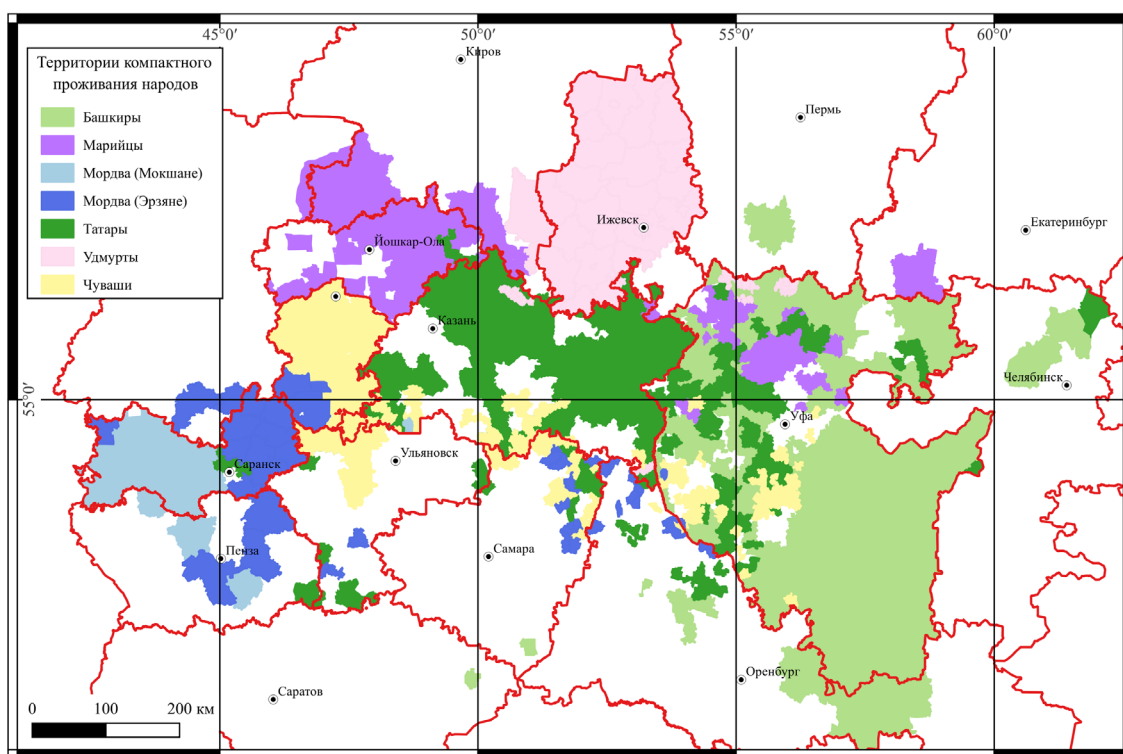
For citation: Muratova R. T., Vildanov I. R. Dairy Terms in Languages of the Ural-Volga Region: A Linguistic Geographical Aspect. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 883–901. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-883-901

1. Введение

Урало-Поволжье в составе Российской Федерации представляет особый историко-этнографический регион, в котором компактно проживают шесть крупных народов, имеющих свои национальные республики: башкиры; поволжские, или казанские, татары; чувашы; марийцы; мордва; удмурты (см. карту 1). В лингвистическом отношении народы Урало-Поволжья делятся на две группы: одну из них составляют удмур-

ты, марийцы и мордва, говорящие на языках финской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи, другую — чувашы, татары и башкиры, языки которых относятся к тюркской группе алтайской языковой семьи. Эти народы всегда жили в достаточно близком соприкосновении и друг с другом и с русским населением этих краев. На протяжении многотысячелетней истории, в постоянных контактах формировались ареалы современного расселения

Карта 1. Территория расселения тюркских и финно-угорских народов Урало-Поволжья¹
[Map 1. Habitats of Turkic and Finno-Ugric peoples across the Volga Region and the Urals. Map]

данных народов, основы их языков, материальной и духовной культуры, менталитета. В процессе совместного проживания происходило взаимовлияние и взаимопроникновение культур, однако и в XXI в. народы Поволжья и Урала сохранили свое национальное самосознание и аутентичность.

¹ Карта составлена по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. в геоинформационной системе QGIS Desktop.

Важнейшее значение в хозяйстве народов Урало-Поволжья играло скотоводство. Поэтому в традиционном рационе народов данного региона значимое место занимали молоко и молочные продукты, названия которых в языках и диалектах многочисленны и дифференцированы.

Цель данной статьи — изучить названия молочных продуктов в языках народов Урало-Поволжья и выявить общие (характер-

ные для народов Урало-Поволжья в целом), генетические (характерные для конкретной языковой семьи: тюркской, финно-угорской), ареальные (характерные для определенного ареала языков) особенности в происхождении, развитии и функционировании лексем, относящихся к названиям молочных продуктов. Научная новизна исследования заключается в применении возможностей цифровых технологий в изучении лексики материальной культуры, а именно лингвистической платформы ЛингвоДок (LingvoDoc), которая позволяет не только производить ввод, систематизацию, хранение языковых данных, но и осуществлять автоматизированный поиск и анализ информации по необходимым опциям, а также геоинформационной системы QGIS Desktop, в которой можно создавать лингвистические карты. Актуальность решения обозначенной проблемы обусловлена тем, что лексика молочных продуктов в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья ранее не была исследована в рамках комплексного стандартизированного описания.

2. Материалы и методы

В качестве источников исследования послужили научные труды по этнографии народов Урало-Поволжья [Марийцы 2005; Матвеев 1995; Мордва 1995; Удмурты 1993; ЭТН 2004; Янгузин, Хисамитдинова 2007], этимологические, лексикологические, лексикографические изыскания по тюркским и финно-угорским языкам [Ахметьянов 2015; ДАУЯ 2009; Егоров 1964; МРС 1956; МРС 1998; ТРС, 1 2007; ТРС, 2 2007; УРС 1983; Ухов 2014; Федотов, 2 1996; ЧРС 1985; ЭРС 1993; ЭСМЯ 2005; ЭСТЯ 1997; EDAL 2003; Redei 1988]. Теоретико-методологической базой исследования выступили труды, посвященные языковым контактам народов Урало-Поволжья [Куцаева 2020; Норманская 2023], а также работы по изучению лексики пищи и молочных продуктов [Абдина 2020; Абдина 2021; Дьячковский и др. 2021; Куулар др. 2022; Мигранова 2021; Нелюбова и др. 2023]. В исследовании были применены следующие методы исследования: сравнительно-исторический метод, методы лексико-семантического анализа и лингвистического картографирования.

3. Названия молочных продуктов в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья

3.1. Молоко

Молоко занимало важное место в питании народов Урало-Поволжья. В исследованиях по этнографии народов данного региона отмечается, что молоко употреблялось как цельное, так и в переработанном виде, которое обычно добавлялось в пищу. Для обозначения молока в языках Урало-Поволжья употребляются следующие названия:

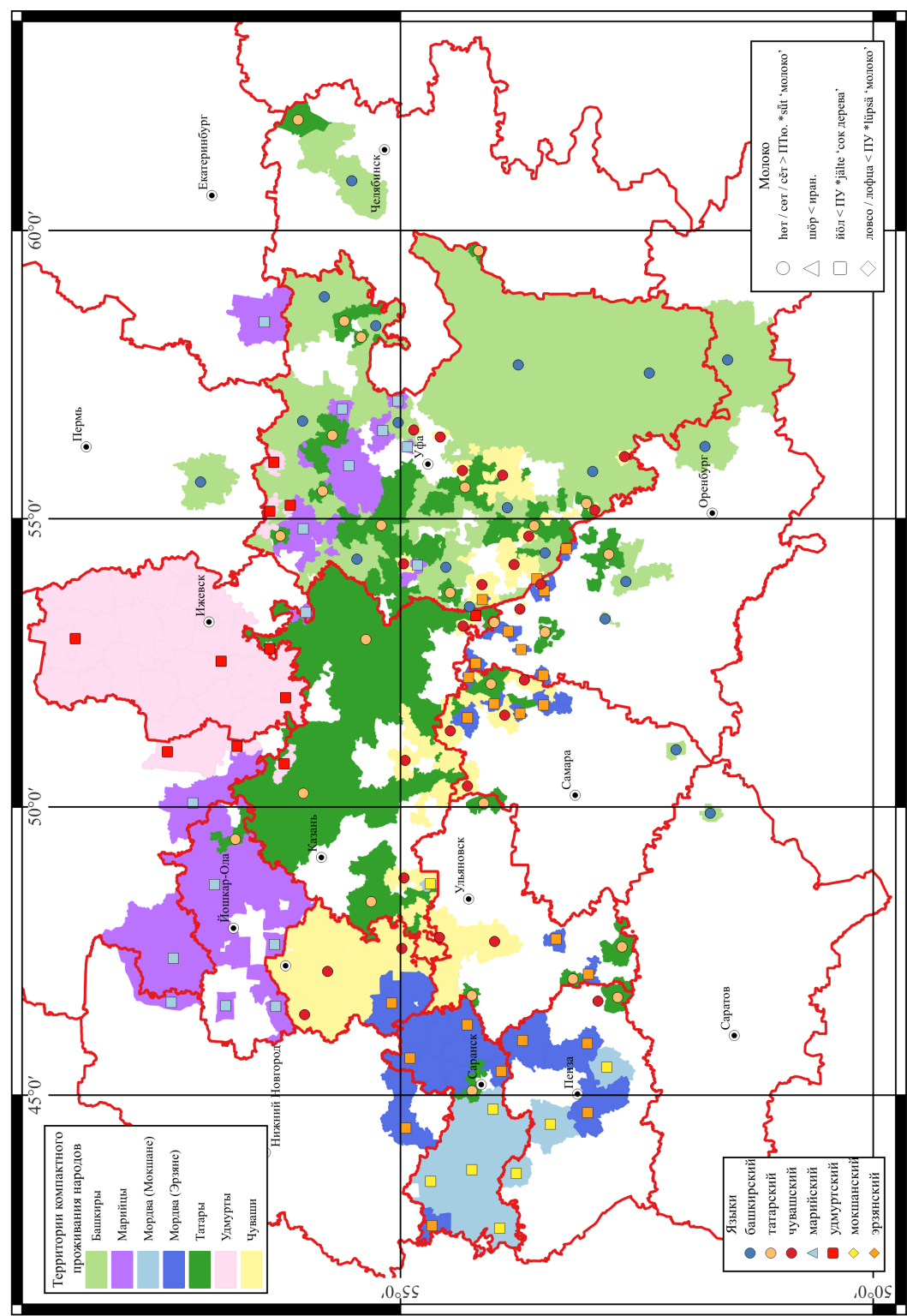
- башк. *həm* [БРС 1996: 740];
- тат. *səm* [TPC, 2 2007: 255];
- чув. *сѣт* [ЧРС 1985: 362];
- мар. *шөр* [МРС 1956: 724];
- удм. *йӧл* [УРС 1983: 172];
- морд.: эрз. *ловсо* [ЭСМЯ 2005: 216], мокш. *лофца* [МРС 1998: 345].

Тюркские названия (башк. *həm*, тат. *səm*, чув. *сѣт*) восходят к пратюркскому **sūt* ‘молоко’ [EDAL 2003: 1300]. Лексические параллели слова наблюдаются и в других тюркских языках: тур., гаг., уйг., караим., кирг., каз., кбалк., ккалп., кум., ног., хак., шор., алт., тув. *sūt*, аз. *süd*, туркм. *sūt*, узб. *sut*, *sūt*, як. *ūt* [EDAL 2003: 1300]. Слово восходит к праалтайскому **sīt’i* ‘молоко’, рефлекс которого сохранились также в монгольских (в значении ‘молоко’) [EDAL 2003: 1300], тунгусо-маньчжурских и корейском языках [EDAL 2003: 1300].

Марийское *шөр* является иранским заимствованием. Как известно, иранские лексические заимствования в финно-угорских языках и, шире, арийские в уральских встречаются, хотя и в разной степени, во всех этих языках и хронологически охватывают различные эпохи [Ухов 2014: 125–128].

Мордовские *ловсо* (эрз.), *лофца* (мокш.) восходят к прауральскому **līpsä* ‘молоко’. Лексема встречается и в других финно-угорских языках в близких значениях: эст. *līpsa-*, фин. *lypsä-* ‘доить’ [ЭСМЯ 2005: 216].

Удмуртское *йӧл* возводится к прауральскому **jälte* ‘сок дерева’ [Redei 1988: 632]. Рефлексы праформы наблюдаются в других уральских языках: фин. *jälsi* ‘древесный сок, сок’, фин. диал. *jälttä* ‘сочиться, выжимать’, коми-зырян. *jel* ‘молоко’. Как видим, в удмуртском языке произошло изменение

значения прауральской лексемы: ‘сок дерева’ > ‘молоко’. Данная лексическая единица современное значение приобрела, видимо, в общепермскую эпоху, когда у предков удмуртов в хозяйстве появились домашние животные, в том числе корова. Весьма вероятно, что это слово до начала животноводства обозначало молоко диких животных [Redei 1988: 632].

Таким образом, встречаются 4 типа лексем по происхождению для обозначения молока у народов Урало-Поволжья: 1) башк. *hөт* / тат. *сөт* / чув. *сёт* < ПТю. **sūt* ‘молоко’, 2) удм. *йөл* < ПУ **jälte* ‘сок дерева’, 3) эрз. *ловсо* / мокш. *лофца* < ПУ **lupsä* ‘молоко’, 4) мар. *шөр* < иран. Обозначим их на карте (см. карту 2¹):

На данной карте обозначены виды названий молока по происхождению. В тюркских языках молоко обозначается общей для тюркских языков лексемой, которая восходит к пратюркской и праалтайской формам. В языках финно-угорской группы молоко представлено лексемами, восходящими к разным корням. Это можно объяснить тем, что скотоводство у тюрков с древних времен было основным видом хозяйственной деятельности, а у финно-угров оно уступало земледелию.

2.2. Сливки, сметана

Традиционным молочным продуктом у народов Урало-Поволжья являлись сливки или сметана, которые представляют собой верхний слой сырого или отстоявшегося два-три дня молока. Сливки употребляли в пищу и сбивали из них масло.

Для обозначения сливок в языках Урало-Поволжья употребляются следующие названия:

- башк. *каймак* [БРС 1996: 335];
- тат. *каймак* [ТРС 1, 2007: 513];
- чув. *хайма* [ЧРС 1985: 542];
- мар. *шөрүмбал*, *шөрвал*, *йүмбал*, *лай*, горн. *патыл* [МРС 1956: 642, 724–726];
- удм. *нөкы*, *йөлвыл*, диал. *каймак* [ДАУЯ 2009: 91];

¹ Карты названий молочных продуктов, представленные в данной статье, были составлены в геоинформационной системе QGIS Desktop с использованием функций анализа языкового материала лингвистической платформы ЛингвоДок.

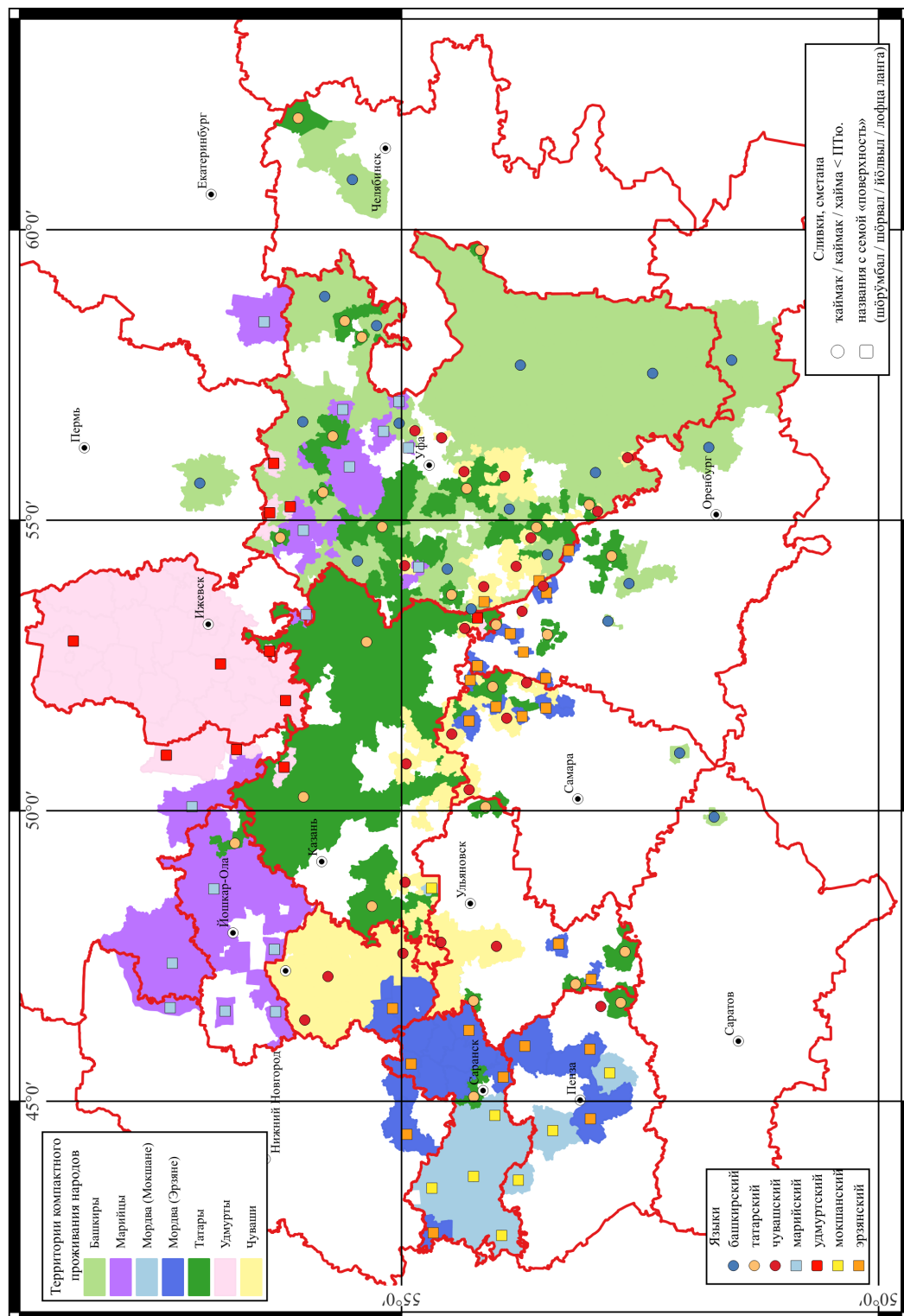
– морд.: эрз. *чапамо велькс*, мокш. *лофца ланга*, *вайвелез*, *ланга* [МРС 1998: 324, 345; ЭРС 1993: 121, 738].

В тюркских языках Урало-Поволжья слово является пратюркским и обозначает почти во всех языках сливки. По этимологии слова существует несколько версий, одной из которых является происхождение от глагольной основы *qaj-* ‘образовываться (о твердом слое на поверхности земли после дождя)’ [ЭСТЯ 1997: 201–202]. На наш взгляд, лексема восходит к основе *qaj-* ‘снимать с поверхности что-либо’.

В финно-угорских языках название для обозначения сметаны в основном образовывается с помощью слова ‘молоко’: мар. *шөрүмбал* (от *шөр* ‘молоко’, *йүмбал* ‘поверхность’), *шөрвал* (от *шөр* ‘молоко’, *вал* ‘поверхность’) [МРС 1956: 642, 724–726]; удм. *йөлвыл* (от *шөр* ‘молоко’, *выл* ‘поверхность’) [ДАУЯ 2009: 91; УРС 1983: 101, 172]; мокш. *лофца ланга* (от *лофца* ‘молоко’, *ланга* ‘поверхность’) [МРС 1998: 324, 345]. В приведенных примерах название сливок и сметаны переводится как ‘поверхность молока’. Названия *чапамо велькс* и *вайвелез* в эрзянском и мокшанском языках также связаны со значением ‘поверхность’: эрз. *чапамо велькс* образовано от слов *чапамо* ‘кислый’ и *велькс* ‘верхняя часть чего-либо’ (кислая верхняя часть чего-либо), мокш. *вайвелез* — от *вай* ‘масло’, *велез* ‘поверхность’ (т. е. ‘поверхность, [состоящая] из масла, жирная поверхность’) [МРС 1998: 80; ЭРС 1993: 121, 738].

В марийском и мордовских языках слова, обозначающие ‘поверхность чего-либо’, приобрели вторичное значение: *йүмбал* ‘поверхность’ → *йүмбал* ‘сметана, сливки’, [МРС 1956: 642]; мокш. *ланга* ‘поверхность’ → *ланга* ‘сметана’ [МРС 1998: 324]; эрз. *велькс* ‘поверхность’ → *велькс* ‘сметана, сливки’ [ЭРС 1993: 121]. Удм. *нөкы* ‘сметана, густые сливки’ является исконным словом, которое восходит в общепермскому пласту [ДАУЯ 2009: 91].

Следует отметить, что в изучаемых языках нет четкой лексической дифференциации сметаны и сливок, оба понятия имеют аналогичные названия. Распространение названий для обозначения сливок можно представить на карте (см. карту 3).

Карта 3. Сливки в языках народов Урало-Поволжья
[Map 3. Cream in the Ural-Volga languages]

Как видим, лексические параллели слова *каймак* распространены в башкирском, татарском, чувашском языках. В финно-угорских языках слово в основном образуется с помощью составных названий с компонентом, обозначающим поверхность чего-либо. Как показывают примеры и этимологический анализ слов, в основе всех названий, как тюркских, так и финно-угорских, лежит семантика, связанная со значением ‘поверхность’.

2.3. Масло

Традиционным молочным блюдом у народов Урало-Поволжья, несомненно, считалось животное масло — сливочное и топленое. Во многих языках для обозначения любого вида масла используется общее слово. Оно может обозначать сливочное, топленое, растительное и т. д. масло. В языках Урало-Поволжья масло обозначается следующими лексемами:

- башк. *май* [БРС 1996: 416];
- тат. *май* [ТРС, 2 2007: 11];
- чув. *су* [ЧРС 1985: 421];
- мар. *уй* [МРС 1956: 641];
- удм. *вӱй* [ДАУЯ 2009: 97];

– морд.: эрз. *ой*, мокш. *вай* [МРС 1998: 80; ЭРС 1993: 434].

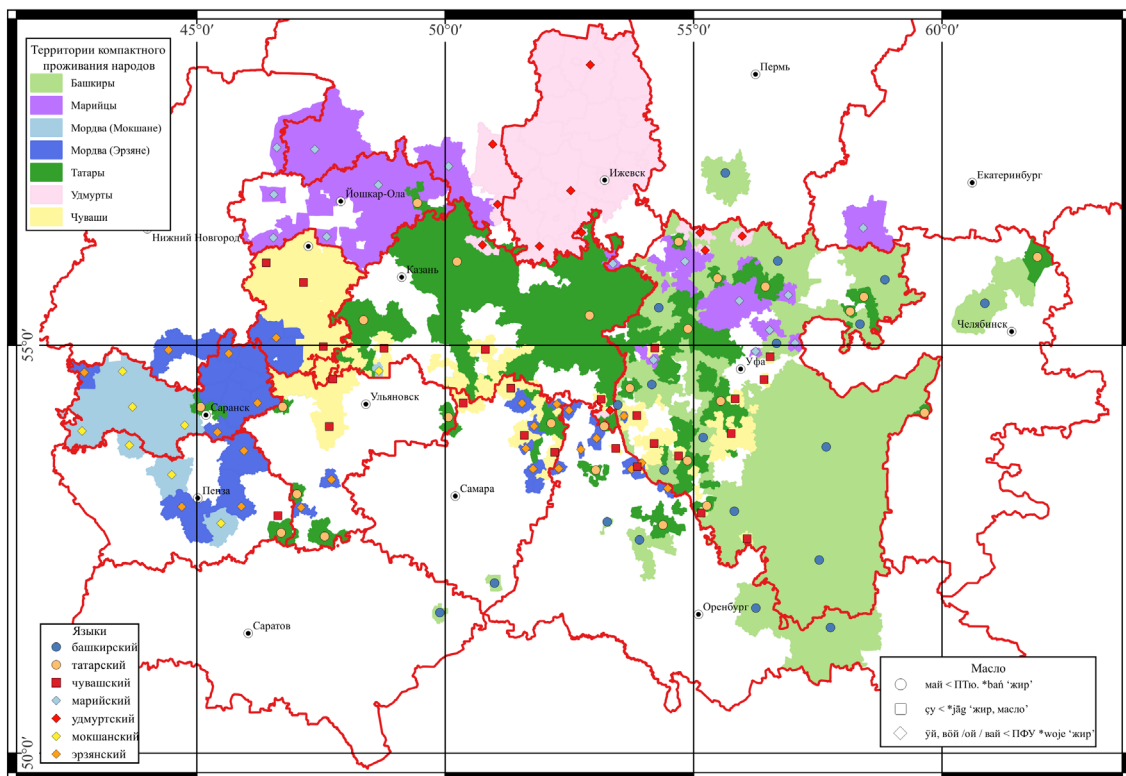
Слово *май*, встречающееся в башкирском и татарском, восходит к ПТю. **bañ* ‘жир’, которое также зафиксировано в других тюркских языках: каз., ккалп., ног., кум., караим., кирг., алт., туркм., уйг. *maj*, узб. *maj*, хак. *sar-maj* [EDAL 2003: 896].

Чувашское *су* восходит в другому тюркскому слову **jāg* ‘жир, масло’, которое сохранилось в древнетюркских источниках и во многих тюркских языках: караим., уйг., аз., тур. *jaγ*, гаг. *jā*, туркм. *jāγ*, узб. *jɔγ*, кбалк. *žau*, кум. *jav*, хак. *čay*, шор. *čay*, алт. *dū*, як. *sia* [Федотов 2, 1996: 127; EDAL 2003: 597].

Финно-угорские лексемы — мар. *уй*, удм. *вӱй*, мордв.: эрз. *ой*, мокш. *вай* — восходят к прафинно-угорскому **woje*. В эпоху совместного проживания финно-угорских народов (IV–III тыс. до н. э.) данное слово имело значение ‘жир животного происхождения’ [ДАУЯ 2009: 97].

Распространение названий для обозначения масла обозначим на карте (см. карту 4).

Таким образом, названия для обозначения масла в урало-поволжских языках яв-

Карта 4. Масло в языках народов Урало-Поволжья
[Map 4. Butter and oil in the Ural-Volga languages]

ляются древними исконными лексемами. В финно-угорских языках лексемы восходят к общей прафинно-угорской форме, в тюркских языках представлены две лексемы тюркского происхождения.

2.4. Сливочное масло

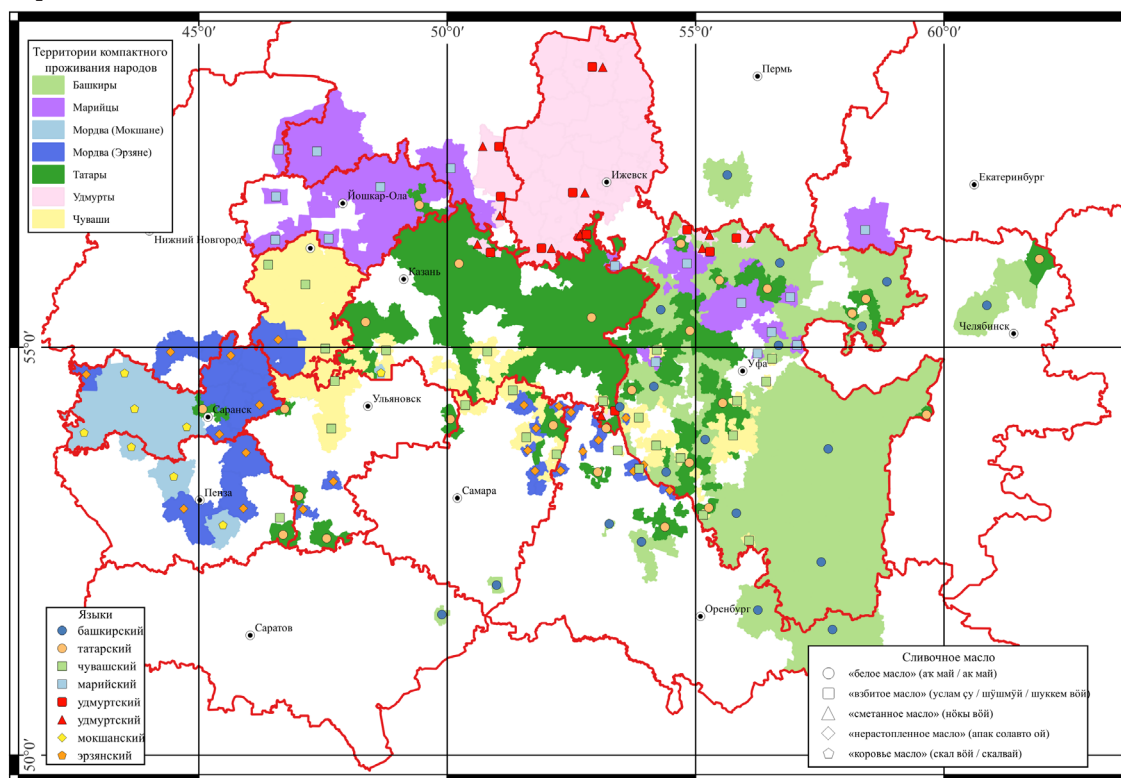
В этнографических источниках в качестве основных молочных продуктов у народов Урало-Поволжья выделяется сливочное масло, которое получали путем взбивания сливок или сметаны. В языках Урало-Поволжья встречаются следующие названия для обозначения сливочного масла:

- башк. *ак май* [БРС 1996: 416];
- тат. *ак май* [ТРС, 1 2007: 62–63];
- чув. *услам су* [ЧРС 1985: 421];
- мар. *шўшмўй*, горный диалект *кўтым ў* [МРС 1956: 641, 749];
- удм. *нõкы вой*, *шуккем вõй* [УРС 1983: 94];

– морд.: эрз. *апак солавто ой*, мокш. *скалвай* [МРС 1998: 80, 636; ЭРС 1993: 52, 434, 601].

Как видно, все названия образованы сложением двух или более слов. В башкирском и татарском языках *ак май* / *ак май* имеет значение ‘белое масло’. В чувашском языке словосочетание, образованное с помощью слов *су* ‘масло’ и *услам* / *услам* ‘количество масла, спаханного за один раз, комок спаханного масла’ (от глагола *усла-* ‘пахтать’), можно перевести на русский язык как ‘спаханное в комок масло’ [Федотов, 2 1996: 291].

В марийском языке употребляется слово *шўшмўй*, которое складывается из двух слов (глагол *шўшкаш-* ‘пахтать, сбивать масло’ и *ўй* ‘масло’) и обозначает ‘взбитое масло’ [МРС 1956: 641, 749].

Карта 5. Сливочное масло в языках народов Урало-Поволжья

[Map 5. Butter in the Ural-Volga languages]

В удмуртском языке для обозначения сливочного масла встречаются названия *нõкы вой* букв. ‘сметанное масло’, *шуккем вõй* ‘взбитое масло’ (от *шуккыны* ‘сбить масло’ и *вõй* ‘масло’) [ДАУЯ 2009: 98; УРС 1983: 94, 303, 507]. В мордовских языках сливочное масло обозначается следующи-

ми словосочетаниями: эрз. *апак солавто ой* ‘нерастопленное масло’, мокш. *скалвай* ‘коровье масло’ [МРС 1998: 80, 636; ЭРС 1993: 52, 434, 601].

Разместим эти названия на мотивационной карте, которая позволит обозначить принципы номинации сливочного масла в

тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья (см. карту 5). Таким образом, в обозначении сливочного масла в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья можно выделить следующие особенности: в кыпчакских языках мотивационным признаком является цвет (белый), в чувашском, удмуртском и марийском языках — способ получения (взбивать), в удмуртском — исходный продукт (сливки), в мокшанском — животное происхождение масла (корова), в эрзянском — противопоставление топленому маслу (нерастопленное). Наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в обозначении данного продукта, дает возможность увидеть своеобразие национального языкового сознания в сложном процессе восприятия мира человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности.

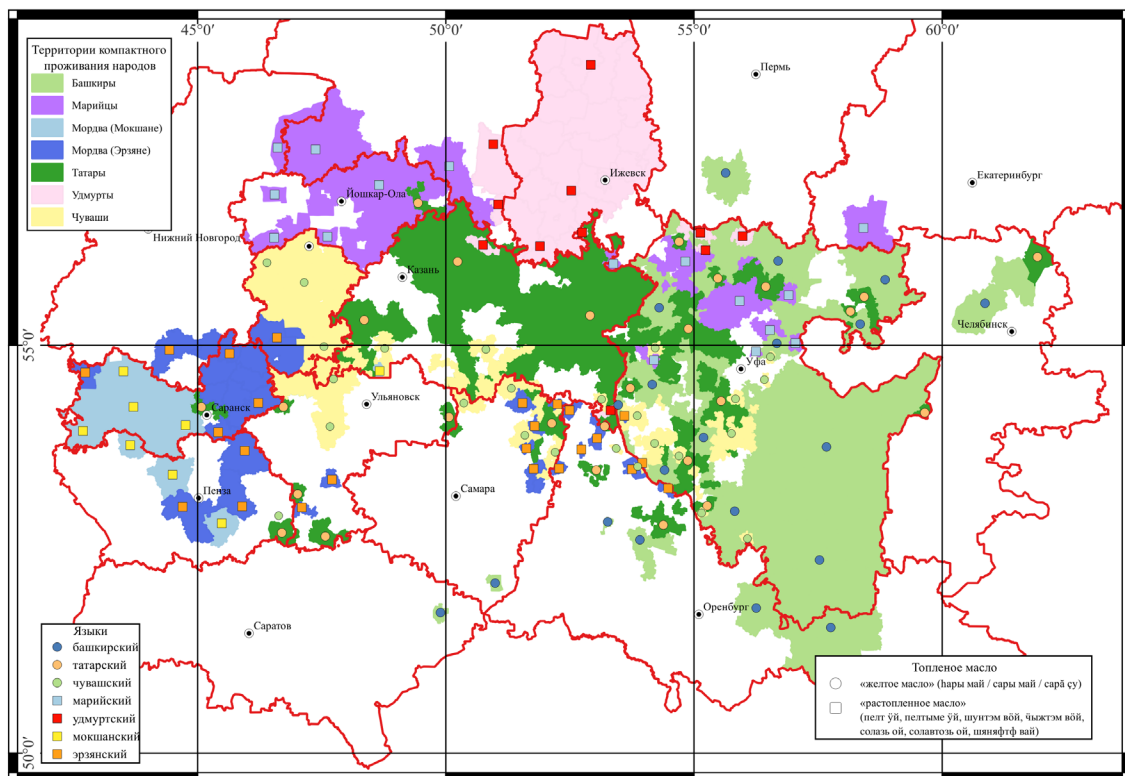
2.5. Топленое масло

Топленое масло получают путем растапливания сливочного масла. Топленое масло

занимало особое место в рационе питания народов Урало-Поволжья. Популярность его связана с тем, что оно дольше хранилось, чем сливочное масло. Для обозначения топленого масла у народов Урало-Поволжья употреблялись следующие названия:

- башк. *һары май* [БРС 1996: 416];
- тат. *сары май* [ТПС, 2 2007 : 219];
- чув. *сарӑ су* [ЧРС 1985: 421];
- мар. *пелт үй, пелтыме үй* [МРС 1956: 419];
- удм. *шунтэм вӱй, чыжтэм вӱй* [УРС 1983: 94, 490, 510];
- морд.: эрз. *солазь ой, солавтозь ой*, мокш. *шняффтф вай* [МРС 1998: 891; ЭРС 1993: 600–601].

В тюркских языках Урало-Поволжья *һары май* / *сары май* / *сарӑ су* имеет значение ‘желтое масло’. В чувашском языке *сарӑ* является кыпчакским заимствованием, поэтому можно предположить, что название для топленого масла в нем является относительно новым явлением.

Карта 6. Топленое масло в языках народов Урало-Поволжья
[Map 6. Clarified butter (ghee) in the Ural-Volga languages]

В финно-угорских языках Урало-Поволжья составные названия для обозначения топленого масла образованы от глагола со

значением ‘растопить, растапливать’ и слова, являющегося общим для всех видов масел. В то же время в данных языках глаго-

лы со значением ‘растопить, растапливать’ имеют разные основы: мар. *пелташ* [МРС 1956: 419], удм. *шунтыны*, *чыжтыны* [УРС 1983: 94, 490, 510], эрз. *солавт* [ЭРС 1993: 600–601], мокш. *шняффт* [МРС 1998: 891]. Образованные от данных глаголов причастия имеют значение ‘растопленный’: мар. *пелтыме* [МРС 1956: 419], удм. *шунтэм*, *чыжтэм* [УРС 1983: 94, 490, 510], эрз. *солазь ой*, *солавтозь* [ЭРС 1993: 600–601], мокш. *шняффтф* [МРС 1998: 891].

Построим мотивационную карту для представления принципов номинации топленого масла в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья (см. карту 6).

Таким образом, в обозначении топленого масла в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья можно выделить следующие особенности: в тюркских языках мотивационным признаком является цвет (желтый), в финно-угорских языках — способ получения (топить, растапливать).

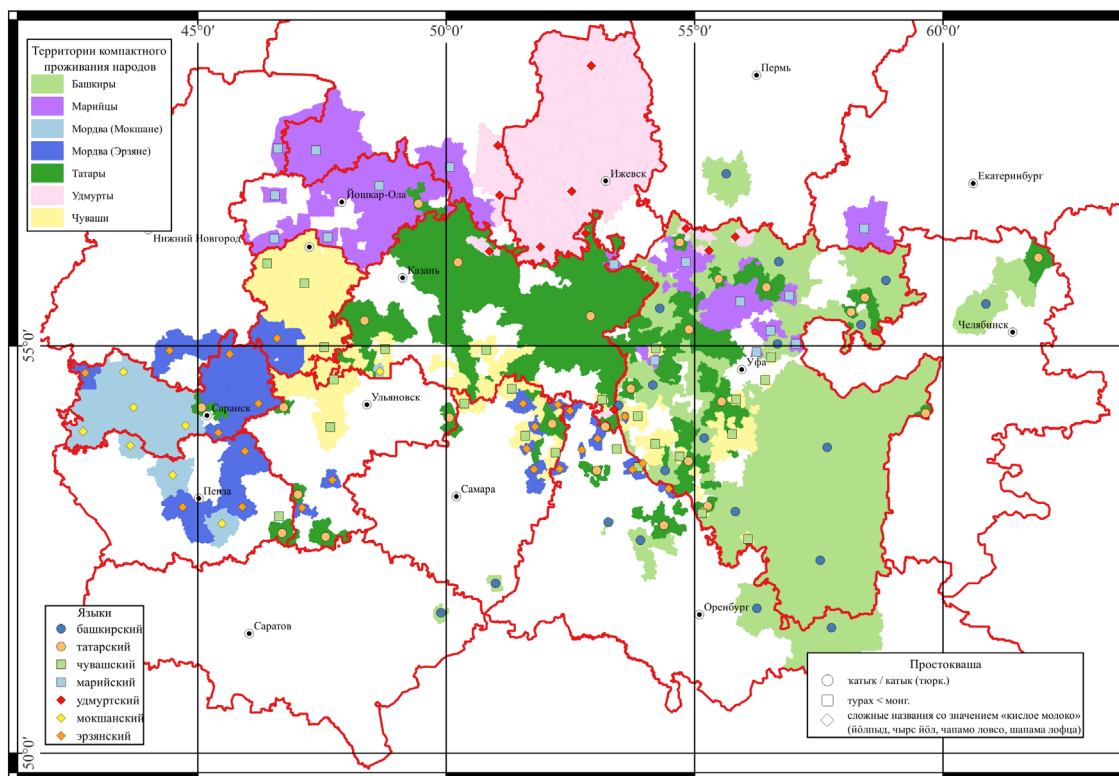
2.6. Простокваша

В исследованиях по этнографии народов Урало-Поволжья как традиционное блюдо

упоминается простокваша — кисломолочный продукт, образующийся из молока в результате молочнокислого брожения. Для обозначения простокваши в тюркских и финно-угорских языках употребляются следующие названия:

- башк. *катык* [БРС 1996: 360];
- тат. *катык* [ТРС 1, 2007: 547];
- чув. *турăх* [ЧРС 1985: 496];
- мар. *тарык*, *торык*, *кўчымо торык* [Ахметьянов 2015: 128];
- удм. *йӧлпыд*, *чырс йӧл* [ДАУЯ 2009: 95–97];
- морд.: эрз. *чапамо ловсо* [ЭРС 1993: 738], мокш. *шапама лофца*, *чапаськадозь ловсо* [МРС 1998: 345].

В кыпчакских тюркских языках Урало-Поволжья для обозначения простокваши используются общетюркские лексемы *катык* / *катык*, которые встречаются в основном в кыпчакских, огузских и карлукских тюркских языках. Первоначальное значение слова — ‘добавка, приправа’ — связано с тем, что простокваша использовалась в качестве приправы к супам [ЭСТЯ 1997: 338–339].

Карта 7. Простокваша в языках народов Урало-Поволжья

[Map 7. Soured milk in the Ural-Volga languages]

Чувашское название *турăх* является монгольским заимствованием, которое также имеет значение ‘простокваша’. Лексические параллели слова *турăх* в значениях ‘простокваша, брынза, кислое молоко’ встречаются также в каракалпакском, тувинском, якутском языках: ккалп. *торак*, тув. *тарак*, як. *тар* [Федотов, 2 1996: 253]. Оно из чувашского было заимствовано марийским языком: *тарык*, *торык*, *кӱчымыӧ торык* (где *кӱчымыӧ* ‘кислый’).

В удмуртском языке слово *йӧлпыд* ‘простокваша’ образовано от слов *йӧл* ‘молоко’ + *пыд* ‘гуща, осадок’. Другое название — *чырс йӧл* — дословно обозначает ‘прокисшее молоко’ (от *чырсаны* ‘прокиснуть’) [ДАУЯ 2009: 95–97].

В мордовских языках для обозначения простокваши также используется слово ‘кислый’: эрз. *чапамо ловсо* букв. ‘кислое молоко’, мокш. *шапама лофца* букв. ‘кислое молоко’.

Для представления принципов номинации простокваши в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья построим карту (см. карту 7). Таким образом, для обозначения простокваши в тюркских и

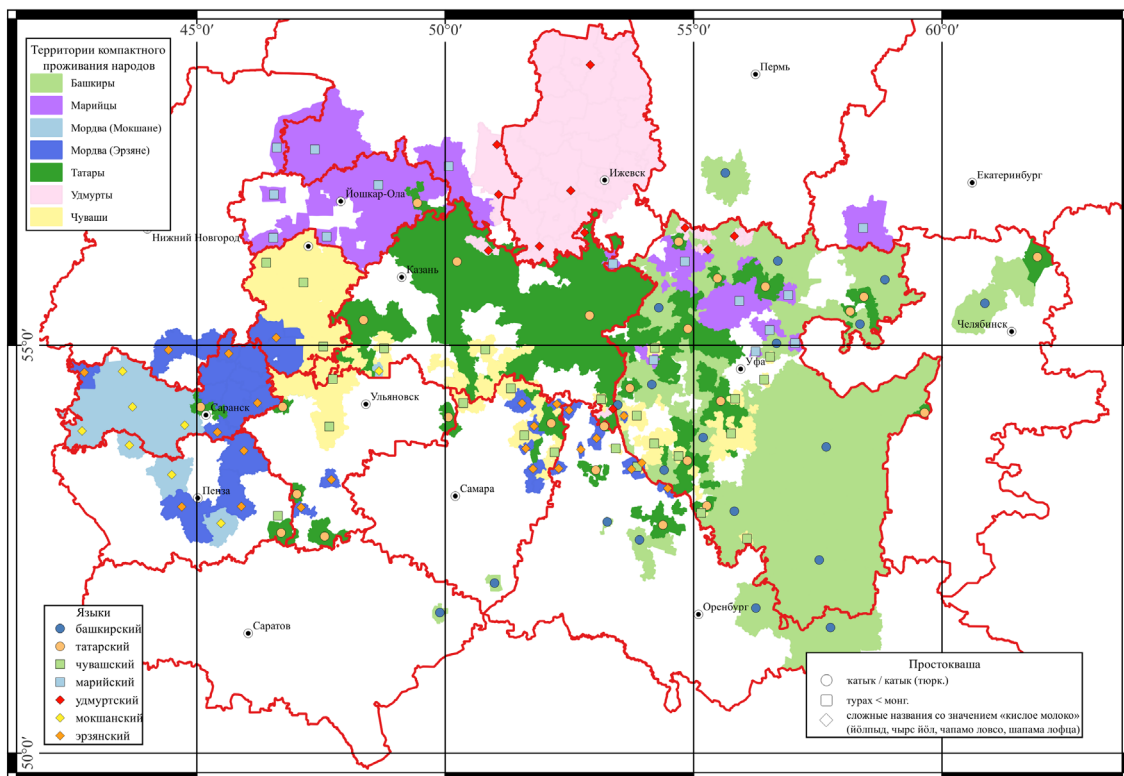
финно-угорских языках Урало-Поволжья используется три группы названий: 1) в кыпчакских тюркских языках употребляется исконное тюркское название, имеющее семантику ‘заправка, приправа’; 2) в чувашском и марийском языках функционирует монголизм *турах* / *тарык*, причем в марийском оно заимствовано через чувашский язык; 3) в удмуртском и мордовских языках прослеживается применение составных названий с компонентом ‘кислый’.

2.7. Курут

Курут — творожистый продукт, изготавливаемый путем кипячения и процеживания кислого молока. Используется в пищу в основном для заправки жирных супов и бульонов. Название продукта встречается у следующих народов Урало-Поволжья:

- башк. *корот* [БРС 1996: 371];
- тат. *корыт* [ТРС 1, 2007: 617];
- чув. *карт* [ЧРС 1985: 163];
- мар. *курт* [Марийцы 2005: 111].

Данный молочный продукт был распространен у тюркских народов. Название также встречается в казахском, ногайском,

Карта 8. Курут в языках народов Урало-Поволжья
[Map 8. Qurut in the Ural-Volga languages]

каракалпакском, узбекском, уйгурском, турецком, алтайском, тувинском, хакасском языках. Предполагается происхождение названия от глагола *quru-t-* ‘сушить’.

В марийском языке слово является тюркским заимствованием. В этнографической литературе отмечается, что «восточные марийцы, как башкиры и татары, делали сушеные сырники, полученные из кипяченого квашеного молока или пахты (*курт*)» [Марийцы 2005: 111].

Отметим данные названия на карте (см. карту 8). Таким образом, названия для обозначения курута в Урало-Поволжье встречаются в тюркских языках и марийском языке. Если в тюркских языках оно является исконным названием, то в марийском языке оно представляет собой тюркизм, который вошел в марийский язык в результате заимствования у тюркских народов употребления самого продукта.

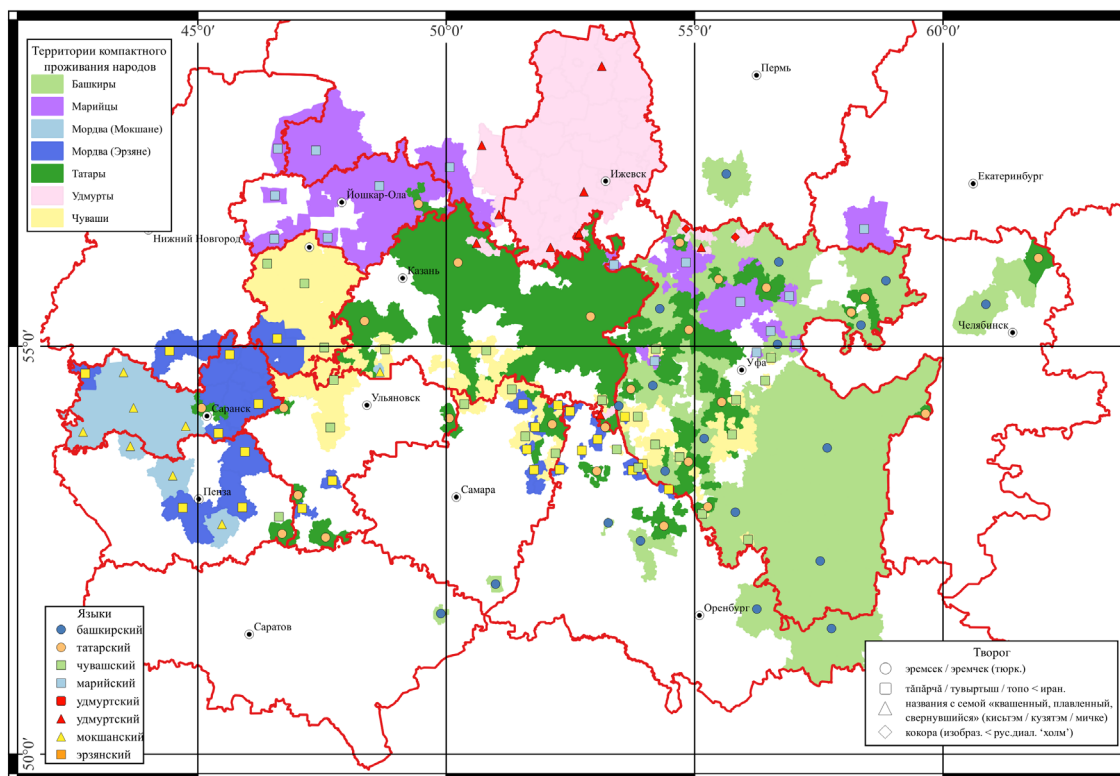
2.8. Творог

Творог — нежидкий кисломолочный продукт белого цвета, получаемый сквашиванием молока с последующим удалением

сыворожки. В рационе питания народов Урало-Поволжья творог занимал особое место. Для обозначения творога в тюркских и финно-угорских языках употребляются следующие названия:

- башк. *эремсек* [БРС 1996: 801];
- тат. *эремчек* [ТРС 2, 2007: 670];
- чув. *тăпăрчă* [ЧРС 1985: 456];
- мар. *торык, тувыртыш* [Федотов, 2 1996: 253];
- удм. *кисътэм йӱл, кокора, кузятэм* [УРС 1983: 201–202, 204, 227; ДАУЯ 2009: 85];
- морд.: эрз. *топо* [ЭРС 1993: 669], мокш. *мичке* [МРС 1998: 384].

В башкирском и татарском языках слово восходит к основе *эре-* ‘сворачиваться’. В чувашском языке слово *тăпăрчă*, как предполагают исследователи, заимствовано из марийского *тувыртыш* (< иран.) [Егоров 1964: 237]. В удмуртском языке название образовано путем соединения двух слов: *кисътэм йӱл* букв. ‘твердое молоко, плавленное молоко, отлитое молоко’. Другая лексема — *кузятэм* образована от глагола *кузатыны*

Карта 9. Творог в языках народов Урало-Поволжья
[Map 9. Tvorog (cottage cheese) in the Ural-Volga languages]

‘квасить молоко’ [УРС 1983: 201–202, 204, 227]. Название *кокора* является результатом изобразительного словообразования (имеет значение ‘комковатый’ < рус. ‘холм’) [ДАУЯ 2009: 85].

В мокшанском языке слово *мичке* образовано от глагола *мичконда* – ‘свернуться (о молоке)’ [МРС 1998: 384]. В эрзянском языке *топо* является иранским заимствованием [ЭРС 1993: 669].

Отметим на карте данные названия (см. карту 9).

Таким образом, название творога у народов Урало-Поволжья имеет несколько вариантов: в кыпчакских языках оно является общим, производным от глагола *эре* – ‘сворачиваться’; в чувашском, марийском, эрзянском *тӱпӱрчӱ* / *тувыртыш* / *топо* являются иранскими заимствованиями; в удмуртском русское заимствование *кокора* образовано изобразительным способом; в мокшанском и удмуртском названия *кисътэм* / *кузятэм* / *мичке* восходят к глаголам со значением ‘квасить; плавить; свернуться’.

2.9. Айран ‘кисломолочный напиток; пахта’

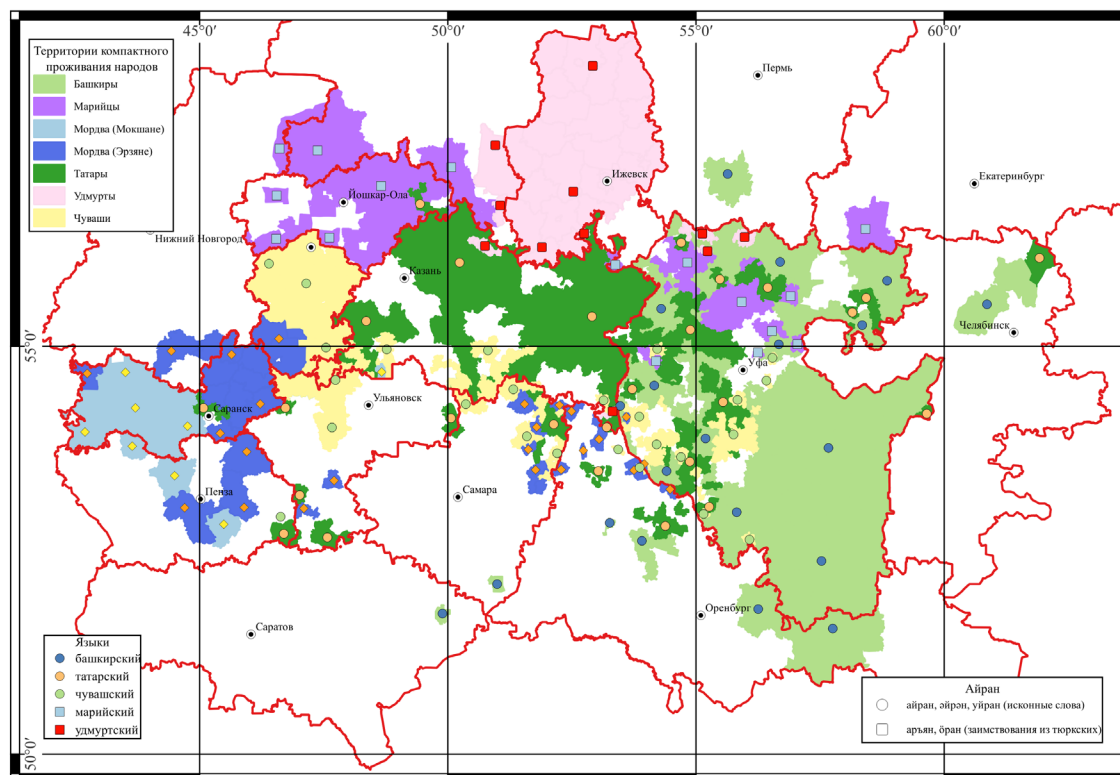
В традиционной кухне тюркских и финно-угорских народов Урало-Поволжья встречаются следующие названия:

- башк. *айран* [БРС 1996: 14];
- тат. *эйрән* [ТРС, 1 2007: 170];
- чув. *уйран* [ЧРС 1985: 509];
- мар. *өран* [Ахметьянов 2015: 128];
- удм. *аръян* [Ахметьянов 2015: 128].

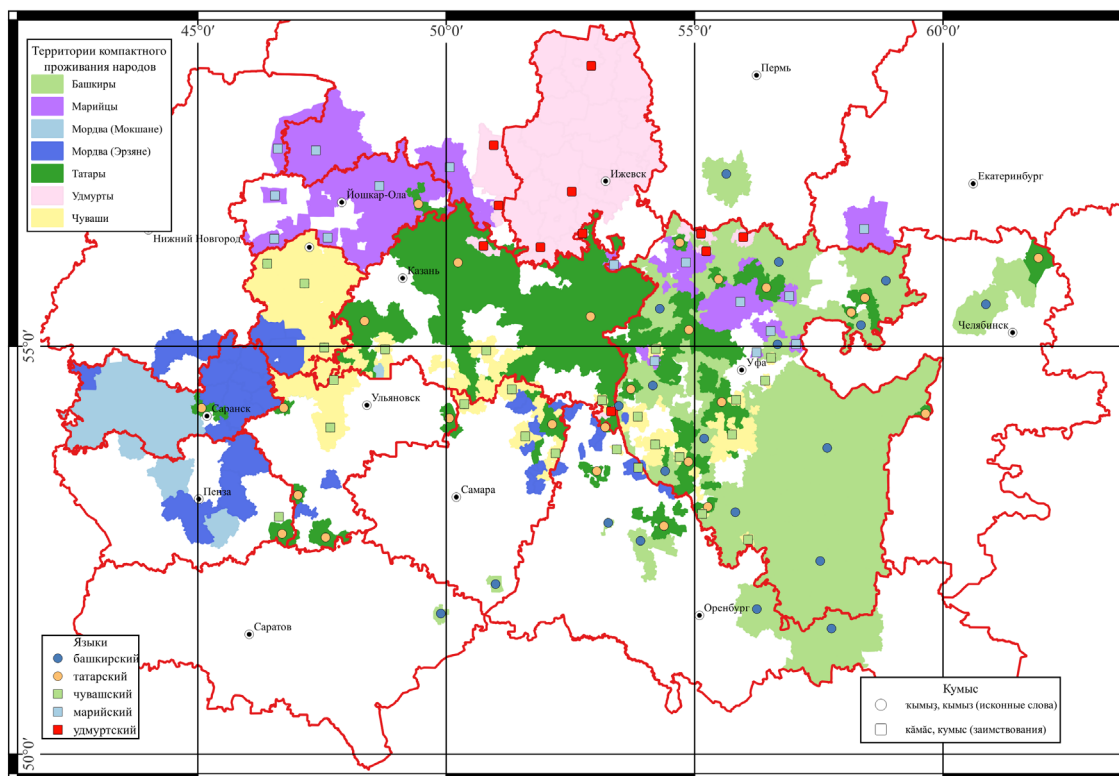
Во всех языках данными словами называется кислое молоко (катык, простокваша), разведенное с водой, а также пахта, отделяющаяся при взбивания масла. Слово является исконным в тюркских языках. В финно-угорских языках оно заимствовано из чувашского языка [Ахметьянов 2015: 128].

Отметим на карте данные названия (см. карту 10).

Таким образом, названия *айран* / *эйрән* / *уйран* встречается в башкирском, татарском, чувашском, в которых они являются исконными лексемами; названия *өран*, *аръян*, являющиеся тюркскими заимствованиями, функционируют в марийском, удмуртском

Карта 10. Айран в языках народов Урало-Поволжья
[Map 10. Ayran in the Ural-Volga languages]

Карта 11. Кумыс в языках народов Урало-Поволжья
[Map 11. Kumis in the Ural-Volga languages]

языках; в мордовских языках не зафиксировано название данного продукта.

2.10. Кумыс

Кумыс — кисломолочный напиток, изготавливаемый из молока кобылы, который получается в результате молочнокислого и спиртового брожения. У народов Урало-Поволжья встречаются следующие названия для обозначения данного напитка:

- башк. *кымыз* [БРС 1996: 393];
- тат. *кымыз* [ТРС 2007, 1: 699];
- чув. *кăмăс* [ЧРС 1985: 159];
- удм. *кумыс* [РУС 1942: 190];
- мар. *кумыс* [РМС 2019: 91];
- морд.: эрз. *кумыс*, мокш. *кумыс*.

В башкирском и татарском языках данное название является исконным тюркским словом, которое также встречается в других языках: алт., хак. *кумыс*. В чувашском и финно-угорских языках, как предполагают ученые-исследователи, это слово вошло посредством русского языка, в котором данное слово является тюркизмом [Ахметьянов 2015: 514].

Отметим на карте данные названия (см. карту 11). Таким образом, исконное назва-

ние для обозначения кумыса встречается в башкирском, татарском языках, а в чувашском и финно-угорских языках оно заимствовано из тюркских посредством русского языка.

3. Заключение

Лингвогеографическое изучение названий молочных продуктов у народов Урало-Поволжья позволило нам выявить общие, генетические и ареальные особенности в происхождении, названии и функционировании лексем данной лексико-семантической группы.

В тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья древними лексемами являются названия для обозначения молока и масла. В тюркских языках молоко обозначается общей для тюркских языков лексемой, которая восходит к пратюркской и праалтайской формам. В языках финно-угорской группы молоко представлено лексемами, восходящими к разным корням. Это можно объяснить тем, что скотоводство у тюрков с древних времен было основным видом хозяйственной деятельности, а у финно-угров оно уступало земледелию. В финно-угор-

ских языках лексемы для обозначения масла восходят к общей прафинно-угорской форме, в тюркских языках представлены двумя типами лексем тюркского происхождения.

В обозначении сливок общая пратюркская лексема наблюдается в тюркских языках, в финно-угорских языках названия восходят к разным основам, но все они связаны со значением ‘поверхность’ и переводятся как ‘поверхность / верхняя часть молока’.

Названия сливочного и топленого масел у народов Урало-Поволжья даны по мотивационным признакам. В обозначении сливочного масла в кыпчакских языках мотивационным признаком является цвет (белый), в чувашском, удмуртском и марийском языках — способ получения (взбивать), в удмуртском — исходный продукт (сливки), в мокшанском — животное происхождение масла (корова), в эрзянском — противопоставление топленому маслу (нерастопленное). В обозначении топленого масла в тюркских языках мотивационным признаком является также цвет (желтый), в финно-угорских языках — способ получения (топить, растапливать).

В обозначении простокваши в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья используются три группы названий: в кыпчакских тюркских языках употребляется исконное тюркское название, имеющее семантику ‘заправка, приправа’; в чувашском и марийском языках функционирует монголизм, в марийском оно заимствовано через чувашский язык; в удмуртском и мордовских языках прослеживается применение слов со значением ‘кислый’. Название творога у народов Урало-Поволжья имеет

несколько вариантов: в кыпчакских языках оно является общим, производным от глагола с значением ‘сворачиваться’; в чувашском, марийском, эрзянском употребляется слово, которое является иранским заимствованием, в удмуртском — русское заимствование, образованное изобразительным способом; в мокшанском и удмуртском — составные названия с компонентами, восходящими к глаголам со значением ‘квасить; плавить; свернуться’.

Название *айран*, встречающееся в тюркских языках, заимствовано из чувашского марийским и удмуртским языками, а в мордовских языках не зафиксировано. Название для кумыса широко употребляется в тюркских языках, а в финно-угорских языках оно заимствовано из тюркских посредством русского языка.

Итак, выяснилось, что нет исконных названий, восходящих к общим корням, в обозначении названий молочных продуктов в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья. В этимологии названий молока, масла, сливок можно проследить генетические особенности: в тюркских языках названия молока, сливок восходят к общему корню, в финно-угорских — названия для масла. Названия сливочного и топленого масел, а также творога во всех исследуемых языках даны по мотивационным признакам. Наблюдаются ареальные явления в обозначении некоторых продуктов (например, в обозначении простокваши и творога выделяется марийско-чувашское единство). Исконные названия для обозначения айрана и кумыса имеются только в тюркских языках, в финно-угорских они являются заимствованиями.

Сокращения

аз. — азербайджанский;
алт. — алтайский;
башк. — башкирский;
гаг. — гагаузский;
горн. — горный диалект марийского языка;
диал. — диалект;
иран. — иранизм;
каз. — казахский;
караим. — караимский;
кбалк. — карачаево-балкарский;
кирг. — киргизский;
ккалп. — каракалпакский;

коми-зырян. — коми-зырянский;
кум. — кумыкский;
мар. — марийский;
мокш. — мокшанский;
морд. — мордовские;
ног. — ногайский;
ПУ — прауральский;
ПТю. — пратюркский;
рус. — русский;
тат. — татарский;
тув. — тувинский;
тур. — турецкий;
туркм. — туркменский;

удм. — удмуртский;
 узб. — узбекский язык;
 уйг. — уйгурский;
 фин. — финский;
 хак. — хакасский;

чув. — чувашский;
 шор. — шорский;
 эрз. — эрзянский;
 эст. — эстонский;
 як. — якутский.

Литература

- Абдина 2020 — Абдина Р. П. Словообразование и способы номинации молочных блюд в диалектах хакасского языка // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы VII Междунар. науч. конф. (г. Абакан, 23–24 сентября 2020 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2020. С. 9–14.
- Абдина 2021 — Абдина Р. П. Семантика наименований еды в хакасском героическом эпосе // Народы культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 109–114.
- Ахметьянов 2015 — Ахметьянов Р. Г. Этимологический словарь татарского языка. В 2-х тт. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф-Вакыт, 2015. 543 с.
- БРС 1996 — Башкирско-русский словарь / под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора, Рус. яз., 1996. 884 с.
- ДАУЯ 2009 — Диалектологический атлас удмуртского языка: карты и комментарии / сост. Р. Ш. Насибуллин. Вып. VII. Ижевск: R&C Dynamics, 2009. 223 с.
- Дьячковский и др 2021 — Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Тазранова А. Р., Трофимова С. М., Широбокова Н. Н. Гастрономическая лексика (молочные продукты) в тюркских языках Сибири в сопоставительном аспекте // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 1. С. 9–20. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-1-9-20
- Егоров 1964 — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
- Куулар, и др. 2022 — Куулар Е. М., Таскаракова Н. Н., Чугунекова А. Н. Этнолингвистическая специфика гастрономической лексики (молочные продукты) в тувинском и хакасском языках // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 338–349. DOI: 10.25178/nit.2022.4.23
- Куцаева 2020 — Куцаева М. В. Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий марийцев Московского региона // Урало-алтайские исследования. 2020. № 4. С. 7–23.

References

- Abdina R. P. Word formation and methods of nominating dairy dishes in dialects of the Khakass language. In: Mainagasheva N. S. (ed.) Peoples and Cultures of the Sayan-Altai and Adjacent Territories. Conference proceedings (Abakan, 23–24 September 2020). Abakan: Torosov Khakassia Book Publ., 2020. Pp. 9–14. (In Russ.)
- Abdina R. P. Semantics of food names in the Khakass heroic epic. In: Mainagasheva N. S. (ed.) Peoples and Cultures of the Sayan-Altai and Adjacent Territories. Conference proceedings (Abakan, 23–25 September 2021). Abakan: Torosov Khakassia Book Publ., 2021. Pp. 109–114. (In Russ.)
- Akhmetyanov R. G. An Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 2 vols. Vol. 1: A–L. Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. 543 p. (In Tat.)
- Uraksin Z. G. (ed.) Bashkir-Russian Dictionary. Moscow: Digora, Russkiy Yazyk, 1996. 884 p. (In Bash. and Russ.)
- Nasibullin R. Sh. (comp.) The Udmurt Dialect Atlas. Vol. 7. Izhevsk: R&C Dynamics, 2009. 223 p. (In Russ.)
- Diachkovskiy F. N., Popova N. I., Tazranova A. R., Trofimova S. M., Shirobokova N. N. Comparative study of food vocabulary (dairy) in Turkic languages of Siberia. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021. No. 1. Pp. 9–20. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2021-1-9-20
- Egorov V. G. An Etymological Dictionary of the Chuvash Language. Cheboksary: Chuvashia Book Publ., 1964. 355 p. (In Chuv.)
- Kuular E. M., Taskarakova N. N., Chugunekova A. N. Specific ethnolinguistic features of gastronomic vocabulary (dairy products) in the Tuvan and Khakas languages. *New Research of Tuva*. 2022. No. 4. Pp. 338–349. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.4.23
- Kutsaeva M. V. Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biographies of Moscow Region Mari. *Ural-Altaic Studies*. 2020. No. 4 (39). Pp. 7–23. (In Russ.) DOI: 10.37892/2500-2902-2020-39-4-7-23

- Марийцы 2005 — Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 336 с.
- Матвеев 1995 — Матвеев Г. Б. Материальная культура чувашей. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 1995. 198 с.
- Мигранова 2021 — Мигранова Э. В. Башкирские пословицы как источник для изучения традиционного хозяйства и пищевой культуры народа // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 4. С. 136–147. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-4-136-147
- Мордва 1995 — Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 624 с.
- МРС 1956 — Марийско-русский словарь / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 864 с.
- МРС 1998 — Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. М.: Русский язык, Дигора, 1998. 920 с.
- Нелюбова и др. 2023 — Нелюбова Н. Ю., Дугалич Н. М., Кадиллина О. А., Кол Ч. Ш. Лингвоаксиологический анализ калмыцких пословиц и поговорок с пищевым компонентом (на русском и французском паремиологическом фоне) // *Oriental Studies*. 2023. № 4. С. 929–947. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947
- Норманская 2023 — Норманская Ю. В. Уточнение степени близости кыпчакских языков между собой в сравнении с финно-угорскими на основе анализа словарей XVIII в. // *Oriental Studies*. 2023. № 2. С. 417–427. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-417-427
- РМС 2019 — Русско-марийский словарь. В 2-х томах. Том 1. А–О / Е. М. Андрианова, В. Г. Гаврилова, Э. В. Гусева и др. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. 498 с.
- РУС 1942 — Русско-удмуртский словарь – под ред. А. С. Бутолина. Ижевск: Удгиз, 1942. 408 с.
- ТРС 2007 — Татарско-русский словарь. В 2 тт. / Ш. Н. Асылгараев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закиев, К. М. Миннуллин, Д. Б. Рамазанова. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007. 728 с.
- ТРС 2007 — Татарско-русский словарь. В 2 тт. / Ш. Н. Асылгараев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закиев, К. М. Миннуллин, Д. Б. Рамазанова. Т. 2 (М–Я). Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
- Удмурты 1993 — Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и лит. УрО РАН, 1993. 392 с.
- Popov N. S. et al. (eds.) The Mari: Essays in History and Ethnography. Joint monograph. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History, 2005. 336 p. (In Russ.)
- Matveev G. B. Chuvash Material Culture. Cheboksary: Chuvash Humanities Research Institute, 1995. 198 p. (In Russ.)
- Migranova E. V. Bashkir proverbs as a source of studying traditional economy and food culture of the people. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021. No. 4. Pp. 136–147. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2021-4-136-147
- Balashov V. A. et al. (eds.) The Mordvin: Essays in History and Culture. Saransk: Mordovia Book Publ., 1995. 624 p. (In Russ.)
- Serebrennikov B. A. (ed.) Mari-Russian Dictionary. Moscow: State Publishing House of National and Foreign Dictionaries, 1956. 864 p. (In Mari and Russ.)
- Serebrennikov B. A., Feoktistov A. P., Polyakov O. E. (eds.) Moksha-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, Digora, 1998. 920 p. (In Mok. and Russ.)
- Nelyubova N. Yu., Dugalich N. M., Kadilina O. A., Kol Ch. Sh. Linguoaxiological analysis of Kalmyk proverbs and sayings with food-related components: A perspective from European paremiological contexts. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 929–947. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947
- Normanskaya J. V. Defining proximity levels between Kipchak languages in comparison to Finno-Ugric ones: Analyses of eighteenth-century dictionaries. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 417–427. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-417-427
- Andrianova E. M., Gavrilova V. G., Guseva E. V. et al. Russian-Mari Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–O. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History, 2019. 498 p. (In Russ. and Mari)
- Butolin A. S. (ed.) Russian-Udmurt Dictionary. Izhevsk: Udgiz, 1942. 408 p. (In Russ. and Udm.)
- Asylgaraev Sh. N. et al. Tatar-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–Л. Kazan: Magarif, 2007. 728 p. (In Tat. and Russ.)
- Asylgaraev Sh. N. et al. Tatar-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: М–Я. Kazan: Magarif, 2007. 726 p. (In Tat. and Russ.)
- Pimenov V. V. (ed.) The Udmurt: Essays in History and Ethnography. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature (UB RAS), 1993. 392 p. (In Russ.)

- УРС 1983 — Удмуртско-русский словарь / под ред. В. М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. 592 с.
- Ухов 2014 — Ухов С. В. Сепаратные иранские заимствования в марийском и пермских языках // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: мат-лы V Всеросс. конф. финно-угроведов (г. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.) / редколл. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2014. С. 125–128.
- Федотов 1996 — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 509 с.
- ЧРС 1985 — Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. Чебоксары: Русский язык, 1985. 712 с.
- ЭРС 1993 — Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова. Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М.: Русский язык, Дигора, 1993. 803 с.
- ЭСМЯ 2005 — Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков / В. И. Вершинин. Т. II: Кеветие – Мекснемс. Йошкар-Ола: Стринг, 2005. 240 с.
- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские лексические основы на буквы “К”, “Қ” / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадина; отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
- ЭТН 2004 — Этнография татарского народа / науч. ред. Д. М. Исхаков. Казань: Магариф, 2004. 287 с.
- Янгужин, Хисамитдинова 2007 — Янгужин Р. З., Хисамитдинова Ф. Г. Коренные народы России. Башкиры. Уфа: Китап, 2007. 352 с.
- EDAL 2003 — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p.
- Redei 1988 — Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akademiai Kiado, 1988. B. 1–2. 906 s.
- Vakhrushev V. M. (ed.) Udmurt-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1983. 592 p. (In Udm. and Russ.)
- Ukhov S. V. Separate Iranian loanwords in the Mari and Permian languages. In: Zaytseva N. G., Mullonen I. I. et al. (eds.) Finno-Ugric Languages and Cultures in Russia's Sociocultural Landscapes. Conference proceedings (Petrozavodsk, 25–28 June 2014). Petrozavodsk: Karelian Research Centre (RAS), 2014. Pp. 125–128. (In Russ.)
- Fedotov M. R. Chuvash Etymological Dictionary. Vol. 2. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1996. 509 p. (In Chuv. and Russ.)
- Skvortsov M. I. (ed.) Chuvash-Russian Dictionary. Cheboksary: Russkiy Yazyk, 1985. 712 p. (In Chuv. and Russ.)
- Serebrennikov B. A., Buzakova R. N., Mosin M. V. (eds.) Erzya-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, Digora, 1993. 803 p. (In Erzya and Russ.)
- Vershinin V. I. Etymological Dictionary of the Moravian Languages (Erzya and Moksha). Vol. 2: Кеветие — Мекснемс. Yoshkar-Ola: String, 2005. 240 p. (In Russ., Erzya and Mok.)
- Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with the Letters ‘K’ and ‘Q’. G. Blagova (ed.). Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1997. 368 p. (In Russ., Turk., etc.)
- Iskhakov D. M. (ed.) Tatar Ethnography. Kazan: Magarif, 2004. 287 p. (In Russ.)
- Yanguzin R. Z., Khisamitdinova F. G. Indigenous Peoples of Russia: The Bashkirs. Ufa: Kitap, 2007. 352 p. (In Russ.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p. (In Mong., Turk., etc.)
- Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akademiai Kiado, 1988. Vol. 1–2. 906 p. (In Germ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 902–912, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.33
 DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-902-912

Монгольская лексика музыки и театра: наименования струнных музыкальных инструментов

Анна Владимировна Мазарчук¹

- ¹ Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков пер., 199004 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник
 0000-0003-3679-2858. E-mail: [anja_av\[at\]rambler.ru](mailto:anja_av[at]rambler.ru)

© КалмНИЦ РАН, 2024
 © Мазарчук А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье описана семантика и этимология основных названий монгольских традиционных струнных музыкальных инструментов. *Цели и задачи* исследования: показать особенности сложения части пласта монгольской лексики музыки и театра на примере данных лексических единиц. *Материалы и методы.* Материал был извлечен из словарей монгольского языка и научной этнографической и культурологической литературы методом сплошной выборки. Далее происходила сверка извлеченной лексики со словарными статьями этимологических словарей монгольских и тюркских языков, а также словарей китайского и маньчжурского языков. *Результаты.* В статье были подробно рассмотрены термины: монг. *хуур*, *хуучир*, *ятга*, *товшуур*, *шударга*, *шанз*, *хийл* и терминологизированные словосочетания, в состав которых они входят. Кроме того, в качестве иллюстрации некоторых положений приведена этимология слов *бийваа*, *тогшуур*, *бишгүүр*, *цоор* / *цуур*. Было установлено, что термины *хуур* и *ятга* имеют тюркские когнаты; *товшуур*, *тогшууур*, *шударга* — исконно монгольские слова; *хуучир*, *шанз*, *бийваа* — музыкальные термины китайского происхождения. Особое внимание было уделено выяснению этимологии термина монг. *хийл*. Было выяснено, что этот термин скорее всего восходит к чагатайскому названию смычкового музыкального инструмента *iqliq* и родственен тувинскому наименованию инструмента *игил* (которое восходит к чагатайскому *iqliq*). Было показано, что слово *хуур* не только обозначает соответствующий традиционный монгольский смычковый инструмент, но также в некоторых словосочетаниях либо используется как квази-классификатор, указывающий на принадлежность слова классу музыкальных инструментов, либо значит ‘варган’.

Ключевые слова: монгольская культурная лексика, монгольские языки, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, тюркизмы, китаизмы, русизмы, этимология

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (№ 23-18-00659, <https://rscf.ru/project/23-18-00659/>).

Для цитирования: Мазарчук А. В. Монгольская лексика музыки и театра: наименования струнных музыкальных инструментов // Oriental Studies. 2024 Т. 17. № 4. С. 902–912. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-902-912

Mongolian Music and Theatre Vocabulary: Terms for String Instruments

Anna V. Mazarchuk¹

- ¹ Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov Lane, 199053 St. Petersburg, Russian Federation)
Junior Research Associate
 0000-0003-3679-2858. E-mail: anja_av[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Mazarchuk A. V., 2024

Abstract. *Introduction.* The article deals with semantics and etymologies of most widely used traditional Mongolian string instruments. *Goals.* The study aims to show some particular features of how Mongolian music and theater vocabulary would take shape through the example of designated lexical units. *Materials and methods.* The work employs the continuous sampling method to focus on Mongolian dictionaries, scholarly ethnographic and cultural publications. The extracted vocabulary data be further compared to entries contained in Mongolic, Turkic, Chinese and Manchu etymological dictionaries. *Results.* The article provides detailed insights into the Mongolian terms *хуур*, *хуучир*, *ямга*, *товшуур*, *шударга*, *шанз*, *хийл*, and term phrases that include the latter. In addition, etymologies of the words *бийваа*, *тогшуур*, *бишгүүр*, *цоор* / *цуур* are introduced to illustrate some defined provisions. So, the paper reveals that the terms *хуур* and *ямга* have Turkic cognates; *товшуур*, *тогшуур*, *шударга* are specifically Mongolian words; *хуучир*, *шанз*, *бийваа* are musical terms of Chinese origin. Particular attention is paid to clarifying the etymology of the Mongolian term *хийл*: the lexeme is most likely derived from the Chagatai name of a bowed string instrument — *iqliq*, and is thus cognate to the Tuvan name of the instrument — *игил*. Another observation is that the word *хуур* not only denotes a certain traditional Mongolian bowed instrument but in some phrases is also used either as a quasi-classifier to indicate the word belongs to the corresponding class of musical instruments, or as a term for ‘jaw harp’.

Keywords: Mongolian culture vocabulary, Mongolic languages, Khalkha, Buryat, Kalmyk, Turkisms, Sinicisms, Russianisms, etymology

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00659 ‘Turko-Mongolic World of Inner Asia: Linguistic, Historical, Ethnocultural Processes in Diachrony and Synchrony’. Available at: <https://rscf.ru/en/project/23-18-00659>.

For citation: Mazarchuk A. V. Mongolian Music and Theatre Vocabulary: Terms for String Instruments. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 902–912. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-902–912

1. Введение

Статья написана в рамках комплексного исследования культурной лексики монгольского языка. Ранее был опубликован анализ монгольской лексики сферы просвещения, образования и науки [Мазарчук 2024: 224–235]. В этот раз цель исследования — проанализировать этимологию и семантику такой части пласта монгольской культурной лексики, как названия струнных музыкальных инструментов, которая относится к семантической группе лексики музыки и театра.

Вопрос этимологии названий монгольских музыкальных инструментов частич-

но затрагивался в статье В. И. Рассадина, С. М. Трофимовой и Л. Болда, где дается обзор тюрко-монгольских параллелей среди терминов духовной культуры в монгольских языках [Рассадин и др. 2018: 226–227]). В монографии Д. Д. Дондовой рассматривается бурятская музыкальная терминология [Дондова 2003: 72–82]. Детальное исследование калмыцкой музыкальной терминологии провела в своей диссертации Б. Х. Борлыкова [Борлыкова 2009] — оно продолжено, в частности, в статье о музыкальных инструментах ойратов Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного

района Китая [Борлыкова 2012: 187–192]. Список названий калмыцких музыкальных инструментов и их когнатов в других монгольских и тюркских языках дан в труде Ц.-Д. Номинханова «Материалы к изучению истории калмыцкого языка» [Номинханов 1975: 172–175]. Важным трудом, в котором собрана этимология многих монгольских и тюркских музыкальных терминов, стала статья Масахико Тодорики, где рассматривается архаичный ойратский субстрат среднеалтайского культурного круга в Туве [Todoriki 2017: 147–208].

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в данной статье уточняется этимология некоторых монгольских названий музыкальных инструментов; кроме того, в работе представлены особенности функционирования музыкальной терминологии в современном монгольском языке и показано развитие семантики отдельных терминов.

2. Материалы и методы

Исследование проведено на материале современного литературного халха-монгольского языка. Источниками анализируемой лексики послужили словари монгольского языка, научные статьи и монографии по лексикологии и искусствоведению. Лексические единицы для исследования были выделены методом сплошной выборки и сгруппированы по темам. Далее был проведен их этимологический анализ с использованием этимологических словарей монгольских и тюркских языков и научной литературы, посвященной вопросам алтаистики.

3. Результаты

3.1. Хуур как самостоятельный термин и элемент словосочетаний

Результаты этимологического и семантического анализа монгольских названий музыкальных инструментов проливают свет на особенности культурных контактов монголов с окружающими народами.

Самый известный монгольский инструмент — морин-хур (монг., бур. *морин хуур*) — двуструнный смычковый инструмент с трапецевидным корпусом и грифом, увенчанным деревянной резной головой

коня. Буквально название этого инструмента можно перевести как ‘лошадиный хур’. Существуют разные точки зрения относительно того, почему он так называется. Часть специалистов считает, что название мотивировано декором инструмента (в представлении монголов этот музыкальный инструмент ассоциируется с мифологическим образом небесного крылатого богатырского коня) [Болхосоев 2020: 85; Дондокова 2003: 75; Энэбиш 1992: 135–139]. Согласно другой точке зрения, высказанной С. Б. Болхосоевым, слово монг. *морин* ‘конный, лошадиный’ указывает на размер инструмента, поскольку в культуре тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии «определение „конный“ равнозначно понятию „большой“, «коровий — „средний“ и „овечий / козий“ — „малый“» [Болхосоев 2020: 85–86]. Подтверждает эту гипотезу, например, тот факт, что европейская виолончель по-монгольски называется *морин хийл* букв. ‘лошадиная скрипка’, а большой колокол — *морин хонх* [БАМРС, 2 2001: 341].

Как указывает С. Б. Болхосоев, название инструмента монг., бур. *морин хуур* имеет позднее происхождение и распространено по преимуществу у восточномонгольских этнических групп [Болхосоев 2020: 82, 85].

Что касается непосредственно слова *хуур*, то оно является общемонгольским (монг., бур. *хуур* ‘хур’, калм. *хур* ‘скрипка’, письм.-монг. *quur*, *quir* ‘струнный смычковый музыкальный инструмент’ [Lessing 1960: 982] и т. д.) и возводится к праформе **kuur* ‘лютня, струнный инструмент’, которая считается когнатом тюрк. **kobuz* с аналогичным значением [Nugteren 2011: 434]. М. Тодорики пишет, что в китайско-монгольском словаре 1280 г. 至元譯語 *Zhi-yuan yi-yu* зафиксирована промежуточная форма **qubur* (кит. 胡不兒), и свой окончательный облик слово могло обрести в результате уподобления другим названиям музыкальных инструментов, в состав которых входит суффикс *-(*ki*)-*yur* [Todoriki 2017: 156, 164].

В современном монгольском языке слово монг. *хуур* употребляется как самостоятельное слово со значением ‘хур, смычковый музыкальный инструмент’ [БАМРС, 4 2002: 177] и в составе терминологизированных

словосочетаний, где оно может иметь одно из следующих значений: 1) генетически связанный с хуром традиционный монгольский музыкальный инструмент, имеющий смычок, струны, длинный гриф и деревянный корпус (округлый или трапециевидный), 2) не являющийся потомком хура струнный смычковый инструмент с длинным грифом и полым корпусом, размещаемый при игре вертикально, и 3) музыкальный инструмент в общем.

Значение первого вида у монг. *хуур* идентифицируется в словосочетании монг. *шанаган хуур* (букв. ‘хур в виде черпака’), обозначающем тот самый исторический смычковый музыкальный инструмент с полусферическим корпусом и двумя струнами (в древности — с одной струной), который стал предком морин-хура [Дондокова 2003: 74] и всех остальных хуров: *луут шанаган хуур* (букв. ‘черпаковидный хур с драконом’), *утгуур хуур* ‘хур в виде ковша’, *матар хуур* ‘крокодилий хур’, *гарди хуур* ‘хур с птицей Гарудой’ [Батжаргал], *эхэл хуур* (тув. *игил* [Борлыкова 2012: 188; Todoriki 2017: 164–168]), *найрын хуур* (букв. ‘праздничный хур’), *цоор хуур*, *морин хуур*, *их хуур* ‘современный инструмент, используемый в оркестре народных инструментов, разнообразность морин-хура с большим корпусом’ [Болхосоев 2020: 86; МХТТ 2011: 633] и т. д.

Значение второго вида присутствует у слова *хуур* в терминах монг. *хялгасан хуур*, *дөрвөн чихтэй хуур* и *аралт хуур* — диалектные названия традиционного монгольского инструмента монг. *хуучир*, который не относится к «потомкам» инструмента *шанаган хуур* и сильно отличается от них своим внешним видом: у хучира малый цилиндрический или шестигранный корпус, тонкий гриф, и колки расположены один под другим, а не по боками грифа, как у хуров. Западные монголы до недавнего времени называли его *хялгасан хуур* ‘хур с волосяными струнами’, а восточные — *дөрвөн чихтэй хуур* букв. ‘хур с четырьмя ушками’ и *аралт хуур* [МАЛ; Гэрэлт-Од 2021]. Б. Батжаргал толкует элемент *арал*, оформленный в названии комитативным суффиксом, как ‘оглобля’, переводя название *аралт хуур* на английский язык как ‘shaft fiddle’ [Батжаргал], из чего можно сделать вывод, что название инструмента моти-

вировано сходством грифа с оглоблей.

Словосочетания третьей группы делятся на две подгруппы: 1) варганы; и 2) не струнно-смычковые европейские музыкальные инструменты.

К подгруппе варганов (первой) относятся:

– гипероним монг. *хэл хуур* (букв. ‘язычный музыкальный инструмент’), обозначающий варганы всех видов. Название указывает на то, какая часть тела задействована при игре на музыкальном инструменте. С названием *хэл хуур* нередко смешивают термин *аман хуур* ‘губная гармошка’ (букв. ‘ротовой музыкальный инструмент’), который относится ко второй подгруппе;

– наименования варганов, в названии которых указан материал, из которого они изготовлены: *төмөр хуур* ‘железный варган’, *гулин хуур* ‘латунный варган’, *хулсан хуур* ‘бамбуковый варган’, *ясан хуур* ‘костяной варган’, *эвэр хуур* ‘роговой варган’, *модон хуур* ‘деревянный варган’;

– название варгана, указывающее на способ извлечения звука, — *няслаа хуур* ‘щелкающий варган’ (вид железного варгана).

Во второй подгруппе элемент *хуур* входит в состав наименований *баян хуур* ‘баян, аккордеон, ручной орган’ < рус. *баян*, *эргүүлэгт баян хуур* ‘шарманка’ (букв. ‘вращающийся баян’), *найрал баян хуур* ‘аккордеон’ (букв. ‘созвучный, гармонирующий баян’; возможно, калька с русского слова *гармоника*) (сокращенный вариант: *най хуур*), *төгөлдөр хуур* ‘пианино, рояль’ (букв. ‘совершенный музыкальный инструмент’). В данной подгруппе слово *хуур* указывает на принадлежность термина лексическому классу музыкальных инструментов и участвует в образовании наименований музыкальных инструментов, которые были привнесены в музыкальную жизнь монголов другими культурами.

3.2. Хуучир

Выше упоминался струнно-смычковый национальный монгольский музыкальный инструмент монг. *хуучир*, бур. *хушар*, письм.-монг. *quricir*. Исследователи склонны считать, что наименование музыкального инструмента имеет китайское происхождение,

и восходит оно к кит. 胡琴 húqín ‘хуцинь, китайская скрипка’. Однако, что касается происхождения самого инструмента, монгольские исследователи утверждают, что хучир, несмотря на название, пришедшее из китайского языка, — исконно монгольский инструмент. Компонент кит. 胡 hú предлагается толковать как ‘монгол, монгольский’, либо ‘северный, варварский’ [Цагаан Туг], притом что кит. 琴 qín — общее название струнных инструментов. Д. Д. Дондокова пишет, что вопрос нельзя считать решенным, поскольку пока что нет весомых доказательств, которые могли бы подтвердить или опровергнуть гипотезу монгольских исследователей [Дондокова 2003: 75–76].

3.3. Щипковый инструмент *ятга*

Щипковый музыкальный инструмент монг. *ятга* (письм.-монг. *yatuγ-a*, халх. *ятга*, бур. *ятага*, калм. *ятх*), популярен не только у монгольских, но и у тюркских народов. Д. Д. Дондокова называет его «восточной арфой» [Дондокова 2003: 76]. Европейскую арфу монголы называют монг. *босоо ятга* ‘вертикальная ятга’ [ТХЗТ 2010: 664]. Разновидности инструмента письм.-монг. *yatuγ-a* отличаются по размеру, количеству струн, внешнему виду.

Название письм.-монг. *yatuγ-a* возводят к тюркскому корню **jat-* ‘лежать, ложиться’ и связывают его с положением инструмента при игре [Дондокова 2003: 76; МКРХ; ЭСТЯ 1989: 156–157].

В словаре К. Ф. Голстунского зафиксирован родственный термин с суффиксом тюркского происхождения *-liγ* — *yatuγaliγ* ‘гусли о 10 струнах’ (для *yatuγa* дан перевод ‘гусли о 14 струнах’) [Голстунский 1893: 329]¹. Одно из возможных значений данного аффикса: «прилагательные с типовым значением „обладающий достоинством, названным предыдущим именем“» [СИГТЯ 1988: 143]. Название инструмента *yatuγaliγ* следует классифицировать как существительное, а не прилагательное. Тем не менее, если следовать толкованию значения данного аффикса, то получается, что *yatuγaliγ* — это то, что обладает качествами *yatuγa*.

¹ Позднее монг. *ятгалиг* попало и в [БАМРС, 4 2002: 470].

Среди монгольских названий музыкальных инструментов еще один пример словообразования с помощью суффикса *-liγ* — монг. *бийваалиг* ‘лютя с четырьмя струнами’, однокоренное монг. *бийбаа*, *бийваа*, *пийпаа* ‘лютя с четырьмя или шестью струнами, инструмент Сарасвати’. Интересно, что китайское заимствование (от кит. 琵琶 pípa ‘пипа (род лютни)’) присоединяет аффикс тюркского происхождения.

Слово письм.-монг. *yatuγ-a* имеет когнаты в монгольских языках (халх. *ятга*, бур. *ятага*, калм. *ятх*; другие языки и диалекты см. [Дондокова 2003: 76]) и во многих тюркских языках [Номинханов 1975: 175], кроме языка алтайцев, северных тюрков, якутов и тюркоязычных долган Таймыра [МКРХ].

3.4. Термин *товшуур*

Термин *товшуур* в современном монгольском языке имеет два значения: 1) щипковые инструменты как класс [МХТТ 2011: 1122]; 2) национальный монгольский инструмент чашевидной формы с длинным грифом, выдалбливаемый из цельного куска дерева, имеющий две или три струны [Борлыкова 2012: 191]. В словарях в качестве русского эквивалента этого слова дается термин «домбра». Письм.-монг. *tobsiγur* возводится к праформе **tobsi-ki-γur*, где выделяется аффикс **-(ki)-γur*, входящий в состав названий музыкальных и сигнальных инструментов: монг. *тогууур* ‘сторожевая трещотка’ < письм.-монг. *toγsiγur* id. < *toγsi-* ‘стучать’ < *toγ toγ* звукоподражание, имитирующее стук по дупловатому дереву, в ворота, двери, било² [Голстунский 1894: 153], монг. *бишгүүр* ‘монгольская флейта бишгур’ < письм.-монг. *biskiγur* id., *цоор* / *цуур* ‘свирель’ < *соγур/суγур* id. [Todoriki 2017: 164]. Аналогично слову монг. *тогууур* ‘сторожевая трещотка’, название щипкового инструмента монг. *товшуур* < письм.-монг. *tobsiγur* происходит от звукоподражательного глагола *tobsi-* ‘бить, стучать’ [Ramstedt 1935: 404] (в современном языке значение

² Било — сигнальный инструмент, представляющий собой деревянный, металлический или (реже) каменный брус, по которому ударяют колотушкой или молотком [БРЭ].

глагола специализируется как ‘играть на щипковом инструменте’ [БАМРС, 3 2001: 211]), который, по-видимому, образован от звукоподражания *тов-тов*, зафиксированного в [БАМРС, 3 2001: 209]. В современном монгольском языке звукоподражание *тов-тов* используется для имитации стука и топота. В словарях [Lessing 1960: 810; Голстунский 1893: 131; Ковалевский 1846: 1818] для звукоподражания *tob tob* дано значение ‘внезапно, постоянно’ и, кроме того, указано словосочетание *tob duγui / tob daγun iγei* ‘безмолвно, бесшумно’, что косвенно указывает на такое значение звукоподражания *tob*, как ‘стук, шум’.

3.5. Шударга

Еще одно название монгольского инструмента с довольно прозрачной внутренней формой слова — монг. *шударга*, письм.-монг. *šudurγu*. Согласно толкованию, данному в [МХТТ 2011: 1799–1800], это трехструнный щипковый музыкальный инструмент с корпусом абсолютно круглой формы, обтянутым козьей кожей или кожей верблюжонка, с длинным прямым грифом и квадратной головкой, как у товшура. Д. Д. Дондокова, цитируя труды известного монгольского музыковеда Г. Бадраха, пишет, что *шударга* — исконно монгольский инструмент, получивший свое название из-за манеры игры на нем: письм.-монг. *šudur* ‘обрывать, отрывать, облуплять’ [Голстунский 1894: 419]. Китайцы заимствовали инструмент и придумали для него собственное, китайское, название 三絃子 *sān xián zi*, что можно перевести как «трехструнный». Слово 三 *sān* ‘три’ со временем исчезло, и осталось название 絃子 *xián zi*, которое в виде заимствования письм.-монг. *šangja* (монг. *шанз*) вытеснило монгольское название письм.-монг. *šudurγu* [Дондокова 2003: 76]. Модифицированный *шанз* отличается от старого *шударга* тем, что его корпус обтянут змеиной кожей, а не козьей или кожей верблюжонка, а также формой: если корпус *шударга* описывают как абсолютно круглый, то корпус *шанз* описывают как квадрат со скругленными углами [МХТТ 2011: 1757].

3.6. Хийл

В отличие от рассмотренных выше названий, мотивировка которых была довольно понятна, название струнного музыкального инструмента монг. *хийл* вызывает вопросы. В современном монгольском языке слово монг. *хийл* используется для обозначения европейской скрипки, а различные словосочетания со словом монг. *хийл* используются для обозначения других струнно-смычковых инструментов симфонического оркестра: *эрдүү хийл* ‘альт’ (букв. ‘скрипка с низким, «мужеподобным» голосом» (монг. *эр* ‘мужчина, мужской’)), *морин хийл* ‘виолончель’ (букв. ‘лошадиная, то есть большая, скрипка’), *ахмад хийл* ‘контрабас’ (букв. ‘басовая скрипка’) (также используется название монг. *их хуур*). В качестве второго значения слова *хийл* в [МХТТ 2011: 1442] указано «морин-хур». Интересно, что из современных монгольских языков слово *хийл* в значении ‘скрипка’ употребляется только в халха-монгольском. В калмыцком языке для обозначения скрипки используют слово калм. *хур*, в бурятском — русское заимствование *скрипка*.

Слово письм.-монг. *kikili / kigili* использовалось и до близкого знакомства монголоязычных народов с европейскими музыкальными инструментами. В маньчжуро-монгольском словаре 1717 года так описывают значение слова письм.-монг. *kikili*: «Меньше, чем *шударга*. Маленьким бамбуковым смычком, на который навязан конский волос, водят по струнам вперед и назад и так извлекают звук» [Q 1717: 50–51]. В четырехязычном словаре 1782 г. даны эквиваленты: маньчж. *онгочон* (также есть написание *огочон* [МЭ]) (скрипка, которая меньше трехструнной балалайки [Захаров 1875: 123], родственная хучиру [МЭ]) и кит. 胡琴 *húqín* ‘хуцинь, китайская скрипка’ (от которого происходит монг. *хуучир*) [Q 1782: 68]. Таким образом, в XVIII в. письм.-монг. *kikili*, по-видимому, использовалось для обозначения традиционного монгольского инструмента, родственного хучиру.

В словарях бурятского и калмыцкого языков не зафиксировано названий инструментов, которые можно было бы связать с монг. *хийл*, письм.-монг. *kigili* [КРС 1977:

298–301]. В бурятско-русском словаре есть словарные статьи для бур. *хилэ* ‘1. смычок (напр. у хура); 2. дужка’ и его тункинского варианта бур. *хишла* ‘дужка у ведра’ [БРС 1951: 568]. Они, очевидно, являются когнатами монг. *хил* ‘смычок’ (письм.-монг. *kili* [Ковалевский 1849: 2529]).

Важно отметить, что в маньчжуро-монгольском словаре 1717 г. и в современной монголоязычной музыковедческой литературе для обозначения смычка используется слово монг. *нум* (письм.-монг. *nutun* [Q 1717: 51]), базовое значение которого — ‘лук (оружие)’. Возникает вопрос, являются ли музыкальные термины монг. *нум* и *хил* полными синонимами, или же между ними есть некоторые отличия. Ситуацию несколько проясняет толкование словосочетания монг. *хуурын хил*, данное в [МХТТ 2011: 1526b]: *хуурын нумыг хөвчлөн байгаа хялгас* ‘конский волос, служащий тетивой для смычка хура’. Таким образом, в словосочетании монг. *хуурын хил* слово *хил* выступает в качестве синонима слова *хялгас* (письм.-монг. *kilyasun*), базовое значение которого — ‘конский волос’, а в музыкальной лексике — ‘волос’ как элемент смычка [ТХЗТ 2010: 663].

Таким образом, в современной монгольской музыкальной лексике одновременно бытуют слова *нум* ‘смычок’, *хялгас* ‘волос’ (элемент смычка) и менее употребительное *хил*, комбинирующее значения предыдущих слов: в широком смысле *хил* — это ‘смычок’, в узком — ‘волос’ как элемент смычка.

Если учесть возможность двоякого произношения, демонстрируемое в диалектах бурятского языка (бур. *хилэ* и тунк. *хишла*), где варьируется долгота гласного и рядность слова, можно предположить, что в какой-то момент произошло смешение письм.-монг. *kigili* ‘скрипка’ и *kili* ‘смычок’. Подтверждение этого мы видим в [Lessing 1960: 466] в словарной статье письм.-монг. *kili*, где через запятую указаны значения ‘смычок’ и ‘скрипка’ и дается ссылка на слово письм.-монг. *kikili* ‘скрипка’.

В [EDAL 2003: 787] в качестве значений протомонгольского **kiyi-* указаны «ручка ведра» и «скрипка», причем базовым значением из этих двух является «ручка, руко-

ятка», поскольку протомонгольское **kiyi-* связывается с пратюрским **kiben-te* ‘кормысло’. Поэтому можно предположить, что слово «рукоятка» получило переносное значение «скрипка» в результате действия метонимических механизмов.

С другой стороны, нельзя не замечать тот факт, что в тюркских языках широко распространены слова *qyl*, *kyl*, *xyl*, *qil*, *gyl* и т. п., восходящие к тюркской праформе **kylk* ‘волос’, значение которой специализируется как «конский волос» в сфере средневекового монгольского культурного влияния [СИГТЯ 2001: 196–197]. Тюркское слово **kylk* считается прародственным письм.-монг. *kilyasun* ‘волос в гриве и хвосте; струны на монгольской скрипке’ [Ковалевский 1849: 2533]. В тувинском языке слово *хыл* как в монгольском *хялгас*, имеет значения ‘волос’ и ‘струна’ [ТМТ 1994: 185]. Аналогичные пары значений зарегистрированы в языках, перечисленных в: [ЭСТЯ 2000: 205].

Из всех приведенных фактов можно сделать вывод, что монг. *хийл* ‘скрипка’ и *хил* ‘смычок’ имеют разное происхождение. Монг. *хийл*, письм.-монг. *kigili* ‘скрипка’, тунк. *хишла* ‘дужка ведра’ — потомки протомонгольского **kiyi-* ‘рукоятка’. Письм.-монг. *kili* ‘смычок’ (> монг. *хил*, бур. *хилэ*), вероятно, является заимствованием из одного из тюркских языков, где когнат этого слова имеет значение «струна» (список языков: см. в: [ЭСТЯ 2000: 205]). Из-за сходности звучания слова письм.-монг. *kigili* ‘скрипка’ и *kili* ‘смычок’ могли смешиваться. Вероятно, именно в результате смешения к значению «смычок» у бур. *хилэ* добавилось значение «дужка ведра» (а *хишла* ‘дужка ведра’ осталось в тункинском диалекте, но не вошло в литературный бурятский язык), и у монг. *kili* в словаре Ф. Лессинга добавился эквивалент «скрипка» [Lessing 1960: 466].

Совершенно другая картина предстает перед нами, когда мы, следуя М. Тодорики, возводим письм.-монг. *kigili* / *kikili* к чагатайскому *iqliq* ‘трехструнная виола’: *iqliq* > **hikilik* > *kikili*. «Потомки» музыкального инструмента *iqliq* — тувинский *игил* (*эгил*, *иргил*), южноалтайский *икили*, хакасский *ыых* [Todoriki 2017: 167–168]. Инструмент

под названием *ихэл* / *икэл* / *эхэл хуур* (ойр. *uekeli, ikkil*) характерен также для ойратско-го культурного ареала в Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая [Буланов 2014: 131; Борлыкова 2012: 188] (у калмыков слово *икл* сохранилось в бузавинском говоре и означает ‘гармошка’ [КРС 1977: 267]). Согласно М. Тодорики, этот инструмент, возможно, сначала был заимствован ойратами, а потом появился у окружающих тюркских народов, — по крайней мере, ойратское название музыкального инструмента было зафиксировано в источниках раньше, чем тувинское [Todoriki 2017: 165–166]. Как видно, в ойратском языке используется название, фонетически более близкое к тюркским. Очевидно, продвигаясь далее на восток и на юг, слово подверглось дальнейшим фонетическим и семантическим модификациям: *kikili* ‘ихэл’ > *kigili* id. > халх. *хийл* ‘скрипка’, чах. *xigili* [xɪl ~ xi:l] ‘морин-хур’ [Todoriki 2017: 166]. Таким образом, если согласиться с этимологией М. Тодорики, в современном халха-монгольском языке используются два слова, восходящие к письм.-монг. *kikili*: монг. *хийл* ‘скрипка’ и термин, имитирующий ойратское название, *эхэл* / *икэл хуур* ‘ихэл’.

Сокращения

бур. — бурятский язык;
калм. — калмыцкий язык;
кит. — китайский язык;
маньчж. — маньчжурский язык;
монг. — монгольский язык;
письм.-монг. — письменный монгольский язык;

Литература

- БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с.
БАМРС, 3 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 3. Ё–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с.
БАМРС, 4 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.

4. Заключение

В статье были подробно рассмотрены термины монг. *хуур*, *хуучир*, *ятга*, *товшуур*, *шударга*, *шанз*, *хийл* и терминологизированные словосочетания, в состав которых они входят. Кроме того, в качестве иллюстрации некоторых положений приведена этимология слов *бийваа*, *тогшуур*, *бишгүүр*, *цоор* / *цуур*. Было установлено, что термины *хуур* и *ятга* имеют тюркские когнаты; *товшуур*, *тогшууур*, *шударга* — исконно монгольские слова; *хуучир*, *шанз*, *бийваа* — музыкальные термины китайского происхождения. Особое внимание было уделено выяснению этимологии термина монг. *хийл*. Было выяснено, что этот термин скорее всего восходит к чагатайскому названию смычкового музыкального инструмента *iqliq* и родственен тувинскому наименованию инструмента *игил* (которое образовалось отнюдь не в результате слияния числительного тув. *ики* ‘два’ и существительного тув. *хыл* ‘струна’ и не от монгольского словосочетания *эхэн хэл* ‘язык матери’, а восходит к чагатайскому *iqliq*).

Было показано, что слово *хуур* не только обозначает соответствующий традиционный монгольский смычковый инструмент, но также в некоторых словосочетаниях либо используется как квази-классификатор, указывающий на принадлежность слова классу музыкальных инструментов, либо значит ‘варган’.

рус. — русский язык;
тув. — тувинский язык;
тунк. — тункинский;
тюрк. — тюркские языки;
халх. — халхаский;
чах. — чахарский.

References

- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ё–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)

- Батжаргал — Батжаргал Б. Морин «хуур» хөгжмийн зэмсгийн нэрийн соёл — түүхийн хувьслын тухай [= Культура наименования музыкального инструмента «морин-хур»: эволюция] [электронный ресурс] // URL: <https://ubmedee.mn/index.php?view=article&type=item&val=4646> (дата обращения: 25.07.2024).
- Батжаргал B. Morin khuur and its naming culture: An evolution. On: UBmedee. Available at: <https://ubmedee.mn/index.php?view=article&type=item&val=4646> (accessed: 25 July 2024). (In Mong.)
- Болхосоев 2020 — Болхосоев С. Б. Семантика названия монгольского музыкального инструмента «морин хур» // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 81–89.
- Bolkhosoev S. B. Semantics of the name of the Mongolian musical instrument “Morin Khur”. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2020. Vol. 16. No. 2. Pp. 81–89. (In Russ.)
- Борлыкова 2009 — Борлыкова Б. Х. Калмыцкая музыкальная терминология: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2009. 22 с.
- Borlykova B. Kh. Kalmyk Music Terms. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2009. 22 p. (In Russ.)
- Борлыкова 2012 — Борлыкова Б. Х. О музыкальных инструментах ойратов Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая // Oriental Studies. 2012. Т. 5. №4. С. 187–192.
- Borlykova B. Kh. About musical instruments of Oirats of the Western Mongolia and the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China. *Oriental Studies*. 2012. Vol. 5. No. 4. Pp. 187–192. (In Russ.)
- БРС 1951 — Бурят-монгольско-русский словарь/ сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. 852 с.
- Cheremisov K. M. (comp.) Buryat Mongolian–Russian Dictionary. Ts. Tsydendambaev (ed.). Moscow: GIINS, 1951. 852 p. (In Bur. and Russ.)
- Буланов 2014 — Буланов И. В. Смычковые хордофоны Бурятии: музыкально-акустический аспект // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. №3(39). С. 130–135.
- Bulanov I. V. String bow instruments of Buryatia: A musical-acoustic aspect. *Culture and Arts Herald*. 2014. No. 3(39). Pp. 130–135. (In Russ.)
- Голстунский 1893 — Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Том третий. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1894. 491 с.
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 3. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1894. 491 p. (In Mong. and Russ.)
- Голстунский 1894 — Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Том второй. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1894. 423 с.
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 2. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1894. 423 p. (In Mong. and Russ.)
- Гэрэлт-Од 2021 — Гэрэлт-Од Б. Хуучир [Хучир] [электронный ресурс] // URL: <https://www.montsame.mn/mn/read/252805> (дата обращения: 23.07.2024).
- Gerelt-Od B. Khuuchir. On: MONTSAME. Available at: <https://www.montsame.mn/mn/read/252805> (accessed: 23 July 2024). (In Mong.)
- Дондокова 2003 — Дондокова Д. Д. Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 135 с.
- Dondokova D. D. A Glossary of Buryat Spiritual Culture. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 135 p. (In Russ.)
- Захаров 1875 — Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь, составленный преподавателем маньчжурского языка при императорском С.-Петербургском университете, действительным стат. советн. Иваном Захровым. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1875. 1174 с.
- Zakharov I. I. The Complete Manchu-Russian Dictionary. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1875. 1174 p. (In Manchu and Russ.)
- Ковалевский 1846 — Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. II: NA-SÜ. Казань: Унив. тип., 1846. 595–1545 с.
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 2: NA-SÜ. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. Pp. 595–1545. (In Mong., Russ. and Fr.)

- Ковалевский 1849 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. III: ТА-Ü. Казань: Унив. тип., 1846. 1547–2690 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Мазарчук 2024 — *Мазарчук А. В.* Монгольская лексика сферы просвещения, образования и науки // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. No 1. С. 224–235.
- МАЛ — Монгол орны лавлах [= Справочник по Монголии] [электронный ресурс]. URL: <https://www.mongolianguideschool.com/info13/detail/106> (дата обращения: 23.07.2024).
- МКРХ — Чатхан. Анкета-паспорт объекта нематериального культурного наследия Республики Хакасия [электронный ресурс] // Министерство культуры Республики Бурятия. URL: <https://culture19.ru/contents/549-chathan2023.html> (дата обращения: 25.07.2024).
- МХТТ 2011 — Монгол хэлний тайлбар толь [= Толковый словарь монгольского языка]. Улаанбаатар: Монсудар, 2011. 1890 с.
- МЭ — Эрху [электронный ресурс] // Музыкальная энциклопедия. URL: <https://www.musenc.ru/html/6/6rhu.html> (дата обращения: 23.07.2024).
- Номинханов 1975 — *Номинханов Ц.-Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, 1975. 324 с.
- Рассадин и др 2018 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М., Болд Л.* Тюрко-монгольские параллели среди терминов духовной культуры в монгольских языках // *Сибирский филологический журнал*. 2018. № 3. С. 222–231.
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- ТМТ 1994 — *Дорлиг Ц., Дадар-Оол Б.* Тыва-моол словарь. Тува-монгол толь [= Тувинско-монгольский словарь]. Өлгий, 1994. 250 с.
- ТХЗТ 2010 — Таван хэлний зурагт толь. Монгол. Орос. Хятад. Солонгос. Англи [= Пятиязычный картинный словарь. Монгольский. Русский. Китайский. Корейский. Английский]. Гл. ред. Тувшинтогс. Nepko Publishing, QA International, 2010. 1191 с.
- Цагаан Туг — Монгол ардын хөгжмийн зэмсэг [= Монгольские народные музыкальные инструменты] // Цагаан туг [Белое знамя] [электронный ресурс]. URL: https://tsagaantug.blogspot.com/2009/07/blog-post_274.html (дата обращения: 17.05.2024).
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 3: TA-Ü. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. Pp. 1547–2690. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Russ.)
- Mazarchuk A. V. Mongolian education and science vocabulary. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 1. Pp. 224–235. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-224-235
- Guide to Mongolia. On: Mongolian Guide School. Available at: <https://www.mongolianguideschool.com/info13/detail/106> (accessed: 23 July 2024). (In Mong.)
- Chatkhan (Jadagan): Certificate of Khakassia's Intangible Heritage Object. On: Ministry of Culture of the Republic of Khakassia (website). Available at: <https://culture19.ru/contents/549-chathan2023.html> (accessed: 25 July 2024). (In Russ.)
- Explanatory Dictionary of the Mongolian Language. Ulaanbaatar: Monsudar, 2011. 1890 p. (In Mong.)
- Erkhu. On: Encyclopedia of Music. Available at: <https://www.musenc.ru/html/6/6rhu.html> (accessed: 23 July 2024). (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Kalmyk Language Learning Materials. Moscow: Nauka, 1975. 324 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I., Trofimova S. M., Bold L. Turkic-Mongolian parallels among the terms of spiritual culture in Mongolian languages. *Siberian Journal of Philology*. 2018. No. 3. Pp. 222–231. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/64/20
- Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Morphology. Moscow: Nauka, 1988. 560 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Vocabulary. Second edition, suppl. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Dorlig Ts., Dadar-ool B. Tuvan-Mongolian Dictionary. Ölgii, 1994. 250 p. (In Tuv. and Mong.)
- Tuvshintogs (ed.) A Five Language Dictionary: Mongolian, Russian, Chinese, Korean, English. Ulaanbaatar: Nepko Publishing, QA International, 2010. 1191 p. (In Mong., Russ., Chin., Kor. and Eng.)
- Mongolian musical instruments. On: Tsagaan Tug. Available at: https://tsagaantug.blogspot.com/2009/07/blog-post_274.html (accessed: 17 May 2024). (In Mong.)

- Энэбиш 1992 — *Энэбиш Ж.* О моринхуре — ко-неголовой виоле монголов // Средневековая культура монгольских народов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1992. С. 135–139.
- ЭСТЯ 1989 — *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’ / авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. 292 с.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву ‘К’ / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Языки русской культуры, 2000. 261 с.
- EDAL 2003 — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p.
- Lessing 1960 — *Lessing F. D.* Mongolian-English Dictionary. University of California Press, 1960. 1217 p.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT (Netherlands National Graduate School of Linguistics), 2011. 563 p.
- Q 1717 — Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bithe. *Qayan-u bičigsen manju mongyol ügen-ü toli bičig* [= Словарь маньчжурских и монгольских слов, составленный по высочайшему указанию]. Тетрадь 3. Пекин, 1717 (ИВР РАН, Монгольский фонд. Шифр F 319).
- Q 1782 — Han-i araha duin hacin-i hergen kamciha manju gisun-i buleku bithe. *Rgyal pos mdzad pa'i skad bzhi tshan sbyar gyi ma nydzu'i skad gsal ba'i me long. Qayan-u bičigsen dörben jüil-ün üsüg-iyer qabsuruysan manju ügen-ü toli bičig. Yuzhi si ti qingwen jian* 御製四體清文鑑 [= Маньчжурский словарь слов четырех видов, составленный по высочайшему указанию]. Тетрадь 2. (Монгольская национальная библиотека. Шифр 413=94.1=95.4=94.21=95.1 X-107).
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.
- Todoriki 2017 — *Todoriki M.* Archaic Oirat substratum of the “circa-Altai musical Kulturkreis” in Tuva // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 147–208. DOI: 10.25178/nit.2017.3.9
- Enebish Zh. On *morin khuur* — the Mongolian horse-head fiddle. In: Medieval Culture of Mongols. Novosibirsk: Nauka, 1992. Pp. 135–139. (In Russ.)
- Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with the Letters ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’. Moscow: Nauka, 1989. 292 p. (In Russ.)
- Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with the Letter ‘K’. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 2000. 261 p. (In Russ.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p. (In Mong., Turk., etc.)
- Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley: University of California Press, 1960. 1217 p. (In Mong. and Eng.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT (Netherlands National Graduate School of Linguistics), 2011. 563 p. (In Eng.)
- Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bithe. *Qayan-u bičigsen manju mongyol ügen-ü toli bičig* (Manchu-Mongolian Dictionary). Book 3. Beijing, 1717. At: Institute of Oriental Manuscripts (RAS), Mongolian Collection. Call no. F 319. (In Manchu and Mong.)
- Han-i araha duin hacin-i hergen kamciha manju gisun-i buleku bithe. *Rgyal pos mdzad pa'i skad bzhi tshan sbyar gyi ma nydzu'i skad gsal ba'i me long. Qayan-u bičigsen dörben jüil-ün üsüg-iyer qabsuruysan manju ügen-ü toli bičig. Yuzhi si ti qingwen jian* 御製四體清文鑑 [Manchu-Tibetan-Mongolian-Chinese Dictionary]. Book 2. At: National Library of Mongolia. Call no. 413=94.1=95.4=94.21=95.1 X-107). (In Manchu, Tib., Mong. and Chin.)
- Ramstedt G. J. Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Kalm. and Germ.)
- Todoriki M. Archaic Oirat substratum of the “circa-Altai musical Kulturkreis” in Tuva. *New Research of Tuva*. 2017. No. 3. Pp. 147–208. (In Eng.) DOI: 10.25178/nit.2017.3.9

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 913–925, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-913-925

Конструктивные элементы «тууль-улигера» в ойратском эпосе «Бум-Эрдени»

Байрта Барбаевна Манджиева¹

- ¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-5644-3340. E-mail: [mbbairta\[at\]yandex.ru](mailto:mbbairta[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Манджиева Б. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* В современной отечественной фольклористике одной из важных и актуальных задач является исследование ранних форм эпоса, в частности ойратских эпических сказаний. Архаические эпические повествования, основанные на теме героического сватовства представляют собой определенный эпический жанр — «тууль-улигер» (или «тууль-улигерный эпос»), которые стадильно предшествуют героическому эпосу типа калмыцкого «Джангара» и повествуют о подвигах чудеснорожденного богатыря. *Цель* исследования — рассмотрение сюжета ойратской эпопеи «Бум-Эрдени» в соответствии с композиционной структурой архаического эпоса (тууль-улигера), анализ содержания и характера героической борьбы богатыря во имя защиты своего рода-племени и народа. *Материалом* исследования явились опубликованные источники по изучаемому аспекту на монгольском, калмыцком языках, а также в переводе на русский язык. *Результаты.* Рассмотрение текста ойратской эпопеи «Бум-Эрдени» в соответствии с разработанной А. Ш. Кичиковым композиционной структурой архаического эпоса (тууль-улигера) показало присутствие восьми сходных элементов. Некоторые из этих элементов имеют отличительные эпизоды. Так, элемент под номером 7 в ойратском эпосе отличается: согласно повествованию, богатырю предназначенного коня указывает табунщик Ах-Сахал; элемент под номером 9 — герой не участвует в состязаниях, а выполняет «трудную задачу» теста. Основываясь на композиционной структуре тууль-улигера, разработанной А. Ш. Кичиковым, а также опытом выделения в монгольском эпосе типовых сюжетных элементов Т. Г. Борджановой и С. Ю. Неклюдова, мы выявили 14 конструктивных элементов тууль-улигера в ойратской эпопее «Бум-Эрдени» и рассмотрели их в сюжетной последовательности. Чудеснорожденный герой архаического эпоса, наследник и хозяин обширных кочевий своего отца, отправившийся на поиски суженой, сразившийся с многоголовыми чудовищами-мангасами и освободивший народ от порабощения, представляет центральный образ архаического эпоса ойратов — хранителя очага и защитника рода-племени.

Ключевые слова: архаический эпос, тууль-улигер, герой, богатырь, героическое сватовство, сюжет, элементы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Эпический ландшафт ойратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста)» (№ 24-48-03026, <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Конструктивные элементы «тууль-улигера» в ойратском эпосе «Бум-Эрдени» // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 913–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-913-925

The Oirat Epic of Bum-Erdeni: Structural Elements of a 'Tuul-Uliger'

Bayrta B. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Mandzhieva B. B., 2024

Abstract. *Introduction.* In modern Russian folklore studies, investigations of early epic forms, in particular, Oirat epic narratives are viewed as significant and timely enough. Archaic epic texts thematically dealing with heroic matchmaking constitute the epic genre of 'tuul-uliger' (or 'tuul-uliger epic'), which stadially precedes the heroic one, such as the Kalmyk Jangar, and narrates about exploits of a miraculously born hero. *Goals.* The study seeks to examine the plot of the Oirat epic of Bum-Erdeni in accordance with the compositional structure of the archaic epic (tuul-uliger), analyze its contents and essentials of the hero's struggle aimed at defending his clan-tribe and people. *Materials.* The paper focuses on related Mongolian-, Kalmyk- and Russian-language published sources. *Results.* Following the archaic epic (tuul-uliger) compositional structure by A. Kichikov, our insight into the Oirat epic of Bum-Erdeni reveals the presence of eight corresponding elements. Some of the elements have distinctive episodes: element 7 in the Oirat epic is presented differently — according to the narrative, it is the old herder Akh-Sakhal who indicates a destined horse to the hero; element 9 is offered in a modified form — the hero takes no part in the competition but tackles a 'difficult task' of his would-be father-in-law. With the aid of tuul-uliger structural patterns developed by A. Kichikov, typical plot elements of the Mongolian epic identified by T. Bordzhanova and S. Neklyudov, the paper articulates a total of 14 tuul-uliger elements in the Oirat epic of Bum-Erdeni and examines the latter in a plot sequence. The central image of the archaic Oirat epic — he who keeps the hearth and defends his clan-tribe — is a miraculously born hero, the heir and master of his father's vast pastures, destined to leave in search of his betrothed, struggle against the many-headed mangas monsters, and set his people free from enslavement.

Keywords: archaic epic, tuul-uliger, hero, baghatur, heroic matchmaking, plot, elements

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 24-48-03026 'Epic Landscapes of Russia, Mongolia and China's Oirats: From Archaic Epic to Published One'. Available at: <https://rscf.ru/project/24-48-03026>.

For citation: Mandzhieva B. B. The Oirat Epic of Bum-Erdeni: Structural Elements of a 'Tuul-Uliger'. *Oriental Studies*. 2023; 17 (3): 913–925. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-913-925

1. Введение

В современном монголоведении, в частности в эпосоведении, одной из важных и актуальных задач является исследование ранних форм эпоса. В настоящее время изучение ойратских эпических сказаний, его сюжетно-композиционной структуры, героической биографии центрального персонажа представляются актуальными в свете малоизученности данных аспектов.

Архаические эпические повествования, основанные на теме героического сватовства и представляющие собой предшествующую эпосу «Джангар» традицию,

А. Ш. Кичиков называет «тууль-улигером» (или «тууль-улигерным эпосом»). По мнению ученого, «термином тууль-улигер (или тууль-улигерный эпос) обозначаются эпические произведения, стадияльно предшествующие героическому эпосу типа калмыцкого „Джангара“ и повествующие о подвигах чудеснорожденного богатыря (его женитьба на „суженой“ — волшебной деве из далекой страны, истребление чудовищ-мангузов, освобождение народа от насильников и установление мира на земле)» [Кичиков 1992: 11]. Целью статьи является рассмотрение сюжета ойратской эпопеи «Бум- Эр-

дени» в соответствии с композиционной структурой архаического эпоса (*тууль-улигера*), разработанного А. Ш. Кичиковым, анализ содержания и характера героической борьбы богатыря во имя защиты своего рода-племени и народа. Материалом исследования явились опубликованные источники в переводе на русский язык [Владимирцов 1923; Владимирцов 2003], а также использовались [Калмыцкие богатырские 2018].

Исследование ранних форм эпоса представлено в работах известных ученых-востоковедов Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1923; Владимирцов 2003], В. Я. Проппа [Пропп 1928; Пропп 1958; Пропп 1986], В. М. Жирмунского [Жирмунский 1960; Жирмунский 1974], Е. М. Мелетинского [Мелетинский 1968; Мелетинский 2004], Г. И. Михайлова [Михайлов 1971], Б. Н. Путилова [Путилов 1976; Путилов 1988; Путилов 1999], Т. Г. Басанговой (Борджановой) [Борджанова 1978; Борджанова 1979; Борджанова 1981; Борджанова 1982], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 1984; Неклюдов 2019], А. Ш. Кичикова [Кичиков 1976; Кичиков 1985; Кичиков 1992], П. А. Троякова [Трояков 1977], Н. Ц. Биткеева [Биткеев 1990], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006], Б. Б. Манджиевой [Манджиева 2021; Манджиева 2022; Манджиева 2023], Д. В. Убушиевой [Убушиева 2021; Убушиева 2022] и др.

В калмыцкой фольклористике в свете изучения ранних форм эпоса Г. И. Михайлов рассмотрел сюжеты калмыцких богатырских сказок и сопоставил их с эпическими сказаниями монгольских народов [Михайлов 1971]. В своем монографическом исследовании ученый отмечает, что «калмыцкие сказки о могучих богатырях и их героических подвигах в прошлом были былинами и свидетельствовали о существовании былин двух типов: 1) героические простые, посвященные борьбе богатыря с каким-либо врагом (мангас, мус и т. п.); 2) героически сложные, в которых первой победой дело не ограничивается, баатру приходится снова сражаться» [Михайлов 1971: 153]. В результате научных изысканий Г. И. Михайлов отмечает, что «калмыцкие былины давно уже превратились в сказки о богатырях былин-

ного эпоса. Когда жанровый синкретизм постепенно изжил себя, появились эпические жанры, в процессе развития которых волшебные элементы стали достоянием сказочного эпоса, а чисто героические послужили основой для былин» [Михайлов 1971: 90]. В работе Г. И. Михайлова содержатся ценные сведения о методике восстановления и источниках реконструируемых сюжетов «калмыцких былин»: «Бамбин Улан баатар, сын Мёнк-Цаган хана» и «Догшин-Дольган хана Дуунта-Хар-Кукл баатар». Материал, использованный при их воссоздании, представлен в основном сказаниями-улигерами. В основу реконструкции легли сюжеты одиннадцати сказаний, в том числе такие известные сюжеты, как «Хара-Кюкюл», «Дамбин-Улан» и «Сайн-Сеняка».

А. Ш. Кичиков на материале калмыцкого сказочного эпоса эпических повествований родственных монголоязычных народов проанализировал архаические мотивы о чудесно-рожденном герое и выделил «двенадцать конструктивных элементов» сюжетно-композиционной структуры тууль-улигера (архаического эпоса) [Кичиков 1992: 12].

На основе разработанной А. Ш. Кичиковым сюжетно-композиционной структуры тууль-улигера, а также конструктивных элементов сюжета в монгольских эпических повествованиях, выделенных Т. Г. Борджановой и С. Ю. Неклюдовым [Борджанова 1978: 15–24; Неклюдов 2019: 65–67], мы получили следующую сюжетно-композиционную структуру ойратской эпопеи «Бум-Эрдэни»: 1. Описание «эпической эпохи»; 2. Описание страны, природы, четырех видов скота, жилища; 3. Характеристика героя; 4. Известие о предназначенном коне и суженой; 5. Поездка героя за невестой; 6. Встреча с богатырем-побратимом; 7. Борьба с мангасами и победа богатырей (освобождение страны от мангасов); 8. Свадебный пир; 9. Возвращение богатырей в родные кочевья; 10. Отправление богатыря Хаджир Хара в поход за угнанным захватчиками народом; 11. Прибытие Бум-Эрдэни на помощь побратиму Хаджир Хара; 12. Уничтожение врагов; 13. Возвращение богатырей; 14. Пир.

3. Сюжетно-композиционная структура «Бум-Эрдени»

3.1. Описание «эпической эпохи»

Ойратская эпопея «Бум-Эрдени» имеет архаический характер, повествование насыщено сказочной и мифологической фантастикой, эпическое время представляет картину «эпохи первотворения», когда:

в промежутке между концом давних, прежде минувших, истинно прекрасных десяти тысяч веков и началом теперь приходящих прекрасных тысяч веков, в одно хорошее время, непоколебимое, истинно спокойное, когда жили сотни тысяч многих лет мира и благополучия, когда обладали десятью тысячами полных, нерасходуемых даров добродетели... В одно прекрасное время, когда заново утвердились лучи солнца, когда заново начали жить по восьмидесяти тысяч лет, когда сызнова стали проповедовать собрание восьмидесяти четырех тысяч учений, утвердились, говорят, держава правления и вера [Владимирцов 2003: 369].

В эпическом сказании время идеализируется, герой ойратской эпопеи появляется в зарождающемся мире, когда утверждают «держава правления и вера». Эпическая эпоха «прекрасного времени» обусловлена идеализацией родового строя (см.: [Мелетинский 2004: 362]). Таким образом, эпическое время в архаическом эпосе определяется «как мифическая эпоха первотворения» [Мелетинский 2004: 295].

3.2. Описание страны, природы, четырех видов скота, жилища

Обширная вступительная часть эпопеи, как обязательный композиционный элемент архаического эпоса, знакомит слушателя с владениями будущего героя.

Страна героя Бум-Эрдени в представлении выдающегося ойратского сказителя Парчена изображается с особой любовью, с особым искусством и изобразительностью. Вертикаль эпической страны представляют горы, горные перевалы, утесы, хребты:

возвышается пятидесятиголовый, сокровенный Хангай, выросший сразу без скагов-увалов; поднимаются нагроможденные Алтайские горы, выросшие все вместе без проходов-перевалов; возвышаются семьдесят глухих белых утесов, темнеют пятьдесят

непроходимых черных зарослей кустарников; радостные леса-чащи улаждают глаз; белеют пятьдесят возвышенностей со снеговыми хребтами; возвышаются восемьдесят утесов с ледяными обухами. Вот радостная, прекрасная отчизна! [Владимирцов 2003: 369].

Горизонталь родных кочевий богатыря Бум-Эрдени представлена описанием степного пейзажа, вод-морей, озер, рек:

степные полынь и ковыль повырастали вместе, и в тучной, прекрасной траве совсем не было, говорят, пустого промежутка пространства...; плавно колышутся десять великих, целительных вод-морей; белеют кругами десять тысяч прозрачных озер-прудов; текут, крутятся, сто больших рек, которым дали имена; сливаются, кипят и пеняются, сотни тысяч пробившихся ключей; цветы всех красок распускаются и колышутся; текут, струятся, источники, целебные от всех болезней [Владимирцов 2003: 369].

На фоне прекрасной и благодатной страны героя появляются богатства кочевника — стада четырех видов скота: сотни тысяч коней, многотысячные табуны верблюдов, несметные стада овец, занявшие Алтайские перевалы [Владимирцов 2003: 370]. Как отмечает А. Ш. Кичиков, эпический мотив неисчислимого скота, заполнившего долины, был известен монголам еще в XI в. [Кичиков 1992: 24]. Сказывая об эпической стране, скотоводческом быте, сказитель испытывает эмоциональное состояние «возбужденного вдохновения, когда слова эпопеи точно сами собой укладываются в мерный размер, когда рифмы так стройно следуют друг за другом, когда одна картина сменяется другой и так легко передается слушателям привычными словесными фигурами» [Владимирцов 1923: 38]. Изображая эпическую страну ойратского богатыря, сказитель-туульчи находится на вершине поэтического искусства, он полностью овладевает вниманием слушателей, восхищающихся красотой описываемого мира архаического героя.

3.3. Характеристика героя

После описания «прекрасного царства-государства» ойратская эпопея «Бум-Эрдени» непосредственно переходит к характеристике главного героя, который

«родился нойоном-князем бесчисленных подданных, родился владыкой высокого, богатого Алтая отчизны, лучший из витязей, трехлетний Бум-Эрдени» [Владимирцов 2003: 371]. Если такие сказочно-мифологические черты героя, как рождение «с золотой грудью, серебряным торсом, с чугунным бронзовым пупком», быстрый рост и другие чудесные признаки, обычно раскрываются в тех эпизодах, которые композиционно следуют за экспозицией повествования, то в классических образцах тууль-улигера типа ойратских эпоей герой статичен, во вступительной части сказания — это уже сложившийся богатырь, с соответствующей портретной характеристикой, подчеркивающей его безмерное могущество [Кичиков 1992: 27].

Характеристика эпического героя представлена посредством перечисления божественных покровителей частей тела:

На макушке у него выявился Ваджрадара, на темени — Дзонкава, на плече — Махакала, на горле — Хоншим-бодисатва, на обоих плечах двадцать одна Дара-еке [Владимирцов 2003: 371].

В тексте его силы сравниваются с силой мифической птицы гаруды, тигра и дракона:

в руках у него проявлялась сила гаруда и тигра, в костях рук воплотилась сила тридцати трех драконов, в лопатках проявлялась мощь царственной гаруда [Владимирцов 2003: 372].

В сказочно-эпической традиции тюрко-монгольских народов наречение именем чудеснорожденного богатыря, выполняя функцию магического благословения, играет важную роль в его будущем героическом пути. Поэтическая формула имени героя ойратской эпоеи состоит из аллитерированных стихов, представленных именами и социальным статусом родителей, а также прозвищем его богатырского коня:

Батюшка мой — Бурхан-хан, матушка — Бурам-ханша. Зовут меня лучший из витязей, трехлетний Бум-Ердени. Конь у меня — бедовый серый Лыско [Владимирцов 2003: 379].

После обширной экспозиционной части сказитель переходит к описанию пира, которое непосредственно обозначает начало действия эпоеи. Среди всех пирующих эпос выделяет главного героя Бум-Эрдени,

изъявившего желание отправиться на поиски суженой. Повествование переходит к описанию подготовки героя в дальнюю дорогу.

3.4. Известие о предназначенном коне и суженой

Как известно, в архаическом эпосе с рождением героя появляется на свет и предназначенный ему судьбою конь. Табунщик Ах-Сахал указывает юному богатырю предназначенного для него чудесного коня:

бедовый серый Лыско величиной с гору; родился он от серого с яблоками жеребца величиной с сокровенный Хангай и серой с полосками кобылицы, родился вместе с тобой, в тот день, когда и ты появился на свет. Когда родился он, землю покопал — огонь зажегся; как появился он на свет, стал валяться — водяные струи закипели; заржал он на том месте, где родился, — занялся пожар. Вот славный конь, судьбой предназначенный для тебя [Владимирцов 2003: 372–373].

Описание коня героя передается посредством преувеличения его роста, отдельных частей его тела и чудесных явлений при его рождении.

Тема ловли коня демонстрирует силу богатыря, потому как жеребенок обладает необузданной силой. Обладание героя конем чудесной силы ярко описывается в сказочной традиции калмыков. Так, в тексте «О хане Сенеке» чудеснорожденный герой, найдя своего только что родившегося (предназначенного) жеребенка, вынужден отпустить его напиться материнского молока. Насытившись молоком матери, жеребенок преображается в богатырского коня [Калмыцкие богатырские 2018: 378–379].

Испытание коня и его молодого хозяина присутствует и в тувинском эпосе «Хунан-Кара». Так, с рождением чудесного младенца рождается и предназначенный ему конь:

У соловой норовистой кобылицы, / Которая была девять лет нежеребой, / Черный со-
сунок-жеребенок родился [Тувинские героические 1997: 101].

Черная масть коня указывает на его хтоническое происхождение, жеребенок также обладает дикой силой:

Так мчался, бежал, / Что звезды с небес / На землю падали, / Прах земли / К небесам поднимался. / Так брыкался, / Что гористые

земли / Становились равнинными, / Так брыкался, / Что равнинные земли / Становились гористыми... [Тувинские героические 1997: 103].

Мотив укрощения коня переходит в словесное подтверждение предназначенности коня и его хозяина:

Хорошим любимым хозяином / Ты сможешь мне быть!» — / Став, сказал [жеребенок]. / «Хорошим любимым черным конем / ты будешь мне! [Тувинские героические 1997: 105].

Образ старого табунщика Ах-Сахала обладает чертами патриарха племени, наделенного магическими способностями. По мнению А. Ш. Кичикова, образ табунщика Ах-Сахала восходит к образу творца-заячи (небесного покровителя) [Кичиков 1992: 49]. В ойратской эпосе данный персонаж выступает не только в роли «лучшего из табунщиков», но и заменяет отца герою, дает советы и опекает юного богатыря.

Тема подготовки героя и его коня в поход является одним из традиционных тем архаического эпоса. Ойратская эпосея в описании богатырского коня, его снаряжения, доспехов, вооружения героя достигает таких поэтических высот, которые следует считать вершиной «тууль-улигера» [Кичиков 1992: 29].

С обретением коня герой получает первые сведения о суженой. Так, от старого табунщика Ах-Сахала Бум-Эрдени узнает о своей предопределенной суженой красавице Тюк-Тюмен-Солонго:

красавица Тюк-Тюмен-Солонго (Десять тысяч радуг), дочь хана Тэб-Джиргал (Правое блаженство). Щеки у нее красные, как молодые стебельки, свет от них юрту насквозь проходит; глаза у нее черные, как у теленка, лучи их насквозь проходят. Оживляет она умерших, подымает павших, на сухом дереве заставит листья распусться, на сухом русле заставит воду побежать — такая, говорят, волшебная красавица [Владимирцов 2003: 373].

В архаической традиции калмыков и ойратов («Дамбин Улан», «Аман Цаган», «Буудя хан», «Эрин Сян Сёняка», «Шара-Бодон», «Хан-Харангуй» и др.) суженая богатыря — чудесная красавица, живущая на краю света. Герой калмыцкой сказки

Дамбин Улан к своей суженой, вечно юной (находящейся всегда в пятнадцатилетнем возрасте) красавице «скакал долго, что счет времени потерял» [Седклин күр 1960: 45], чудесные девы ойратских сказаний живут на расстоянии девяносто девяти лет [Владимирцов 1923: 59, 192, 233].

В описании образа чудесной красавицы неперенным атрибутом является ее лучезарность, так, например, пятнадцатилетняя дева-рагни изображается «сверкающей золотом»:

когда солнце уже сядет, тогда видимой становится она, а когда солнце светит, в лучах солнца свет, излучаемый ею, не виден [Калмыцкие богатырские 2018: 139].

Волшебная красавица живет уединенно в сказочном дворце или юрте, при этом ее жилище не касается земли, а висит между небом и землей. Жилище чудеснорожденной красавицы представляется как девичья башня, которая восходит к «каменному столбу» [Пропп 1986: 25], в который заключались «царские дети» в связи с определенными запретами.

3.5. Поездка героя за невестой

В ойратских архаических текстах («Хан-Харангуй», «Шара-Бодон») к суженой героя, живущей на краю света, доехать может не каждый богатырь, потому как герою необходимо преодолеть непроходимые горы, леса, воды, вступить в схватку с чудовищами-мангусами, пройти опасные и трудные испытания. Суженая Бум-Эрдени — красавица Тюк-Тюмен-Солонго живет на юго-восточной стороне, на расстоянии девяносто девяти лет пути [Владимирцов 2003: 373].

Несмотря на предопределенность суженой, герою ойратского эпоса необходимо добыть свою невесту героическим подвигом, который является испытанием его богатырской доблести. Согласно повествованию, хан-отец отдаст свою дочь только тому, кто одолеет равнинных пять черных мангусов, которые живут на северо-востоке и забирают ежегодно три тысячи трехлетних мальчиков и их пожирают [Владимирцов 2003: 379]. Богатырь, несмотря на совет табунщика Ах-Сахала повременить с поезд-

кой (советует герою подрасти), решительно отправляется в путь.

3.6. Встреча героя с богатырем-побратимом

«Персонажи являются исполнителями разных сюжетных „ролей“, которые к тому же подчас совмещаются в одном персонаже» [Неклюдов 2019: 83]. Так, одним из соперников Бум-Эрдени является богатырь Хаджир Хара, который «три раза отправлялся воевать с равнинными пятью черными мангусами и три раза возвращался, ничего не поделав» [Владимирцов 2003: 380]. Роль соперника Хаджир Хара по ходу повествования меняется, из врага он превращается в помощника героя и отправляется вместе с ним на битву с мангусами, а в дальнейшем богатыри становятся побратимами.

Б. Я. Владимирцов отмечает, что образ верного помощника, друга и соперника главного героя эпоса побратима Хаджир Хара имеет параллели с образом побратима Чингис-хана — Джамухой, который является одновременно и другом, и противником хана [Владимирцов 2003: 362]. Тема побратимства в архаическом эпосе получила дальнейшее развитие в героическом эпосе «Джангар», богатырская семья «вселенского монарха» создавалась путем «вассалитета через побратимство» [Неклюдов 2019: 83]. В героическом эпосе «Джангар» в роли побратима главного героя эпоса выступает юный герой Шовшур (Малодербетовский цикл), побратимами становятся богатыри Хонгор и Савар (Багацохуровский цикл), в предшествующей прологу эпоса песне-поэме о подчинении Алтан Чеджи (цикл песен Ээлян Овла) смертельно раненного Джангара спасает Хонгор, впоследствии они становятся побратимами.

3.7. Борьба и победа (освобождение страны от мангасов)

Мангас — мифологическое чудовище, главный противник и враг богатыря. Как отмечает С. Ю. Неклюдов, «как правило, основной противник фольклорного богатыря зовется мангас (*manγus*, *мангаа*, бурят. *мангад*, *мангадхай*, монгол. *мангудзэ* и т. д.). Это огромное многоголовое существо, людоед, разоритель родины героя, похититель женщин, причем похищенная жена или

невеста богатыря вынуждена в плену сожительствовать с чудовищем и родить от него полудемонического сына (после убийства похитителя он, как потенциальный мститель за отца, также подлежит уничтожению)» [Неклюдов 2019: 107].

В ойратской эпосе «Бум-Эрдени» главным противником героя выступает целое семейство мангасов, которые, судя по описанию, предстают змееподобными многоголовыми чудовищами: из равнинных пяти черных мангусов выделяется красный мангас с тьмою голов, который характеризуется своей ловкостью — «с расстояния в месяц пути хватает мушиный плевок, с расстояния в год пути хватает мелочишку, с расстояния в день пути склеживает и всасывает» [Владимирцов 2003: 380].

Второй противник — девяностодевятитоголовый крепкий черный мангас, он выделяется силой и крепостью — садится на крепкую желто-пеструю лошадь, развевает плоское желто-черное знамя, ведет за собой много тысяч мангасов-воинов.

Третий противник — четырехлетний черный мангас с сорока пятью головами, который отправляется в поход на четырехлетнем вороном Лыско и ведет за собой четыре тьмы мангасов-воинов.

Четвертый мангас — трехлетний черный мангас с тридцатью пятью головами едет в поход на аргаловидном вороном Лыско и ведет за собой три тьмы мангасов-воинов.

Одним из самых зловредных противников является горбатый черный мангас с двадцатью пятью головами, передвигается он на седлистом вороном коне, в его подчинении две тьмы бешеных воинов, две тьмы пьяных воинов. Заключительным звеном в испытании и самой сильной из всего семейства чудовищ является мать мангасов, шаманка Керинкей-Зандан [Владимирцов 2003: 380–381].

Предвестием надвигающейся угрозы смерти мангасов является сновидение одного из них: десятитысячеголовый красный мангас увидел во сне, что макушка саднит, легкие и сердце его покорились, а народ его стал добычей.

В сказочно-эпической традиции известен мотив плохого самочувствия мангу-

сов, когда их душа оказывается в руках героя. Так, в калмыцкой богатырской сказке «Хартин Хара Кюкюл», чтобы выведать, где находится душа мангуса, используется мнимое желание его сына-младенца, рожденной старшей невесткой богатыря в насильственном браке, соединить свою душу с душой отца-мангуса. После ряда отказов отец вынужден согласиться на соединение душ и раскрыть тайну; герой, воспользовавшись открывшимся секретом, обнаруживает и уничтожает мангуса [Калмыцкие богатырские 2018: 289].

Описание борьбы богатыря Бум-Эрдени с мангасами приобретает героический характер, многоголовые чудовища, отличающиеся множеством голов, первый из них с тьмою голов, а остальные имеют 99, 45, 35, 25. Из всех мангасов выделяются «самые сильные противники» — это десятиголовый красный мангас и двадцатипятиголовый черный мангас, их души находятся вне тела: душа красного мангаса находится в красной родинке величиной с сустав большого пальца и в средней из голов величиной с голову четырехлетнего быка, душа черного мангаса — в виде двух змей живет в ноздрах его коня.

Силы двух противоборствующих сторон оказываются равными, Бум-Эрдени и мангас не могут одолеть друг друга, на помощь приходит верный друг богатыря — его конь, который указывает место, где хранится душа мангаса. Бум-Эрдени расправляется с братьями-мангасами и их матерью, одного из мангасов уничтожает богатырь Хаджир Хара.

Борьба героя с мангасами есть «трудная задача», задаваемая тестем, за которой «скрываются черты брачного ритуала, имитирующего брак „отработкой“» [Мелетинский 2004: 267]. В число «трудных задач» входят разного вида «поручения»: достать волшебные предметы, найти что-то, привести чудесных коней и т. д. В ойратском эпосе герой добывает свою суженую, выполнив «трудную задачу» — освободив страну тестя от врагов-мангусов, тем самым богатырь Бум-Эрдени доказывает свое право на невесту.

3.8. Свадебный пир

Бум-Эрдени, выполнив «трудную задачу» тестя, возвращается с победой к Тэб-Джиргал-хану. На правах старшего брата побратим Хаджир Хара сватает ханскую дочь Тюмен-Солонго за Бум-Эрдени, выбрав благополучный день и месяц, назначают свадьбу.

Герой архаического эпоса женится на суженой у тестя, который берет на себя заботы по устройству свадьбы. Таким образом, архаическим эпическим повествованиям, в том числе и ойратским эпосам, присуща матрилокальная форма брака, которая противоречила бытовой практике патрилокальной формы [Кичиков 1992: 70]. В новой ставке тестя совершается обряд бракосочетания молодых: жених и невеста, взяв в руки берцовую кость, поклонились желтому солнцу, стали мужем и женой. На свадебном пиру Бум-Эрдени, угостив хана-тестя почетным угощением, изъявляет желание вернуться в родные кочевья. Эта весть явилась сигналом для выделения приданого дочери. В ойратском эпосе в состав приданого невесты обязательно включаются «Ганджур» и «Данджур» (собрание буддийских канонических сочинений), для навьючивания этих сакральных текстов были выбраны 1 500 белых (сакральных) верблюдов, а также 1 500 желтых верблюдов — для предметов кочевого обихода. В приданое невесты также входят подданные, которые следуют за дочерью хана. Когда большая часть народа последовала за Тюк-Тюмен-Солонго, ханша обеспокоилась, что в старости останутся одинокими, поэтому она, проведя магические действия со «счастливой черной корчагой», смогла вернуть большую часть ушедших назад. По мнению А. Ш. Кичикова, манипуляция со «счастливой черной корчагой» представляет обязательный для ойратов (калмыков) обряд «оставления счастья», совершаемый в момент отъезда невесты в кочевье жениха, согласно которому родные невесты чашкой («корчагой») с маслом прикасаются к приданому, навьюченному на верблюдов [Кичиков 1992: 71].

3.9. Возвращение богатырей в родные кочевья

После женитьбы на суженой герой, получив согласие тестя на отъезд и прида-

ное, отправляется в родные кочевья. Богатырь-побратим Хаджир Хара также отправляется на родину, чтобы приказать своему народу перекочевать к Бум-Эрдени. Однако, когда Хаджир Хара вернулся домой, то увидел картину разоренного и опустошенного кочевья. Взобравшись на вершину горы, богатырь увидел, что все живые существа тянутся по дороге на запад, образовав девять черных потоков [Владимирцов 2003: 392]. Угон врагами народа оставляет устрашающий след в виде дороги или нескольких дорог. В Малодербетовском цикле калмыцкой версии эпоса враг Шара Гюргю напал на страну Джангара и угнал бумбайский народ, оставив только след:

рыжих коней табун / По одной дороге угнали. / Прославленной Бумбы страны [народ] / По семи дорогам погнали. / Ни голодной собаки, / Ни мальчика-сироты не оставив, погнали [Калмыцкий героический 2020: 307].

Богатырь Хаджир Хара ищет разгадку случившегося и находит еду (сваренную баранью ногу и черный бурдюк, полный крепкого черного вина) и пожелтевшее письмо, написанное красавицей Хара-Нюдюн, из которого он узнает, что во время его отсутствия явились два силача Хада и Харгай, сыновья Хари-Менке-Дайна, разорили родное кочевье, а народ угнали в плен. Хаджир Хара пренебрегает запретом родных — не ехать за ними, сберечь себя, «не губить свою милую жизнь» [Владимирцов 2003: 392]. Выпив крепкого вина, съев баранину, он отправляется в путь.

В ойратском эпосе мотив преодоления далекого расстояния обозначается посредством формулы «побежал-побежал, не оставиваясь ни днем ни ночью», «проскакал он так и остановился, совсем отощав; отощал он так, что на грудной дужке ворон мог бы свить себе гнездо» [Владимирцов 2003: 393]. Испытывающему трудности в пути богатырю приходит на помощь Бум-Эрдени. Богатыри-побратимы уничтожают врага, освобождают угнанный народ и возвращаются на родину.

Таким образом, герой архаического эпоса во всех элементах структуры повествования проявляет себя как чудеснорожденный богатырь, наделенный комплексом богатыр-

ских свойств, таких как храбрость, отвага, сила, ловкость, магические способности. Ойратская эпопея «Бум-Эрдени» представляет целостное биографическое повествование архаического героя, отправившегося в далекую поездку за суженой, героическими подвигами доказавший свое право на невесту, он проявляет себя как хранитель очага и защитник своего рода-племени.

4. Выводы

Рассмотрение текста ойратской эпопеи «Бум-Эрдени» в соответствии с разработанной А. Ш. Кичиковым композиционной структурой архаического эпоса (тууль-улигера) показало присутствие восьми сходных элементов, которые обозначены под номерами 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 (см.: [Кичиков 1992: 12]).

В то же время необходимо отметить, что некоторые из этих элементов имеют отличительные эпизоды: элемент под номером 7 в ойратском эпосе отличается (согласно повествованию, богатырю предназначенного коня указывает старый табунщик Ах-Сахал); элемент под номером 9 — герой не участвует в состязаниях, а выполняет «трудную задачу» тестя. Вместо первых четырех элементов типовой структуры тууль-улигера: «1. Бездетные престарелые хан и хатун»; «2. Вымаливание бездетными супругами ребенка»; «3. Чудесное рождение сына-богатыря»; «4. Наречение чудеснорожденного младенца» (см.: [Кичиков 1992: 12]) в ойратском тексте эпопеи даются описания «эпической эпохи», страны, природы, четырех видов скота и жилища.

Таким образом, основываясь на композиционной структуре тууль-улигера, разработанной А. Ш. Кичиковым [Кичиков 1992: 12], а также опытом выделения элементов сюжета в монгольских эпических повествованиях Т. Г. Борджановой и С. Ю. Неклюдова [Борджанова 1978: 15–24; Неклюдов 2019: 65–67], мы выявили 14 конструктивных элементов тууль-улигера в ойратской эпопее «Бум-Эрдэни» и рассмотрели их в сюжетной последовательности:

1. Описание «эпической эпохи»;
2. Описание страны, природы, четырех видов скота, жилища;

3. Характеристика героя;
4. Известие о предназначенном коне и суженой;
5. Поездка героя за невестой;
6. Встреча с богатырем-побратимом;
7. Борьба с мангасами и победа богатырей (освобождение страны от мангасов);
8. Свадебный пир;
9. Возвращение богатырей в родные кочевья;
10. Отправление богатыря Хаджир Хара в поход за угнанным захватчиками народом;

11. Прибытие Бум-Эрдени на помощь побратиму Хаджир Хара;
12. Уничтожение врагов;
13. Возвращение богатырей;
14. Пир.

Юный богатырь Бум-Эрдени, лучший из витязей, сын Бурхан-хана и Бурам-ханши, наследник и хозяин обширных кочевий своего отца, отправившийся на поиски суженой, сразившийся с многоголовыми чудовищами-мангасами и освободивший народ от порабощения, представляет центральный образ архаического эпоса ойратов.

Литература

- Биткеев 1990 — Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.
- Борджанова 1978 — Борджанова Т. Г. О жанровой специфике монголо-ойратского героического эпоса // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: КНИИЯЛИ, 1978. С. 15–24.
- Борджанова 1979 — Борджанова Т. Г. Проблемы поэтики монголо-ойратского героического эпоса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979. 18 с.
- Борджанова 1981 — Борджанова Т. Г. Две записи ойратской эпопеи «Бум-Эрдэни» // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1981. С. 19–26.
- Борджанова 1982 — Борджанова Т. Г. К вопросу изучения ойратской эпической традиции // Эпическая поэзия монгольских народов: исследования по эпосу: сб. науч. ст. Элиста: КНИИФЭ, 1982. С. 106–115.
- Владимирцов 1923 — Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пг.; М.: Светоч, 1923. 253 с.
- Владимирцов 2003 — Владимирцов Б. Я. Работы по литературе монгольских народов. М.: Вост. лит., 2003. 608 с.
- Жирмунский 1960 — Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Вост. лит., 1960. 335 с.
- Жирмунский 1974 — Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.

References

- Bitkeev N. Ts. Kalmyk Heroic Epic of Jangar: Ethnic Versions and Issues of Their Typology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 155 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. About genre specifics of the Oirat-Mongolian heroic epic. In: Typological and Creative Features of Jangar. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1978. Pp. 15–24. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Oirat-Mongolian Heroic Epic: Issues of Poetics. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1979. 18 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Two texts of the Oirat epic *Bum-Erdeni*. In: Ethnography and Folklore of Mongols. Elista, 1981. Pp. 19–26. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Towards the study of the Oirat epic tradition. In: Epic Poetry of Mongols. Collected scholarly papers. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 106–115. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Heroic Epic of Oirat-Mongols. Petrograd, Moscow: Svetoch, 1923. 253 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Writings on Mongolic Literatures. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 608 p. (In Russ.)
- Zhirmunsky V. M. The Legend of Alpamysh and the Heroic Folktale. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 335 p. (In Russ.)
- Zhirmunsky V. M. Turkic Heroic Epic. Leningrad: Nauka, 1974. 726 p. (In Russ.)

- Калмыцкие богатырские 2018 — Калмыцкие богатырские сказки / вступит. ст. Б. Б. Манджиевой; подгот. текстов, переложение калмыцких текстов, пер., примеч., коммент., указатели, словарь Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой. М.: Первая Образцовая типография, Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2018. 561 с.
- Калмыцкий героический 2020 — Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл / вступит. ст. Б. Б. Манджиевой; сверка текстов песен с оригиналом на «ясном письме» Б. Б. Горяевой, Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; пер. Т. А. Михалевой; примеч., коммент., словарь, указатели Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой. М.: Первая Образцовая типография, Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. 544 с. (Свод калмыцкого фольклора).
- Кичиков 1976 — Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар» (Вопросы исторической поэтики). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 156 с.
- Кичиков 1985 — Кичиков А. Ш. Архаические мотивы происхождения героя и их трансформации в версиях «Джангара» // Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil III. Vorträge des 4. Epensymposiums der Sonderforschungsbereichs 12 (Bonn, 1983) / ed. by W. Heissig. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. Pp. 301–372.
- Кичиков 1992 — Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука: Восточ. лит., 1992. 320 с.
- Манджиева 2021 — Манджиева Б. Б. Сохранность и изменяемость поэтико-стилевых слагаемых в разновременных записях песни «Шара Гюргю» эпоса «Джангар» // Монголоведение (Монгол судлал). 2021. Т. 13. № 3. С. 553–566.
- Манджиева 2022 — Манджиева Б. Б. Синьцзян-ойратские сказители: хранители эпической традиции «Джангара» // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 882–894.
- Манджиева 2023 — Манджиева Б. Б. Сюжетосложение «Песни о женитьбе Узенг Алдар-хана» из эпического репертуара ойратского сказителя Джавин Джуны // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 444–456.
- Мелетинский 1968 — Мелетинский Е. М. Едда и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 368 с.
- Мелетинский 2004 — Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
- Burykin A. A., Klyaus V. L., Kukanova V. V., Pyurbееv G. Ts. (eds.) *Kalmyk Heroic Tales*. B. Mandzhieva (foreword), T. Mikhaleva, Ts. Seleeva (text prep., indices, etc.). Moscow: Pervaya Obraztsovaya Tipografiya, 2018. 561 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts., Neklyudov S. Yu., Kukanova V. V. (eds.) *Kalmyk Heroic Epic of Jangar: The Baga Dorbet Cycle*. B. Mandzhieva (foreword), B. Goryaeva, Ts. Seleeva (text prep.), T. Mikhaleva (transl.), etc. Moscow: Pervaya Obraztsovaya Tipografiya, 2020. 544 p. (In Kalm. and Russ.)
- Kichikov A. Sh. *Heroic Epic of Jangar: A Study in Historical Poetics*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 156 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Origins of a hero in [different] versions of Jangar: Archaic motifs and their transformations. In: Heissig W. (ed.) *Fragen der mongolischen Heldendichtung. Pt. 3. Symposium proceedings* (Bonn, 1983). Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. Pp. 301–372. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. *Heroic Epic of Jangar: A Study in Comparative Typology*. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The Song of Shara Gürgü: Constancy and variability of poetic stylistic components in asynchronous texts. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13. No. 3. Pp. 553–566. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-3-553-566
- Mandzhieva B. B. Xinjiang Oirat storytellers: Keepers of the Jangar epic tradition. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 4. Pp. 882–894. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-882-894
- Mandzhieva B. B. The Song of Khan Uzeng Aldar's Marriage recorded from Oirat tale teller Javin Juna: Plot structure reviewed. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 444–456. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-444-456
- Meletinsky E. M. *The Eddas and Earliest Epic Forms*. Moscow: Nauka, 1968. 368 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. *Origins of the Heroic Epic: Earliest Forms and Archaic Narratives*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 462 p. (In Russ.)

- Михайлов 1971 — Михайлов Г. И. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 235 с.
- Михайлов G. I. Issues of Mongolic Folklore [Traditions]. Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 235 p. (In Russ.)
- Неклюдов 1984 — Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. 309 с.
- Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongols: Oral and Written Traditions. Moscow: Nauka, 1984. 309 p. (In Russ.)
- Неклюдов 2019 — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Neklyudov S. Yu. The Folklore Landscape of Mongolia: Written and Oral Epics. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)
- Пропп 1928 — Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
- Propp V. Ya. Morphology of the Folktale. Leningrad: Academia, 1928. 152 p. (In Russ.)
- Пропп 1958 — Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. Л.: Гослитиздат, 1958. 603 с.
- Propp V. Ya. Russian Heroic Epic. Second edition. Leningrad: Goslitizdat, 1958. 603 p. (In Russ.)
- Пропп 1986 — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.
- Propp V. Ya. Historical Roots of the Magic Tale. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 365 p. (In Russ.)
- Путилов 1976 — Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 243 с.
- Putilov B. N. Folklore: Methodology of Comparative Historical Research. Leningrad: Nauka, 1976. 243 p. (In Russ.)
- Путилов 1988 — Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 224 с.
- Putilov B. N. Heroic Epic and Reality. Leningrad: Nauka, 1988. 224 p. (In Russ.)
- Путилов 1999 — Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 288 с.
- Putilov B. N. Slavic Epic: Insights into Theory and History. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 288 p. (In Russ.)
- Седклин күр 1960 — Седклин күр (=Задушевный разговор). Элст: Хальмг дегтр харнач, 1960. 96 х.
- Bukshaev B. (comp.) The Heart-to-Heart Talk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1960. 96 p. (In Kalm.)
- Трояков 1977 — Трояков П. А. К вопросу об историко-генетическом изучении ранних форм эпоса // Советская этнография. 1977. № 3. С. 125–132.
- Troyakov P. A. Earliest epic forms: Towards historical genetic research. *Sovetskaya etnografiya*. 1977. No. 3. Pp. 125–132. (In Russ.)
- Тувинские героические 1997 — Тувинские героические сказания: Хунан-Кара. Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей / сост., вступ. ст., подгот. текста, подстр. пер., коммент. и словари С. М. Орус-оол; Подгот. тувинских текстов под ред. Д. А. Монгуша; пер., коммент. к пер. А. В. Кудиярова. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Orus-ool S. M. (comp.) Tuvan Heroic Tales: Khunan-Kara. Boktug-Kirish, Bora-Sheley. S. Orus-ool (foreword, transl., etc.), D. Mongush (Tuv. ed.), A. Kudiyarov (transl., comment.). Novosibirsk: Nauka, 1997. 584 p. (In Tuv. and Russ.)
- Убушиева 2021 — Убушиева Д. В. Мотивы космогонического мифа о небесном охотнике и трех маралах в фольклоре калмыков // Монголоведение (Монгол судлал). 2021. Т. 13. № 3. С. 567–576.
- Ubushieva D. V. Cosmogonic myth of heavenly hunter (Sirius) and three marals (Orion's Belt): The motifs in Kalmyk folklore revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13. No. 3. Pp. 567–576. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-3-567-576
- Убушиева 2022 — Убушиева Д. В. Савар = медведь и Кёкеде Мergen — персонажи космогонического мифа о небесном охотнике (на материале сказочно-эпической традиции калмыков) // Монголоведение (Монгол судлал). 2022. Т. 14. № 4. С. 778–787.
- Ubushieva D. V. Savar = bear and Kökede Mergen — characters from a cosmogonic myth of the heavenly hunter: Materials of the Kalmyk folktale / epic tradition analyzed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022. Vol. 14. No. 4. Pp. 778–787. (In Russ.) DOI:10.22162/2500-1523-2022-4-778-787.

Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.

Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of a Hero's Life Cycle. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center (Southern Federal University), 2006. 256 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2024. Т. 17. № 4

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 23.12.2024.

Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 26.74.

Тираж 100 экз. Заказ 31-2024.

Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8